

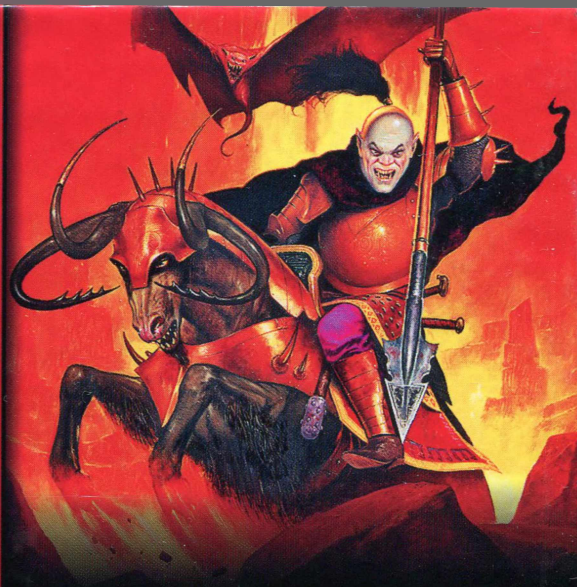
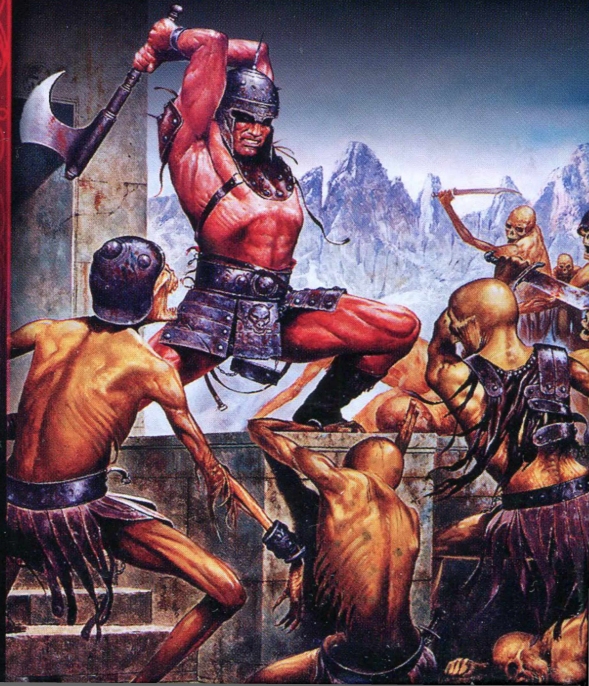
ДЭВИД
РАРЛАНД

ЛОГОВО КОСТЕЙ

ЛОГОВО КОСТЕЙ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЭВИД
РАРЛАНД

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVID
FARLAND

The Lair of Bones

ДЭВИД

ФАРЛАНД

Логово костей

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Сoc)-44

Ф24

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

David Farland
THE LAIR OF BONES

Перевод с английского В. Гончаренко, Н. Гуциной

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 20.06.08. Формат 84х108/32.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 3 000 экз. Заказ № 1783.

*Оригинал-макет подготовлен
издательством Terra Fantastica (Санкт-Петербург)*

Фарланд, Д.

Ф24 Логово костей : [фантаст. роман: пер. с англ.] / Дэвид Фарланд. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 606, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-040266-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-9350-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Мир мечи и магии. Мир боли и героизма.

Мир, в котором надежда остается даже там, где ее уже не должно бы и быть.

Мир королевств, хрупких политических союзов и маленьких, но страшных войн. Мир, коим таинственный Властелин Руи правит железной рукою — рукою власти. Мир, в котором возможно отобрать у любого его силу — и отдать ее другому. Здесь повелители обязуются не только править, но и служить. Здесь снова и снова разгорается битва с теми, кого зовут просто и странно — НЕЛЮДИ...

...Нет и не будет мира между Югом и Севером. Кто-то наконец должен одержать окончательную победу — либо признанный Верховным королем Севера могучий Габорл, поддерживаемый сытной магией супруги, прекрасной чародейки, — либо безжалостный пожиратель душ Радж Ахтен, признавший на помощь Югу проклятых чернокожих жнецов из подземных гнездовий...

Чтобы сразиться с новым врагом, король Габорн вынужден отправиться с отрядом храбрецов в самое сердце Зла — таинственное Логово костей...

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Сoc)-44

© David Farland, 2003

© Перевод. В. Гончаренко, 2008

© Перевод. Н. Гуцина, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЕНЬ НИСХОЖДЕНИЯ

**Месяц Листопада
День четвертый**

Пролог

БОИ НА УЛИЦАХ

Терпист путь истинной мудрости. Тому, кто ослеплен гордостью и одержим страстью к наживе, не дано осилить его. Лишь тот, кто вошел через врата кротости, пройдет этот путь до конца.

Пословица племени ах'келлах

Когда караван Раджа Ахтена приблизился к Слоновому Дворцу в Майгассе, казалось, будто звезды с небес падали вниз, струясь алым и золотым дождем.

В неподвижном ночном воздухе аромат пряностей с близлежащих рынков висел низко над землей. В нем улавливалось благоухание рассыпчатого черного перца из Дейазза, корицы с островов, расположенных за Авепом, и свежего кардамона.

Заменив собой запах смерти, который подобно пелене покрывал войско Раджа Ахтена, эти ароматы несли успокоение.

Воины армии Раджа Ахтена, принцы и правители Индопала, облаченные в изящные доспехи тончайшей работы, с рубинами в высоких тюрбанах на гордо поднятых головах, воздвигли мечи к небу в знак приветствия.

Армия возвращалась с победой из южных краев через земли, уничтоженные заклятиями опустошителей.

Проклятия, извергнутые опустошителями, которым запахи служили вместо слов, неотступно следовали за воинами: *«Пусть сгинут сыны человечества. Пусть станут прахом. Пусть сравняются с землей»*, — зывали они.

Вот и сейчас запахи тления — заклинания, насланные вражескими колдунами, все еще витали над войском. В сознании Раджа Ахтена запахи ассоциировались с армией гигантских опустошителей, надвигающейся из-за горизонта. Четвероногие и двурукие опустошители, пронсящие перед мысленным взором Раджа Ахтена, были похожи на гигантских насекомых наподобие богомоллов. Некоторые из них сжимали в передних лапах дубины, вырезанные из камня, огромные мечи или длинные железные прутья с крючками на конце, они ловко орудовали ими. Неумолимо надвигающаяся орда сотрясала землю, вздымая за собой тучи гри, которые с диким визгом, подобным визгу летучих мышей, металась и бились над войском опустошителей.

Во главе армии Раджа Ахтена четыре слона тащили повозку, нагруженную трофеем, — это была голова гигантского мага-опустошителя. Зрелище было потрясающее. Голова весила около четырех тонн и буквально распирала повозку. Задубевшая кожа походила цветом на кожу крокодила, а в разинутой пасти виднелись бесчисленные ряды зубов, напоминающие бледно-зеленые кристаллы. Некоторые клыки были размером с детскую руку. Ни глаз, ни ушей у чудовища не было. Вместо этого его бугристая плоская голова была обрамлена щупальцами — единственными органами осязания, заметными глазу. Болтаясь как дохлые распухшие угри, длинные щупальца подпрыгивали и дергались при каждом толчке повозки.

Вслед за слонами, возглавлявшими шествие, следовал сам Радж Ахтен, Владыка Солнца. Рабы несли на плечах налан-

кин, в нем, раскинувшись на подушках, возлежал Владыка, облаченный в сияющие белые доспехи. Изящное покрывало из прозрачного лавандового шелка подобно тончайшей паутине закрывало его лицо от толпы восторженных подданных.

По обе стороны паланкина возвышались на своих скакунах достойнейшие спутники Владыки — пламяплеты. На время они смирili бушующее в них пламя, и лишь чуть заметные струйки дыма, вырывающиеся из ноздрей, указывали на то, какая мощь скрыта внутри них. Опаленные огнем головы всех четырех были совершенно лишены волос. Особая грация и безупречная гладкость их голов указывали на неизмеримую силу, а их глаза даже во тьме ночи мерцали таинственным светом, подобным свету далекой звезды. Их одежды искрились цветами пламени — здесь было и ярко-алое полыхание горнила, и мягкое золото походного костра.

Радж Ахтен чувствовал незримую связь, соединявшую его с пламяплетами. Теперь он служил тому же господину, что и они. Их мысли, как дым витавшие вокруг, были доступны ему.

Путь войска лежал меж двух колонн из чистого золота, возносящих почти к самому небу чаши с негасимым огнем, горящим здесь уже сотню лет. Колонны служили началом Пути Правителей. Не успел паланкин поравняться с колоннами, как оглушительный рев приветствия донесся со стороны города. Многотысячная толпа прихлынула к дороге, чтобы поклониться своему правителю. Они усыпали землю розовыми бутонами и белыми лепестками лотоса, которые, дробясь под мерной поступью слонов, издавали тонкий аромат, струящийся вверх и ласкающий обоняние. Но еще милей Раджу Ахтену был запах пряных масел, доносившийся из тысяч зажженных ламп.

Толпа неистовствовала, радостно встречая своего освободителя. Жители Майгассы, как и беженцы из южных земель, —

всего более трех миллионов человек — все собрались здесь, чтобы поприветствовать его.

Завидев паланкин, люди падали на колени, пригибая головы к земле в знак почтения. Их сторбленные спины в белых рубищах из льна покрывали землю. Перемежаясь с горящими лампами, их фигуры напоминали собой круглые камни в потоке света.

Те, кому не удалось занять место поближе к дороге, стремились протиснуться вперед, продираясь сквозь толпу, чтобы хоть краем глаза взглянуть на правителя. Женщины визжали и били себя в грудь, предлагая себя Раджу Ахтену. Мужчины выкрикивали слова безмерной благодарности. Слышался испуганный плач детей.

Грянула овация. Рев приветствия поднимался над городом, подобно пламени, отдаваясь эхом на холмах, окружавших город, и даже на высоких стенах самого Слонового Дворца.

Лицо Раджа Ахтена тронула улыбка. Прошлое напомнило о себе болью. В битве при Картише он получил много ран, которые погубили бы любого, будь он менее могуч, чем Радж Ахтен. Его лицо тоже было изранено. Откинувшись на шелковых подушках, он наслаждался мягкими движениями паланкина, который слегка покачивался при каждом шаге идущих в ногу носильщиков. Испуганные голуби парили в небе над городом, кружась, как пепел над огнем. Начало дня казалось безупречным.

Но что-то мешало; темная фигура вдалеке становилась все заметнее. Среди покорно склонившихся людей лишь один человек остался стоять, возвышаясь среди толпы. На нем были серые одежды ах'келлахцев — судей пустыни. Правая нога была откинута назад, обнажая рукоятку сабли. Он не склонил головы, дерзко глядя вверх на Правителя, так что черные кольчужные кольца, служившие продолжением его простого железного шлема, спускались каскадом на плечи и спину.

Укваз? подумал Радж Ахтен. Укваз Фахаракин наконец вышел на бой? Хочет предложить поединок?

Окружавшие его крестьяне смиренно склонили головы, украдкой бросая испуганные взгляды на судью. Некоторые призывали его склониться, другие бранили за дерзость. Когда паланкин поравнялся с ах'келлахцем, Радж Ахтен поднял руку, приказывая процессии остановиться.

Звуки барабанов мгновенно стихли, и вся армия, словно один человек, встала как вкопанная. Ни один звук не нарушал повисшего над толпой гробового молчания.

Воздух готов был расколоться от напряжения. В звенящей тишине Радж Ахтен чувствовал, как его обжигает раскаленный шепот, звучащий где-то внутри. В его сознании огненные буквы складывались в слова. *Убей его. Ты способен сжечь его дотла. Пусть всякий устрашится твоего могущества.* Это пламяплеты подсказывали Правителю решение; их пылающие мысли врезались в его сознание.

Рано. Радж Ахтен отвечал им на их же языке, ибо теперь, увидев смерть так близко на поле боя в Картише, его глаза тоже пылали скрытым огнем. *Рано срывать покровы. Пока никто не должен узнать моей подлинной сущности.*

Огонь подошел слишком близко, он спалил дотла все живое в прежнем Радже Ахтене, наполнив его высшим светом. Только это было не ясное божественное свечение, а нечистое зарево духов. Его прежняя сущность погибла в огне, и из углей восстал новый человек — Скезейн, повелитель пепла.

Радж Ахтен знал многих из ах'келлахцев. Не Укваз стоял перед ним сейчас. Путь ему преграждал его собственный дядя со стороны отца, Хасаад Ахтен.

Это не Укваз — Радж Ахтен почувствовал сожаление.

Укваз прислал другого, и этот другой был дядей самого Раджа Ахтена.

Тысячи подданных пожертвовали Раджу Ахтену свои голоса, голоса лучших певцов и ораторов. Когда он заговорил,

сила его голоса могучей волной захлестнула толпу. Его голос, нежный, как цветок персика, и жестокий, как клинок, приказал:

— Поклонись мне!

Миллионная толпа распласталась на земле. Они прижимались к ней, как бы стремясь смешаться с грязью.

Хасаад остался стоять. В его глазах пылал гнев.

— Я пришел дать тебе совет, племянник,— сказал Хасаад,— чтобы еще больше увеличить твою мудрость. Мои слова послужат твоему благу.

Говоря так, Хасаад хотел убедить толпу в своей правоте. Обычай предписывал, что даже Радж Ахтен, великий правитель народов Индопала, не имеет права убить старшего родственника, который стремился только дать совет.

Хасаад продолжал:

— Говорят, ты уже отдал приказ войскам на границе Рофехавана начать войну.

Хасаад старался выкрикивать слова как можно громче. Его голос звенел над толпой. Однако слова Хасаада, принявшего всего два дара голоса, были не в состоянии даже в малой мере затронуть струны души людей так, как это делали слова, произносимые Раджем Ахтенем.

— Опустошители разорили наши поля и сады во всех Алмазных королевствах. Народ голодает. Разумно ли посылать людей на войну, когда они могли бы принести больше пользы, обеспечивая народ едой?

— В Рофехаване найдется еда,— рассудительно отвечал Радж Ахтен.— Тот, кто достаточно силен, сумеет прокормить себя.

— А в Картише ты послал миллионы крестьян рыть рудники, добывая из земли кровавые металлы для того, чтобы ты мог приобрести еще больше даров,— продолжал Хасаад.

— Мосму народу необходим сильный правитель, чтобы победить опустошителей,— сказал Радж Ахтен.

Хасаад ответил:

— Ты многие годы загребал себе силы других, заявляя, будто лишь стремишься избавить свой народ от опустошителей. И вот опустошители повержены. Ты провозгласил победу над правителями Подземного Мира. Однако победа над опустошителями — это не то, чего ты хочешь. Украв еду у Рофехавана, ты заставишь его народ отдать дары.

В его голосе слышался упрек.

— Сожги его, не медли, — выплевывали слова пламяплеты.

Топом, в котором сквозила горечь оттого, что к нему обращались в такой озлобленной манере, Радж Ахтен ответил:

— Да, мы выиграли две битвы с опустошителями. Но нас ждут новые великие сражения.

— Как можешь ты знать это? — спросил Хасаад. — Откуда ты знаешь, что опустошители снова будут атаковать?

— Мой пиромант увидел это в языках пламени, — Радж Ахтен указал рукой на пламяплету, едущего справа. — Скоро разгорится великий бой, ужаснее которого еще не было. Опустошители тысячами хлынут из Подземного Мира. Я отправляюсь в Рофехаван — добыть еду для людей и сражаться с опустошителями во имя моего народа. Пусть каждый, у кого есть лошадь, отмеченная рунами силы, пойдет со мной. Я приведу вас к победе!

Из толпы слышались крики одобрения, однако Хасаад не сменил своей вызывающей позы.

Как он смеет! подумал Радж Ахтен.

— Глупо преследовать народ Королевы Подземного Царства, — сказал Хасаад. Твоя алчность не знает границ, так же как твоя жестокость. В тебе не осталось ничего от человека. Тебя следует умертвить, как дикого зверя.

Радж Ахтен сорвал покрывало, закрывавшее его лицо, и вздох всеобщего изумления поднялся над толпой. Колдовские огни в Картише спалили дотла все волосы на его голове, не оставив даже бровей. Пламя сожгло его правое ухо и

опалило зрачок правого глаза, который теперь сиял молочной белизной. Вдоль линии подбородка была видна белая полоса выпирающей кости.

Волна ужаса пробежала по толпе — казалось, сама смерть глядела из глаз Правителя.

Но тот, кто как Радж Ахтен принял тысячи даров обаяния, приобретал божественную неуловимую красоту, перед которой невозможно было устоять, так же как невозможно было определить и понять ее сущность. В мгновение ока взглясы ужаса сменились восторженными вздохами.

— Как смеешь ты говорить это после всего, что я выстрадал ради тебя! — проревел Радж Ахтен. — Преклонись перед моим вслочием!

— Не может быть великим тот, кто чуждается скромности, — прозвучал в ответ певучий голос Хасаада.

Он говорил спокойно, с достоинством, присущим ах'келлахцам.

Радж Ахтен понял, что должен положить конец этому противостоянию. Хасаад попытается настроить толпу против правителя после его ухода, когда мощь голоса Раджа Ахтена станет лишь воспоминанием.

Жестокая улыбка заиграла на лице правителя. Убить Хасаада он не мог, но мог заставить его замолчать.

— Принесите мне его язык! — приказал он.

Хасаад схватился за рукоятку меча. Он почти успел выхватить меч из ножен, но тут один из коленопреклоненных слуг Раджа Ахтена дернул Хасаада за щиколотки, так что тот растянулся на земле. Тут же сверху на него навалились преданные правителю крестьяне. Борьба была недолгой. Один запрокинул Хасааду голову, другой разомкнул кинжалом стиснутые зубы. Криво полоснуло лезвие клинка, хлынула кровь.

Через мгновение прекрасная молодая девушка подбежала к Раджу Ахтену. В руках она сжимала кусок окровавлен-

ной плоти, держа его в обеих ладонях, словно подарок, подносимый в знак особого уважения.

Радж Ахтен брезгливо, двумя пальцами взял теплый еще язык, показывая свое презрение к этому комку плоти, похожему на выплюнутый недожеванный кусок мяса. Он швырнул его на пол паланкина и придавил ногой, обутой в расшитую золотом туфлю.

Крестьяне, горой навалившиеся на Хасаада, не давали ему дышать. Радж Ахтен два раза стукнул рукой о край паланкина, приказывая процессии двигаться дальше.

— К конюшням, — произнес он. — Я еду на войну.

За процессией, направляющейся к Слоновому Дворцу, следила группа одетых в черное людей, скрывающихся в полумраке спальни одной из гостиниц. Их предводитель, Уквас Фахаракин, негромко сказал остальным:

— Радж Ахтен избрал путь войны, и он его не оставит. Его люди слишком ослеплены блеском его величия, чтобы видеть, кто он есть на самом деле.

Уквас прислушался к себе.

Долгие годы он, подобно другим, был ослеплен славой Раджа Ахтена. Даже сейчас Уквас боролся с желанием пасть ниц перед чудовищем вместе с остальными. Но Радж Ахтен больше не заслуживал этого. Стремясь погубить Королеву Подземного Царства, он убивал своих собственных людей, среди которых был и племянник Укваза. За это убийство Раджу Ахтену придется поплатиться. Уквас происходил из благородного племени ах'келлах, судей пустыни. Язык, на котором они говорили, не знал слова «прощение».

— Как нам остановить его? — прошептал один из товарищей Укваза.

— Мы должны сорвать с него пелену славы.

— Но как нам попасть в его бастионы? — спросил другой. — Мы уже однажды пытались убить его Посвященных, теперь проникнуть туда будет нелегко.

Укваз задумчиво кивнул. В его голове созрел план. Земля в Картише была заколдована опустошителями. На сотню миль вокруг все растения погибли. Южным провинциям грозил голод.

Это вынудило Раджа Ахтена переместить большинство своих Посвященных на север, в Чузу, неприступную крепость в Дейаззе. Считалось, что всякий, обладающий здравым смыслом, не станет и помышлять о том, чтобы пробраться туда, ведь сломать могучие двери или забраться на отвесные стены было невозможно.

— Едем в Чузу! — сказал Укваз своим людям. — Радж Ахтен ненасытен, и в этом его главная слабость. Я покажу вам, как обернуть против него его собственную жадность.

Глава 1

ПАСТЬ МИРА

Испокон веков Рофехаван был окружен морями с северной и восточной сторон; на Западе он граничил с горами Хест, а на Юге — с горами Алькайр. Стремясь защитить сей благодатный край от возможного вторжения, Эрден Геборен заключил соглашение с королями Древнего Индонала и со старейшинами Инкарры. Он установил юго-восточную границу своих владений в том месте, где сходились три великих царства, в местности настолько густой, что никто не пожелал бы владеть ею: на входе в обширное и древнее поселение опустошителей, называемое Пасть Мира.

Из «Истории Рофехавана», написанной Хозяином Очага Редельфом.

— Вот ты где! — воскликнул кто-то. — А то я уже начал беспокоиться. Сколько можно ждать! Уже несколько часов здесь сижу.

Аверан проснулась. Она узнала голос волшебника Бизнесмана. Открыв глаза, она поняла, что лежит в повозке, наполненной ароматным свежескошенным сеном. Подушкой ей служил рюкзак Габорна, в котором лежала сбруя. Аверан чувствовала ломоту во всем теле. Все мышцы у нее болели, как от тяжелой физической работы. В глазах рябило. Она снова закрыла глаза и инстинктивно протянула руку туда, где лежал ее посох, ее драгоценный посох из черного дерева. Прикоснувшись к посоху, она почувствовала, как мощная волна скрытой в нем энергии, вырвавшись наружу, прокатилась под ее рукой.

Габорн ответил:

— Я спешил изо всех сил и успел бы в срок, если бы не лошадь. Она тащилась еле-еле и была на последнем издыхании, поэтому пришлось выпрячь беднягу и оставить на попечение возникшего.

— Значит, Король Земли пожалел лошадь, а своих сил не пожалел и решил сам впрячься в повозку?— мягко отчитывал товарища Бизнесман, переживая, что Габорн взвалил на себя непосильную ношу.— Даже у того, кто обладает многими дарами, силы не безграничны, будь то человек или лошадь.

И Бизнесман засмеялся:

— Ты похож на старого фермера, который тащит на базар воз брюквы.

— Подумаешь, каких-то тридцать миль,— ответил Габорн.— А мой груз намного ценнее, чем брюква.

От этих слов Аверан вздрогнула. Ее сонливость мигом улетучилась. Сон ее был очень крепким, и, проснувшись, она не сразу сообразила, что находится в повозке, которую тащит сам Король Земли.

— Давай впряжем моего коня,— предложил Бизнесман.

Повозка остановилась. Волшебник слез с лошади и расседлал ее.

Аверан взглянула наверх. Небо было похоже на купол из звезд, которые словно стремились затопить всю землю светом. Еще целый час оставался до того момента, когда солнце появится над горизонтом, а свет уже струился над снежными пиками гор Алькайр подобно расплавленному золоту. Глядя вверх, Аверан не могла понять, откуда исходит этот свет. Казалось, он просочился из высших сфер.

Лесное зверье тоже было сбито с толку этим обманом небес. Было так светло, что казалось, день уже наступил. Трели утрепных птиц раздавались все громче, наполняя собой прохладный воздух: гортанно кричал лесной голубь, пели жаворонки, бездумно трещала сорока.

Вдоль дороги теспились голые холмы. Их склоны, покрытые пшеничными полями, отражали лунный свет. По склонам тут и там торчали унылые дубы, сбросившие листья, их голые ветви напоминали короны. Вдали резко ухала сова. Протекавший где-то поблизости ручей давал о себе знать запахом свежести и влаги, хотя звука бегущей воды слышно не было.

Аверан наблюдала за непрекращающимся звездопадом. Яркие светящиеся точки описывали на небе дуги во всех направлениях, оставляя за собой искрящиеся дорожки.

— Как Аверан? Она здорова? — осторожно спросил Биннесман.

— Ей пришлось многое пережить, — ответил Габорн. — Целый день стояла она как вкопанная напротив Прологателя Путей, воздев к небу свой посох, пытаясь заглянуть в сознание этого чудовища. Она обливалась потом, словно трудилась у горнила. Я уже опасался, что она не вынесет этого испытания.

— Значит, ей удалось узнать дорогу в... в Логово Костей?

— О да, — ответил Габорн. — Беда лишь в том, что это Логово находится глубоко под землей, в Подземном Мире, и Аверан не сможет описать тропу, ведущую туда. Ей придется

пойти с нами — если ты, конечно, согласишься сопровождать меня.

— Если?.. — удивился Бизнесмен. — Разумеется, я пойду с тобой.

— Хорошо, — сказал Габори. — Мне потребуется твоя помощь. Не хочу возлагать на плечи этой юной девушки непосильную ношу.

Аверан закрыла глаза, притворяясь спящей. Она испытывала одновременно стыд и радость от того, что ей удалось подслушать их разговор. Она, пока еще дитя, была единственным человеком в мире, кто научился понимать язык опустошителей, злейших врагов человечества.

Габори понимал: Аверан пришлось пройти через мучительное испытание, чтобы прочесть мысли Прологателя Путьей. Но даже сам Габори не догадывался, какие невыносимые страдания ей пришлось претерпеть. Аверан казалось, будто голову ей стянули стальным обручем так сильно, что кости черепа готовы расколоться в любую минуту. Сотни тысяч, а может, миллионы запахов заполнили ее сознание — запахов, которые хранили названия туннелей и их расположение в бескрайнем Подземном Мире, — запахов, некоторые из которых передавались среди опустошителей из поколения в поколение. Перед мысленным взором Аверан проносились туннели и ходы Подземного Мира, соединявшие различные пещеры, подобно широким артериям. Подземный Мир состоял из десятков тысяч туннелей, ведущих к рудникам и каменоломням, к фермам и охотничьим угодьям, к кладовым, где хранились яйца, а также к пещере, которая служила кладбищем. Туннелей, которые вели к смертельной опасности и древним как мир чудесам.

Целой жизни не хватило бы, чтобы начертить план Подземного Мира, думала Аверан.

Вот и сейчас ее мучил страх, что ей не удастся удержать всю эту информацию в голове, ведь мозг человека в десять

раз меньше, чем мозг опустошителя, человеческому разуму не вместить столько знаний. Главное, суметь вспомнить дорогу к Логову Костей.

— Я должна помнить,— повторяла Аверан вновь и вновь.— Я должна помочь Габорну победить Великую Истинную Хозяйку.

Послышался хруст шагов по гравию дороги. Аверан постаралась дышать легче. Отдых был ей сейчас необходим. Она надеялась продлить его, притворяясь спящей.

Биннесман положил свое седло на крышу повозки.

— Бедное дитя! Взгляни — спит сном младенца,— сказал он.

— Пусть спит,— прошептал Габорн. Его обычно властный голос прозвучал мягко и приглушенно. Так говорит человек, переживающий за своего друга, попавшего в беду, а не король, привыкший отдавать приказы.

Биннесман молча принялся впрягать лошадь в повозку.

— Что еще слышно об опустошителях?— поинтересовался Габорн.

— Разное. Есть хорошие и плохие вести. Мы гнались за ними весь день. Спасаясь от погони, чудовища сотнями падали замертво от изнеможения. Тех же, кто отставал от бегущего войска, ждала неминуемая смерть от наших мечей. От всего войска опустошителей осталось от силы несколько тысяч. Но стоило им добраться до долины Дрейксфлад, опустошители ушли под землю, прорыв ходы в песке. Это случилось около полудня. Наши окружили их на случай, если те попытаются сбежать. Больше пока невозможно ничего предпринять.

В голове Аверан мгновенно возникли образы чудовищ в Дрейксфладе. Опустошители, ростом более шестнадцати футов и двадцать футов в длину, передвигавшиеся на четырех ногах, выставив вперед два рукообразных щупальца, напоминали исполинских скорпионов. Своей головой, имеющей

форму лопаты, опустошитель способен прокладывать себе дорогу под землей, проталкивая мордой почву вперед и протискивая затем туловище в образовавшийся ход. Таким же образом, наверное, они вкопались в песок в Дрејксфладе. Этот маневр, несомненно, обеспечил им хорошую защиту от мечей их преследователей.

— Пока ты рассказал мне только хорошие новости. Теперь выкладывай плохие, — тяжело вздохнув, изрек Габорн.

Бизнесмен продолжал:

— У Пасти Мира мы обнаружили ходы, прорытые опустошителями, ведущие внутрь. Похоже, три опустошителя пробурили туннели в горах после битвы при Каррисе. Каким-то образом они ухитрились обойти наши патрули.

— Клянусь Семью Камнями! — воскликнул Габорн. — Как думаешь, скоро они доберутся до своего логова?

— Это невозможно предугадать, — так же мрачно ответил Бизнесмен. — Наверняка они уже поведали своей королеве о том, как ты побил их армию в Каррисе, и, возможно, она уже обдумывает, как бы на это ответить.

Высказав свои соображения, Бизнесмен помолчал.

— Но как же им удалось пробраться через мои патрули? — изумился Габорн.

— Боюсь, это было несложно, — ответил Бизнесмен. — После битвы при Каррисе орда спасалась бегством сквозь ночь и ливень. Дождь лил как из ведра, лавиной обрушиваясь на спины беглецов. Непроглядная ночь служила им укрытием. Лишь короткие вспышки молний прорывались на мгновение сквозь угольную темноту, освещая бегущее войско. Не мудрено, что этим трем удалось оторваться и исчезнуть в ночи, не успели мы и глазом моргнуть.

Когда лошадь была впряжена, Габорн и Бизнесмен вскарабкались на козлы. Габорн присвистнул, и лошадь, отмеченная рунами силы, бодро затрусила по дороге.

— Не нравится мне это, — сказал Габорн.

Бизнесман промолчал. Казалось, он о чем-то сосредоточенно думает. Наконец он вздохнул:

— Берегись Логова Костей. Берегись Великой Истинной Хозяйки! Когда я думаю о ней, мое сердце переполняется дурным предчувствием. Еще никто не достигал такого мастерства в искусстве рун, как это чудовище.

— Думаешь, она что-то замышляет?

— Тысячу семьсот лет назад, когда Эрден Геборен вел войну в Подземном Мире, с кем он сражался?

— С опустошителями,— ответил Габорн.

— Да, все так считают. А я думаю, дело было не так. В библиотеке короля Сильварреста хранятся древние свитки, написанные рукой самого Эрдена Геборена. В них он завещал людям сражаться не с опустошителями, но с другим, более опасным противником, которого он называет *локус*. Думаю, он имел в виду одного конкретного опустошителя. Возможно, того самого, кого Аверан называет Великая Истинная Хозяйка. Хотя трудно представить себе, чтобы какой-нибудь опустошитель мог бы прожить так долго.

— Ты думаешь, это существо не из нашего мира?

— Может статься,— сказал Бизнесман.— Я много думал над этим вопросом. Возможно, в Другом Мире существуют опустошители более ловкие и могучие, чем те, которых мы знаем. Возможно, здешние опустошители — не более чем тени тех, настоящих. Так же, как мы — всего лишь тени Светлейших из Другого Мира.

— Эта мысль поистине отрезвляет,— изрек Габорн. Волшебник и Король Земли некоторое время ехали молча. Аверан снова откинулась на подушки и закрыла глаза. Сознание ее было переполнено. Дорога все время вела вниз, и они продолжали спускаться. Вдруг Габорн резко остановил лошадей. Аверан приподнялась на локте и украдкой выглянула из повозки. Она увидела впереди маленький городок, представлявший собой скопление небольших серых домиков с

черспичными крышами. Аверан узнала в нем Честертон. Здесь дорога разветвлялась. Одна вела почти строго на Восток, в сторону Морского Подворья, другая — на юго-запад, по направлению к форту Хаберду и далее к Пасти Мира.

Над их головами небо прорезал огромный огненный шар, плюясь во все стороны языками красного пламени. Приблизившись к горам Алькайр, он внезапно взорвался и раскололся надвое. Осколки упали на покрытые снегом вершины гор, до которых оставалось уже не более тридцати миль. Земля содрогнулась, и пару минут спустя до их слуха дошел звук, напоминающий отдаленный гром, многократно отраженный горным эхом.

— Земля в беде, — прошептал Бизнесман. Аверан услышала восторженный крик ребенка. На лужайке перед ближайшим к ним домиком стояла женщина, окруженная тремя девочками. Девочки, каждая не старше шести лет, смотрели на небесное чудо с изумлением.

— Красиво! — проговорила самая младшая из них, указывая пальчиком на огненный хвост, протянувшийся за летящим шаром.

Девочка постарше радостно захлопала в ладоши.

— Ах, это был самый лучший из всех, — воскликнула мать.

За исключением этих четверых на лужайке, весь город был погружен в дремоту. Крестьяне не вставали до тех пор, пока коровы не начинали мычать, требуя, чтобы их подолли.

Габори повел повозку через город. Девочки и мать провожали их взглядом.

Теперь земля тряслась под их ногами, как старая больная собака. Прав был Бизнесман: звездопад и землетрясения были не единственными знаками, говорившими Аверан о том, что земля больна. Были и другие, едва различимые приметы и предзнаменования, которые были доступны, пожалуй, только тем, кто, как Аверан, любил землю всей душой. Она уже давно чувствовала, что с природой творится

что-то неладное. Ступая по траве, бродя среди холмов, она переживала вместе с землей ее боль.

Наконец, Биннесман нарушил молчание:

— Габорн, ты говоришь, что пуждаешься в моем совете. Поэтому позволь сказать тебе: ты слишком много взял на себя. Ты собираешься отыскать Логово Костей, проникнуть туда и убить Великую Истинную Хозяйку. Но война-то не твое призвание. Ты не воин, ты — Король Земли, ее заступник. Ты затеваешь войну с опустошителями, в которой должны погибнуть, возможно, тысячи. Тем самым ты ставишь на карту судьбу не только одного человечества. Птицы в листве, мыши в полях, рыбы в море — жизнь, все формы жизни, возможно, погибнут вместе с нами. Земля в беде.

— О, как бы я хотел помочь этой беде, излечить боль земли! Но как это сделать?— воскликнул Габорн.

— Земля не зря избрала тебя. Кто знает, может быть, вместе мы отыщем правильное решение,— отвечал Биннесман. Повозка катилась дальше по дороге, а Аверан продолжала лежать с закрытыми глазами, притворяясь спящей. На сердце у нее было тяжело.

А что будет со мной? думала Аверан. Как и всякому «пилоту» ей часто приходилось улетать далеко от дома, и она открыла для себя такие места на земле, которые полюбила всем сердцем, куда ей хотелось возвращаться снова и снова. Она вспомнила озерцо с чистой прозрачной водой, окруженное соснами, высоко в горах Алькайр. Вспомнила она и белые песчаные дюны в сорока милях к востоку от Хаберда; как она играла в этих дюнах, скатываясь вниз с холмов. Она взбиралась на крутые горные вершины, где не ступала еще нога человека, и любовалась с высоты на раскинувшиеся во все стороны поля и леса, зеленой пеленой покрывавшие всю землю вокруг. Аверан любила землю. Любила ее так сильно, что готова была посвятить служению ей всю свою жизнь.

Вот что значит быть преемницей Охранителя Земли, поняла Аверан.

Так Аверан предавалась своим мыслям, а повозка все катилась сквозь ночь. Внезапно повозка остановилась напротив пещеры, где были привязаны десятки лошадей. Внутри пещеры весело потрескивал огонь и слышалась залихватская песня.

— Аверан, проснись! — мягко произнес Габорн, — мы у Пасти Мира.

Аверан приподняла голову, и Габорн взял свой мешок с доспехами, служивший ей все это время подушкой. В мешке помимо всего прочего лежал и его боевой молот с длинной рукояткой.

Бизнесмен поднялся на ноги и заковылял к пещере, используя свой посох вместо костыля.

— Этой ночью мне приснился странный сон, — прошептала Эрин Коннал Селинору, когда они спустились к ручью напиться.

Ручей этот протекал в Южном Кроутене, примерно в тысяче миль к северо-востоку от того места, где находилась Аверан. До рассвета оставалось еще по меньшей мере полчаса, а небо уже тлело серебром на горизонте. Предрассветный воздух был наполнен прохладой, землю покрывала обильная роса.

— Странный сон, — повторила Эрин.

Она с подозрением взглянула на рыцарей из Южного Кроутена, сворачивавших лагерь неподалеку. Капитан Гантрелл, худощавый темноволосый человек с фанатичным блеском в глазах, подгонял своих людей, надоедая им указаниями, словно забыв о том, что сворачивать лагерь — самое привычное дело для солдат.

— Сметите грязь с той палатки перед тем, как класть ее в повозку! — говорил он к одному солдату. — Ты неправильно заливаешь костер! — кричал он другому.

В ответ он получал лишь угрюмые взгляды. Эрин было ясно, что войско его недолюбливает.

Только теперь, когда все вокруг были заняты своей работой, Эрин впервые с прошлой ночи решилась поговорить с мужем. Удостоверившись, что никто не обращает на них внимания, они спустились к воде. Здесь можно было спокойно разговаривать, не боясь быть услышанными.

— Тебе приснился сон?— переспросил Селинор, слегка приподнимая бровь.— А что в этом необычного?— он беззаботно опустил свою флягу в мелкий поток, будто не замечая, что они окружены людьми Гантрелла, которые обращались с наследным принцем и его молодой женой как с пленниками.

— Мне кажется, это был не просто сон,— призналась Эрин.— Я думаю, это было видение,— Эрин задержала дыхание, ожидая его реакции. Насколько она знала, каждый, у кого были видения, проявлял и другие признаки сумасшествия.

Селинор помолчал, глядя в кружку.

— Кем было послано это видение?— тяжело спросил он наконец.

Он ничего не хотел знать о безумных видениях своей жены.

— Помнишь, как вчера я уронила свой кинжал в круг огня в Твинхавене? Едва огонь коснулся кинжала, тот исчез. Он прошел через врата в Другой Мир.

Селинор кивнул, но промолчал. Он смотрел на нее с подозрением, но не хотел прерывать ее рассказ.

— Ночью мне приснилось некое существо из Другого Мира, похожее на огромную сову, живущую в пещере под раскидистым деревом. Она держала мой кинжал в клюве и разговаривала со мной. Она меня предостерегала.

Селинор наполнил кружку и перевел дыхание. Как и большинству людей, ему становилось не по себе, когда речь заходила о Другом Мире. Другой Мир был населен легендарными

существами, такими как Светлейшие, но также и легендарными чудовищами, такими как ящерицы, которых пламя-плеты Раджа Ахтена вызвали в Лонгмоте, или Темный Победитель, которого они впустили в Твинхаван.

— И о чем это...существо предупредило тебя?

— О том, что Темного Победителя нельзя истребить. В его теле сокрыт нечистый дух, сущность настолько угрожающая и ужасная, что вселяет страх даже в сердца Светлейших. Имя этому созданию локус, а все вместе они называются локи. Из всех локи этот — один из самых могущественных. Имя ему Асгарот.

— Если ты убеждена, что этот Асгарот опасен, то почему ты говоришь шепотом? Почему не сказать об этом открыто, не прокричать всему миру, предупреждая об опасности?

— Потому что Асгарот может быть рядом,— прошептала Эрин.

По стволу ближайшего к ним дерева стремительно взлетела белка и пропала в ветвях. Эрин бросила быстрый взгляд в сторону дерева и продолжала:

— Можно только уничтожить тело, которое служит пристанищем этому духу. Так, как Миррима умертвила Темного Победителя. Но истребить Асгарота невозможно. Оторвавшись от тела, локус ищет нового хозяина, недоброго человека или животное, в котором он может поселиться, чтобы управлять им.

Она помолчала, давая ему возможность подумать над ее словами.

— Когда Миррима убила Темного Победителя, смерч поднялся в воздух над его останками. Поднялся и понесся на восток, в сторону Южного Кроутена.

Селинор метнул в ее сторону гневный взгляд:

— Ну и что?

— Ты говорил, у твоего отца были приступы одержимости...

— Может, мой отец и безумен, но никто не посмеет сказать, что он недобрый человек!— отрезал Селинор.

— Ты же сам рассказал мне, как дальновидца твоего отца нашли мертвым,— напомнила Эрин.— Твой отец мог убить его в приступе помешательства. Или это был поступок недоброго человека.

— Я вовсе не уверен, что именно он убийца,— сказал Селинор.— Тому нет доказательств. Кроме того, мой отец начал вести себя странно еще до того, как колдуны Раджа Ахтена вызвали Темного Победителя. Даже если твое видение было правдивым и этот «локус» действительно существует, это не дает тебе никаких оснований подозревать моего отца.

Селинор даже и думать не хотел о том, что его отец одержим. Эрин не винила мужа. Однако и то, что странное поведение его отца было замечено уже давно, не подлежало сомнению.

Эрин не находила себе места. Сова из Другого Мира показала ей локус, зловещую тень, которая, поселившись в одном человеке, распространяла свои щупальца по всему миру; щупальца зла и мрака, которые могли опутать любого. Они заползали внутрь людей, одурманивая их сознание и наполняя человека своей собственной порочной сущностью.

Сети зла, сплетенные локусом, неотвратимо расползались по земле, проникая в сердца, подчиняя себе сознание каждого, кто попался в эти сети, заставляя людей враждовать с себе подобными.

Эрин никогда раньше не встречала Гантрелла, однако исступленный блеск в его глазах и то, как он заставлял своих людей сторожить Селинора, наследного принца, словно тот был пленным шпионом, наводило ее на мысль, что канитан попал под влияние локуса.

Отец Селинора тоже не давал ей покоя. Он провозгласил себя Королем Земли. Он что-то замышлял против Габорна, распространяя о нем сплетни, подстрекая против него

правителей отдаленных земель, которые должны были стать союзниками Габорна.

Если даже Астарот и не вселился в отца Селинора, его отец в любом случае представляет собой опасность.

— Что это вы тут уединились?— послышался голос капитана Гантрелла.

Он подошел как бы невзначай, пытаясь кривой ухмылкой прикрыть недоброжелательность и подозрение.

— Обдумываем, как бы нам сбежать обратно во Флидз,— сообщила Эрин издевательским тоном.

— Не слишком хорошая идея,— сказал Гантрелл, пытаясь поддержать шуточный тон.

Получилось фальшиво. Эрин давно заметила, что чувство юмора у него совершенно отсутствует.

Гантрелл с одобрением взглянул на своих рыцарей, которые уже оседлали коней и были готовы выступать.

— Что ж, пора отправляться пока еще прохладно,— изрек он.

Эрин заставила себя улыбнуться, хотя ее беспокойство насчет Гантрелла все нарастало. Чутье подсказывало ей: вместо того чтобы вежливо улыбаться ему, словно какому-нибудь надоедливому поклоннику, лучше было бы вспороть Гантреллу брюхо и повесить его на собственных же кишках.

Эрин, изнемогая от недостатка сна, вскарабкалась на лошадь, и отряд двинулся в путь в предрассветных сумерках. На пути им тут и там попадались небольшие отряды рыцарей, направлявшиеся на юг. Отряды сопровождали кузнецы, прачки и эсквайеры. Все они восседали на телегах, которые с трудом тащились по пыльной дороге. Рядом с ними громыхали повозки с военной амуницией: мечами, стрелами, палатками; здесь же была провизия — одним словом, все, что было необходимо для длительной военной кампании.

Когда они миновали караван из двадцати баллист на колесах, которые тянули лошади, отмеченные рунами силы, Эрин не удержалась и спросила у Гантрелла:

— Солнце еще не взошло, а все войска уже пришли в движение. К чему такая спешка? На какую страну вы собираетесь напасть?

— Напасть, Ваше Высочество?— удивился Гантрелл.— Это всего лишь обычная перегруппировка наших оборонительных постов.

Он подъехал так близко, что ей пришлось направить свою лошадь в сторону, чтобы не задеть его.

— Если бы вы боялись вторжения, то укрепляли бы оборонительные сооружения, а не сгоняли войска к южной границе. Так на кого вы собираетесь пойти войной?

— Не могу сказать, миледи,— ответил Гантрелл с усмешкой, которая привела Эрин в бешенство.

Они ехали все утро. Лошади резво бежали по утренней прохладе. Доспехи рыцарей звенели подобно звукам цимбал под барабанную дробь копыт, будто аккомпанируя какому-то торжественному гимну.

От усталости Эрин ехала как во сне, постепенно теряя чувство реальности. Южный Кроутен по праву считался красивой местностью: вокруг было настоящее пиршество красок, деревья на склонах холмов словно соревновались, чьи осенние листья ярче. Тут и там из-за поворота открывался дивный вид, от которого захватывало дух. Она заметила живописный каменный домик, притаившийся под раскидистым дубом; корову, пасущуюся рядом с амбаром, за которым виднелся бесконечный каменный забор. Забор тянулся и тянулся до тех пор, пока Эрин не подумала, что уже никогда больше не увидит ни домика, ни коровы, ни луга, ни дерева.

Ее глаза резало от усталости. *Надо дать им немного отдохнуть*, подумала она, закрывая глаза. *Просто надо отдохнуть. Я не засну*, твердила она сама себе.

Эрин боялась, что может сойти с ума. Сны, которые она видела всякий раз, когда начинала дремать, были настолько явственными, что ей казалось, будто ее лошадь скачет через этот сон. Она думала, стоит ей заснуть покрепче, как она окажется в мире более реальном, чем тот, который окружает ее и лошадь сейчас.

Ей приснился сон, даже не сон, это была лишь короткая вспышка, видение, образ огромной совы в темном дупле. Она снялась со своего прежнего гнезда и теперь пряталась в тени. Серо-белый узор на ее крыльях был похож на мертвые листья, наклепленные прямо поверх костей.

Эрин пристально взгляделась в вытаращенные золотистые глаза совы и сказала:

— Оставь меня в покое. Я не хочу говорить с тобой.

— Ты боишься меня, — ответила сова.

Она обращалась к Эрин не с помощью слов, а скорее с помощью мыслей, которые пронзали сознание Эрин, окрашивая ее ощущения в бесчисленное количество оттенков, не поддающихся описанию простыми словами. Эти мысли открывали перед Эрин тайные врата ее подсознания, пробуждая предчувствия и интуицию.

— Не надо бояться меня. Я не враг тебе.

— Ты — мое безумие, — ответила Эрин, изо всех сил стараясь проснуться. Видение померкло и растворилось.

Не успело солнце показаться над горизонтом, как капитан Гантрелл прокричал:

— Воой-ско, стой!

Эрин открыла глаза, решив, что они остановились лишь для того, чтобы пропустить очередной караван повозок. Однако вместо повозок она увидела в стороне от дороги тихий маленький пруд, укутанный утренним туманом, и нависающий над ним павильон, окрашенный в цвета королевской семьи — лиловый с золотой окантовкой.

Король Андерс собственной персоной, обнаженный по пояс, стоял на коленях возле пруда и совершал утреннее омовение холодной водой. Когда король поднялся, он показался Эрин изможденным. Это был высокий и худой человек, голова его представляла собой обтянутый кожей череп с редкой порослью на подбородке.

Его Хроно, историк, который вел летопись жизни короля, стоял неподалеку. Он был занят тем, что чистил коня, готовясь к поездке.

Тут же сидела на корточках полная пожилая женщина, одетая в серые лохмотья. Со всех сторон ее окружили белки, затеявшие веселую игру. Женщина раскалывала своими заскорузлыми пальцами лесные орехи, подбрасывала их вверх и смотрела, как белки устраивают на них охоту. Они скакали по ее плечам, взбирались ей на колени, пытались поймать орех, пока тот не коснулся земли.

Селинор тронул Эрин за локоть и, кивнув в сторону женщины, объяснил:

— Это Ореховая Женщина, Охранительница Земли из Элианского леса.

Эрин, еще не стряхнувшей с себя остатки сна, увиденная сцена показалась одной из самых странных в ее жизни.

Значит, это и есть безумный король Андерс, подумала она, снова разглядывая худосочного всклокоченного лорда,— человек, которого мне, скорее всего, придется убить.

Он вовсе не выглядел устрашающе.

Король слегка повернулся и, нахмурившись, глядел на приближающееся войско, видимо недовольный тем, что его отвлекают от утреннего омовения. Однако стоило ему увидеть Селинора, недовольство на лице короля немедленно исчезло, уступив место сердечнейшей улыбке.

— Сын! — воскликнул король Андерс. Его голос был наполнен радостью.— Ты приехал домой!

Король схватил заброшенное на ближайший куст полотенце и стал подниматься вверх, вытираясь на ходу. Селинор соскочил с седла и обнял старика.

Однако объятие было недолгим.

— Зачем все эти войска на границе, отец? Ты собираешься начать войну?

Король Андерс принял оскорбленный вид.

— Начать войну? Мальчик мой, я могу лишь закончить войну, но начинать войну — это не в моем стиле.

Андерс взял сына за руки, и, выглянув из-за его плеча, уставился на Эрин.

— А это кто тут у нас? — спросил он. — Эрин Коннал? Ваш портрет и вполтину не отражает вашей красоты, прекрасная леди.

— Благодарю Вас, — ответила Эрин.

Удивительно, что король узнал ее по крошечной картинке, написанной на медальоне почти десять лет назад.

Услышав ее голос, король Андерс просиял. Его приветственная улыбка излучала подлинную теплоту. Взгляд его серых глаз, казалось, проникал в самую сущность Эрин. Оставив Селинора, король подошел поближе и в упор посмотрел на Эрин.

Ее лошадь шарахнулась в сторону, но стоило ему дотронуться до ее шеи, как животное тут же успокоилось.

Король Андерс воздел левую руку к небу.

— Выбираю тебя, Эрин Коннал, — провозгласил он. — Выбираю тебя для Земли. Если когда-либо ты окажешься в беде и услышишь мой голос внутри себя, повинуйся ему, и я выручу тебя.

Эрин невольно отпрянула назад, от удивления лишившись дара речи. Она ожидала всего, чего угодно, кроме тех слов, которые сказал король, ибо он слово в слово повторил фразу Габорна, которую тот произнес, когда по праву Короля Земли он выбрал ее и решил сделать одним из своих вои-

нов. Неужели и король Андерс теперь обладает способностью выбирать? Неужто и он решил принять ее в число своих воинов и использовать Прозрение Земли, чтобы распознавать, когда ей будет угрожать опасность? И посылать ей предостережения?

Ах нет, что за святотатство!

— По какому праву?— поинтересовалась Эрин.— Какое право ты имеешь так говорить?

— Я имею на то все права,— ответил король Андерс.— Я Король Земли. Земля призвала меня сеять семена человечности сквозь грядущие черные времена.

Эрин ошеломленно воззрилась на короля Андерса. Король был сама искренность. Взгляд его серых глаз излучал доброту, пронизательность и великодушие. Король держался с редким достоинством и обезоруживающе улыбался. Внешне он ни капли не был похож на Габорна, однако вел себя так, будто Габорн обрел в нем второе рождение.

— Ты — Король Земли? Как это понимать?

— Это случилось не далее чем вчера, рано утром. Должен признаться, в течение нескольких дней до того момента меня не покидало странное ощущение. Предчувствие, что грядут черные времена и великие перемены уже на подходе. И вот я удалился в леса, чтобы поразмышлять над этим. В лесу царила напряженная тишина. Белки, все до одной, пропали. Я блуждал в поисках Ореховой Женщины...

Заслышав эти слова, Ореховая Женщина слезла со своего склона и поспешила присоединиться к беседующим. Тем временем белки продолжали резвиться возле ее ног.

Король Андерс продолжал:

— Я застал ее в пещере за укладыванием каких-то сушеных трав и всякой всячины. Она рассказала мне, что отвела белок в безопасное место и вернулась лишь для того, чтобы кое-что забрать. Затем она повела меня сквозь чащу в один потайной грот.

Ореховая Женщина положила руку королю на плечо, как бы прося позволения продолжить рассказ. Когда она заговорила, голос ее был наполнен священным трепетом:

— Там нам явился Дух Земли. Он предрек нам, что грядут черные дни. Дни, чернее которых мир еще не знал. Дух воззвал к твоему отцу: «Будь верен мне! Не покидай меня, служи мне, и моя мощь пребудет с тобой. Но если предашь меня, я оставлю тебя, как оставил Короля Земли до тебя!»

Андерс отвернулся, всем своим видом показывая, как мучительна ему сама мысль о том, что кто-то мог потерять Мощь Земли.

— Бедный Габорн, какое проклятие пало на него! — прицелился убиваться Андерс. — Милый юноша... Боюсь, все его благие намерения обернулись бедой. Я всегда сомневался в нем. И все же он был избран Землей, пусть и ненадолго. Теперь я призван продолжать его дело и попытаться восполнить ту утрату, которую он понес из-за меня.

Эрин исподлобья рассматривала стоящую перед ней парочку, не в силах понять, что ей думать и делать в данной ситуации. Она готовилась встретить безумца и покончить с ним. Но теперь в ее душу закрадось сомнение: «А что, если он действительно Король Земли?».

Пасть Мира, повторяла про себя Аверан, рассматривая зияющее отверстие. Я летала над этим местом десятки раз и видела, как стада овец пасутся на всех окрестных холмах вокруг этой пещеры. До дома отсюда не более пятидесяти миль.

Воспоминание о доме заставило ее сердце сжаться от боли. Неделью назад опустошители разорили Форт Хаберд. Почти все, кого она знала, погибли. Аверан спрыгнула на землю. Ослабевшие после сна ноги коснулись каменистой почвы.

По обе стороны от дороги тянулись канавы — характерная черта старинных дорог. Однако то, что на первый взгляд

было похоже на обычную канаву, при ближайшем рассмотрении оказалось вовсе не творением рук человеческих. Ров, в который Аверан только что приземлилась, представлял собой не что иное, как четырехпалый отпечаток ноги самки опустошителя. След достигал четырех футов в ширину и больше ярда в длину. Слева и справа вдоль дороги, куда хватал глаз, тянулись вереницы таких же следов.

Дорога на самом деле оказалась тропой опустошителей. Неделю назад десятки тысяч чудовищ вырвались из Подземного Мира как раз в этом месте. Они пробурили в земле ров в семьдесят футов шириной и в несколько футов глубиной. След их, серпантинном опутавший землю на много сотен миль вокруг, пролегал через дюжину разоренных городов.

Аверан дотронулась посохом до земли и тут же непроизвольно навалилась на него, изнемогая от усталости.

— Ты готова принимать дары?— спросил Габори, облачаясь в доспехи.

— Хочешь сказать, я буду делать это прямо здесь? А не в Башне Посвященных?

— До Башни слишком далеко. Иом привела способствующего и людей, готовых стать Посвященными. Поищи себе что-нибудь поесть, а потом мы займемся тобой,— ответил Габори.

Аверан потуже затянула пояс. Здесь, наверху, в воздухе чувствовалась осенняя прохлада, и резвый ветерок, подобно гопчему псу, носился кругами, обдавая холодом. Аверан последовала за Габорином внутрь пещеры.

С каждым их шагом пение, услышанное ею раньше, становилось все громче. Звуки отражались от стен пещеры мощным эхом.

— Почему они поют?— спросила Аверан.

— Празднуют победу,— ответил Габори.— Орду опустошителей загнали в землю.

Теперь понятно, подумала Аверан.

Семьдесят тысяч опустошителей исчезли с лица земли. Такой битвы не было уже несколько веков. И все же при мысли об этой бессмысленной бойне, принесшей столько смертей — пусть даже погибли враги, — у Аверан во рту появился кислый вкус.

Недалеко от входа в пещеру вокруг костра собрались по меньшей мере две сотни человек. По большей части это были лорды из Мистаррии и Гередона, хотя среди них попадались и Рыцари Справедливости, которые никого не признавали своим королем. Тут и там виднелись темнокожие воины, которые до сих пор носили желтые цвета далекого Индопала.

Среди собравшихся было также несколько десятков крестьян из соседних деревень. Это были любопытные, прибившиеся к войску Габорна. Их внешность безошибочно выдавала их происхождение. Большинство из них были одеты в овчинные тулупы и вязаные шерстяные шляпы. Фермеры и лесорубы принесли с собой тяжелые топоры и тисовые луки, показывая тем самым стремление присоединиться к армии Короля Земли.

И вот Габорн наконец-то объявился. Кто-то в толпе крикнул:

— Славьте Короля Земли!

В ответ раздались оглушительные приветствия.

У входа в пещеру Аверан немного помедлила. Взгляд ее был направлен вверх. Мерцающий свет костра освещал закопченный свод, с которого свисали лоскутья бурых пещерных водорослей.

Среди зарослей осторожно пробирался огромный краб-слепец, прячась в неровностях свода и изредка останавливаясь, чтобы пожевать водоросли.

Даже здесь, у самого входа в пещеру, флора и фауна Подземного Мира имели странный, неземной вид. Аверан все медлила. Она боялась, что, переступив порог пещеры, она

навсегда оставит позади привычный мир, а путь вниз станет теперь неотвратимым.

Оглянувшись, Аверан вновь увидела усыпанное звездами небо. Она глубоко вдохнула чистый горный воздух, прислушалась к мирному воркованию лесного голубя. Затем решительно вступила под сень пещерного свода. Путешествие началось.

Неподалеку молодой рыцарь сидел на камне, пытаясь выровнять выбоину в своем шлеме. Он взглянул на Аверан. Глаза его сияли. Мальчишки из местного населения сворачивали лагерь — убрали котелки с огня, проверяли снова и снова свои рюкзаки. Потрепанный рыцарь из Индопала стоял на коленях на земле, затачивая острия своих стрел точильным камнем.

Все вокруг бурлило. С прибытием Габорна все настолько оживилось, что Аверан показалось, будто они ждали его не несколько часов, а всю свою жизнь.

Вильде, творение Бизнесмана, стояла посреди пещеры. Ее фигура в толпе сразу бросалась в глаза. Это существо было создано волшебником для того, чтобы стать воителем на благо Земли. Она единственная из женщин, и без того немногочисленных, имела при себе оружие — палицу из массивного дуба. Одета она была в кожаные штаны и шерстяную тунику. На первый взгляд вильде была похожа на симпатичную молодую женщину, если не считать странного цвета лица. Ее кожа напоминала яркую молодую зелень, зрачки ее были темно-зеленые, почти черные, а волосы ниспадали на плечи волнами цвета авокадо.

Аверан подошла к вильде.

— Здравствуй, Весна! — сказала Аверан, назвав ее тем именем, которое впервые произнесла, когда увидела, как зеленая женщина свалилась с небес.

— Привет! — ответила вильде.

Ее речевые лавыки были еще не слишком развиты. Но ведь Бизнесман создал свое творение всего неделю назад. Ни один младенец в таком возрасте еще не умеет говорить.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась Аверан, надеясь завязать беседу.

Зеленая женщина, не мигая, уставилась на Аверан. Поразмыслив с минуту, она ответила:

— Я чувствую желание кого-нибудь убить.

— Бывают дни, когда и я чувствую то же самое, — поделилась Аверан, стараясь проникнуться настроением своей собеседницы.

Однако эта попытка лишь резче обозначила пропасть, лежащую между ними. Первоначально Аверан видела в зеленой женщине личность, человека, нуждающегося в ее помощи. Но ведь у Весны не было ни отца, ни матери, она не знала семьи, никто не воспитывал ее. Бизнесман слепил ее из корней, камней и сока земли. Она просто не могла стать Аверан другом, поскольку зеленая женщина желала лишь одного: преследовать и истреблять врагов Земли.

Когда Аверан входила в пещеру, ей показалось, что внутри было около двух сотен воинов. Теперь она заметила, что ошиблась в своих подсчетах как минимум вдвое. Многие бойцы были скрыты в тени в глубине пещеры. На самом деле отряд был намного больше. Вид такого количества воинов подействовал на Аверан успокаивающе. Ей бы хотелось, чтобы, когда она пойдет в Подземный Мир, за ее спиной собрались все Властители Руи, которых она знала.

Аверан чувствовала себя, как выжатый лимон. За последнюю неделю, с тех пор как она бежала от нашествия опустошителей в форте Хаберде, от нее постоянно требовалось невероятное напряжение всех ее физических и духовных сил.

Аверан подошла к костру. Какой-то крестьянский мальчик немедленно сунул ей в руки тарелку. Рыцарь, присматривающий за крутящимся на вертеле над огнем бараном, от-

резал от него кусок мяса и шлепнул Аверан на тарелку, затем зачерпнул хлебного пудинга из котелка и добавил его к мясу.

Для такого нехитрого лагеря подобная еда могла считаться деликатесом. Рыцари прилагали все усилия, изощряясь в кулинарном мастерстве, ведь эта еда могла стать последним достойным обедом в их жизни. Аверан приняла тарелку и огляделась в поисках свободного валуна, чтобы сесть.

Она направилась в затемненный угол пещеры, где уже разместилось с полдюжины людей с тарелками.

Присев на корточки на песке, Аверан склонилась над своим блюдом. Она отрезала кусочек баранины и вдруг подняла глаза.

Взгляды всех без исключения в радиусе двадцати футов были устремлены на нее. На их лицах читалось нескрываемое удивление, смешанное с любопытством. Щеки Аверан зарделись от смущения.

Значит, они все говорили обо мне, подумала Аверан.

Они знали, что она отведала мозг одного из опустошителей и благодаря этому научилась распознавать их секреты. Она положила кусочек мяса в рот. Сочное мясо было искусно приправлено розмарином и сдобрено медово-мятным соусом.

— Почти так же вкусно, как поджаренный мозг опустошителя, — сказала она.

Несколько фермеров преувеличенно громко рассмеялись над ее шуткой, несмотря на то что она оказалась не слишком удачной. Но благодаря этому Аверан удалось разрядить напряженную обстановку. Внезапно прерванные разговоры возобновились. Но только Аверан всерьез принялась за свою баранину, чья-то мясистая лапа шлепнула ее по спине.

— Хочешь промочить горло? — в ее руках, откуда ни возьмись, оказалась жестяная кружка с элем.

Узнав голос, она с трудом подавила возглас изумления:

— Брэнд?

Егерь Брэнд, ее давний приятель, нависал над ней, скалясь во весь рот. Он распростер руки, вернее, свою единственную руку, для объятия. Аверан вскочила и повисла у него на шее.

— А я думала, тебя уже нет в живых! — воскликнула она.

— Не ты одна так думала, — засмеялся он. — Я и сам несколько раз почти прощался с жизнью.

Его смех прозвучал достаточно искренне, но не так беззаботно, как он звучал бы неделю назад. В его смехе Аверан слышалась боль.

Она взгляделась в его лицо. Брэнд был ее наставником. Он принял Аверан в обучение, когда она была еще ребенком. Он научил ее летать на грааках в гнездовье форта Хаберда. Он научил ее читать и писать, чтобы она могла доставлять послания герцога. Он обучил ее кормить грааков и ухаживать за ними. Уже только за это она должна была быть ему бесконечно благодарна. Но Брэнд был для нее больше чем учитель. Он был отцом и матерью, господином и семьей, ее лучшим другом. Стоило Аверан вновь увидеть его целым и невредимым, как у нее отлегло от сердца. Слезы радости полились из глаз.

— Ах, Брэнд, как же тебе удалось спастись? Когда я видела тебя в последний раз, опустошители...

— ...во весь опор неслись к форту, — продолжил Брэнд.

Перед мысленным взором Аверан живо предстал этот момент. Она с Брэндом находились высоко над фортом Хабердом. Сверху хорошо были видны крепостные стены и надвигающаяся на них орда опустошителей. Их войско было настолько велико и надвигалось с такой немыслимой скоростью, что он просто не мог спастись.

— Я усадил тебя на спину старине Кожаному Загривку и отправил в небо, — сказал Брэнд. — Затем отвязал оставшихся грааков. После этого я остался стоять на площадке. Я смот-

рел вниз на город. Орда опустошителей, охваченная паникой, стремительно приближалась. Их неудержимый бег сотрясал землю. Они были похожи на черный поток, внезапно обрушившийся на дно каньона и затопивший все вокруг. Большая часть грааков спасалась бегством. Но молодая Светлокрылая продолжала кружить над гнездовьем, издавая горестные крики. Врезавшись в городские стены, опустошители и не подумали остановиться. Что им наши баллисты, наши рыцари... Опустошители просто проломились через стены и ворвались на улицы. Некоторые люди пытались бежать, другие пробовали спрятаться. И тех и других настигали опустошители. Имея в своем распоряжении только одну руку, я не мог сражаться. Мне не оставалось ничего другого, как стоять и ждать, пока опустошители не доберутся до меня и, наверное, сожрут тут же на месте. Как вдруг что-то изо всех сил ударило меня по спине. Не успел я оглянуться, как оказался в воздухе. Это Светлокрылая подняла меня вверх и понесла над всей этой бойней. Представь, она ухватила лапами за мою кожаную жилетку! Сама знаешь — я старый и толстый. Вот я и думаю: несет она меня на верную смерть. Однако Светлокрылая отчаянно хлопала крыльями и тащила меня через всю долину, словно я какой-нибудь поросенок, которым она вознамерилась пообедать. Она летит вперед изо всех сил, а мне то кажется, что ее неумолимо тянет к земле.

У Аверан от изумления глаза полезли на лоб.

— И как долго она тебя тащила?

— Полторы мили, — ответил Брэнд. — Или две.

Да, Аверан знала, что грааки иногда могут поднимать в воздух предметы, превосходящие вес ребенка (вес, который грааки переносят легко).

Она однажды видела, как старик Кожаный Загривок схватил в поле быка и поднял его в воздух. Бык наверняка весил не меньше, чем Брэнд. Также она слышала о том, что самки грааков носят своих тяжелых птенцов из одного гнезда в

другое, если им грозит опасность. Но все равно грааки просто не способны удержать такую пошу в течение длительного времени.

— Должно быть, она полетела с тобой по ветру прочь от крепости.

Не вызывало сомнений, если бы они полетели против ветра, опустошители обязательно учуяли бы их, пусть даже на расстоянии двух миль.

— Вот именно,— подтвердил Брэнд.— Именно это она и сделала. И у меня хватило ума, оказавшись на земле, не двигаться, пока орда не схлынула.

— А что стало с городом?— спросила Аверан.

Брэнд печально покачал головой.

— Он исчез с лица земли. Некоторым удалось улизнуть на лошадях, отмеченных рунами силы,— герцогу Хаберду и некоторым из его приспешников.

При этих словах голос его сорвался, и Брэнд на мгновение замолчал, как бы захлебнувшись гневом при мысли о подобной трусости.

— Расскажи о своих приключениях!— вдруг повеселел Брэнд.— Ты подросла с тех пор, как я в последний раз тебя видел.

— Подросла?— удивилась Аверан.— Всего-то за неделю?

— Выше, ты, возможно, и не стала, но вот повзрослела — это точно!

Он протянул руку и дотронулся до ее одежды. Старая синяя мантия «пилота» была покрыта мельчайшими корешками, будто какие-то семена проросли на влажной ткани. Поросль густо покрывала синюю шерстяную ткань, и под зеленью уже невозможно было различить ее первоначального цвета. Корни срослись вместе, образовав новую монолитную материю. Это новое платье Аверан должно было стать для нее волшебным одеянием, которое, как Охранитель Земли, спрячет ее и защитит от опасности.

— Да, думаю, я действительно повзрослела,— ответила Аверан.

Сказав это, она взгрустнула. Она, конечно, не выросла, однако ощущала себя на тысячу лет старше. Слишком много невинных людей погибло на ее глазах в битвах при Каррисе и Фельдопшире. За последнюю неделю она стала свидетельницей такого количества событий, чудесных и чудовищных, сколько ей не суждено было испытать за всю жизнь. Эти потрясения заставили ее измениться, пробудили к жизни кровь земли в ее венах. Ее человеческая природа, происхождение от рода людского, были для Аверан безвозвратно потеряны. Теперь она была волшебницей, обладавшей мистическими силами, которые заворачивали ее саму не меньше, чем людей, ее окружавших.

Брэнд расплылся в улыбке и произнес хриплым голосом:

— Я так рад...

Он неловко прижал Аверан к себе.

Когда он отпустил ее, лицо его вдруг приняло деловое выражение:

— Значит, ты собираешься в Подземный Мир, так?

Аверан кивнула. Казалось, Брэнд изучает ее. Помолчав, он продолжал:

— Я пошел бы с тобой, если бы только мог. Но боюсь, проку от меня большого не будет, рука-то у меня всего одна... Конечно, я смогу тащить мешок с провизией, как и всякий другой, но...

— Не надо... Я понимаю,— прервала его Аверан.

— Подожди,— продолжал Брэнд.— Кое на что я стожусь. Я хочу помочь тебе. Я сильный человек, Аверан. Всегда был таким. Я хочу отдать тебе мою силу.

У Аверан словно комок застрял в горле. Она с трудом сдержала слезы.

— Ты хочешь стать моим Посвященным?

— Не только я,— ответил Брэнд. Он кивнул в сторону местных лесорубов, расположившихся в пещере.— Многие

из нас готовы отдать все, что угодно, лишь бы стать тебе полезными. Может, мы и не достойны выступить в поход вместе с Властителями Рун, такими, как ты и Габорн, но мы непременно сделаем то, на что способны. Королевские способствующие принесли сотни форсиблей!

— Я не хочу причинить тебе боль,— сказала Аверан.— Вдруг ты умрешь, пытаясь отдать мне свою жизнестойкость?

— Думаю, я скорее умру от разрыва сердца, если ты не согласишься принять мой дар...

— Я не могу,— сказала Аверан.— Мне невыносима мысль, что, едва найдя тебя, мне снова придется тебя потерять.

— Если ты не примешь мой дар, я отдам его кому-нибудь другому,— настаивал Брэнд.

Аверан приготовилась спорить, но в этот момент из глубины пещеры появился способствующий и поспешил по направлению к ним.

— Аверан!— позвал он.

На нем были черные панталоны и черная короткая магия, поверх которой красовались серебряные цепи — знак принадлежности к обществу способствующих. Поднявшись, Аверан устремила на Брэнда взгляд, полный неизбывной печали. Затем она пошла прочь, пробираясь сквозь толпу. Следуя за колышущимися одеждами способствующего, она прошла в удаленную часть пещеры.

— Тебе предназначено великое множество даров. Его Высочество позаботился об этом,— провозгласил способствующий.— Двадцать даров чутья от собак, двадцать — жизнестойкости, по восьми даров грации и мускульной силы, двенадцать — метаболизма, по десяти — зрения и слуха, пять даров осязания.

От этого заявления у Аверан голова пошла кругом. Осознание того, на какие жертвы люди готовы пойти ради нее, потрясло ее до глубины души. Решившись принять все эти

дары, она оставит десятки людей слепыми, немыми или лишенными других жизненно важных качеств.

Но не менее громадными должны быть и изменения, которые все эти принятые дары вызовут в ее теле. С двенадцатью дарами метаболизма она будет способна двигаться быстрее, чем другие, бегать со скоростью пятьдесят миль в час, хотя сама этого не заметит — ей просто будет казаться, будто время замедлилось. Каждый день она будет стареть почти на две недели. Значит, за год она состарится примерно на дюжину лет. Лет через десять она превратится в старуху, если вообще не умрет.

Способствующий провел Аверан в дальний угол пещеры, где на земле примостилось с дюжину потенциальных Посвященных. Способствующий вынул семь форсиблей — небольших прутьев для клеймения, изготовленных из кровяного металла, — и разложил их на сатиновой подушечке. Его помощники уже подошли к одной девочке. Они уложили ее на спину и пытались получить у нее дар зрения. Она казалась совсем малышкой, не намного старше, чем Аверан. Тонкие светлые волосы обрамляли ее худенькое личико. Лоб ее был покрыт крупными каплями пота. Один помощник пел тонким голосом, чирикаая, как птица, и прижимая форсиль к руке девочки, в то время как другой шелтал слова ободрения.

— Вот она, — настойчиво бормотал помощник способствующего, — надежда человечества, она, которая призвана провести нашего господина темными ходами Подземелья. Отдав свое зрение, ты поможешь ей видеть. Твоя жертва даст нам надежду на успех.

Надежду на успех? подумала Аверан.

Задача, которую ей предстояло выполнить, представлялась ей поистине устрашающей.

Тропы внутри Подземного Мира были запутаны, как огромный клубок пряжи. И даже если ей удастся пробраться

туда, куда она стремилась, что она могла сделать? Убить хозяйку Подземного Мира?

Я не готова сделать это, с отчаянием подумала Аверан.

Тем временем помощник способствующего продолжал монотонно твердить свое заклинание, а девочка смотрела на Аверан умоляющим взглядом.

— Спаси меня,— прошептала она, обращаясь к Аверан.— Спаси всех нас!

Я — последнее, что она увидит, осознала Аверан. Силой ее зрения я буду пронзать непроглядную тьму. Я смогу пересчитать вены на крылышке у мотылька на расстоянии десяти шагов.

Аверан сделала нерешительный шаг вперед и взяла девочку за руку.

— Благодарю тебя,— сказала Аверан.— Я... сделаю все, что в моих силах.

При этих словах форсильб раскалился добела, вырвав у девочки крик боли. Зрачки ее, казалось, сморщились, как сушеные сливы, и побелели. Сразу после этого глаза ее ввалились, образовав две ямы-глазницы. Девчушка забилась, ослепленная болью, а помощник способствующего отнял форсильб от ее руки. Под ним виднелся белый пульсирующий шрам — руна зрения.

Помощник способствующего помахал тлеющим кончиком форсильба в воздухе, как бы проверяя что-то. Форсильб оставлял за собой длинный белый след, напоминавший пламя, которое, однако, не угасало, но оставалось висеть в воздухе еще долго.

Он внимательно изучил свечение на кончике форсильба, его ширину и длину, затем обернулся и посмотрел на главного способствующего, как бы ища одобрения.

— Хорошо,— сказал тот,— продолжайте.

Помощник наклонился к Аверан и закатал рукав ее мантии, обнажив шрамы, оставленные дарами, принятыми в про-

шлом. Поскольку все ее бывшие Посвященные погибли, шрамы на ее руке стали серого цвета.

Помощник способствующего снова завел свою птичью песню. Затем он прижал конец форсибля к руке Аверан. Сияющий белый след оторвался от руки Посвященной и вошел в руку Аверан. При этом кровавой металл вспыхнул ослепительным белым светом и превратился в пыль, растворившись в воздухе.

Аверан почувствовала неописуемый экстаз, который охватывает всякого, кто только что получил дар. Как только дар зренья вошел в нее, ей показалось, будто мрачная пещера взорвалась светом.

После этого ничто уже не будет выглядеть, как прежде.

Глава 2

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Любовью той, что связывает нас,
Кляпусь я светом быть во тьме,
В отчаянье надежду дать тебе,
Согреть любовью в трудный час.
И бастионом встать вокруг,
Когда враги твои приблизятся к тебе.

Внезапный порыв ветра ворвался в пещеру. Послышался звук, напоминающий свист крыльев стремительно пикирующего вниз ястреба, и огромный костер погас. Иом подняла взгляд. Там, где только что был костер, стоял волшебник Биннесман. Порыв ветра оказался делом его рук. Это Биннесман смерчем поднял пригоршню земли и заставил ее обрушиться в костер, чтобы погасить пламя. Он стоял, окруженный облаком зеленого света, подняв в воздух свой посох. Яркие искорки — все, что осталось от костра, — кружили вокруг посоха. Волшебник был окружен словно роем пылающих мотыльков. В венах волшебника текла кровь Земли, поэтому его кожа имела зеленоватый оттенок. Даже осенние цвета его одежд отливали зеленым светом. Зеленое сияние придавало ему странный потусторонний вид. Иом представилось,

что вот именно такое сияние окружало Светлейших, словно Биннесман пожаловал прямо из древней легенды о Другом Мире.

— Господа! Позвольте минуточку вашего внимания!— громко провозгласил Биннесман.— Пришло время готовиться к битве. Недопустимо обсуждать наши тайные планы перед открытым огнем. Помните о пиромантах. Они могут подслушать ваши слова в шипении пламени.

Сказав это, он взглянул на Габорна.

— Ваше Высочество...— начал Биннесман.

У Иом от волнения перехватило дыхание. Этого момента она ждала всю ночь. Сейчас Габорн расскажет им о своих планах. Вчера Иом умоляла Габорна взять ее с собой в Подземный Мир, однако он ничего не обещал, сказал только:

— Я подумаю.

Молчание повисло над толпой. Ряды сомкнулись, каждый обратился в слух. Кто-то выкрикнул:

— Мы слушаем вас, милорд!

В толпе послышались крики одобрения и воинственные кличи. Габорн поднял руку, призывая всех к молчанию.

— Многие из вас выразили желание пойти со мной в Подземный Мир,— начал он.— Высочайший маршал Чондлер,— Габорн с уважением кивнул в сторону Чондлера,— сэр Ландлей из Орвинна, сэр Райан Мак-Кинн из Флидза.— Он помедлил, переводя взгляд, полный благодарности и уважения, с одного воина на другого.— Храбрость ваших сердец подтверждается храбрыми деяниями. Каждый из вас более чем достоин последовать за мной. Однако моя основная забота — спасти моих людей. Этим обуславливается мой выбор.

Заслышав это, лорды, окружавшие Габорна, приосанились. Каждый желал услышать свое имя среди тех, кто пойдет с Габорном.

Габорн обвел их всех взглядом. В темноте его зрачки расширились до невероятных размеров. Белки его глаз были

почти не видны. Заметив это, Иом поняла, что он уже принял несколько даров зрения, чтобы лучше видеть в непроглядной тьме Подземного Мира. Тонем, не допускающим возражений, Габорн сказал:

— Тех, кто последует за мной, будет трое: волшебник Биннесман, его вильда и девочка Аверан.

Толпа потрясенно выдохнула, а Иом с трудом сдержала рыдание. Обида волной захлестнула ее. Она так надеялась, что Габорн позволит ей сопровождать его. Она даже представляла себя во главе армии из нескольких сотен воинов.

Некоторые лорды открыто выражали недовольство. Своим решительным видом они показывали, что могут пойти в Подземный Мир и вопреки приказаниям Габорна.

Сэр Райан Мак-Кинн из Флидза прикрикнул на лордов:

— Заткнитесь, вы! Или кое-кто из вас недосчитается пары зубов! Может, вы забыли: Габорн — Король Земли, а не какой-то обычный король. Исполнять его приказы — высочайшая честь для нас.

Габорн с благодарностью улыбнулся сэру Мак-Кинну и сказал:

— Не сила оружия проложит нам путь к трону королевы пустоши. Биннесман, Аверан и я — все мы находимся под защитой Земли. Я думаю, одно это сможет помочь нам пробиться в подземелье. Я бы с удовольствием взял с собой целую армию для прикрытия. Однако я думаю, что вся армия погибла бы.

Тут Иом заметила, что взгляд его померк. Лицо Габорна казалось бледным, словно он заглянул смерти в лицо. Иом ужаснулась при мысли о том, насколько кровавой может стать эта битва.

— Ваше Высочество,— послышался голос высочайшего маршала Чондлера,— вчера вы упомянули, что от предстоящей битвы зависит судьба мира. Если мы не перебьем всех опустошителей...

— Мы не затем туда идем, чтобы убивать опустошителей,— возразил волшебник Биннесман.— Это никогда не входило в мои намерения. Земле нанесена глубокая рана. Земля страдает от боли. Мы должны заживить раны Земли. Я предполагаю, для этого мы должны будем уничтожить три руны и их создателя. Возможно, нам придется убить только одного опустошителя.

— Ну как же,— возразил Чондлер,— вы собираетесь убить всего одного опустошителя, однако не вызывает сомнения, что вам придется столкнуться с тысячами опустошителей, чтобы проложить себе дорогу в логово Великой Истинной Хозяйки. Никто еще не спускался так глубоко в Подземный Мир. Если я не ошибаюсь, это старая нора находится в самых далеких глубинах земли. Я сам отважился спуститься под землю всего лишь дважды, но я никогда не опускался так глубоко...

Он поперхнулся, обводя глазами туннель. При этом все воины погрузились в молчание. Теперь, когда огонь больше не освещал пещеру, темнота вокруг сгустилась и стала непроходимой для взгляда.

— Наши праотцы сражались с опустошителями далеко внизу. Но они не решались спускаться в глубокие берлоги, туда, где земля становится горячей, а воздух настолько густым, что можно резать его ножом. В старинных книгах это место называют *бескрайний лабиринт*. Туннели там не кончаются и каждая берлога охраняется сотнями тысяч воинов, которые стерегут гнезда.

— Да, но великие тайники не рядом с гнездами! Они рядом с Логовом Костей!— воскликнула Аверап.

— Итак,— продолжал маршал Чондлер,— вы станете жертвами... И все же, ваше Высочество, я осмелюсь смиренно предложить свои услуги. Я или Ландлей могли бы оказать вам большую помощь в этом путешествии.

С минуту Габори пристально рассматривал Чондлера, затем его глаза вспыхнули скрытым огнем.

— Грядут великие свершения. Вас ждут великие подвиги, которые потребуют от вас приложения всех ваших сил, даже больше. Я чувствую, как опасность надвигается со всех сторон.— Он посмотрел вниз, словно пытаясь взглядом проникнуть в глубины земли. Его лоб покрылся капельками пота.— Первый враг, с которым придется сразиться, нападет через два дня в Гередоне, в тысяче миль севернее отсюда. Даже если бы я мог послать армию в Гередон, это бы не помогло. Земля просит меня предупредить народ Гередона, призвать их спрятаться, искать спасения под землей.

Удивленный шепот поднялся над толпой, ибо Габорн изрек поистине необычный совет.

— Лезть под землю? Как кроты?— выпалил кто-то.

Каким бы страшным он ни казался, к совету Короля Земли следовало прислушаться.

Габорн продолжал:

— На закате следующего дня война разразится поблизости от дома. Если ваши сердца жаждут сражения, у вас будет достаточно шансов утолить эту жажду. Ибо грядет великая битва; война с безжалостным врагом, который не пощадит ни женщин, ни детей.

С этими словами Габорн вскочил на огромный каменистый выступ. Окинув взглядом толпу, он прокричал:

— Разошлите вестников по всей Минстаррии! Пусть скажут всем: кто может держаться на ногах, должны идти в Каррис. Каждый мужчина, твердо стоящий на ногах, каждая женщина, которая умеет держать в руках лук, каждый ребенок старше десяти лет, желающий заглянуть смерти в лицо, пусть все они соберутся на крепостных стенах. На закате через три дня оденьте ваши сердца в броню и трубите в рог войны. Мы должны атаковать первыми. Мы должны идти в бой, не ведая жалости. Бессмысленно ждать милости от врага. Если мы падём, падет последний оплот человечества.

Ловикер прокричал:

— Ты собираешься послать женщин и детей на войну? А ты сам поведешь нас в бой?

— Клянусь Семейо Камнями, я надеюсь, что да, — отвечал Габорн.

Иом заметила, как беспокойство сгустилось в его глазах. Она поняла, что Габорн сомневается в собственных силах.

Габорн еще раз взглянул на собравшихся лордов. Его окружали люди дюжины национальностей.

— Сэр Ландлей, возьми самую быструю лошадь, какую только сможешь достать, и скачи на родину, в Орвинн. Приведи всех лордов, которые смогут последовать за тобой, обратно в Каррис. Ты должен успеть к закату на исходе третьего дня.

— Так точно, — сказал Ландлей. С его полдюжиной даров метаболизма он мог свободно передвигаться со скоростью пятьдесят миль в час. Не успел ответ сорваться с его губ, как сэр Ландлей развернулся и помчался прочь.

— Высочайший маршал Чондлер, ты хочешь исполнить великую миссию. Я дам тебе такую возможность. Прошу тебя начать укрепление Карриса. Не заботься о том, чтобы запастись провизией. Вам не потребуется более того, что уже есть в крепости. Если ты не выиграешь эту битву, все пропало.

— Клянусь силами! — поклялся Чондлер. Укрепление Карриса в такой короткий срок было задачей практически невыполнимой, ведь опустошители сравнивали с землей крепостные стены. Но раз Габорн говорил о судьбе мира и возложил ответственность за эту решающую битву на Чондлера, он приложит максимум усилий, чтобы не обмануть ожиданий Короля Земли и войти в историю человечества в списке героев.

— А что со мной? — спросила Иом.

Габорн взглянул на нее с печалью, словно опасаясь разбить ей сердце.

— Если Каррис падет, мне потребуется кто-то, кто доставит наших людей в безопасное место.

— Я Властительница Рун,— сказала Иом.— Я по праву должна воевать в Каррисе. В самом деле, разве я не должна занимать командующий пост?

— Я думал о том, чтобы доверить тебе командовать битвой в Каррисе,— ответил Габори.— Ты была последней, кто покинул замок Сильварреста. Никто другой не проявляет столько заботы о народе, как ты. Однако Чондлер в данном случае справится лучше.

Она знала, что он ищет предлог услатить ее куда-нибудь подальше от опасности.

— В день нашей свадьбы я поклялась быть тебе светом в темноте,— сказала Иом.— Мне трудно представить себе более темное место, чем то, куда ты направляешься. Позволь мне пойти с тобой. Я сделаю все возможное, чтобы сделать это путешествие не таким трудным.

Габори печально покачал головой:

— Ты не понимаешь: это опасно.

То, как он сказал это, заставило Иом заподозрить, что Габори боялся не только за ее, но и за свою собственную жизнь. Сердце ее бешено забилося. Иом не имела права продолжать спор с Габорином в присутствии его воинов.

Чондлер подозвал нескольких Рыцарей Справедливости, и все они принялись спешно готовиться к отправлению, собирая свою поклажу и оружие.

Подозвав к себе участников предстоящего путешествия, Габори приступил к выбору оружия. Аверан, Биннесман и зеленая женщина держали в руках волшебные посохи и не хотели брать с собой никакого другого оружия. Габори взял свой традиционный боевой молот — орудие с длинной ручкой, изготовленное в Мистаррии. Также при нем была сабля, которую он по привычке всегда носил с собой. Однако ни то ни другое оружие не подходило для того, чтобы сражаться с опустошителями в их царстве. Боевой молот представлял собой опасность для каждого, кто мог бы оказаться слиш-

ком близко в то время, когда воин замахнется им в пылу сражения. Что касается сабли, то было бесполезно наносить удары ею, пытаясь поразить опустошителя, ведь, пока удар достигнет своей цели, опустошитель уже успеет оказаться в другом месте, недоступном для удара сабли.

Поэтому Габорн подверг пристальному изучению оружие, которое маршал Чондлер и его люди забрали из крепости Арроушир как раз для того, чтобы использовать его в предстоящем сражении. Оружие было разложено на земле перед Габорном. Дротики опустошителей. Они представляли собой тяжелые копья, целиком выкованные из прочного железа, по форме они напоминали пику, однако были длиннее. Каждый дротик длиной примерно восемь футов был заострен с обоих концов и увенчан алмазным острием, которым легко можно было проткнуть шкуру опустошителя. Вокруг железного древка была накинута грубая коровья кожа, чтобы можно было крепче ухватиться за копьё.

Это были древние орудия, которые за последнюю тысячу лет использовались крайне редко. С первого взгляда они казались неподъемными, однако для того, кто обладал дарами мускульной силы, дротик на деле оказывался легким, словно сделанным из ивовой лозы. И все же дротики выглядели неуклюжими и громоздкими.

А что же я буду делать, пока Габорн где-то там спасает мир? спрашивала себя Иом. Он отверг ее просьбу взять ее с собой, и Иом уже не верила в то, что Габорна можно будет убедить. В конце концов, она носит его ребенка, а Габорн ни в коем случае не подвергнет их обоим опасности.

Однако Иом заметила, что Габорн боялся не только за нее, но и за себя самого.

Я могу многим ему помочь, даже если Габорн не позволит пойти вместе с ним, я могу сделать многое, чего он сам никогда не сможет сделать.

Иом всегда мыслила более прагматично, чем Габорн. Она восхищалась его добродетелью, его утонченной чувствительностью. Она любила Габорна за его мягкость.

Но приходят времена, когда мы больше не можем позволить себе быть мягкими, говорила она самой себе.

Иом вернулась в пещеру и прошла мимо тлеющего костра в дальний, укутанный густой тенью закоулок, где двое способствующих переносили дары Аверан. Полдюжины Посвященных лежали вокруг девочки, словно принесенные в жертву.

Иом подождала, пока освободится главный способствующий, и подошла к нему.

— Габорн скоро отправляется, — сказала она. — Когда он уйдет, пошли словечко нашим способствующим в замке Сильварреста в Герсдоне. Я припасла много форсиблей в склепе на холме. Я хочу, чтобы способствующие использовали их, чтобы перенести дары по вектору Габорну. У него есть Посвященные в замке Лонгмот. Это будет нетрудно.

— Как много даров мы должны передать ему, — спросил способствующий.

— Столько, сколько сможете, — ответила Иом.

— Габорн на это ни за что не согласится, — ответил способствующий слишком громко. — Даже в детстве он никогда не любил форсибль.

— Ну конечно нет, — сказала Иом, пытаясь жестом заставить его говорить тише. — Он не должен знать о том, что мы делаем это для него. Габорн — лорд, связанный клятвой. Он не возьмет дар силой. Не станет покупать его у бедняка, у которого нет другого выбора. Те, кто отдаст дары, должны быть взрослыми людьми, которые осознают всю ответственность и опасность этого поступка и отдают свои силы добровольно, побуждаемые лишь собственным чистым желанием послужить своим ближним.

Способствующий пристально посмотрел на нее. Он понимал, насколько безнадежным будет поход Габорна. Он также понимал, что мир не может позволить ему быть поверженным.

— Мы потеряем его, понимаешь?— сказал способствующий. — Даже если его поход будет успешным, обладая столькими дарами метаболизма, он состарится и умрет, пока ты еще будешь молода. Но ты рискуешь не только этим. Он может запросто стать Суммой Всех Людей — бессмертным, единственным, неспособным умереть.

При этой мысли слезы навернулись Иом на глаза:

— Ты думаешь, я не осознаю опасности? Не думай, будто я делаю это с легким сердцем.

— Очень хорошо,— ответил способствующий.— Мы пошлем словечко в Гередон прямо сейчас.

Когда Аверан закончила принимать дары, Иом прошла глубже в пещеру. Биннесман и вильде следовали за ней по пятам. В глубине туннеля в одиночестве стоял Габорн, держа в руке зажженный факел. Он сосредоточенно вглядывался в туман, в то время как его рыцари сворачивали лагерь.

На входе Пасть Мира была футов в сто шириной, но затем отверстие стремительно сужалось до ширины в двадцать пять футов. Дело в том, что совсем недавно опустошители укрепили стены туннеля, используя свою слизь — вещество само по себе мягкое, но, затвердев, способное стать крепче, чем цемент. Они сформовали слизь в виде колонн, напоминавших по форме гигантские ребра, которые исполинскими арками вздымались к потолку, соединяясь в одной точке где-то на высоте тридцати футов. Ряды колонн повторялись через каждую дюжину ярдов. На вершине, там, где соединялись верхушки колонн, с обеих сторон проходила костистая кромка, через которую можно было протиснуться лишь ползком.

Один вид этих колонн внушал страх. Бросив взгляд в глубину туннеля, Иом увидела бесконечные ряды белых ребер. Ей показалось, что путь их пролегает сквозь скелет какого-то исполинского, давно умершего змея.

С потолка свисали длинные нити бурых водорослей, а также болтались лоскутья других волосатых растений.

— Что ты делаешь? — спросила Иом у Габорна.

— Вот, прикидываю, сколько факелов нам взять с собой, — ответил тот. — Слишком много факелов будет для нас обузой в пути, а слишком мало — просто катастрофой.

— Восковой корень хорошо горит, — предложил Биннесман. — По пути он нам наверняка попадется.

— Я могу предложить кое-что получше факелов, — сказала Иом, радуясь тому, что она тоже может быть чем-то полезной. — Я позволила себе взять с собой подарок из сокровищницы в Морском Подворье.

Она направилась к своему узелку, который был спрятан за мотком каната, и вынула вышитый мешочек, наполненный драгоценностями. Они составляли лишь малую толику сокровищ двора Минстаррии и давали представление о необъятных масштабах и разнообразии сокровищ, собранных предками Габорна за период более чем две тысячи лет. Среди них были около восьмидесяти брошей всех цветов. Они были призваны украсить собой любой наряд лорда, какой бы ему не заблагорассудилось надеть в тот или иной день. Здесь были черные опалы с холмов над Вестмором, огненные опалы из Индопала, жемчужные опалы из-за моря Кэррол, а также голубой опал, настолько древний, что даже советник Вестхавен не мог ничего сказать о его происхождении. Были здесь и золотые опалы с алыми вкраплениями, украшавшие червленую золотую корону, а также бесчисленные ожерелья, браслеты и кольца.

Иом рассыпала содержимое мешочка на земле у ног Габорна. Драгоценности бледно мерцали в пламени его факела.

— Сможешь ли ты извлечь из них свет, как ты сделал в крепости Сильварреста? — спросила она Биннесмана.

— Да, они будут гореть разными цветами! — воскликнул Биннесман.

Волшебник посохом разбросал драгоценности так, что они образовали круг, затем принялся чертить руны снаружи круга. Потом он поднял над ними свой посох и произнес мантру. Сделав это, Биннесман прошептал:

— Проснитесь!

Камни начали тускло мерцать, каждый своим собственным неповторимым светом. Они были подобны звездам летней ночью. Голубой опал первым поймал искру, остальные присоединились к нему.

Однако в отличие от звезд их сияние, казалось, становилось все сильнее. Потоки яркого света, подобно солнечным лучам, отражающимся от снежного поля, били во все стороны от драгоценных камней. Этот свет ослепил бы любого, даже не имеющего дюжины даров зрения. Среди потоков света тут и там попадались струйки изумительных цветов — ручейки голубой воды, бегущие из озера сапфиров, червлениое золото, напоминающее по цвету осенний день, зеленые и красные цвета настолько яркие, что, если бы Иом попросили описать их, ей не хватило бы слов.

Драгоценные камни выбрасывали снопы ослепительного света, который становился все более насыщенным. Сияние было настолько ярким, что Иом чувствовала, как камни пышут жаром. Вскоре ей пришлось отвести взгляд. Она посмотрела вверх и увидела, как цвета танцуют на потолке пещеры.

Аверан от восторга затаила дыхание. Даже зеленая жемчужина от удивления издала какой-то птичий звук. Биннесман наклонился и принялся выбирать те опалы, которые светили ярче всего: у Иом не было времени отобрать лучшие камни. Когда она пришла в сокровищницу, у нее были считанные

секунды на сборы, поэтому она взяла камни, которые на первый взгляд показались ей самыми лучшими. Теперь же многие из них были отвергнуты Бизнесманом. Он отобрал только самые яркие.

Закончив, волшебник сказал:

— Теперь успокойтесь.

Опалы приглушили свое сияние. Теперь они уже не пылали жаром. Однако все равно их приглушенный свет был ярче, чем любой фонарь.

— Давайте посмотрим, — пробормотал волшебник. — Кто возьмет вот это?

Волшебник взял в руки серебряное кольцо с изящным белым камнем, который сверкал ярким огнем.

— Возьми его, дитя, — сказал он, передавая его Аверан.

Аверан надела кольцо себе на палец и радостно воскликнула:

— Сидит, как влитое. Словно сделано специально для меня.

— Возможно, оно и было сделано специально для тебя, — ответил волшебник с таинственной улыбкой.

Кольцо безудержно пылало. Аверан погладила его и прошептала:

— Тише!

Постепенно яркий свет сменился приглушенным мерцанием. Казалось, будто на руке у нее сверкает звезда.

Для вильде Бизнесман выбрал ожерелье с дюжиной золотых опалов. Он надел ей ожерелье на шею, и зеленая женщина тут же зачарованно уставилась на драгоценные камни.

После этого волшебник выбрал броши для себя и для Габорна.

Габорну он дал брошь с зеленым опалом, который сиял ярче всех цветных камней.

— Уникальный камень для единственного в своем роде человека, — провозгласил Бизнесман и приколот Габорну брошь.

Биннесман протянул руку над драгоценными камнями, готовясь погасить их свет, но тут Иом схватила его за запястье и сказала:

— Подожди. Я пойду с вами.

Из оставшихся драгоценностей она выбрала старинную драгоценную корону. Не каждый из ее опалов светился ярким светом, но, учитывая, что в короне были сотни опалов, Иом предполагала, что в их свете она сможет видеть на четверть мили дальше, чем обычно.

Габорн посмотрел на Иом. Взгляд его был серьезен.

— Нет, ты не пойдешь. Для тебя есть другое задание.— Он обвел взглядом присутствующих, как бы опасаясь, что его могут подслушать.— Если Чондлер не устоит, если его войско потерпит поражение в Каррисе, тогда, боюсь, все мои Избранные погибнут. Но все же и тогда останется одна хрупкая надежда.

— Какая?— спросила Иом.

— Спасаясь, кое-кто может податься на море,— ответил Габорн.— Опустошители ненавидят воду, к тому же их зрение недостаточно острого для того, чтобы пересекать океаны. Они избегают копать туннели на островах. Так почему бы ни увести людей в безопасное место. Ты поплывешь с ними на север, в замороженные моря. Опустошители не осмелятся преследовать вас.

— Значит, ты все-таки не оставляешь надежды услать меня в безопасное место,— сказала Иом с горечью.

— Ты отведешь наших людей в безопасное место. Я рассчитываю на тебя.

— Очень хорошо,— сказала Иом,— пошли приказ советнику Вестхавену в Мистаррию и советнику Ротгерману в Гередон, пусть они займутся приготовлениями. Они не понадобятся в моей помощи.

— Но... — возразил было Габорн.

— Не надо играть на моем чувстве долга, Габорн, — предупредила Иом. — Я тебе не какая-нибудь служанка. Я поклялась быть с тобой в радости и печали, быть ближе тебе, чем какой-нибудь другой человек. Мне ясно, что ты задумал. Ты хочешь послать меня в безопасное место. Как ты не понимаешь: единственное место, где я смогу быть в безопасности, — это рядом с тобой, ведь ты — Король Земли. В день нашей свадьбы ты поклялся, что будешь мне защитником.

— Я не знаю, что ждет нас там, внизу, — возразил Габорн. — Я не могу пообещать тебе, что там ты будешь в безопасности.

— Чего тогда стоит твое Прозрение Земли? Выходит, наша судьба для тебя — потемки, как и для любого другого человека. Но я обещаю тебе: когда другие падут, я буду твоим щитом. Пока ты будешь думать, как спасти мир, я буду думать, как спасти тебя.

Габорн пристально поглядел ей в глаза, тщетно ища, что бы возразить. Когда он заговорил, слова с трудом срывались с его губ, словно их вырвали у него пытками:

— Хорошо, мы отправимся в Подземный Мир вместе.

Глава 3

ОБРУЧЕННЫЙ С ЖЕНЩИНОЙ ВОДЫ

Из всех сил вода — наиболее соблазнительная, возможно, потому, что ей легче всего дать волю. Но берегись: потоки ее слишком быстро становятся безудержно бушующей стихией, которую уже не остановить. Тот, кто попытался обуздать воду, становится не более чем горстью щепок, которые она уносит прочь, к морю.

Из «Книги по волшебству для детей», написанной Хозяином Очага Колом

Сэр Боренсон и его жена Миррима покинули деревню Фэнравен еще до рассвета, когда туман поднимался с болот, а звезды падали с небес подобно искрящимся уголькам.

Боренсон первым делом кинулся на кухню и в спешке принялся закидывать провизию в рюкзак. Несколько колбас и пару буханок хлеба — это все, что он успел схватить. Затем, вооружившись боевым молотом, он пробрался к двери в гостиницу и выглянул на улицу. В темноте едва виднелись силуэты дремлющих домиков. Позади них деревья протягивали к

небу голые ветви, похожие на черные пальцы, в безмолвии стремящиеся поймать падающие звезды. Казалось, в деревне все спит: ни лая собак, ни любопытного хрюканья свиньи, ни привычной тонкой струйки печного дыма над трубой — ничто не подавало признаков жизни.

И все же что-то тревожило Боренсона. Он все еще помнил человека в капюшоне, который преследовал его две ночи назад. Он вспомнил фигуру на быстрой лошади, бесстрашно скачущую в темноте через кишачие вайтами болота Вестланда. То, что всадник осмелился отправиться в эту местность, несомненно, указывало на его смелость. Однако то, что он скакал в капюшоне, и то, что на копыта его коня были надеты чехлы из овечьей кожи, чтобы смягчать ее шаги, — все это указывало на то, что он мог принадлежать к наемным убийцам из Инкарры. Может быть, он был не более чем одиночкой разбойником, пробиравшимся во тьме в надежде подкараулить ничего не подозревавших купцов, однако Боренсон давно научился доверять своим подозрениям.

Вот и сейчас он не торопился покинуть свое укрытие. Стоя на пороге, он пристально вглядывался в тени. Удостоверившись в отсутствии слежки, он прошептал:

— Пойдем!

Бесшумной тенью выскользнув из двери, он прокрался за угол гостиницы и скрылся в конюшне. Внутри тускло мерцал огонек масляной лампы. Стойла были скрыты в темноте. Сверху доносился запах плесени. Это пахло сеном на сеновале — запах, характерный для поздней зимы или ранней весны. Учитывая, что сейчас была осень и сено лишь недавно сложили на сеновал, этот запах казался неожиданным и странным.

Боренсон смотрел на Мирриму, пока та зажигала лампу. Держа лампу в вытянутой руке, она направилась к загонам. Ее грациозные движения напоминали плавное течение воды. Боренсон ожидал, что движение заставит ее поморщиться от

боли, однако выражение ее лица не изменилось. Прошлой ночью Миррима сразилась с вайтом и одержала над ним победу, которая, однако, чуть не стоила ей жизни. Теперь, казалось, она окончательно излечилась.

Когда они подошли вплотную к стойлам, Миррима подняла лампу высоко над головой, высматривая их лошадей. Тут Боренсон удивленно присвистнул.

— Что такое?— прошептала Миррима.

— Моя резвая кобылка! Посмотри, она здесь. Должно быть, кто-то нашел ее.

Она была привязана рядом с боевым конем Боренсона. Эту лошадку он подобрал недалеко от Карриса и всего за несколько дней успел привязаться к ней всей душой. С тех пор как он потерял ее, спасаясь от вайта, прошло уже две ночи. Когда она неслась в темноте во весь опор, она поранила копыто об острый корень.

— Как ты думаешь, она будет хромать?

— Надеюсь, что нет,— ответила Миррима.— Это я нашла ее вчера вечером на окраине города. Одно копыто у нее было расколото — казалось, бедняжку уже пора пристрелить. Я смазала ей копыто бальзамом Биннесмана.

— Чудотворным бальзамом Биннесмана?— удивился Боренсон, уставившись на копыто.— Я думал, я весь его на тебя израсходовал.

— Ты потерял банку,— сказала Миррима.— В ней еще была капля бальзама.

На копыте осталась белая полоска, как будто бедняжка поранила его год назад, но в целом копыто было в полном порядке. Кобыла равномерно удерживала вес своего тела и не хромала, когда подбиралась поближе к Боренсону, чтобы потереться об него мордой.

Поглаживая свою любимицу, Боренсон с сожалением проговорил:

— Старый волшебник превзошел самого себя, создав эту мазь. Боюсь, другой такой нам не видать. Этот бальзам спас жизнь сначала Миррима, потом Боренсону, это было воистину волшебное снадобье, творящее чудеса. Но теперь оно закончилось.

— Да будут благословенны ручьи, которые текут с холмов Серинпира, и пусть возрадуется рыба, которая плавает в них! — провозгласила Миррима.

Слова ее напоминали пение. Боренсон слегка удивился ее словам. Было похоже на то, что Миррима цитирует песню, которую он еще никогда не слышал. И тут ему пришло на ум, что Серинпир — это не что иное, как название высокой горы к востоку от Баллингтона, где Биннесман изготовил свой бальзам.

— Далеко отсюда до Инкарры? — спросила Миррима, внезапно меняя тему разговора.

— Отсюда до Батенны семьдесят миль, — ответил Боренсон. — Если поторопимся, можем успеть туда до полудня. Там я смогу принять дары в доме маркиза. Оттуда еще сорок миль до южной границы. Переход через горы в Спрятанные Королевства, скорее всего, займет много времени, а вот потом, до самого Иселфериона, дорога будет хорошая.

— Иселферион — это там, где живет Король Урагана? — спросила Миррима.

Боренсон кивнул:

— Надо успеть туда к ночи. Мы должны доставить послание Габорию Королю Урагана. К тому же там мы сможем узнать, где сейчас находится Дейлан Хаммер.

— Это что, так просто? — спросила Миррима.

Боренсон лишь посмеялся над ее наивностью, спрашивая себя, а что вообще она знает об Инкарре. Он пристально взглянул на нее, пытаясь разглядеть черты ее лица в темноте.

— Я пошутил, — сказал он.

Они оседлали лошадей. Боренсон осторожно вывел кобылу из стойла, чтобы убедиться в том, действительно ли ее рана зажила. К своему величайшему восторгу Боренсон увидел, что кобыла не просто поправилась, но пребывала в прекрасной форме.

Вскочив на коней, Миррима и Боренсон скрылись в ночи, направляясь в сторону холмов к югу от города. На какой-то момент дорога внезапно спустилась в ложбину, и их окутал густой туман. Лошадь Мирримы подобралась вплотную к лошади Боренсона и скакала с ней бок о бок, будто опасаясь нового нападения вайтов. Боренсон украдкой бросил взгляд на жену, проверяя, не боится ли она, и тут же понял, что его опасения напрасны. Миррима скакала, гордо запрокинув голову, словно наслаждаясь этим моментом. Туман оседал на ее коже жемчужными каплями. Роса покрывала ее лоб и волосы, рассыпавшись сверкающими капельками. Воздух был насыщен влагой, и Миррима, раздувая ноздри, жадно вдыхала его, как будто пила, пытаясь утолить жажду.

Боренсон крикнул от удивления. С прошлой ночи его жена, казалось, изменилась до неузнаваемости. В ее дыхании ему чувствовался запах воды. Дыхание Мирримы было похоже на ветер, доносящийся с дальнего озера, а ее волосы благоухали как поднимающееся марево над неподвижной водой. И двигалась она теперь по-другому. В ее движениях появилась неуловимая легкость. Казалось, она плывет, наполненная спокойствием и умиротворением.

Она была рождена чародейкой. Теперь она знала, что являлась служительницей стихии воды. Прикосновение воды излечило и преобразило ее, но ей пришлось отвергнуть возможность служения этой стихии. Миррима предпочла остаться с ним.

Да... Она теперь совсем другая.

На протяжении нескольких миль дорога шла в гору. Вскоре они поднялись настолько высоко, что могли видеть

туманные болота, оставшиеся позади. Вдоль дороги чередовались леса и поля. Леса здесь были совсем другими — тихими и сухими. Казалось, все мрачное и недоброе осталось позади, и все же Боренсона не покидало чувство опасности. Он тревожно вглядывался вдаль, боясь вновь увидеть там человека в капюшоне. Миррима и Боренсон почти не разговаривали друг с другом, а если им и случалось обменяться парой слов, то говорили они только шепотом. Приближаясь к очередному перелеску, они всегда пришпоривали лошадей и неслись галопом. Всякий раз, достигнув вершины холма, они останавливались и подолгу рассматривали оставшийся позади участок дороги.

Продвигаясь таким образом, они через некоторое время достигли равнин Трагенвольда — скалистой местности, поросшей лесом. Дорога здесь использовалась настолько редко, что стала почти непроходимой. Из щелей между камнями торчали кусты терновника. Дорогу обрамляли обветшавшие статуи лордов. Этим статуям, как и камням, которыми была вымощена дорога, исполнилась уже не одна тысяча лет. Они несли на себе явные следы воздействия природных сил. Дождь и ветер изрядно потрудились над древним камнем. Разинутые рты фигур молча возносили славу древней Ферессии — некогда могущественнейшему из государств.

Но то были дела давно минувших дней. Теперь же черные сосны столпились вокруг кладбищенских руин. В одиноких рощах кричали совы, а ветер разносил их голоса по впадинам и пещерам. Примерно около часа дорога серпантинном вилась вокруг гор, то поднимаясь, то опускаясь. Утреннее солнце задумчиво поднялось над горизонтом. Оно было огромно в своем рассветном величии.

Боренсон чувствовал присутствие душ умерших в этих лесах. Они прятались в глубокой тени и в поросших мхом деревьях. Они как бы томились в заточении, не смея поки-

нуть своего убежища. Однако чутье подсказывало Боренсону, что местные духи не были злыми. Когда-то они были людьми, такими же как он. Таких привидений не стоило бояться. К тому же всякий раз, когда Боренсон покидал покров деревьев, солнце согревало его спину. Перед лучами солнца духи были бессильны. Они не смели покинуть своего убежища, приняв видимое глазу обличье.

Как только взошло солнце, Боренсон посмотрел себе под ноги, ища следы. Однако на протяжении многих миль дорога была девственно чиста. И вот наконец, когда они приблизились к ручью, на вязкой влажной почве они отчетливо увидели размытый отпечаток — характерный знак, в отличие от ровного следа копыта указывающий на то, что здесь проехала лошадь, обутая в чехлы.

При взгляде на этот отпечаток глаза Боренсона вспыхнули:

— Это тот убийца. Как думаешь, след свежий?

Он закинул руку за спину и вытащил из ножен свой боевой молот.

Миррима прыгнула с лошади. Дар чутья она приняла от собаки, и теперь обнюхивала землю вокруг следа, затем нюхала воздух.

— Нет, — сказала она. — Этот след был оставлен день назад, оставлен человеком. Человек этот, судя по запаху, очень странный.

— Странный? — прошептал Боренсон.

— Его запах напоминает мне об открытых равнинах и одиноких холмах. Возможно, он был в пути всего несколько дней. И все же я думаю, он уже давно скитается по белому свету. Такой человек скорее будет спать под дождем, чем в уютной гостинице.

— Да-а... — протянул Боренсон. Он огляделся. — Скорее всего, Радж Ахтен послал его следить за этой дорогой

примерно месяц назад. Мы напоим лошадей и позавтракаем здесь.

Он спрыгнул с лошади и отвел ее вверх по холму, подалее от ручья. Здесь, на опушке рощи, несколько ореховых деревьев стояли кружком. Они были похожи на старушек, собравшихся посплетничать. Отсюда дорога спускалась по холмам по направлению к Фэнравену. Дорога вилась тонкой лентой, пока не достигала широкой трассы, ведущей к городу. Приглядевшись, Боренсон увидел окрестности Фэнравена.

Разводя костер и поджидая, пока разгорятся мелкие веточки, Боренсон не сводил глаз с дороги. Вскоре пламя начало лизать кору на ветках покрупнее, потом занялось и на поленьях. Подождав, пока в костре будет достаточно углей, Боренсон принялся жарить сосиски, которые он захватил с собой с постоянного двора. Вдруг ему почудилось легкое движение на дороге. Он увидел рыжего лося огромных размеров, утомленной походкой пробиравшегося сквозь деревья. Он шел, с трудом волоча ноги и закинув голову назад, так что рога практически касались спины. Лось осторожно нюхал воздух большими ноздрями. Определенно, он вынюхивал лосиху. Загадочного всадника по-прежнему не было видно. На много миль вокруг не было ни души.

И все же Боренсон продолжал чувствовать беспокойство. Он не мог точно сказать, чего он боялся. Возможно, его тревожила эта поездка в Инкарру, которая сама по себе была достаточно опасной.

Однако у него был повод для беспокойства и посерьезнее. Миррима — вот что занимало его в данный момент. Последние несколько недель он упорно сопротивлялся своему чувству, не разрешая себе влюбиться в нее. Его основным долгом было служение Габорпу. Он и представить себе раньше не мог, что в его жизни останется место для любимой жен-

щины, для жены. Раньше он думал если ему и суждено жениться, то обязательно на какой-нибудь бедной женщине, которая будет готовить ему еду и удовлетворять другие физические потребности в благодарность за предоставленный кров. Он и представить себе не мог, что женится на женщине прекрасной, на женщине сильной, которая будет горячо любить его, на женщине, обладающей в равной степени разумом и страстью.

Теперь же он был просто раздавлен этой любовью. Он был оглушен, как мальчишка, который чуть не лишился чувств, когда его сердце в первый раз разорвала невероятная страсть. Прошлая ночь с Мирримой, когда они предавались любви, была само совершенство.

И все же Боренсон чувствовал, что-то было не так. Он опасался, вдруг Миррима оставит его — или, вернее, ему казалось, будто некая сила пытается увести ее от него.

Время от времени он думал о человеке в капюшоне. От одной только мысли о нем веяло чем-то зловещим.

Миррима осталась сидеть у ручья. Оказавшись наверху, Боренсон не видел ее. Ее силуэт скрылся из виду в сплошной заросли деревьев. Боренсон думал, чем же она сейчас занимается? Возможно, она купается, или просто отдыхает, или же собирает дрова для костра. Однако вскоре мысль, что он не видел ее уже довольно давно, обеспокоила Боренсона. Он уже успел наколоть толстые колбаски на заостренные палочки и принялся поджаривать их над углями, а Мирримы все еще не было видно.

Боренсон понимал, окликнуть ее было бы в высшей мере неразумно, учитывая, что они находились в местности, где разбойники могли быть на каждом шагу. Поэтому, не произнося не слова, он поспешил обратно к ручью. Рядом с дорогой Мирримы не было видно. Однако на мягкой земле рядом с ручьем он увидел отпечатки ее маленьких ног. Миррима

направилась вниз по течению ручья. Обнаружить ее оказалось несложно. Ковер из мха и опавших листьев, покрывавший мягкую почву, позволял даже такому увесистому мужчине, как Боренсон, свободно продвигаться вперед, не увязая в болоте. Негромкая музыка бормочущей среди круглых камней воды сопровождала звук его шагов. Воздух был наполнен запахом бегущего потока.

Боренсон неслышно пробирался все дальше и дальше, следуя за цепочкой ее следов. Следы Мирримы одинокой тропкой вились вдоль ручья. Других отпечатков на земле не было видно. Только однажды Боренсон заметил нечто, что его насторожило. Ее следы пересеклись со следами огромного волка. Это напомнило ему, что они находились в диких лесах.

Боренсон неожиданно оказался на обрывистом склоне, где ручей устремлялся вниз и вливался в небольшое озеро, которое тут же переходило в озеро побольше. Вода в дальнем озере была неподвижна и прозрачна, как стекло.

На берегу, у самой воды, он увидел Мирриму, сидящую на ковре зеленой травы, усыпанной полевыми цветами. У кромки воды рогоз тянул вверх свои головки. Вода была настолько прозрачной, что можно было разглядеть дно. Рыбки, сверкая серебристыми боками, играли среди уходящих под воду черных корней огромной сосны.

Миррима не купалась. Она просто сидела, опустив босые ноги в озеро и рассеянно глядя на воду. Спустя пару мгновений Боренсон заметил какое-то волнение на поверхности воды, словно какая-нибудь рыбка, может, уклейка, а может, и покрупнее, проплыла близко к поверхности воды. Сначала она очертила круг, затем закрутилась серпантинном по направлению к центру круга и вдруг разделилась на три части, которые зигзагом брызнули в разные стороны и исчезли.

Тут Боренсон сообразил, что кто-то написал на поверхности воды руну. Руну, которую он не узнал. Сердце его похолодело. Не успела поверхность озера разгладиться, как новая руна начала приобретать форму. Боренсон неотрывно смотрел на воду, как бы силясь разглядеть источник этого удивительного движения: были ли это рыбы или водяные жуки. Однако ничего подобного он разглядеть не смог. Движение рождалось как бы само по себе.

Внезапно Боренсон понял, чего именно он боялся эти последние пару дней. Не убийца в капюшоне отнимет у него жену, а одна из Сил. Сила Воды — это она стремится смазать Мирриму, увлечь ее, увести ее от него.

Как же я раньше не догадался! с досадой говорил Боренсон сам себе. Я должен был увидеть это — в том, как она плывет по земле, или в том, как она вдыхает утренний туман, и в том, как роса блестит на ее волосах. Она — ундина!

Боренсон схватил ветку с земли и сердито швырнул ее в озеро. От внезапного удара потревоженная вода заволновалась. Миррима подняла голову, и широкая улыбка озарила ее лицо.

— Ты сказала, что отвергла воду, — упрекнул ее Боренсон, стараясь изо всех сил совладать с голосом.

— Нет, не отвергла, — сказала Миррима. — Я сказала, что люблю тебя больше и отказываюсь пойти к морю.

— Но ведь Силы не позволяют нам сделать такой выбор. Ты не можешь любить одновременно меня и воду.

— Ты в этом уверен? — спросила Миррима. — Разве человек не может любить свою жену, своих детей, свою лошадь и свою собаку, а также свой дом и свою страну. Разве человек не может глубоко любить каждого из них, и каждого по-своему?

— Может, — ответил Боренсон. — Но жизнь всегда заставляет нас выбирать между теми, кого мы любим. Если ты

попробуешь служить Воде, она заявит на тебя свои права, так же как Земля заявила свои права на Габорна.

— Габорн служит хозяину с жестким характером, твердым и непримиримым, как камень, — сказала Миррима. Она опустила руку в озеро и, зачерпнув ладонью воды, вылила ее на ближайший камень. — Вода — текучая и послушная, она заполняет пустые места вокруг нас и пустоты внутри нас, она несет и поднимает нас. Пусть меня уносят глубокие потоки воды, я все равно буду любить тебя. Ведь я сказала прошлой ночью, что я люблю тебя и не оставлю никогда. Это правда.

Боренсон знал, что немногие из тех, кто любил воду, могли долго противостоять ее зову. Однако мягкий, успокаивающий тон Мирримы почти развеял его страхи.

— Иди сюда, — сказала она, положив руку на землю рядом с собой.

Боренсон спустился по склону и уселся на корточки на траве рядом с Мирримой.

Она дотронулась до его руки.

Говорят, если обычным людям случается находиться рядом с могущественными волшебниками, такие люди в этот момент испытывают странные чувства. Присутствие Пламяплетов вызывает у людей жажду — жажду наживы, жажду крови, жажду плотских удовольствий. В присутствии Охранителей Земли возникает желание созидать или культивировать землю или искать уединения в темных местах. Раньше Боренсон никогда не замечал в себе подобных ощущений, до этого самого момента. Когда Миррима взяла его за руку, он почувствовал, как на него нахлынуло ощущение покоя — очищающее чувство, которое смыло все его сомнения и волнения. Нечто подобное он пережил прошлой ночью, когда они лежали вместе в постели, сплетаясь телами. Тогда он подумал, что это ощущение родилось внутри него само по себе,

что он просто почувствовал уют от совершения таинства любви. Теперь он понимал, что это было нечто большее.

Миррима взяла его правую руку в свои ладони и заглянула ему в глаза. Ее же глаза стали вдруг такими темными, что казались почти черными. Белки ее глаз светились бледно-голубым светом. Хотя в воздухе не было ни капли утренней росы, бусинки воды все же сверкали в ее темных волосах, а ее дыхание благоухало, как горный родник. Однако на ундину она не была похожа. Глаза ее не были такими зелеными, у нее не росли жабры, а на коже не было и намека на серебряную чешую.

— Не бойся,— говорила она, и ее слова удивительным образом растворяли его страх.— Вода возлагает на меня миссию, которую я желаю выполнить. Грядут темные времена — безводные, сухие времена. Воде нужны воины, чтобы дать стабильность и принести выздоровление Земле. Вот что я думаю: ты и я — одно целое. Я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной.

Она должна стать воином Воды? удивился Боренсон.

Это объясняло тот факт, почему у нее не было никаких признаков ундины. Возможно, это так же объясняло ее необычную силу в бою. Именно ее рука поразила Темного Победителя, когда все другие были готовы покориться ему. Ее рука прогнала вайт — существо, которое ни один из смертных не смог бы изгнать. Вчера она отправила на тот свет не одну дюжину опустошителей. Да, несомненно, Миррима идеально подходила на роль воина. Более того, Боренсон понимал, что Вода сделала свой выбор очень мудро, совместив свое желание с внутренним стремлением самой Мирримы.

Он заглянул в глаза Мирримы и увидел в них холод.

— Пожалуйста, пойдем со мной! — сказала она. — Это битва, которая не оставит на сердце шрамов. Вода излечит все раны.

Что заставило ее сказать это? Она знала, что чувство вины из-за убийства Посвященных в крепости Сильварреста чуть не погубило его. Но знала ли она, что после этого он стремился к воде и что совершил жертвоприношение рядом со священным озером. Пускай она сама и не догадывается об этом, ее хозяйка наверняка все знает. Ее устами она только что предложила Боренсону сделку.

Миррима сложила левую руку ковшиком, зачерпнула воды из озера и полила ее на их сплетенные ладони. В последнюю минуту Боренсон едва сдержал непроизвольный порыв отдернуть руку. И вот холодная жидкость просочилась на его ладонь. Вода омыла его руку— руку, которая неделю назад была так запятнана кровью, что Боренсону казалось, он никогда не отмоет ее. Миррима медленно продолжала лить воду на его руку. Вода стекала по его пальцам, струилась по ладони и по предплечью до самого локтя. Боренсон с удивлением заметил, что вода в ладошке у Мирримы не кончалась, а все продолжала литься.

Удивительно было и то, что вода оказалась гораздо теплее, чем он думал, словно озеро все еще хранило тепло лета. После того как Миррима совершила это омовение, вся боль и усталость, которые до этого отягощали его правую руку, исчезли без следа. Боренсон чувствовал себя очищенным, будто заново родился.

Миррима засмеялась, глядя на него, она пришла в восторг, видя его удивление. Она снова опустила руку в озеро, и водомеры разлетелись во все стороны, когда она зачерпнула воду еще раз.

— Пусть вода даст тебе сил,— прошептала она, пролив пригоршню воды ему на голову. В тот же момент его сознание, казалось, очистилось.

Страхи, терзавшие его относительно ее будущего, равно как и сомнения насчет своей собственной судьбы, растаяли

без следа. Она еще раз зачерпнула воды и вылила эту последнюю пригоршню ему на грудь.

— Пусть вода укрепит тебя,— прошептала она и наклонилась вперед, чтобы поцеловать его, затем прибавила: — Пусть вода возьмет тебя.

Она прильнула к его рту губами и ухватила за его тунику с нечеловеческой страстью. И в этот же момент мощным толчком она сбросила его в озеро. Уже очутившись под водой, он понял, что она все еще держит его, не давая подняться на поверхность. Заключенный в ее объятия, прильнув к ней губами, он чувствовал, как теплая вода охватывает его со всех сторон. Оказалось, теперь ему не нужно больше дышать. Ее объятие было крепким, и он понял, что она действительно любит его почти так же сильно, как воду.

Глава 4

КРАБ-СЛЕПЕЦ

Наиболее типичным обитателем Подземного Мира является краб-слепец. Эти создания принадлежат к той же семье живых существ, что и опустошители, о чем позволяет судить наличие у них щупалец и схожей структуры скелета. В природе встречаются крабы-слепцы самых разнообразных размеров: от миниатюрных светящихся крабов, населяющих пещеру Ваддельс в Альнике (такие крабы могут легко уместиться на большом пальце руки новорожденного ребенка), до краба-бегемота из Делвингского Провала, в чьем пустом панцире могла бы поместиться целая семья.

Из «Обитателей Подземелья», написанного Хозяином Очага Квиксом

Габорн Вал Ордин спускался в Подземный Мир. По мере продвижения от живности, которая была еще заметна у входа в пещеру, не осталось и следа. Кругом царили холод и опустошение.

В неподвижном ледяном холоде воздух, выдыхаемый лошадьми, немедленно превращался в пар. Примерно через полмили пути на стенах туннеля уже блестел лед. Свод туннеля и земля под ногами были также покрыты коркой из льда. Сверху свисали сосульки замысловатой формы. Можно было подумать, что до них не дотрагивалась ничья рука вот уже пару тысяч лет. Тут и там замерзшая вода застыла в форме причудливых кристаллов. В таких местах лед отражал свет, излучаемый опалами, и разбрасывал его по туннелю ослепительными брызгами.

Впереди в свете опалов начали вырисовываться громоздкие очертания какого-то предмета. Подъехав ближе, они увидели тело мертвого опустошителя. Трудно было сказать, умер ли он своей смертью, или был убит своими сородичами, или же затоптан ордой, когда та мчалась по пещере. Мрачное чудовище было приплюснуто к стене, как будто опустошители пытались протиснуться мимо него. Было видно, что по нему хорошенько потоптались ему подобные. Однако голова его осталась нетронутой. Она прислонилась к стене. Огромные челюсти были распахнуты, во рту виднелись ряды острых зубов. Труп окружали несколько крабов-слепцов. Они отважились спуститься так низко, очевидно соблазненные запахом, исходящим от мертвого опустошителя. Однако вместо наживы их ждала гибель — они не выдержали холода и лежали теперь неподвижно вокруг мертвого гиганта.

Туннель здесь был еще достаточно широким. Пятеро человек, составляющие их маленький отряд, свободно могли ехать в ряд, что они и делали, хотя лошади уже начали дрожать и продвигались вперед очень неохотно.

На полу туннеля виднелось огромное количество следов ног опустошителей. Пару дней назад здесь промчалась орда в более чем семьдесят тысяч монстров. Дно туннеля прорезала глубокая канава — красноречивое свидетельство

их недавнего продвижения. Туннель плавно вел вниз. Благодаря тому что уклон был еще не слишком крутым, здесь легко можно было проехать верхом.

Аверан ехала во главе отряда. Она приняла дары чутья от собак и теперь, возглавляя шествие, она надеялась почуять едва уловимые запахи, которые опустошители передавали друг другу, используя их вместо речи. Аверан была единственным человеком, который научился понимать их язык. Девушка внимательно приноживалась, а по лицу ее текли слезы. Ей вспоминалось долгое и печальное прощание с одним из ее Посвященных — одноруким великаном по имени Брэнд.

Габори и Иом скакали бок о бок. Иом старалась не отставать от Габорна и держаться к нему поближе, ведь она не была воином, несмотря на то что приняла даров не меньше, чем любой капитан из войска Габорна. Завершали процессию Бизнесман и зеленая женщина.

Туннель неуклонно уводил их все ниже и ниже. До сих пор им не встретилось ни одного ответвления. Туннель был прямым как стрела. Если иногда он и поворачивал, что случалось очень редко, Габори был уверен, это происходило лишь потому, что на пути его строителям попался исключительно большой камень или участок слишком твердой почвы.

Тут и там на глаза им попадались следы разрушений, свидетельствовавших о древнем возрасте этого туннеля. Потолок местами обвалился, оставив груды камней и щебня на полу туннеля. Пару раз дорогу им преграждали трещины в земле. Заглянув в одну из трещин, Иом не смогла увидеть дна, словно трещина шла до самого центра земли.

Однако несмотря на все эти незначительные разрушения, туннель по большей части оставался в целости и сохранности. Строительное мастерство опустошителей заключалось

в том, что прорытые ими ходы сохраняли свою форму в течение многих сотен лет.

— Землетрясение — обычное дело для опустошителей, — подумал Габорн. — Похоже, они знают, как справляться с ними, так же как мы умеем обращаться с ветром и дождем.

Однако скоро по ходу движения стали заметны такие явления природы, влияние которых было не так-то легко избежать. Кое-где сквозь породу просачивалась вода. В таких местах в течение долгих веков формировались сталагмиты и сталактиты. Четыре дня назад эти причудливые конструкции были впервые потревожены и оторваны от своих привычных мест, когда армия опустошителей промаршировала через туннель. Кое-где вода текла по стенам, образуя неглубокие потоки и лужицы. Несомненно, рано или поздно вода находит какую-нибудь щелочку, куда можно просочиться. С годами такие щели становились шире и прорезали пол туннеля насквозь.

Спустя дюжину миль воздух в пещере стал теплее. Сосульки исчезли, и в одно мгновение пещера наполнилась густым холодным туманом.

Лошади внезапно замедлили шаг. На первый взгляд ничто не предвещало опасности, однако сердце у Габорна учащенно забилось. До сих пор благодаря хорошей видимости Габорн был уверен, что враги не подойдут к ним незаметно. Теперь же свет, излучаемый опалами, померк, и Габорн с трудом мог разглядеть свою ладонь, даже поднеся ее к лицу.

Все были вынуждены спешиться. Габорн направился вперед, ведя свою лошадь под уздцы. Строптивое животное непослушно дергало головой, пытаясь вырвать удила из рук хозяина. Ему вдруг вспомнился разговор, который состоялся, пока Аверан принимала последние дары.

— Ваше Высочество, я прошу вас взять меня с собой. Позвольте мне, по крайней мере, сопровождать вас хоть часть пути, — попросила Хроно Габорна.

Просьба историка обеспокоила Габорна.

— Ты слишком часто обращаешься ко мне с просьбами и никогда не даешь ничего взамен. Ты всегда говоришь, дескать, Хроно не смеют вмешиваться в политические интриги, что ваш удел — лишь наблюдать за людскими делами и оставаться верными Лордам Времени, не служа никакому другому господину. И все же в этот раз я прошу тебя вмешаться. Это будет моя последняя просьба. Я прошу о помощи. Попроси всех Хроно мира предупредить человечество об опасности и велеть людям держать путь к южным или к северным морям, чтобы укрыться на островах. Если мы не разобьем войско опустошителей при Каррисе, другой возможности спастись может не быть.

Габорну его просьба казалась легко выполнимой. Каждый Хроно отдавал дар ума другому, а тот отдавал ему свой дар ума взамен. Таким образом, у двух Хроно была одна память на двоих. Из двух близнецов та Хроно, которая сейчас стояла перед Габорном, выступала в роли наблюдателя, тщательно отслеживая каждое слово и дело Габорна. Ее близнец выступал в роли летописца. Он жил уединенной жизнью на острове в холодных морях к северу от Орвинна, записывая хроники жизни Габорна. Учитывая то, что все летописцы жили вместе, они представляли собой мощный коллективный разум. Теоретически Хроно легко могли бы выполнить просьбу Габорна и предупредить всех лордов во всех королевствах о надвигающейся опасности.

— Но это нарушит наш политический нейтралитет! — возразила Хроно.

— Только не в том случае, если вы предупредите всех людей одновременно, — сказал Габорн. — Я не прошу вас отдать предпочтение какой-либо одной нации. Предупредите все человечество, помогите мне спасти каждого, кто пожелает спастись!

Первый раз в жизни Габорн увидел, как Хроно нахмурилась, серьезно обдумывая просьбу Габорна. Согласно закону, действующему в сообществе Хроно, если бы принц упал в озеро и начал бы тонуть, Хроно не имели права предложить свою помощь.

После минутного размышления Хроно ответила:

— Ты понимаешь, что хочешь ты того или нет, подобное известие вызовет политическую неразбериху. Королевские семьи начнут покидать свои земли, посылать своих детей на острова. Народы перемешаются и сдвинутся со своих насиженных мест. Люди начнут воевать друг с другом, чтобы обрести контроль над северными островами.

— По крайней мере, хоть кто-то выживет, — возразил Габорн. — В противном случае человечеству не устоять против армии опустошителей.

Хроно Иом, молодая девушка, пока новичок в своем деле, взглянула на Хроно Габорна и сказала:

— Следует рассмотреть эту просьбу на совете.

— Ты рискуешь породить раскол в сообществе! — возразила Хроно Габорна.

— А ты рискуешь судьбой самого человечества! — закричала Хроно Иом в ответ.

Сердце Габорна, казалось, вот-вот вырвется из груди. Никогда до этого он не становился свидетелем такого ожесточенного спора между двумя Хроно. Две женщины стояли, пожирая друг друга глазами. Внезапно Хроно Габорна развернулась и направилась к своей лошади. Она вскочила в седло и ускакала в припадке ярости.

Хроно Иом сказала Габорну:

— Ваше Высочество, я сделаю все, что в моих силах, чтобы удовлетворить вашу просьбу.

— Спасибо! — ответил Габорн.

Он протянул руку и сжал ее ладонь.

Девушка посмотрела вслед удаляющейся Хроно Габорна и печально покачала головой.

— Хроно старой закалки, такие, как она, забывают, что значит любить, иметь семью и друзей. Их единственным страстием становится наблюдение, а единственными друзьями — их близнецы.

Габорн поинтересовался:

— А на вашем совете будет ли у тебя шанс отстоять свое мнение против таких, как она?

Девушка покачала головой:

— Не знаю. Мы служим Лордам Времени. Мы ведем наши летописи. Но что мы будем записывать, если все люди погибнут? Наступление опустошителей, медленное остывание солнца, конец всего? Я думаю, настало время, когда мы должны действовать, и если мы сделаем этот выбор, мы должны действовать сообща.

Габорн продолжал идти сквозь туман. Он тщетно пытался пронзить темноту силой своего Зрения, дарованной ему Землей.

— Этот туман ненадолго, — заверила своих спутников Аверан. — Впереди есть широкий проход, ведущий наверх. Там горячий воздух, поднимающийся из Подземного Мира, встречается с холодным воздухом с гор.

Иом спросила:

— Габорн, ты чувствуешь опасность? Там впереди есть опустошители?

— Да, — отвечал Габорн, стараясь смягчить свой ответ, словно стесняясь своего провидческого дара. — Я чувствую опасность, но до нее еще много миль.

Он и сам удивился своим словам. Если бы опустошители планировали напасть на них, то почему не сделать это здесь. Густой туман, окружавший их, создавал идеальные условия для внезапного нападения.

Габорн спросил Аверан:

— Вчера ты предупредила меня об опасностях, которые поджидают нас здесь. Что ждет нас впереди?

Аверан тряхнула головой, будто пытаясь навести порядок в своих мыслях.

— Главная опасность — это опустошители, — сказала она. — Но есть и другие опасности: глубокие каньоны, преодолеть которые могут только опустошители, легко взбираясь по их склонам, но не человек. Также нам грозит опасность в виде других живых существ.

— Имея столько даров, сколько имеем мы, не думаю, что нам следует беспокоиться о каких-то животных, — сказал Габорн.

Аверан задумалась на мигновение, затем издала возглас отчаяния:

— Это... Я не помню. Неделию назад потолок этого туннеля был опутан ростками растений, а пол был усеян стаями грызунов. Мне удалось узнать это от Прологателя Путей. Но теперь опустошители очистили и разровняли дорогу, так что я не могу с уверенностью сказать, что мы найдем впереди. И я не знаю точно, по каким дорогам нам нужно идти. Бесконечная Пещера окружена множеством туннелей. Там есть и такие тропы, которыми не отваживаются ходить даже сами опустошители. Если мы не хотим встретиться с ними, нам придется использовать некоторые из этих нехоженных троп. Они же таят в себе самые грозные опасности.

— Ты сказала, мы обязательно повстречаем опустошителей. Они что, выслали вперед стражников? — спросил Габорн.

Аверан снова задумалась.

— Я уже говорила тебе — опустошители, с которыми ты сражался, не были воинами. Это были фермеры и пролагатели туннелей, мясники и... просто обыкновенные опустошители. Лишь немногие из них знали, как сражаться. Да, у них

были рыцарские клинки и пики, но они и понятия не имели о том, как их правильно использовать. Если же впереди нас поджидают патрули, выставленные опустошителями, могу сразу сказать вам, чего следует опасаться. Опустошители обычно закапываются в землю, когда поджидают добычу. Они прорывают туннель под дорогой и лежат там неподвижно. Они умеют настолько искусно прятаться, что невозможно заметить даже неровность на дороге. За исключением двух щупалец, находящихся на поверхности, все их тело находится под землей.

— Я всегда думал, а могут ли они видеть нас, когда находятся под землей?— спросил Биннесман.

— Нет,— ответила Аверан.— Как я и говорила, зрение, подобное человеческому, у них отсутствует. Они лишь улавливают форму живого существа, воспринимая энергию, текущую в его теле. Это течение жизненной энергии подобно вспышкам молнии.

— Сила электричества,— сказал Биннесман.

— Как бы это не называлось,— ответила Аверан,— сквозь грязь и пыль они не могут видеть лучше, чем ты. Но если щупальца или голова находятся на поверхности земли, они могут унюхать твое приближение, уловив вибрации. Когда ты окажешься на спине одного из них, он внезапно поднимется и сбросит тебя на землю. Он убьет тебя, не успевшь ты и пошевелиться.

— Я слышал об этом,— с горечью сказал Габорн.

Хоть Аверан и не знала об этом, Габорн однажды ходил охотиться в Данивуд на опустошителей. Это было всего лишь день спустя после того, как он женился на Иом. Он охотился в древней пещере, где залегли несколько опустошителей. Несмотря на то что Габорн был Королем Земли и мог использовать Прозрение Земли, чтобы предупредить своих людей об опасности, лишь немногие из его спутни-

ков выжили в этой экспедиции. Почти четыре дюжины рыцарей погибли при обстоятельствах, которые только что описала Аверан.

— Впереди опасность,— сказал Габорн.— Мы встретим ее примерно через сто миль, не раньше.

— Я сейчас кое-что вспомнила,— сказала Аверан.— Я узнала это от Прологателя Путей. Впереди нас ждет огромная пещера. Не знаю, как перевести систему измерения расстояний опустошителей в ту, которую используем мы, но я думаю, примерно через сто миль. Перед тем как опустошители вырвались на поверхность, они находились там в течение многих дней.

— Это место нечто вроде плацдарма?— спросил Габорн.

— Я думаю, сейчас там тоже может находиться большое количество опустошителей,— сказала Аверан.— Целая армия, и большая. Я видела это в сознании мага пустоши.

У Габорна чуть сердце не выскочило из груди. Семьдесят тысяч опустошителей напали на Каррис. Если впереди их поджидает орда такого же размера, есть ли у отряда хоть малейшая надежда незаметно проскользнуть мимо?

— А нет ли способа обойти плацдарм?— спросил Габорн.— Может, существует какой-нибудь боковой туннель?

Аверан задумчиво посмотрела Габорну в лицо.

— Может, нам поискать другой вход в Подземный Мир?

— Слишком поздно. На это нет времени.

— Мы могли бы попытаться проскользнуть мимо них, или, если нам удастся легко расправиться со стражниками, возможно, нам посчастливится избежать погони.

В этот момент Габорну показалось, будто туман настолько сгустился, что стало трудно дышать. В его душу закрались сомнения относительно Аверан. Несмотря на то что она узнала так много об опустошителях, она и понятия не имела, куда вести отряд. Скорее всего, голова ее была настолько

переполнена информацией, что у нее просто не было времени создать полную картину из множества кусочков.

— Скажи,— спросила Иом.— Опустошители хорошо видят сквозь туман?

— Да,— ответила Аверан,— для них он почти незаметен.

Не успела Аверан произнести эти слова, как Габори почувствовал, что туман начинает рассеиваться. Уже через несколько шагов он полностью улетучился. Здесь туннель разветвлялся. Из левого рукава поступал более теплый воздух, похожий на летний бриз. Правда, этот ветерок нес с собой запах минералов и сырости. Правый туннель круто уходил наверх.

— Поворачивайте налево,— сказала Аверан.— Наш путь почти всегда лежит вниз, по направлению к теплomu воздуху.

В туннеле постепенно начинали появляться признаки жизни. Лед здесь почти полностью растаял и под влиянием тепла и влажности в изобилии росла червь-трава, покрывая весь пол и стены. Червь-трава получила свое название из-за того, что ее напоминающий морского ежа куст был весь покрыт мягкими отростками, по форме похожими на дождевых червей. С потолка свисали длинные ленты пещерных бурых водорослей, а по стенам тут и там лепились пучки разноцветных грибов.

Вся эта растительность по большей части несла на себе следы повреждений. Видно было, что пещерная флора сильно пострадала. Тут и там целые кусты растений были вырваны с корнем.

Время от времени на глаза им попадались крабы-слепцы, пробирающиеся вдоль стен в поисках еды. Они были совершенно не похожи на обычных крабов, населяющих реки и берега морей. По форме они напоминали опустошителей и походили на гигантских клещей. У каждого из них имелось шесть длинных тонких ног.

Участники похода вновь сели на лошадей и лоскакали во весь опор.

Большинство молодых крабов-слепцов были абсолютно бесцветными. Их панцири казались хрустальными. Сквозь прозрачную броню отчетливо были видны их внутренности и мышцы. Габорн видел, как их сердечки начинали бешено колотиться от страха, когда лошади скакали мимо, громко стуча копытами. Габорн также мог различить цвет пищи, которую краб ел пару часов назад. Почти все крабы были невелики — всего несколько дюймов в длину.

Несколько гри стрелой промчались сквозь туннель. Гри питались насекомыми и паразитами, обитающими в шкуре опустошителей. Сейчас они, наверное, направлялись на поиски корма. Они часто-часто махали черными крыльями и пищали, словно от боли. Одна из них, обезумев от голода, села на плечо Иом. Голова животного имела форму лопаты, так же как у опустошителя. И так же как у него, у нее были крошечные щупальца, которые обрамляли голову, начиная ото лба и заканчивая подбородком. Животное немедленно зацепилось коготками за плащ Иом и принялось шебуршить лапками в ее одежде, ища насекомых. Иом вскрикнула и крепко сжала гри в кулак, затем швырнула ее об стену.

Вскоре после этого на пути им встретился первый за их путешествие великий червь. Серого цвета, похожий на слизняка, примерно девять футов в длину и толщиной с человеческую руку, он полз не спеша, оставляя за собой след и поедая колонию плесени.

Габорн зачарованно смотрел на червя. Об удивительных растениях и животных, населяющих Подземный Мир, он слышал прежде только в сказках и легендах, а теперь увидел одного из его обитателей своими глазами.

С тех пор как они миновали туман, отряд вот уже в течение нескольких часов неуклонно спускался в самое чрево земли. Теперь на их пути часто попадались боковые туннели. Эти

ответвления хранили следы бурной деятельности опустошителей.

На каждом перекрестке Аверан останавливалась и приноживалась к воздуху. Уловив запах, подсказанный ей Прологателем Путей, она говорила своим товарищам, куда им следует направляться. Однако, даже принимая во внимание то огромное количество информации, которую она получила от Прологателя Путей, ее все-таки ждало несколько сюрпризов.

Они ехали вот уже несколько часов быстрым шагом, когда Габорн заметил кое-что необычное. В стене туннеля обнаружилась грубо вырубленная пещера небольшого размера. Над входом в пещеру в свете опалов можно было разглядеть какие-то знаки, явно надарапанные рукой человека.

— Что это? — спросил Габорн. — Логово какого-то животного?

Бизнесмен ответил:

— Нет, не животного. Это творение рук человека. Люди Эрдена Геборена часто строили такие убежища в Подземном Мире. Это было еще в те времена, когда они сражались с опустошителями. Надпись сделана на инкарранском наречии. Я не слишком знаком с их языком, но полагаю, что она гласит следующее: «*Фортост Пасты Мира номер три*».

— Прологатель Путей хранит память о сотнях подобных пещер, — сказала Аверан.

— Думаю, следует обследовать ее, — сказал Габорн. — Она может нам пригодиться.

Аверан прыгнула с лошади и заглянула в узкое отверстие. Свой тлеющий приглушенным светом опал она держала перед собой, и его красноватое свечение освещало путь.

— Туннель вырублен в сплошной скале. Здесь слишком узко, придется продвигаться ползком. Он ведет вверх, а примерно через дюжину ярдов поворачивает налево, — сказав это, Аверан первая полезла в туннель.

Габорн спешился и последовал за ней. Черные губчатые грибы, похожие на сморщенные листья, устилали пол. Габорну казалось, будто он ползет по мокрому одеялу. Туннель завершался просторным помещением, куда могли бы поместиться от десяти до пятнадцати человек. Парочка крабов-слепцов, почувствовав чье-то вторжение, поспешила укрыться за высокой каменной бочкой, стоявшей в углу. Рядом, прислоненное к стене, стояло древнее копье опустошителей с заржавевшим острием. В противоположном углу они увидели покрытый плесенью скелет ребенка. Плоть высохла на костях, а затем отвалилась по кускам, сам же скелет был в целости и сохранности.

Габорн пересчитал ребра и выяснил, что это была девочка, маленький ребенок лет четырех-пяти. Девочка свернулась калачиком и держала пальчик во рту в тот момент, когда смерть настигла ее. Она была завернута в типичное инкарранское одеяло, сотканное из тонких нитей белой пряжи, которую в Инкарре традиционно изготавливали из козливой шерсти.

За спиной Габорн услышал подавленный вздох. Иом пробралась в пещеру вслед за ними и теперь, как и он, смотрела на детские кости.

— Кому пришло в голову привезти сюда ребенка?— удивилась Иом.

Тут Аверан заговорила:

— Несколько дней назад, когда мне удалось проникнуть в сознание опустошителя, я увидела кое-что, что поможет разгадать эту загадку. Я увидела... пещеры, полные людей, здесь, в Подземном Мире. Опустошители держали их в подземелье, чтобы испытать на них свои заклинания.

Иом с ужасом смотрела на Аверан, которая продолжила свой рассказ:

— На этих людях они упражнялись в своем колдовском мастерстве. Выжимать воду из человека, ослеплять его болью,

делать так, чтобы раны начинали гнить — для практики опустошителям необходим был материал. Поэтому они ловили людей, по паре человек за один раз из той или другой деревни, и приводили их сюда. Возможно, эта девочка была одной из них.

— Как это, наверное, было ужасно! — сказала Иом, будто говоря о чем-то, что случилось давным-давно.

Аверан покачала головой:

— Не было, а есть. Эти люди все еще здесь.

Эта новость была поистине чудовищной. Раньше для Габорна сознание Аверан напоминало просторную пещеру, наполненную сокровищами, которые только и ждали, чтобы их обнаружили. Теперь оказалось, что пещера наполнена костями и ужасом.

— Ты знаешь, где находятся эти люди? — спросил Габорн. — Можешь указать туда дорогу?

Ко всем его и без того невыполнимым заданиям теперь добавилось еще одно — он должен будет разыскать пленников, спасти их из заточения.

— В самом низу, — ответила Аверан, — рядом с Логовом Костей.

Габорн тяжело вздохнул. В этом замкнутом пространстве становилось тяжело дышать. Когда они только обнаружили пещеру, в которой теперь находились, Габорн подумал, что убежище наподобие этого могло бы быть хорошим местом, где можно разбить лагерь, но теперь он знал точно: он никогда не сможет расположиться на отдых в таком месте, где за ним наблюдают пустые глазницы мертвого ребенка. Габорн почувствовал свою вину за то, что живет, дышит, в то время как многие умерли мучительной смертью. Он чувствовал себя виноватым за то, что страстно желал жить, хотя Прозрение Земли предупреждало: очень скоро тысячи людей должны будут погибнуть.

— Пойдем,— сказал Габори.

Покинув заброшенный форпост, отряд двинулся дальше. Не успели они пройти и десяти миль, когда Габори остановил своего коня, взгляделся вдаль и сказал:

— Впереди опасность.

Глава 5

ТРЕПЕЩУЩИЙ МИР

Хорошо воспитанная леди должна научиться выполнять любую роль. Недостаточно быть самым совершенством. Она должна также быть готова повести за собой свой народ. Она должна знать, как эффективно распускать сплетни, торговаться на переговорах, как спланировать пиршество, отразить нападение убийцы, утешить больного ребенка, а также как возглавить кавалерию.

Из «Азбуки юной девушки», написанной Андрекой Орден Кувс, герцогиней Галланта

Иом вздрогнула от неожиданности. От слов Габорна все ее тело напряглось, а в желудке появилось неприятное чувство. Конечно, Иом знала, что на пути им встретятся опустошители, но она не ожидала, что это случится так скоро. На протяжении последних семидесяти миль туннель был лишен каких бы то ни было особенностей — просто скучная трасса

через Подземный Мир. Глазу не за что было зацепиться, лишь иногда им попадался на пути краб-слепец или великий червь. Цвет стен практически не менялся, оставаясь все того же унылого оттенка. Но внезапно узкая тропа сменилась огромной пещерой, потолок которой терялся на высоте ста футов над землей. Издалека доносился звук обрушивающейся воды. Иом казалось, будто она даже слышит, как вода течет по стенам и капает вниз. Стены здесь были покрыты похожими на кварц белыми отложениями, которые тускло сверкали в свете опалов. Под ногами опустошителей эта корка раздробилась в мелкую крошку, поэтому теперь их путь был усеян сверкающими осколками, похожими на стекло или кусочки звезд. Воздух наполнился резким запахом сероводорода.

— Опустошители любят навеваться к озерам в этой пещере, — сказала Аверан. — Это их последняя возможность напиться воды перед тем, как они покидают Подземный Мир.

— Они здесь, — сказал Габорн. — Скоро на пути нам встретятся опустошители. Я чувствую, опасность нарастает.

Иом видела раньше, как сражаются с опустошителями, но только издалека. Ей никогда не приходилось вступить в схватку самой. Зеленая женщина — вильде Биннесмана — насторожилась, будто наострила ушки, и принялась нюхать воздух, как собака. При этом она упорно вглядывалась вдаль.

— Унюхала опустошителей? — спросила Аверан.

Зеленая женщина отрицательно покачала головой:

— Нет.

Габорн вопросительно взглянул на Аверан.

— Возможно, опустошители выставили стражей, — предположила Аверан. — Скорее всего, они закопались в землю.

— Я пойду первым, — сказал Габорн. Обладая Чутьем Земли, Габорн был единственным, кто мог продвигаться вперед с некоторой долей уверенности.

Они вновь поехали вперед.

Чувства Иом были обострены. Свет опалов над ее головой заливал пещеру. Скорее всего, до этого пещера не знала такого яркого света. Казалось, стены были покрыты разноцветным инеем, сверкавшим оттенками меда и красного дерева. Теплая вода, насыщенная сероводородом, просачивалась сквозь все поверхности. За прошедшие века вода сформировала причудливые фигуры из камня. Землю покрывали сталагмиты, по форме напоминавшие фантастических животных, а с потолка пещеры свисали извивающиеся как серпантин сталактиты. По обе стороны тропы виднелись неглубокие водоемы. Вода в них была зеленого цвета, над ней поднимался пар. Дно каждого водоема было покрыто мириадами следов опустошителей.

Растительность в пещере была весьма скудной. В изобилии встречались лишь свисавшие с потолка папоротники. Что-то большое, размером с орла, пролетело у них над головой.

— Ястреб гри! — воскликнул Биннесман.

Существо принялось кружить вокруг одного из сталактитов. Не сводя глаз с птицы, Габорн остановил лошадь и вытащил меч. Летящее существо было похоже на исполинскую летучую мышь, а голова его напоминала голову опустошителя. Слепая, широкая, с плотными рядами зубов, обрамленная щупальцами, которые свисали с подбородка и забором торчали вдоль позвоночника.

Для Иом, имеющей шесть даров метаболизма, ястреб гри не представлял никакой опасности, в то время как обычному человеку могло показаться, будто животное мечется во все стороны со скоростью молнии.

— Она собирается напасть на нас? — спросила Иом.

— Они в основном питаются гри, — ответил Биннесман. — Однако если они голодны и им попадется на пути какая-нибудь легкая добыча вроде одинокого путника, они могут и напасть.

Габорн все продолжал смотреть на ястреба гри. Еще несколько мгновений животное продолжало кружить под потолком пещеры, затем приземлилось в дальнем темном углу неподалеку от зарослей красных папоротников. Папоротники так и подались назад, отстраняясь от незваного гостя. В мгновение ока от пышного куста папоротника не осталось и следа—растения заползли в отверстие в стене.

Габорн снова возглавил шествие. На протяжении трех миль тропа по-прежнему была с обеих сторон окружена лужичками воды, пахнущей сероводородом.

На развилках Аверан всякий раз выбирала ту тропу, которая вела прямо. Вскоре им снова послышался отдаленный звук падающей воды. Звук был похож на непрекращающийся гром. Габорн остановил отряд и вгляделся вдаль. Затем он внимательно принюхался. Иом приподнялась в стремени. Она не имела даров обоняния от собак, поэтому ничем не могла помочь Габорну, когда тот по запаху силился распознать характер грозящей им опасности. Единственный запах, который могла различить Иом, был запах сероводорода. Звук обрушивающегося вниз потока все усиливался. Казалось, водопад находится за ближайшим поворотом. От грохота пол пещеры принялся ходить ходуном. Однако по мере того как Иом прислушивалась к этому звуку, она начала понимать, что на самом деле происходит что-то странное. Грохот все усиливался.

— Уходим!— закричал Габорн.

Он начал разворачивать лошадь. На короткое мгновение в отряде произошло небольшое замешательство, когда все пытались сделать то же самое.

— Землетрясение!— воскликнула Иом.

Совсем недавно она пережила нечто подобное, когда землетрясение произошло в Морском Подворье.

— Нет, это опустошители!— закричал Габорн.— Они приближаются!

Сколько опустошителей понадобилось бы, чтобы заставить землю так отчаянно трястись? подумала Иом. Она знала ответ. Похожий грохот она слышала на равнинах в Каррисе.

Иом и зеленая женщина оказались в хвосте отряда. Иом из всех сил прищипорила лошадь и поскакала во весь опор. Однако конь Биннесмана обогнал ее.

Что нам делать?— подумала Иом. Возможно, наши лошади спасут нас от преследования, но что потом? Опустошители просто прогонят нас, и нам придется вернуться обратно. По правую руку Иом заметила ответвление туннеля.

Когда она достигла второго такого же, которое резко ушло вверх, Габорн закричал:

— Туда!

Иом направила свою лошадь вверх. Для обычной лошади такой подъем оказался бы слишком крутым. Даже имея дары мускульной силы и метаболизма, ее лошадь из всех сил старалась карабкаться наверх. Один раз лошадь споткнулась так неожиданно, что Иом подумала, сейчас они кубарем покатятся под гору. Но животное преодолело это препятствие и в следующий момент влетело в открывшееся перед ними отверстие. Пейзаж, который предстал перед глазами Иом, представлял собой ужасающее зрелище. Исполинские сталагмиты поднимались с пола подобно великанам-людоедам. Весь пол был утыкан их твердыми, как кремь, стволами, стоявшими так близко друг к другу, словно деревья в непроходимой чаще.

— Только не сюда!— закричала Аверан, когда увидела, куда они попали.— Пролагатель Путей знает эту тропу. Она заканчивается тупиком через несколько миль!

— Нет, именно сюда!— возразил Габорн и скомандовал: — Прячьтесь!

Иом доверяла Прозрению Земли Габорна больше, чем воспоминаниям Аверан.

— Куда?— спросила Аверан.

— Следуйте за мной!— прокричал Габорн.

Он проскакал еще сотню ярдов и остановился, оглядываясь вокруг.

— Туда!— он указал на узкую щель между двумя сталактитами почти под потолком.

— Но лошадям не протиснуться туда!— возразил Бизнесман.

— Тогда придется оставить их,— сказал Габорн.

Он соскочил с лошади и вытащил свой клинок. Одним ударом он перерезал подпругу. В мгновение ока седло и вся поклажа оказались на земле.

Лошадь Иом прижала уши. Глаза ее были полны страха. Животное хрипело от ужаса. Иом соскочила и так же, как Габорн, избавилась от седла, веревок и багажа. Тут лошадь встала на дыбы и в панике забила передними ногами.

Пока Иом стояла в замешательстве, Бизнесман спешил. У своей лошади он отрезал лишь поклажу, не тронув седло. Затем он взял свою опаловую брошь и приколот ее на седло.

Бизнесман положил руку на морду серой имперской лошади и мягко произнес:

— Мой друг, ты доставил меня так далеко, как только мог. Теперь ищи себе пристанище в зеленых лугах.

На мгновение жеребец наострил уши и с любопытством уставился на волшебника. Поначалу Иом усомнилась в том, что животное поняло своего хозяина. Но тут она вспомнила, что эта лошадь раньше принадлежала самому Раджу Ахтену. Эта лошадка была украшена рунами, которые указывали на то, что она обладала четырьмя дарами ума. Чтобы к одной лошади применили силу стольких форсиблей, считалось большой редкостью. Этот скакун должен был соображать так же быстро, как человек. Скорее всего, он без труда понял слова волшебника.

— Ступай, мой друг! — сказал Бизнесман. — Я снабдил тебя светом для твоего путешествия.

Вокруг Иом земля продолжала беспрестанно дрожать. Впечатление было такое, словно гигантские камни безудержно катились по наклонной плоскости. Невозможно было установить, с какой стороны доносился этот шум. В какой-то момент ей показалось, будто опустошители сейчас нагрянут прямо в пещеру. Однако что-то подсказывало ей: они еще далеко. Шум был таким громким не потому, что опустошители находились рядом, а потому, что их было очень много.

Бизнесман отвернулся от своей лошади. Габорн уже карабкался вверх по скале. Зеленая женщина следовала за ним. Иом полезла последней.

Лошади поскакали прочь.

Бизнесман на мгновение задумался. Со всех сторон громоздились сталагмиты, напоминая причудливых стражей.

— Назад дороги нет, — подумала Иом, карабаясь вверх.

Она постоянно искала, за что бы зацепиться, чтобы не свалиться вниз. Хорошо, что в стене имелось много выпуклостей, за которые можно было схватиться рукой.

Иом оглянувшись посмотреть, что задержало волшебника. Она увидела, как Бизнесман вынул из кармана несколько веточек петрушки и прошептал над ними заклинание. Затем он швырнул их на землю и нацарапал посохом несколько охранительных рун на земле.

Иом наконец-то добралась до укрытия и протиснулась внутрь. Габорн и все остальные были уже внутри. Помещение представляло собой небольшой грот около сорока футов в длину. За многие века сталактиты и сталагмиты соединились между собой, образовав колонны. Некоторые из них находились так близко друг к другу, что слились воедино, образовав стены и перегородки. На полу виднелись неболь-

шие углубления — следы существовавших здесь когда-то водоемов. Теперь от воды не осталось и следа.

— Опустошители почуют запах лошадей,— сказала Аверан. — Они придут сюда, чтобы выяснить, в чем дело.

— Может, лошадей они и унюхают, но наш запах опустошители не почувствуют,— возразил Биннесман.

Иом оставалось только удивляться. Биннесман был самым могущественным травником из тех, которых она знала. Его заклинания могли усиливать естественные свойства растений во много раз. Но было ли под силу даже несравненному Биннесману спрятать запах полдюжины людей и лошадей?

Сердце Иом учащенно билось. Она рассматривала тесный грот. Выхода отсюда не было. Она взглянула на Габорна. Лоб его был покрыт потом. Тяжело дыша, Габорн облизал губы.

Что бы это значило? Даже сам Король Земли испытывает страх, подумала Иом.

Земля начала трястись настолько сильно, что с потолка посыпались камешки.

Теперь помимо звука топчущих ног слышалось еще и шипение — характерный звук, издаваемый опустошителями при дыхании. Казалось, туннель служил трахеей, отверстием, через которое вдыхала сама Земля.

Габорн сбросил на землю узлы, веревки и седельные сумки. Последние он перекинул через плечо. Поднявшись, он тревожно огляделся вокруг.

Иом и все остальные схватили свои пожитки.

— Назад! Уходите в глубь пещеры!— скомандовал Габорн.

Аверан пошла первой. Биннесман и остальные последовали за ней. Габорн встал у входа в грот, держа в руках концы опустошителя. Аверан замерла у дальней стены пещеры, прислушиваясь. Грохот все нарастал. Пол пещеры как будто сотрясала дрожь. С пола в воздух поднималась тонкая пелена пыли.

— Как быстро они приближаются,— сказала она.— Они двигаются слишком быстро.

— Слишком быстро?— встревожилась Иом.

— Вот именно,— ответила Аверан.— Это вся их орда в полном составе. Это конец мира.

— Что ты имеешь в виду под словами *вся орда*,— потребовала объяснений Иом.

— Теперь наступают настоящие воины,— ответила Аверан.— Опустошители бросили в бой всю свою армию, и все они очень скоро вырвутся на поверхность. Они взяли с собой самых могущественных колдунов и...

Она воздела руки к небу, не в силах продолжать.

Иом подумала, что даже Аверан не в состоянии угадать, на что способны опустошители.

Три дня. Габорн предсказывал, что через три дня предстоит великая битва при Каррисе. Иом подсчитала, как быстро обыкновенные опустошители продвигались раньше, и поняла, что срок в три дня был назван правильно. Через три дня армия, которая маршировала из Подземного Мира наверх, достигнет Карриса.

Габорн непрерывно ходил у входа в грот.

— Все в порядке?— спросила Иом.

— Земля...— начал Габорн,— земля предупреждает меня, что мы должны бежать, но пока я не вижу возможности спастись.

— Может, нам пойти вслед за лошадьми,— предложила Аверан.

— Нет, мы на правильном пути,— ответил Габорн.— Я просто... я просто не вижу выхода.

Иом начала судорожно ощупывать стены пещеры. Вокруг были только белые, напоминавшие камненные занавесы стены. Пол был покрыт кратерами. Эти углубления вода сформировала много веков назад. Тут и там в углублениях

виднелись бело-голубые пещерные жемчужины неправильной формы.

Откуда-то должна была здесь взяться вода, подумала Иом.

Она взглянула наверх. Потолок находился на высоте примерно двадцати футов. Небольшие сталактиты нависали над головой, как острые пики. Теперь земля просто рокотала под ее ногами, и Иом опасалась, что какой-нибудь сталактит вдруг отломается и упадет.

И тут она увидела крошечное отверстие, настолько узкое, что и барсук не пролез бы сквозь него. Отверстие виднелось в задней стенке пещеры рядом с потолком.

— Туда, — сказала Иом.

Она бросила свою поклажу и полезла вверх. Она ловко взбиралась по почти отвесной стене, умудряясь ухватиться за мельчайшие выступы и углубления. С ее дарами мускульной силы и грации это было неудивительно. Иом чувствовала себя почти как муха, карабкающаяся по стене.

Наконец, Иом достигла потолка пещеры. В мерцающем свете опаловой короны она принялась рассматривать отверстие, которое было настолько узким, что свет проникал лишь на несколько футов. Иом засунула руку в отверстие. Ощупывая его, Иом вскоре поняла, что щель сужается и становится не шире, чем ее рука. В отчаянье она ухватила за известковый вырост причудливой формы, который образовался на дне небольшого углубления, где раньше была вода. Вырост прочно прирос к скале, и Иом понадобилось некоторое время, чтобы отломать его. Благодаря большому количеству даров мускульной силы ей все же удалось это сделать, однако в тот момент, когда отросток оторвался, рука ее соскользнула и ударилась о потолок пещеры. Из костяшек пальцев полилась кровь.

Бесполезно, подумала Иом.

Отложения известняка были твердыми, как кварц. Пока опустошители не нашли их, ей ни за что не успеть расширить это отверстие, даже если она попытается дробить камень отроостком, который остался в ее руке.

— Они идут! — закричал Габорн. — Все назад!

Он оттеснил остальных в заднюю часть грота. Иом прильнула к стене, боясь пошевелиться. Стена дрожала под ней, порывая сбросить ее на землю.

Иом беззвучно молилась Силам Земли:

— Спрячьте нас. Пусть они не найдут нас.

Снаружи раздался громкий свист.

— Они унюхали нас. Иначе зачем бы им было соваться в этот боковой туннель, — сказала Аверан.

Резкий кислый запах лошадиного пота отчетливо чувствовался в воздухе. Даже не имея даров обоняния от дюжины собак, Иом почувствовала его. Единственная надежда была на то, что заклинания Биннесмана помогут им остаться незамеченными.

В следующий момент эта надежда рухнула.

На входе в грот показался опустошитель. Ему не составило труда протиснуться в тесную щель. Огромный монстр обрушился на скалу и протиснул голову в узкий проход. Щупальца вдоль его челюсти подрагивали в предвкушении добычи. Из его распахнутого рта стекала слюна.

— Он нашел нас! — закричала Аверан. — Он предупреждает остальных.

Опустошитель не издал ни единого звука, не считая характерного свиста, который сопровождает у опустошителей процесс дыхания.

Этот опустошитель, как и все его сородичи, пользовался запахами вместо речи. Но это были не простые запахи, знакомые человеческому обонянию. Они были настолько тонкими и неуловимыми, что никто из присутствующих, кроме Аверан, не мог различить их.

Вход в пещеру был всего в шесть футов в ширину — слишком узкий для взрослого опустошителя — по крайней мере, Иом так думала.

Однако, судя по всему, чудовище не считало узкую щель, служившую входом в грот, серьезным препятствием. Первым делом опустошитель просунул голову в отверстие, затем повернулся к входу боком. Послышался хруст.

В голове опустошителя имеются три костяные пластины, соединенные между собой хрящами. Когда опустошитель просунул голову в щель, пластины сдвинулись навстречу друг другу, а когда он наконец оказался внутри, они снова разошлись, издав характерный щелчок. Опустошитель еще раз повернулся, и его туша ввалилась в пещеру.

Иом почувствовала вонь его горячего дыхания. Гри, потревоженная гимнастическими упражнениями, которые продвигал ее хозяин, сорвалась с его спины и принялась порхать под потолком маленького грота, издавая оглушительный писк.

Габори рванулся вперед и ударил монстра в морду копьем.

Это был мощнейший удар, учитывая количество даров мускульной силы, принятых Габориом. Однако копье едва проткнуло толстую кожу монстра.

Иом в панике озираясь, ища скрытый выход из пещеры, через который они могли бы убежать.

Удар, нанесенный Габориом, возымел свое действие. Опустошитель зашипел от ярости и отпрянул назад. Попятившись, он вылез из пещеры. Когда отверстие на мгновение освободилось, сердце Иом бешено заколотилось от ужаса. В открытую щель она увидела целое море опустошителей, хлынувшее в узкий туннель.

Опустошители наступали сплошной стеной. Тем временем грохот все нарастал. Было ясно, что армия опустошителей продолжала свое неумолимое движение вверх. Они

мчались мимо, не интересуясь судьбой нескольких нелепых человечков, которые посмели вторгнуться в их владения.

Опустошитель покрупнее появился у входа в грот. В мгновение ока он ловко просунул в пещеру длинный железный прут с крючком на конце — типичное оружие опустошителей. Габорн едва успел отскочить в тот самый момент, когда этот прут со свистом пронесся мимо, чуть не задев его.

— Биннесман! — закричал Габорн.

Опустошитель орудовал своим приспособлением с редкой ловкостью. Он, несомненно, зацепил бы Биннесмана и вытащил бы его из пещеры, но тут Габорн прыгнул на шест, к которому был прикреплен крючок. Пробежав пару шагов, он приблизился к лапе опустошителя, сжимающей прут. Габорн замахнулся и изо всей силы вонзил копьё в мягкую плоть между пальцами чудовища. Опустошитель взвыл от боли.

Тут за его спиной послышалось громкое шипение, напоминающее свист ветра. Сквозь шипение можно было различить непонятное слово «*Гаашт*».

Это слово Иом слышала и раньше, когда колдуны-опустошители творили свои заклинания.

Темное облако вплыло в грот, наполняя его ядовитым дымом. Иом внезапно ощутила в глазах невыносимое жжение, как будто в них попали горящие искры от костра. Она затаила дыхание, не смея сделать вдох, ибо знала, что даже на поле сражения, на открытом воздухе, заклинания колдунов-опустошителей были смертельны. Здесь же, в замкнутом пространстве грота, их эффект должен был усилиться в двадцать раз.

Думай, думай! говорила Иом сама себе. *Габорн сказал, здесь должен быть выход, но где?*

Опустошитель вытащил свой шест с крючком из грота, с грохотом проталив его по стенам. Шест был около тридцати

футов в длину и шести дюймов в диаметре. Ударившись о левую стену, крюк отломал от нее кусок скалы внушительных размеров. Обрадовавшись, опустошитель снова выбросил вперед шест. Он с грохотом ударился о дальнюю стену.

— Он хочет расширить отверстие!— предупредил Биннесман.

Чтобы сказать это, волшебнику пришлось выдохнуть воздух, который был у него в легких, а вслед за этим вдохнуть. Глотнув ядовитого дыма, Биннесман привалился к стене. Из глаз его лились слезы. Он пытался достать из кармана какую-нибудь лечебную траву, но даже это незамысловатое движение давалось ему с трудом.

Зеленая женщина рванулась вперед и уже готова была вступить в битву с опустошителями, однако Биннесман удержал ее, положив ей руку на плечо.

— Не надо,— произнес он, с трудом ворочая языком.

Пол! догадалась Иом. На полу пещеры были высохшие водоемы, однако не было и следа ручейка, уводящего воду из пещеры. Это означала только одно: в свое время вода уходила сквозь пол. Должно быть, выход спрятан именно там.

Она спрыгнула со своего места под потолком грота. Приземлившись на землю с высоты двадцати футов, Иом почувствовала, что повредила щиколотку. Оказавшись внизу, Иом принялась внимательно изучать края самого глубокого водоема. Жжение в глазах все усиливалось. Слезы лились ручьем, мешая смотреть. Наконец, она увидела то, что искала — тонкую трещину вдоль кромки похожего на кратер водоема. Трещина была всего лишь в фут длиной и не более дюйма шириной.

Габори вновь оказался у входа в пещеру и вонзил копьё в лапу опустошителя. Не успел он сделать это, как в пещеру просунулся еще один железный шест с крючком на конце. Даже со всеми ее дарами метаболизма Иом показалось, что

шест сновал по пещере с невероятной скоростью. Из всех сил стараясь увернуться от вражеского орудия, Габорн нанес ответный удар. В этот момент его отбросило шестом и припечатало к стене пещеры.

— Убей опустошителя! — приказал Бизнесман вильде.

Волшебник стоял, прислонившись спиной к каменной стене, ловя ртом воздух и одновременно пытаясь оттащить Габорна в безопасное место.

Зеленая женщина, этот сгусток нечеловеческой энергии, вырвавшейся по воле своего повелителя, одним прыжком пересекла пещеру. На лету она помахала своим оплетенным в железо посохом, нарисовав в воздухе руну силы. Вильде ударила опустошителя по лапе. Немедленно послышался звук, напоминающий удар камня о плоть. Огромная лапа опустошителя взорвалась, разбрасывая во все стороны осколки раздробленной кости и куски разорванного мяса. Извиваясь от боли, монстр попытался выползти из пещеры. Свое оружие он бросил на землю. На несколько мгновений остальные опустошители были лишены возможности подобраться к пещере.

Иом схватила свой дротик и засунула его в крошечную щель.

Приложив небольшое усилие, она отломала кусок камня — пластину величиной с ее ладонь. Дротик почти наполовину своей длины утонул в образовавшемся углублении. Иом опустилась на колени и заглянула в дырку, куда провалилось копьё. Под гротом была еще одна пещера!

У Иом почти закончился воздух. Легкие ее горели, однако она не решалась сделать вдох. Она принялась яростно колотить копьём пол вокруг щели, расширяя отверстие.

Аверан выдохнула свой последний воздух и закричала в агонии:

— Помогите, я ослепла!

Иом не могла помочь ей, она не имела права отвлечься от своего занятия. Она все вонзала пику в хрупкий камень, отламывая тут и там известняк. Даже со всеми ее дарами мускульной силы это была неблагоприятная работа. Временами ей казалось, что все впустую и им никогда не удастся спастись. Острые пики затупилось, теперь Иом работала ею как ломом. Силы ее были на исходе, но она не сдавалась. Она продолжала трудиться. У входа в пещеру показался еще один огромный опустошитель. Он подхватил шест и просунул его внутрь. Орудие ударило вильде по ноге, опрокинув ее на пол.

Иом продолжала вонзать свою пику в камень. Большой обломок известняка откололся и по наклонному спуску съехал вниз.

Теперь Иом могла хорошо разглядеть нижнюю пещеру. Внизу виднелась тропа из речного камня, спускавшаяся под откос. Она вела все ниже, пока не достигла неглубокой колени, которая была похожа на дно обмелевшей подземной реки.

Иом больше была не в состоянии задерживать дыхание. Тогда она выдохнула и схватила ртом воздух. Отвратительная колдовская смесь обожгла ее горло.

Когда отравленный воздух заполнил ее легкие, ей показалось, что она слышит приказ мага-опустошителя:

— *Ослепи!*

Вильде ревела от ярости и размахивала посохом. Один из ударов обрушился на стену. Во все стороны полетели обломки скалы, в воздухе повисла пыль. Опустошитель, который атаковал ее, попятился назад.

В глазах у Иом рябило. Глазные яблоки пульсировали, и эта пульсация отдавалась в голове нечеловеческой болью. Казалось, сосуды, соединявшие глаза с мозгом, сковал спазм, поэтому Иом не могла сфокусировать взгляд. Ощущение было такое, будто в каждую глазницу воткнули кинжал и

методически проворачивали клинок. Даже имея дюжину даров жизнестойкости, Иом практически не могла видеть.

Первым делом Иом схватила Аверан и протолкнула ее сквозь отверстие. Несколько ярдов Аверан катилась кубарем, затем перевернулась на живот и так пролетела последнюю дюжину футов. Оказавшись внизу, она принялась тыкаться во все стороны, издавая звук, похожий на мяуканье. Иом нащупала ее поклажу и столкнула узлы вслед за девочкой.

Покончив с этим, Иом закричала:

— Сюда!

Она с трудом различала очертания своих друзей. Взгляд отказывался фокусироваться. Габорн, Биннесман и вильде были для Иом в этот момент едва уловимыми теньями, которые метались в царстве боли и ужаса.

— Пригнись! — предупредил Габорн.

Иом пригнулась. Шест со свистом пролетел у нее над головой — она скорее почувствовала, чем увидела его. Если бы не предупреждение Габорна, голова ее сейчас была бы разбита вдребезги. Иом ухватила Габорна за руку. Тот прихрамывал от боли, держась рукой за бок. Ребра его, по-видимому, были сломаны. Протасив его к выходу, Иом скомандовала: «Вперед!» Последним она схватила Биннесмана.

Зеленая женщина все еще отражала нападение у входа в грот. Еще один опустошитель просовывал голову в туннель, ведущий в пещеру, пытаясь протиснуться через узкую щель. Не успел он и наполовину просунуть голову в пещеру, как вильде прыгнула вперед и ударила его по морде. Окровавленные куски плоти усыпали грот.

Почти вслепую Иом ощупывала пол. Найдя посох, который уронил Биннесман, Иом подняла его и швырнула в отверстие. Затем она отправила вслед свой собственный мешок и скатилась под откос.

Вздохнув, она почувствовала, как легкие ее наполнились свежим воздухом. С минуту Иом лежала на животе, учащенно дыша. Она вдыхала как можно глубже, стремясь очистить легкие от заклинаний опустошителей.

— Спасительница Добра, Разрушительница Зла, ко мне! — слабым голосом позвал Биннесман.

В ответ на это из дырки в потолке кубарем вылетела зеленая женщина. Она скатилась под горку с невероятной скоростью и шлепнулась об стену с такой силой, что если бы она была человеком, то, наверное, переломала бы себе все кости.

— Давайте-ка поскорее убираться отсюда, — сказал Габриэль.

Нескончаемое шествие опустошителей все еще давало о себе знать грохотом и содроганием земли. Со всех сторон раздавалось отдаленное шипение.

Иом взглянула наверх. Благодаря большому количеству даров зрения и жизнестойкости взгляд ее начал быстро проясняться. Некоторое время уйдет у опустошителей на то, чтобы прорваться в грот и обнаружить отверстие, через которое им удалось спастись. Но это задержит их ненадолго. Не было сомнения, что опустошители пустятся за ними в погоню.

Впереди простиралось русло древней реки, которая, извиваясь, уходила в недра Подземного Мира. Река давно обмелела, но на дне еще кое-где сохранилась вода. Причудливые растения, напоминающие листья капусты, покрывали стены. Мохнатые корни, переплетаясь между собой, свисали с потолка. Земля под ногами была покрыта густой порослью папоротников, из них тут и там поднимались целые острова гигантских грибов. Ровно посередине эти заросли прорезала узкая полоса, лишенная какой-либо растительности. Эта своеобразная тропа образовалась, скорее всего, благодаря ручейку воды, который в свое время протекал здесь. Другого пути у них не было. Придется использовать эту дикую тропу, чтобы

спасти́сь от преследования. *Труден будет этот путь*, подумала Иом. Лошадей у них больше нет, Габорн ранен, опустошители гонятся по пятам. С потолка внезапно упал сталактит, обрушившись на землю в нескольких футах от Иом.

— Похоже, это только начало. Дальше будет еще хуже, — сказала Иом.

Глава 6

ПРОВАЛ

Не бойся быть лидером. Столкнувшись лицом к лицу со смертельной опасностью, люди последуют за любым, кто отважится сделать первый шаг.

Из записей Султана Овата, эмира Туулистана

— Вперед! — скомандовал Габорн. — Нельзя терять ни минуты!

Но куда нам идти? подумала Аверан.

В бесконечном лабиринте ходов, прорытых опустошителями, Аверан научилась легко находить дорогу. Но в этом туннеле, созданном самой природой, лишенном каких-либо запахов, которые могли бы указать им путь, было не так-то легко сориентироваться. Так и не уловив ни одного запаха, Аверан пришла в полное замешательство. Тем временем земля продолжала дрожать под их ногами, свидетельствуя о продолжающемся наступлении войска опустошителей.

Отравленный ядовитым туманом грот остался позади.

Аверан набрала в грудь побольше воздуха, стараясь очистить легкие от заклинаний опустошителей.

— Я ослепла!— воскликнула она.

Глаза ее отказывались сфокусироваться, глазные яблоки болезненно пульсировали. Казалось, глаза ее были закрыты густой красной пеленой.

— Это пройдет,— пообещал Бизнесман.

Вглядевшись в красный туман по направлению голоса, Аверан разглядела только расплывчатую фигуру в темноте. Лишь сияние, исходящее от броши, приколотой к одежде Бизнесмана, позволило ей узнать волшебника. Каждый из опалов, которые участники похода взяли с собой, имел свой неповторимый цветовой спектр. Распознав цветовую гамму опала волшебника, Аверан поняла, что перед ней Бизнесман. На какое-то мгновение ей удалось сфокусировать зрение и даже разглядеть его лицо. Однако кое-что показалось ей странным: белки его глаз приобрели кроваво-красный оттенок. Заклинания опустошителей еще не потеряли своей силы.

Глаза Аверан жгло, словно отравой. Она раньше и представить себе не могла такой невыносимой боли.

Наверное, белки моих глаз покраснели так же, как и у него, подумала она.

Бизнесман порылся в карманах и вытащил крошечный пучок какой-то травы.

— Держи,— протянул он ее Аверан,— это светлоглаз.

Он разделил растения на несколько частей и смочил пару травинок языком. Затем быстрым движением провел по глазам Аверан. Не успел он сделать это, как Аверан почувствовала, как боль проходит. К тому времени как Бизнесман закончил врачевать остальных, зрение ее полностью восстановилось.

Аверан подхватила свою поклажу и огляделась. Бросив взгляд вверх и вниз по течению, она увидела сплошной лес из сталагмитов, вздымающихся с пола, как острые пики. Навстречу им стремились свисавшие с потолка сталактиты. Лишь в центре туннеля заросли сталагмитов прорезала узкая тропа. В свое время здесь бежал резвый поток, унося с собой все

пенужное. Теперь же русло реки заросло растениями, которые Бизнесман назвал щекотливыми папоротниками. Их листья медленно колыхались, будто их раскачивал невидимый бриз.

Аверан мысленно пыталась восстановить карту ходов Подземного Мира. Но как она ни напрягала память, в ее сознании туннели оставались запутанным клубком пряжи. Может быть, в мозгу Пролагателя Путей и хранились визуальные образы всех туннелей, но в этом Аверан была не уверена. Опустошители прокладывали ходы и находили дорогу под землей не с помощью зрения. У них не было карт. Обоняние — вот все, что им было нужно для того, чтобы ориентироваться.

Аверан снова попыталась приняться. Камень, из которого состояли стены туннеля, имел особое название на языке опустошителей. Это название было запахом — меловым запахом бело-голубого пещерного жемчуга. Если этот туннель соединяется с каким-нибудь другим ответвлением, проложенным опустошителями, она сможет найти его по запаху.

— Пойдемте вниз по течению, — сказала Аверан. — Я думаю, этот туннель соединяется с заброшенным проходом, когда-то давно прорытым опустошителями.

Уже сказав это, Аверан продолжала терзаться сомнениями. Даже если русло реки и выведет их в конце концов в какой-то туннель, это произойдет не раньше, чем через многие дюжины миль. На их пути могли встретиться самые неожиданные препятствия.

Габорн поднялся, хватая ртом воздух и пытаясь сфокусировать взгляд. Он тяжело опирался на свое кольцо, используя его как посох. Было видно, что сломанное ребро причиняет ему боль. Пару минут он стоял не двигаясь, словно ожидая, пока дары жизнестойкости и метаболизма залечат его раны.

Пока он стоял, сверху послышался свист, в котором можно было распознать ноты разочарования. Очевидно, опустошители проникли в грот и обнаружили их исчезновение.

Аверан слышала, как опустошители принялись долбить камень своими железными крюками, пытаясь прорваться вниз.

Габорн задумчиво взглянул на Биннесмана:

— Можешь запечатать выход из пещеры?

— Заставить обвалиться потолок было бы неразумно, — ответил Биннесман. — Кроме того, это не в моей власти.

Подумав с минуту, он добавил:

— Но маленькое заклинание не повредит.

Он пробрался к выходу из грота и спустя мгновение вернулся назад, очень довольный собой.

Сверху все еще доносилось шипение, однако звуки ударов стали более приглушенными.

— Давайте-ка убираться отсюда, — поторопил волшебник.

— А что ты сделал? — спросила Аверан.

— Как ты знаешь, есть несложное заклинание для размягчения камня, — начал объяснять Биннесман. — Когда, например, ты хочешь заставить крышу обвалиться или разрушить мост. Охранителю Земли легко заставить землю затвердеть, сделать почву твердой, как камень, а камень нерушимым, как сталь. Думаю, опустошителям придется потрудиться тут еще не один час.

— То есть тебе удалось запечатать пещеру, и им теперь не выбраться оттуда? — удивился Габорн.

— Сказать точно не могу, но давайте будем надеяться, — с лукавой улыбкой ответил Биннесман.

Габорн возглавил шествие, продираясь сквозь сталагмиты, заросли грибов и папоротников. В одной руке он нес копьё, а поклажу и веревки перекинул через плечо.

Они стремительно продвигались все дальше и дальше. У каждого из них были дары метаболизма; сейчас, как никогда, они были им необходимы. Однако из всего отряда Аверан по-прежнему продвигалась медленнее всех. Она была всего лишь девятилетним ребенком, и ее ноги были короче,

чем у остальных. Поэтому, пока Габорн делал два шага, ей приходилось делать целых три.

Поначалу она выбивалась из сил, стараясь не отстать, но вскоре Габорн сам замедлил шаг. Благодаря всем принятым им дарам раны его уже начали заживать, однако боль, которую причиняло сломанное ребро, все еще терзала его.

Туннель уводил их все ниже и ниже. Часто на их пути встречались обширные углубления в полу — когда-то здесь были подземные озера. Большинство из них высохли, но в некоторых еще осталось немного воды. Приглядевшись, Аверан могла различить на дне скрабберов — животных наподобие слепых ящериц с передними конечностями, похожими на крылья. Казалось, они не плавали, а летали под водой. Через такие водоемы Аверан бежала во весь опор, разбрызгивая воду. Она боялась, что животные ее укусят.

Кое-где расстояние между стенами становилось совсем маленьким — там, где в свое время вода обрушивалась вниз. В таких местах тропа была не так сильно засорена растительностью и грибами. Фауна была представлена очень скудно — огромные серо-зеленые пещерные слизняки не спеша ползали, кормясь речным папоротником, являясь в свою очередь добычей мелких крабов-слепцов. Живности покрупнее не наблюдалось. Даже Аверан не могла обнаружить никаких опасных животных.

Мы еще не спустились достаточно глубоко, подумала она. Опасность поджидает нас гораздо ниже.

Их путь пролегал по пустынной местности. Здесь царил прохлада, поэтому растительность была достаточно скудной, ведь многие растения Подземного Мира могли существовать только в тепле. Из-за отсутствия корма животных тоже было мало. Уже пройдя много миль, они все еще слышали, как земля дрожит и грохочет от нескончаемого шествия опустошителей. Постепенно звук становился все более отдаленным.

Вскоре проход начал сужаться. Двигаясь дальше, они наконец достигли самого узкого места, где сталактиты свисали с потолка, образуя целый лес из колонн. По сталактитам струилась вода и капала вниз. Расстояния между колоннами были настолько узкими, что отряду пришлось выстроиться в цепочку. Один за другим они осторожно протискивались между колоннами, выбирая проходы пошире. Когда препятствие осталось позади, Бизнесман обернулся.

— Аверан! — позвал он. — Попробуй-ка нарисовать ту руну, о которой я говорил тебе. Посмотрим, справишься ли ты...

Он начертил руну пальцем на стене.

— Итак, — сказал Бизнесман, — нарисуй руну острием своего посоха. Пока будешь чертить линии руны, представляй свою силу и могущество твоего посоха. Представляй также, что под воздействием этой силы колонны сливаются в сплошную стену.

Руна, которую начертил Бизнесман, была знакома Аверан. Она много раз видела ее вырезанной на стенах каменных домов и на стенах крепостей.

Простолюдины изображали этот знак, особо не задумываясь о его истинном значении. Люди надеялись, что волшебство руны защитит их от опасности. Однако если данная руна была начерчена рукой Охранителя Земли, она приобретала свойства могущественного заклинания.

Аверан знала и то, что не каждый Охранитель Земли обладал достаточной силой.

Бизнесман, например, мог пронзать взглядом камень и видеть вещи, находящиеся на расстоянии многих миль. У Аверан же не было дара камневидения, но в то же время она замечала за собой способности, о которых не ведал даже сам Бизнесман.

Очевидно, старый волшебник хотел подтолкнуть ее к развитию пока еще скрытых способностей.

Аверан закрыла глаза. Почти инстинктивно начертив руну, она призвала всю свою силу, вложила всю свою мощь в начерченный знак. Рука ее задрожала от напряжения.

— Закройся, — шептала она. — Закройся!

Начертив последнюю линию в руне, Аверан уже хотела опустить посох, но тут, помимо ее воли посох сам начертил еще три волнистые линии внутри руны.

Внезапно Аверан почувствовала себя очень странно. В тот момент посох закончил чертить три волнистые линии, и ей показалось, будто руна втянула в себя всю энергию, которая была в ее теле.

У Аверан потемнело в глазах, и она рухнула на землю.

Через несколько мгновений Аверан пришла в себя. Голова у нее кружилась. Казалось, будто на голову ей надели железный обруч. Мозг пронзала невыносимая боль.

Габори склонился над девочкой, неустанно повторяя:

— Аверан! Аверан, проснись!

Она огляделась. Все смотрели то на нее, то на узкую стену позади них. Бизнесман стоял обратившись лицом к колоннам, изучая их с предельным вниманием.

— Как ты, дитя мое? — спросил Габори.

Аверан попыталась сесть, но была очень слаба. Ноги отказывались слушаться, а руки, казалось, были сделаны из масла. Даже если бы она бежала весь день без остановки, и то не чувствовала бы себя настолько уставшей.

— Хорошо, — ответила она, пытаясь подняться.

Сумев наконец-то сесть, она почувствовала, что боль внутри головы, где-то в области глаз, усилилась.

Головокружение стало таким сильным, что ей показалось, будто сейчас она снова потеряет сознание. Не в силах даже думать, Аверан сидела, глядя перед собой.

Но вот постепенно мышцы ее снова начали обретать силу.

— Очень хорошо,— приговаривал Биннесман,— очень хорошо. Тяжеловато для первого раза, но какой потрясающий результат. Хочешь взглянуть на свою работу?

Он отступил в сторону, и Аверан застыла от изумления. Просветы между колоннами исчезли без следа. Казалось, столтиты стали мягкими, податливыми, как глина, и, соединившись друг с другом, намертво затвердели, как твердеет цемент. Поверхность серого камня блестела, словно глиняный горшок, обожженный в печи.

— Что я сделала?— спросила Аверан.

Биннесман изумленно покачал головой, затем рассмеялся:

Некоторые колдуньи из даскинов могли силой желания изменять форму камня. Используя эту свою способность, они создали великий Разлом в Гередоне, а также разделили континенты. Эта самая редкая из Сил глубокой земли. Я никогда не слышал о человеке, который обладал бы подобной силой. Похоже, ты в некоторой степени владеешь этим мастерством.

Аверан уставилась на каменную стену словно громом пораженная.

Биннесман постучал по стене посохом и прислушался, словно ожидая услышать эхо.

— Для опустошителей твоя стена будет серьезным препятствием, которое, пожалуй, задержит их надолго. Я даже думаю, они оставят попытки прорваться сквозь стену и начнут рыть новый туннель, чтобы обойти ее стороной. А теперь пойдем дальше.

Аверан с трудом поднялась на ноги. Все остальные уже пошли вперед, только Биннесман остался рядом с Аверан, не сводя с нее глаз, боясь, как бы она снова не упала. Она бы и упала, если бы вовремя не оперлась на посох.

— Когда мы остановимся в следующий раз, мы попрактикуем твое новое умение. Если у тебя, конечно, будут на это силы. Попробуем создать предмет поменьше размером.

— Хорошо,— ответила Аверан, хотя на самом деле ей казалось, что она больше никогда в жизни не захочет применить это заклинание.

Не прошли они и полмили, как пол пещеры неожиданно кончился и они оказались у бездонной пропасти.

Габорн заглянул вниз, туда, куда уходило русло древней реки. Здесь, по-видимому, когда-то был водопад. Стены шахты поросли щекотными папоротниками и червь-травой. Аверан осторожно подошла к краю пропасти и тоже посмотрела вниз. Первые четверть мили она еще могла что-то разглядеть. Дальше, казалось, туннель уходил куда-то вбок, но сказать точно было трудно, ответвление находилось слишком далеко, на таком расстоянии было уже ничего не видно. Аверан взглянула Габорну в глаза, как бы спрашивая, рискнут ли они спуститься вниз.

— Земля предупреждает: мы должны бежать отсюда,— сказал Габорн.— Пока я не вижу другого выхода.

Аверан опустила руку в пропасть и прикоснулась к одному из щекотных папоротников. Листья растения мягко дотронулись до ее руки. Потянув за них, Аверан легко вытащила папоротник из земли.

— Пытаться ползти вниз по скале, цепляясь за папоротники — дело небезопасное,— заметила она.— К тому же здесь скользко.

— Мы справимся,— ответил Габорн.

Оглядев поклажу и веревки, разложенные вокруг, Габорн начал привязывать веревки одну к другой. Через некоторое время он держал в руках длинную связку. Одним концом Иом примотала ее к ближайшему сталагмиту.

— Дай-ка я взгляну на твои ребра,— сказал Биннесман Габорну.

— Не надо,— возразил тот.— Рана уже почти зажила.

Тем не менее Биннесман подошел к нему, расстегнул кольчугу и стащил ее с Габорна. Приподняв тунику, волшебник

принялся осматривать повреждения. Весь бок представлял собой сплошную кровавую рану на фоне огромного черного синяка.

— На самом деле все не так плохо,— оправдывался Габорн.— Ранение не слишком серьезное и почти не причиняет мне боли, несмотря на его ужасный вид.

— Это хорошо,— ответил Биннесман.— Ибо если бы рана была настолько плоха, какой кажется с первого взгляда, ты бы уже давно был мертв.

Подержав кончики пальцев на расстоянии пары дюймов от раны, Биннесман поморщился и пробормотал:

— Как я и думал — четыре сломанных ребра. Даже со всеми твоими дарами они не заживут еще пару дней. Как ты умудрился попасть под этот удар — вот чего я не понимаю.

— Я слишком доверился глазам. Следовало больше слушать свое сердце,— ответил Габорн.— Я почувствовал предупреждение, которое посылала мне Земля, приказывая увернуться от удара, но сам я не увидел опасности — и вот копье настигло меня.

— Пусть это будет тебе уроком,— сказал Биннесман.— Всегда делай так, как подсказывает тебе Земля. Забудь о том, что говорят тебе глаза, и не доверяй своим мыслям.

Биннесман порылся в карманах и вытащил веточку донника. Покрошив ее в руках, он сдул снадобье с ладони прямо в рану.

Закончив лечить Габорна, Биннесман поднял с земли его кольчугу. Поразмыслив мгновение, волшебник швырнул ее в провал. Снизу донеслось постепенно удаляющееся звяканье металла.

— Что ты делаешь?!— взвился Габорн.

— Тяжелая кольчуга мешает тебе карабкаться вниз,— ответил Биннесман.— Когда мы окажемся внизу, нам не составит труда найти ее.

Закончив связывать веревки, Иом и Аверан переглянулись. Затем все, не сговариваясь, посмотрели в сторону пропасти.

— Кто пойдет первым?— тревожно спросила Иом.

Габорн подошел к краю пропасти и швырнул свое копые вниз. Услышав, как оно стукнулось о дно, он следом бросил мешки. Наконец, он швырнул вниз конец веревки и без всякого предупреждения прыгнул вниз. От неожиданности у Аверан перехватило дух.

Прodelав в воздухе замысловатый пируэт, Габорн ухватился за край веревки и принялся стремительно спускаться вниз, напоминая бегущего по стене паука. С его количеством даров мускульной силы и грации это было несложно.

Биннесман удивленно приподнял бровь. Судя по всему, рана Габорна действительно была не столь безнадежна, как казалось на первый взгляд.

Аверан подошла к краю пропасти и вгляделась вниз. Она крепче ухватилась за посох. Девочке не хотелось выпускать его из рук. Но ползти вниз, держа посох в руках, было невозможно. Драгоценный посох не был ничем защищен. Она планировала вырезать на нем руны защиты, но до сих пор ей не представилась такая возможность. *Надо будет сделать это как можно скорее*, подумала Аверан. Ядовитое дерево, из которого был сделан посох, само выбрало ее. Девочка чувствовала, что в каком-то смысле посох стал частью ее.

Пока Аверан размышляла, что ей делать, Биннесман швырнул свой посох вниз. Затем он приказал вильде сделать то же самое.

— Давай, бросай,— подбодрил он Аверан. — Дерево знает тебя. Посох будет ждать тебя внизу.

Скрепя сердце она отпустила посох. Аверан переживала, что он может удариться о каменную стену и поцарапаться, но у нее не было другого выбора.

Они опускались все ниже и ниже. Первым двигался Габорн, за ним следовала вильде, затем Биннесман и Иом. Аверан спускалась последней.

Ползти вниз оказалось делом нелегким. На протяжении первой сотни ярдов Аверан просто-напросто вцепилась в веревку и, осторожно перебирая руками, ярд за ярдом спускалась вдоль стены. Однако внезапно веревка закончилась. Это произошло гораздо быстрее, чем девочка ожидала.

Когда Аверан пришлось наконец отпустить веревку, ужас захлестнул ее. Веревку придется оставить здесь навсегда, и когда в следующий раз она потребуется им, ее уже не будет под рукой.

— Давай, не медли, — подбадривала Иом. Она была как раз под Аверан. — Не робей! Если ты упадешь, я поймаю тебя.

У Аверан бешено забилося сердце. Несмотря на то что у нее было большое количество даров мускульной силы, сй с трудом удавалось удерживаться на стене, используя в качестве опоры лишь углубления в скале. Аверан казалось, будто она вот-вот сорвется в пропасть. Вода, которая в течение многих лет обрушивалась вниз по скале, отполировала стену настолько, что на ней практически не осталось выступов, за которые можно было бы зацепиться. Росшие повсюду щекотные папоротники только добавляли проблем при спуске, и без того крайне рискованном. Полагаться на зрение было бесполезно. Чтобы увидеть следующий уступ, за который можно зацепиться, надо было смотреть вниз, а это могло привести к потере равновесия. Поэтому Аверан приходилось ползти вслепую, следуя скорее своей интуиции.

Папоротники создавали больше всего проблем при спуске. Их внешний вид, создававший на первый взгляд впечатлительное устойчивости, был обманчив. Казалось, они могут предложить надежную опору. Стоило Аверан зацепиться за кусок папоротника, как у нее появлялась хрупкая надежда, что он позволит ей некоторое время удержаться на стене. Однако

почти сразу же обнаруживалось, что корни растения недостаточно глубоко проросли в землю и были не способны удерживать даже вес ребенка, каким была Аверан. Некоторые папоротники отрывались сразу, без всякого предупреждения, оставляя ее беспомощно цепляющейся за скалу в поисках опоры.

Руки и ноги у Аверан были короче, чем у других, поэтому ей требовалось больше времени, чтобы нащупать углубления в скале.

Заметив, насколько тяжело Аверан дается спуск, Биннесман пропустил вперед Иом, а сам поднялся немного выше, чтобы оказаться как раз под девочкой. Когда она снова оказалась в шатком положении, Биннесман поддержал ее ногу, сорвавшуюся с уступа. Весь дальнейший путь волшебник продолжал двигаться непосредственно под Аверан, подбадривая, успокаивая и подстраховывая ее.

— Не беспокойся, — говорил он, — положишься на меня. Я не дам тебе упасть.

Аверан собрала волю в кулак и продолжала упорно ползти вниз, осторожно переставляя руки и ноги.

С тех пор как конец веревки остался позади, они спускались уже четверть мили, затем еще четверть мили. Время от времени туннель отклонялся то в ту, то в другую сторону, и каждый раз Аверан не решалась посмотреть вниз. Их путь уводил их все глубже и глубже.

Ярд за ярдом отряд продвигался дальше.

В какой-то момент, когда она нащупала ногой очередное углубление в скале, Габорн предупредил:

— Аверан, остановись! Возьми немного вправо.

Габорн находился далеко внизу и при всем желании не мог бы разглядеть опасности, которая угрожала девочке, — будучи Кролем Земли, он просто почувствовал ее. Аверан последовала его совету. Таким же образом Габорн время от времени направлял остальных участников отряда.

Они ползли вниз вот уже больше мили. Казалось, этот спуск никогда не закончится. У Аверан болело все тело от усталости и напряжения.

Тем временем земля продолжала дрожать. Издалека по-прежнему доносился звук, похожий на отдаленный гром. Это армия опустошителей маршировала сквозь Подземный Мир.

Самым невероятным казалось то, что никто из участников похода до сих пор не сорвался вниз. То, что им удалось продвигаться так далеко без особых потерь, казалось Аверан редкой удачей. Даже учитывая постоянную помощь Габорна и большое количество даров, имевшихся у каждого из них, девочка считала чудом, что все они до сих пор не упали со скалы.

Через некоторое время Габорн обнаружил каменистую площадку. Это был первый достаточно большой выступ, встретившийся им на пути. Здесь они устроили привал. Последней на площадку спустилась Аверан. Она осторожно преодолела последнюю пару ярдов и присоединилась к своим товарищам.

Иом прислонилась головой к каменной стене. На лице ее застыло выражение страха. Габорн примостился рядом с ней, тяжело переводя дыхание. Биннесман отодвинулся подальше от обрыва, избегая смотреть вниз, а вот вильде подошла к самому краю и уставилась в пропасть.

Уступ, на котором они разместились, выдавался вперед всего на три-четыре фута. В другое время Аверан пришла бы в ужас от одной мысли о том, что надо стоять так близко к пропасти. Но теперь этот короткий отдых казался ей райским блаженством. Она посмотрела вверх, в бесконечную темноту.

Стоит опустошителям прорваться через построенную Аверан стену, и они настигнут беглецов в мгновение ока. Опустошители умели прекрасно лазать по скалам. Цепляясь за выступы передними лапами и всеми четырьмя ногами, они могли продвигаться вверх и вниз по каменным склонам гораздо быстрее, чем человек. Размеры шахты позволяли даже

достаточно крупному опустошителю беспрепятственно спускаться по ее стенам.

Аверан представилось, что там, наверху, полно опустошителей, и от этой мысли ей захотелось как можно скорее продолжить спуск.

— Как только опустошители появятся наверху у входа в шахту, все, что им нужно будет сделать — это бросить вниз камень побольше. Он сметет нас со стены, как мух, и отправит вниз на верную смерть, — вслух подумала Аверан.

— Как только сброшенный камень тебя настигнет, тебе уже не придется бояться упасть и разбиться насмерть, — попытался пошутить Биннесман.

После этого замечания все поспешили покинуть каменистую площадку и продолжить спуск. Габорн первым встал с места. Все остальные вскоре последовали за ним. От напряжения у Аверан ломило все тело. Кожа на пальцах рук была содрана до крови. У других дела шли не лучше. Каждый из них оставлял за собой полосы крови на каменной стене. Аверан попыталась отключить свое сознание, чтобы игнорировать боль.

Спустя еще полмили Габорн внезапно подал голос:

— Стойте! Здесь нет дна.

— Что значит «нет дна»? — опешила Иом.

— Я не вижу дна, — растерянно ответил Габорн. — Шахта просто уходит в никуда...

Аверан замерла на месте, покрепче ухватившись за выступ в скале. Щекотные папоротники продолжали медленно колыхаться. Их легкие прикосновения напоминали поглаживание кожи гусиным перышком.

Аверан попыталась посмотреть вниз, однако Биннесман и зеленая женщина закрывали ей обзор. Опалы продолжали пучками света выпускать скрытый в них огонь, поэтому вся шахта вокруг них была наполнена разноцветным свечением. Однако свет не проникал дальше, чем на дюжину ярдов. Все же Аверан смогла разглядеть то, о чем говорил Габорн. Шахта

резко заканчивалась, и под ней открывалась пронасть, которая казалась бесконечной.

Аверан прильнула к стене. Сердце ее бешено билось, а лоб покрывал холодный пот. Ноготь на ее левом мизинце сломался и болтался, готовый в любой момент оторваться.

Девочка пару раз подвигала пальцем туда-сюда, и ноготь отвалился. Она покрепче вжала ноги в углубления, служившие ей опорой, и прислонила голову к каменной стене, с трудом сдерживая слезы. Ноги и руки у нее предательски дрожали.

А науки устают ползать по стенам? подумала Аверан.

Она услышала, как Габорн полез дальше. Подобравшись к кромке шахты, он крикнул:

— Я вижу внизу воду!

Кровь стучала у Аверан в висках. Она принюхалась и отчетливо различила запах воды. Только теперь девчушка осознала, что почувствовала этот запах еще раньше. В течение последних пары часов он становился все сильнее. Одним из признаков присутствия воды был конденсат, выступавший на стенах. Кое-где по скале даже стекали струйки воды. Основная же масса воды находилась внизу — огромное озеро, богатое сероводородом.

Наши вещи! уныло подумала Аверан. *Мы бросили рюкзаки и оружие вниз. Теперь они, конечно же, глубоко под водой. А наша провизия! Все пропало.* Одна только мысль о том, что все их мешки потеряны, заставила Аверан ослабеть. Ей оставалось лишь надеяться, что ее посох остался на плаву. Стоит ей поискать его на поверхности озера, и она непременно найдет его.

Посох был не просто предметом, но фундаментом, на котором держалось все ее мастерство. Аверан понимала, что, даже потеряв все остальное, она будет жива до тех пор, пока посох с ней.

— Деваться некуда, придется прыгать! — заявил Габорн. — Там внизу озеро, я даже вижу берег.

— Подождите!— воскликнула Аверан.— В воде могут жить чудовища. Кто знает, что там водится?

Однако Габори не стал медлить. Он оттолкнулся от стены и полетел вниз. Внимательно прислушиваясь, Аверан принялась медленно считать про себя. Наконец, она услышала отдаленный всплеск.

К тому моменту как послышался этот обнадеживающий звук, Аверан успела досчитать до восьмидесяти девяти.

Восемьдесят девять секунд, подумала она, тут же сообщив: *Нет. У меня двенадцать даров метаболизма, поэтому нужно разделить это число на двенадцать. Похоже, прошло всего лишь семь секунд. Какое расстояние можно пролететь за семь секунд?*

Аверан подумала, что падать придется далеко.

Какие монстры могут населять это озеро? спрашивала она себя.

Аверан ела мозг нескольких опустошителей и благодаря этому узнала много чего о Подземном Мире. В озерах тут водились скрабберы. Возможно, и здесь они были, если только не стали добычей рыбы-слепца.

Идуменское озеро, например, кишело рыбами-слепцами: там были огромные угри футов в тридцать длиной, способные целиком проглотить ребенка, а также усатые рыбы размером со среднюю лодку. Еще там водились существа, которые сложно было назвать рыбой, но они, несмотря на их форму, были не менее опасны. Например, плавучие желудки сгустки желеобразной субстанции, которые вживлялись в вашу плоть и принимались вас переваривать.

Что самое худшее из того, что может случиться? продолжала размышлять Аверан. И тут она поняла, что все ее страхи не имели под собой достаточных оснований. Габори — Король Земли — был с ними. Он не допустит, чтобы они прыгнули прямо в объятия смерти. В худшем случае Аверан отделается парой укусов падоедливых скрабберов.

Девочка зажмурилась и прыгнула. К тому времени Иом уже была внизу. Они прыгали по очереди, давая возможность тому, кто прыгнул раньше, отплыть в сторону. Биннесман приказал вильде тоже прыгнуть. Не успел он договорить, как зеленая женщина с готовностью скакнула в пропасть.

— Я плохо плаваю... — прошептала Аверан Биннесману. Волшебник усмехнулся:

— Не беспокойся, дитя мое. Я плаваю, как пробка. Давай я прыгну первым, а ты досчитай до пяти и прыгай вслед за мной. Я помогу тебе выплыть на берег.

Аверан приготовилась к прыжку. Посмотрев вниз, она увидела, как Биннесман ползет вниз, к обрыву. Внизу уже светились всеми цветами радуги опалы Габорна и всех остальных. Все члены отряда бултыхались в просторном круглом водоеме, по форме напоминающем цистерну. Во все стороны от них расходились волны. Габорн направился к груде камней рядом с дальней стеной. Сцена, представшая глазам Аверан, выглядела почти идиллической — как ночное купание любителей поплавать в темноте.

Биннесман оттолкнулся от стены и прыгнул вниз. На короткое мгновение Аверан увидела его лицо в свете своего опалового кольца. Лицо волшебника было совершенно спокойно. Он перекувырнулся в воздухе, расставив руки в стороны. Затем темнота поглотила его. Аверан принялась считать. И тут вдалеке она услышала звук, который заставил ее сердце биться еще быстрее — это было шипящее дыхание опустошителя.

Где он? лихорадочно соображала Аверан. Прячется внизу среди камней?

Она наклонила голову, напрягая слух. Благодаря ее дарам слуха все шумы казались неестественно громкими, как бы усиленными во много раз.

Нет, этот звук донесся сверху, поняла Аверан.

— Опустошители! — что есть мочи закричала она.

Не дав Биннесману обещанных пяти секунд, Аверан тут же прыгнула в озеро.

Полет сквозь темноту казался бесконечным. Аверан никогда не прыгала в воду с такой высоты. Нечто подобное случилось с ней только однажды, когда она упала в пруд со старого дерева в Визебруке.

Она летела вниз, свернувшись в клубок, обхватив колени руками. Досчитав почти до ста, она ударилась о поверхность воды.

Аверан погружалась все ниже и ниже. Вода оказалась на удивление теплой. Девочка задержала дыхание, изо всех сил стремясь выплыть наверх. В свете опалового кольца Аверан пыталась пронзить взглядом толщу воды. Рыбы-слепцы, тощие, как щуки, сновали вокруг. Их напугало внезапное появление существа размером почти с них, и в то же время любопытство влекло их туда, где послышался всплеск.

Аверан изо всех сил гребла, пытаясь всплыть на поверхность. Туника насквозь промокла и тянула ее вниз. Девочка уже подумывала о том, чтобы сбросить ее. Но потерять тунику означало бы остаться беззащитной, ведь это была особая волшебная одежда, которая защищала и укрывала ее.

Итак, она продолжала грести. Наконец Аверан всплыла на поверхность и принялась отчаянно барахтаться. Внезапно рука ее нащупала что-то твердое, за что она тут же ухватилась.

Стоило Аверан прикоснуться к предмету, который попал ей в руки, как ее пронзила струя энергии невиданной силы. Девочка поняла, что нашла свой посох.

С минуту она продолжала плавать по поверхности озера, не веря своей удаче. Аверан чувствовала, это более чем случайность.

Я хотела, чтобы мой посох вернулся, и он пришел ко мне, сказала Аверан себе.

Тут к ней подплыл Биннесман.

— Держись за мою руку, дитя! — сказал он.

— Опустошители. Я слышала звуки их дыхания у входа в шахту, — прошептала Аверан.

Биннесман ничего не сказал. Вместо ответа он сунул ей в руку свой посох.

— Вот, держись за него, — сказал он.

Они поплыли к берегу. Биннесман тащил за собой Аверан, которая крепко держалась за оба посоха.

Девочка знала, что опустошители не умеют плавать. Оказавшись в воде, они неизбежно начинали тонуть. Однако стоило им только коснуться дна, как они снова могли передвигаться: опустошители умели ходить по дну, как по суше.

Оценив размеры озера, Аверан поняла, что опустошитель вполне мог бы выбраться из него, идя по дну. Но откуда было опустошителям знать об этом. Они могли хорошо различать предметы под землей примерно на расстоянии сотни ярдов, но все то, что лежало за пределами этого расстояния, казалось им просто размытым пятном. Они не смогут распознать, какую форму имеет озеро. Единственное, что они смогут почувствовать — это запах воды вместе с запахом каменных стен. Будет ли запах камней достаточно сильным, чтобы позволить опустошителям оценить размеры озера? Рискнут ли они пуститься за ними в погоню, прыгнув в воду?

Аверан не могла сказать наверняка. Опустошители могли вести себя очень отважно. Шкура опустошителей была

очень твердой, она служила им настоящей броней. Кроме того, они обладали чудовищной силой и выносливостью. Все это давало им ощущение неуязвимости.

Некоторые из них отважатся отправиться вслед за беглецами — теперь Аверан была в этом уверена. Она и сама не сразу поняла, откуда вдруг взялась эта уверенность. Но стоило ей внимательно прислушаться к себе, как все стало ясно. Хитроумный Проглот — она смаковала его мозг всего пару дней назад, был воином-опустошителем. Аверан хорошо запомнила, какие чувства он испытывал по отношению к людям. Это было зловещее сочетание страха и ненависти, смешанное с таким ненасытным аппетитом, который — Аверан знала — непременно побудит опустошителя при любых обстоятельствах напасть на человека.

Габорн прокричал с берега:

— Насчет поклажи не беспокойтесь — я уже вытащил из воды все мешки. Скорее сюда!

Значит, наши рюкзаки не утонули, с облегчением подумала Аверан.

Их оружие — вот что было безвозвратно потеряно. Аверан принялась работать ногами, помогая Бизнесмапу быстрее выбраться на берег. Через пару минут они вышли из воды. Свет опалов отражался от набегавших на берег волн, посылая лучи во все стороны. Капли воды, покрывающие стены, наполнились хрустальным светом и стали похожи на сияющие жемчужины.

Не успели они добраться до берега, как огромный опустошитель вылетел из шахты и обрушился в воду, подняв в озере целую бурю. Гигантские волны начали накатываться на берег, накрывая беглецов с головой.

— Скорее, сюда! — закричал Габорн, указывая на темную арку, куда уходило русло древней реки.

— Подождите! — возразила Аверан.

— Мы должны убить опустошителя. Если те, которые ждут наверху, не унюхают его смерти, они обязательно последуют за ним.

— Нет, надо бежать! Скорей!— приказал Габорн.

— Пойдем, дитя,— сказал Биннесман. Он оттащил ее подальше от воды.— Бери свой рюкзак.

Мешки кучей лежали на берегу.

Аверан забросила рюкзак за спину. Биннесман бросил вильде ее рюкзак и потянулся за своим. Волшебник выглядел уставшим. У Биннесмана было столько же даров метаболизма, сколько и у Аверан. Но даже при этом движения его не были такими быстрыми. Это объяснялось его преклонным возрастом.

Отверстие, ведущее в туннель, зияло подобно черной пасти. У входа Габорн остановился.

— Биннесман! Бежим!— закричал он, как только волшебник собрался накинуть на плечи свой рюкзак.

Биннесман бросил поклажу и помчался прочь как раз в тот момент, как нечто огромное и ужасное вырвалось из воды.

Ни одно живое существо не может двигаться так быстро, подумала Аверан.

Даже со всеми ее дарами метаболизма девочке показалось, что опустошитель выскочил из озера с такой молниеносной скоростью, с какой способна двигаться лишь электрическая искра. Вода струилась по его лопатообразной голове, лилась потоками вниз по туловищу и расплескивалась по каменному берегу.

Биннесман кинулся ему навстречу, выставив вперед свой посох. На лице его застыла маска ужаса. Не успев даже толком осознать, что опустошитель был вооружен, Аверан увидела, как темный силуэт его клинка — огромного куска стали примерно в двадцать футов длиной — прорезал воздух.

В следующий миг послышался звук металла, разбивающего дерево. Раздался хруст костей. Биннеман отлетел на сорок футов назад.

— На помощи! — завопила Аверан.

Она воздела к небу свой посох, пытаясь защититься. Опу-стошитель нависал над ней, распахнув свои исполинские челюсти. Он так широко разинул рот, что, казалось, мог бы проглотить торговый воз. На лапах чудовища мерцали бледным голубым светом следы рун. Никогда прежде Аверан не встречала такого страшного монстра. Казалось, один его вид способен был принести смерть. Запах опустошителя окутал ее со всех сторон, и его имя, подобно тени, вдруг просочилось в отдаленный уголок ее сознания. Этот опустошитель был известен каждому из тех, мозг которых она пробовала. Его имя произносилось со страхом и трепетом: Посланник Тьмы. Среди всех слуг Великой Истинной Хозяйки этот был наиболее коварным и неуловимым. От ужаса у Аверан помутился рассудок.

Опустошитель помедлил с долю секунды. Казалось, монстр хотел рассмотреть ее. Затем со свистом запес свой клинок, чтобы разрубить Аверан пополам.

Аверан перестала что-либо соображать. Бизнесмен куда-то делся, а она сама онемела от страха и больше ничего не чувствовала.

— Прыгай вбок! — закричал Габорн.

Как во сне, Аверан бросилась в сторону.

Клинок опустошителя, не задев ее, с шумом рассек воздух. Вдруг что-то промелькнуло в воздухе у нее над головой. Издавая истошный визг, фигура стремительно пошла навстречу опустошителю.

— Крови! — вопила вильде.

Она замахнулась посохом, словно намереваясь хорошенько отдубасить Посланника Тьмы. Но так же внезапно, как

она бросилась в атаку, опустошитель отпрыгнул в сторону. Он приземлился на стену и пополз вверх, перебирая ногами, как паук. Одновременно он принялся посылать потоки информации в форме запахов. Аверан уловила запахи, обозначающие «вильде», «я в растерянности», за ними следовало предупреждение: «это существо несет смерть».

Посланник Тьмы продолжал карабкаться вверх по стене, шевеля щупальцами. Зеленая женщина гналась за ним, завывая от досады. Она бросила свой посох, зацепилась за небольшой выступ и принялась ползти вслед за монстром.

Стены пещеры были покрыты отложениями известняка. Щекотные папоротники покрывали их сплошным слоем, напоминая ковер из мха. Местами камень был белый и маслянистый, как сливки. Попадались также и участки нежно-золотистого цвета, как мед. В течение многих веков отложения сформировали на стенах причудливые фигуры. Зеленая женщина проворно карабкалась вверх по стене. Посланник Тьмы продвигался все дальше и дальше, пока не достиг потолка пещеры, где он прицепился к камню и повис, напоминая жирного паука.

Вильде продолжала завывать, как раненый волк.

— Крови! Крови! — повторяла она.

Она доползла до потолка и начала метаться, ища след своей добычи. И тут без всякого предупреждения Посланник Тьмы совершил невероятный прыжок. Ослепительной вспышкой он пролетел целых шестьдесят футов и снова прилепился ногами к потолку. Очутившись рядом с вильде, он схватил ее и с размаху ударил о стену. Аверан показалось, что она услышала звук ломающихся костей. Вильде завопила от ярости. Затем опустошитель швырнул ее обратно в озеро. На мгновение воцарилась полная тишина. Не было слышно ничего, кроме звука волн, лижущих каменный берег.

Посланник Тьмы с утомленным видом изучал отряд. Его щупальца тревожно подрагивали в воздухе.

Внезапно вильде всплыла на поверхность, отчаянно плескаясь и визжа от гнева.

Посланник Тьмы развернулся и поспешно скрылся в шахте.

Он ушел, с облегчением подумала Аверан. Однако она знала, что передышка продлится недолго.

— Аверан, Биннесман! — позвал Габорн.

Биннесман не должен погибнуть. Ведь ему предназначено быть моим учителем, подумала Аверан.

Но было ей известно и то, на что был способен клинок опустошителя. Огромный обломок металла весил сотни футов. Хоть он и не был заточен так остро, как меч, и не мог разрубить человека пополам, но вот переломать ему все кости — на это оружие опустошителя было способно.

Аверан видела раньше трупы людей, убитых опустошителями — тела, разорванные на куски — голова здесь, руки там, кругом море крови. Внутренности, висящие на ветвях деревьев, как колбасы, вывешенные на стропилах деревенской гостиницы.

Вильде продолжала неистовствовать. Зеленая женщина изо всех сил гребла к берегу и редела, как раненое животное. Аверан показалось удивительным то, что вильде вообще выжила.

Дрожа всем телом, Аверан поднялась на ноги. Она не хотела смотреть в ту сторону, где лежал Биннесман. Она опасалась, что зрелище, которое она увидит, будет подобно картине виденных ей раньше смертей от рук опустошителей. Ей представились мертвые глаза Биннесмана, глядящие в пустоту. Она боялась увидеть его тело раздробленным и изуродованным.

— Биннесман! — позвал Габорн, рванувшись вперед.

Тут Аверан все-таки пришлось поднять взгляд.

Биннесман лежал в пещере, распластавшись на спине. В лице его не было ни кровинки, он был бледен смертельной

бледностью. Пальцы его дрожали в предсмертных судорогах, изо рта и из носа текли струйки крови. Каким-то чудом его тело осталось целым, несмотря на то что удар опустошителя был нанесен ему в грудь.

— Ты жив?— недоверчиво взглянула на него Аверан.

— Рад слышать,— ответил Биннесман.

Но то огромное усилие, которое потребовалось ему, чтобы произнести эту незамысловатую шутку, говорило лишь об одном: дела у волшебника плохи. Из глаз его текли слезы.

Нет, он не жив, поняла Аверан. Но пока еще и не мертв. Он умирает.

Она опустила на колени и крепко стиснула его руку в своих ладонях. Биннесман судорожно хватал ртом воздух. Видно было, что дышать ему становилось все труднее и труднее.

Сзади появился Габорн.

Аверан подняла глаза и взглянула на него. От шока тот был белым как мел. Вслед за Габорном к ним медленно подошла Иом.

— Почему ты не побежал?— спросил Габорн.

Биннесман ответил:

— Вот уже сотню лет я был самым мудрым человеком из тех, кого я знаю...— Тут его речь была прервана приступом кашля, при этом изо рта у него хлынула кровь.— Мне было трудно последовать чьему-то совету.

Иом стояла за спиной у Габорна и, не отрываясь, смотрела на Биннесмана. Глаза ее были наполнены болью.

Рука Биннесмана задрожала, и Аверан снова взглянула ему в глаза. Волшебник с мольбой смотрел на свою ученицу.

— Осталось мало времени. Принеси мой посох,— сказал Биннесман.

— От него остались одни щепки,— ответила Аверан.

И вдруг в ее душе зародилась отчаянная надежда, что, даже раздробленный на кусочки, посох сможет исцелить Биннесмана. Аверан бросилась к тому месту, где лежали об-

ломки посоха. От удара Посланника Тьмы посох как бы взорвался изнутри, разбросав щепки во все стороны. Необходимо было вновь собрать посох воедино. Аверан немедленно принялась за работу. Она старалась не пропустить ни одной щепки, ни одного кусочка. В каждом из них была заключена мощь земли, а в основании посоха были вырезаны руны целительства и защиты. Подобрав все кусочки, которые только смогла найти, Аверан бросилась обратно к Биннесману.

Тем временем волшебник говорил Габорну:

— Я очень сожалею, что подвел всех вас.

Дыхание его становилось все слабее. С каждым словом новые струйки крови вырывались изо рта.

— Пожалуйста, не нужно ничего говорить. Этим ты еще больше ослабишь себя,— сказала Иом.

Она опустилась на колени рядом с волшебником и взяла его за руку.

— Сейчас я не имею права молчать,— ответил Биннесман.— Есть дела, которые я должен закончить.

— Спасительница Добра, Разрушительница Зла, я отпускаю тебя!— прошептал он.

Зеленая женщина взвыла от восторга. Аверан взглянула вверх. Вильде все заглядывала в шахту, как бы прикидывая, каким образом ей лучше подобраться к опустошителям.

— Аверан!— позвал Биннесман.

Он нерешительно огляделся. Глаза отказывались слушаться его.

— Я здесь,— сказала Аверан.— Я принесла твой посох.

Она принялась выкладывать обломки посоха на грудь волшебника. Биннесман провел по ним пальцами и выбрал один кусок.

— Аверан, я должен покинуть тебя. Теперь ты поведешь их. Слушай Землю — с этого момента она будет твоим единственным учителем.

Биннесман поперхнулся и замолчал, не в силах говорить дальше.

Аверан почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног, а мир привычных вещей рушится, словно хрупкое стекло. Она не могла поверить в то, что Биннесман умирает. Считалось, что старые волшебники, такие как он, со временем становятся неуязвимыми для смерти и разрушения. Аверан заметила, что дрожит всем телом.

— Закопайте его! Быстро! — прокричал Габори.

— Зачем? — опешила Иом.

— Засыпьте его землей, — пояснил Габори.

Он поднял левую руку и в отчаянье прошептал:

— Биннесман, пусть земля излечит тебя, пусть Земля спрячет тебя, пусть Земля возьмет тебя.

Конечно! Три ночи назад Аверан спала под землей, не испытывая при этом потребности дышать или думать. Никогда в жизни она не спала так сладко и никогда не чувствовала себя такой обновленной и полной сил, как после этого сна.

Никто из них не мог спасти Биннесмана. Никто, кроме самой Земли. Пока в теле волшебника еще теплилась жизнь, кто знает, может, Земля сумает исцелить его.

Пол пещеры состоял из цельного камня, лишь кое-где виднелись островки гальки. Аверан схватила свой посох, ударила им об землю и прошептала:

— Укрой его!

В то же мгновение с земли поднялся смерч из гальки, пыли и детрита. Как будто притягиваемые огромным магнитом, все эти частицы устремились туда, где лежал Биннесман. Облепив и укрыв его со всех сторон, они образовали причудливое надгробие из серого песка, кусочков камней и пещерных жемчужин.

— Какая милая могила, — с горечью подумала Аверан.

От захлестнувшего ее отчаянья ей было трудно дышать. Она опасалась, что Биннесман ушел навсегда. Возможно, ничто из того, что они пытались предпринять, не было в силах спасти его. Что бы они ни говорили и что бы ни делали, он останется лежать здесь, в этой странной могиле.

Габорн посмотрел по направлению уходящей в темноту шахты. Он положил руку Аверан на плечо, пытаясь утешить ее.

— Нам пора двигаться дальше, — с тяжелым сердцем произнес он.

На мгновение Иом опустилась на колени рядом с могилой. Она вдавила свою ладонь в свежую землю, оставляя отпечаток, как это иногда делалось на крестьянских похоронах. Смахнув слезу, она подняла рюкзак Биннесмана.

Зеленая женщина продолжала носиться взад-вперед, пытаясь сообразить, как бы ей подобраться к опустошителям. На ее лице виднелась глубокая царапина, оставшаяся после того, как Посланник Тьмы ударил ее об стену. Других признаков повреждений не было заметно.

Последние события явственно обнажили нечеловеческую природу вильде. От осознания того, как мало общего было у нее с человеком, становилось немного жутко. Вильде была неподвластна разрушению. Ее невозможно было уничтожить. Но не только это беспокоило Аверан. Больше всего ее тревожило полное равнодушие вильде к смерти своего хозяина. Аверан продолжала надеяться, что сможет обнаружить хоть какой-то след человеческих чувств в этом существе, однако зеленая женщина, очевидно, не была способна испытывать ни привязанности, ни страдания, ни горя, ни любви.

Она носилась по берегу, завывая от досады, не в состоянии добраться до своих врагов — опустошителей.

— Весна! Мы уходим, — обратилась Аверан к вильде, назвав ее именем, которое сама придумала для нее.

Зеленая женщина не обратила на Аверан ни малейшего внимания.

Габорн пристально посмотрел на вильде, и беспокойство отразилось на его лице.

— Спасительница Добра, Разрушительница Зла, — позвал Габорн. — Услышь меня: мы отправляемся сражаться с врагами Земли. Пойдем с нами! Этим ты лучше всего послужишь своему господину.

Вильде осталась глуха и к этому призыву.

Тут Аверан почувствовала запах опустошителей, донесшийся из шахты. Они затаились там, наверху, замерли в нерешительности, обдумывая, как им поступить. Их было много, несколько дюжин. Аверан подумала, что и вильде унюхала их.

— Пойдем, — сказал Габорн, крепко взяв Аверан за руку.

Иом уже направилась вперед, вдоль русла древней реки. Габорн повел Аверан за собой. Их шаги эхом отдавались в туннеле.

Еще долго Аверан слышала позади пронзительные крики вильде.

Глава 7

УЗЫ, КОТОРЫЕ СВЯЗЫВАЮТ

Передача даров является скорее искусством, чем наукой. Каждому практикующему способствующему известны те случаи наивысшего проявления мастерства в их профессии, когда передача даров сопровождалась чудесными явлениями — когда, например, после применения форсибля сила лорда во много раз возрастала, а сила Посвященного при этом вовсе не уменьшалась — или еще более редкие случаи, когда дар оставался у лорда даже после смерти Посвященного. Посредством тщательного изучения искусства подбора идеальной пары мы надеемся в будущем сделать подобные чудесные случаи обычными при передаче даров.

Из «Искусства подбора идеальной пары», написанного способствующими Анзой Вер и Диланом Фендемером

Спустя несколько часов после рассвета Миррима и Боренсон добрались до Батенны — старинного города с высокими

домами, построенными в древнем ферресийском стиле. Стены домов были выложены из тщательно обточенных камней, которые настолько плотно прилегали друг к другу, что даже при пристальном рассмотрении трудно было разглядеть зазоры между гранями. Крыши были сплошь покрыты доставленными с близлежащих рудников медными пластинками. Позеленевшие от времени пластинки из меди тесно наслаивались друг на друга и напоминали своим видом рыбу чешую. Тут и там на окрестных холмах высились древние особняки, окруженные просторными садами, где среди златолистых ив виднелись мраморные статуи обнаженных девушек, держащих в руках причудливые длинные мечи.

Проехав через город, они направились к крепости Абелэй-ра Монтесфромма, маркиза Ферресии. Крепость с ее могучими башнями была построена на самом высоком холме и возвышалась над всеми постройками города. Клету внешние стены крепости побелили, и теперь они так ярко сияли в лучах утреннего солнца, что было больно глазам. Казалось, стены крепости сделаны из ослепительных солнечных лучей. Стражи у ворот были облачены в отполированные серебряные доспехи, украшенные изображением красного граака Ферресии. Забрала их шлемов имели одну отличительную особенность, которая сразу привлекала взгляд,— прорези в них были настолько узкими, что издалика казалось, будто у стражей вообще нет глаз. Оружием им служили длинные пики из червлёного железа, увенчанные серебряными наконечниками.

Миррима сделалось стыдно за свой собственный наряд. Одежда ее еще не обсохла после купания в озере и была покрыта пылью и грязью после долгого путешествия. Она в изумлении гладела по сторонам.

— Закрой рот, а то муха залетит,— добродушно предупредил Боренсон.

— Здесь так красиво,— сказала Миррима.— Я себе и представить не могла такого прекрасного города.

Во внутреннем дворе крепости булыжник был уложен настолько ровно, что казалось, будто бы площадь замостили только вчера. Мозаика под их ногами изображала красный граак на белом фоне. Лужайка вдоль дороги была подстрижена идеально ровно. Из бойниц на внутренней стене крепости ниспадали целые каскады цветов, вливаясь в цветочное море на лужайке внизу. Жасмин, мальва и розы благоухали, наполняя воздух дивным ароматом. Среди зубчатых теней, отбрасываемых башнями, порхали и резвились разноцветные колибри. Стоило им попасть в солнечный луч, как эти маленькие птички начинали сверкать всеми цветами радуги.

Миррима заметила на лице мужа сердитое выражение.

— Что случилось?— спросила она, стараясь говорить как можно тише, чтобы стражи не услышали ее.

— Понимаешь...— кивнув в сторону крепости, Биринсон помедлил.— Люди в Каррисе истекают кровью на крепостных стенах не дальше чем в трех сотнях миль отсюда, в то время как маркиз и его щеголеватые рыцари купаются в роскоши. Меня не покидает желание сорвать эти прекрасные ящики с цветами с башен и сбросить самого маркиза вслед за ними.

Миррима не знала, что и сказать. Маркиз был могущественным человеком, происходящим из одной из самых древних и зажиточных семей во всем Рофехаване, а Боренсон был всего лишь Рыцарем Справедливости. Вот уже несколько дней Мирриму не покидал непонятный страх — страх потерять Боренсона. Она чувствовала, как ее муж ускользает от нее. Виной тому, в числе прочего, была его все возрастающая неприязнь к Габорну, к маркизу и вообще ко всем лордам.

К тому времени как они подъехали к бастиону маркиза, Боренсон был уже мрачнее тучи. Кровь прилила к его лицу, а зубы были плотно сжаты. Слуга проводил их в пыльную приемную, украшенную изысканными картинами в позолоченных

рамах, изображавшими маркиза и его предков. Огромные канделябры украшали полку над каминном.

— Пожалуйста, подождите здесь,— попросил слуга.

Боренсон принялся сердито мерить комнату шагами. Казалось, он был готов в любой момент броситься вслед за слугой, чтобы поскорее увидеть маркиза. Однако долго им ждать не пришлось. Не прошло и двух минут, как в комнату стремительно вошел молодой человек с юношеским румянцем на лице и сияющими веселыми глазами.

— Сэр Боренсон, неужели это правда? Король Земли сражается с опустошителями в Каррисе?— принялся спрашивать юноша.

Боренсон поглядел на парня сверху вниз:

— Разве мы знакомы?

— Я Бернод...

— Сын маркиза?— недоверчиво спросил Боренсон.

— К вашим услугам,— ответил Бернод с полупоклоном.

В глазах у Боренсона загорелась зловещая искорка:

— О да, ваш король действительно сражается с опустошителями. Скоро и вам придется отправиться на войну.

В этот момент снова вошел слуга:

— Маркиз просит присоединиться к нему за завтраком в Большом Зале.

Боренсон и Миррима в сопровождении Бернода последовали за слугой.

Огромный стол, футов в пятьдесят длилой, занимал почти весь Большой Зал маркиза. Стол был заставлен закусками и фруктами в таком количестве, которого хватило бы, чтобы накормить как минимум дюжину человек. Однако маркиз сидел за столом в полном одиночестве, размышляя, какое лакомство попробовать первым.

Стены были украшены позолоченными щитами, принадлежавшими предкам маркиза. Каждый щит являлся своего рода памятником великим семействам, из которых произошел

род самого маркиза. Миррима почти ничего не знала об искусстве изготовления щитов, но даже она узнала некоторые из мотивов, изображенных на этих старинных произведениях искусства. Вот припавший к земле лев Меригаста Непокорного, который выстоял против колдуний *тота* у Вогленской Башни, когда не оставалось уже никакой надежды на спасение. А вот двуглавый орел короля Ховенора Дельфского, который изгнал арров из гор Алькайр.

Каждый щит являл собой высочайший образец изящного искусства самых знаменитых мастеров своей эпохи. Самое большое впечатление на Мирриму произвел небольшой круглый щит, висящий во главе стола,— на первый взгляд, грубо сработанная вещь, будто сделанная руками ребенка. На щите был изображен красный граак с распростертыми крыльями, парящий над двумя мирами. Миррима ни на минуту не усомнилась в том, что это был щит самого Ферреса Геборена, сына Короля Земли Эрлена Геборена. В свое время Ферреса прозвали Свирепым, ибо он был бесстрашен в битве. Если верить легенде, в возрасте тринадцати лет он отправился поход в другой мир вместе с волшебником Сендавнаном и Дайланом Черным Молотом. Феррес сумел упротить Светлейших сражаться за человечество. Среди всех рыцарей ни один не пользовался таким всеобщим почитанием, как Феррес Геборен.

Щиты служили печальным напоминанием о том, что Ферресия в свое время была достойной страной. Еще более печальным напоминанием о теперешнем жалком состоянии этой когда-то гордой державы являлся сам маркиз. Он сидел под щитом своего славного предка в шелковом домашнем халате, свысока глядя на вошедших. Скорчив кислую мину, маркиз поднес к лицу надушенный белый платочек. Его вид говорил сам за себя: маркиз пребывал в шоке оттого, что двое таких потрепанных путников, каковыми были Миррима и Боренсон, посмели вторгнуться в его покой.

— Дорогой Боренсон! Как я рад снова видеть тебя! Ты... неплохо выглядишь,— начал маркиз.

— Ты тоже,— натянуто ответил Боренсон.— Хотя, когда мы встречались в последний раз, у тебя еще имелось четыре или пять даров обаяния. Лишившись их, ты сильно едал.

От оскорбления маркиз аж побледнел. Боренсон кашлянул в ладонь, затем шлепнул маркиза по плечу в манере, характерной для людей в доспехах, от чего у маркиза чуть глаза не выскочили из орбит.

Казалось, Боренсон готов придушить маркиза на месте, а у того был вид, будто он сейчас упадет в обморок.

— Я... я... я полагаю, с нашим королем все в порядке,— залепетал маркиз.

— О, все королевство в руинах, и я уверен, что тебе это известно,— ответил Боренсон.— Поэтому Габорн прислал меня, чтобы передать тебе срочное сообщение. Как ты, конечно, знаешь, он сражается с опустошителями к югу от Карриса.

— В самом деле?— маркиз попытался изобразить полную неосведомленность.

— Именно так. Габорн недоумевает, куда же подевался его старый друг, маркиз де Ферресия.

— Правда?— удивился маркиз.

— Ты получил приказание явиться на место военных действий?

— В самом деле. И я сразу же приготовился выступить. Но тем временем Радж Ахтен разрушил Синюю Башню, и мои люди были оставлены с менее чем дюжиной даров. Не думаешь ли ты, что мы могли отправиться на войну, не имея даров?!

— Это не оправдание,— угрожающе произнес Борисон.— В Каррисе все до единого — мужчины, женщины и даже дети — встали на защиту города и сражались с опустошителями до последней капли крови, ведомые лишь силой отчаяния, ибо у них не было другого выбора.

— Какой ужас!— воскликнул маркиз с отвращением.

— Теперь твоя очередь,— сказал Боренсон.

У маркиза на лбу выступили капли пота. В полном замешательстве он снова поднес к лицу надушенный платочек.

Боренсон продолжил:

— Тебе предписывается экипировать своих солдат и сей же час выступить по направлению к Каррису, давая отпор любому врагу, который встанет на твоём пути, будь то человек или опустошитель.

— Боже мой!— простонал маркиз.

— Отец, можно я пойду с тобой?— вмешался в разговор Бернод.

— Наверное, не стоит...— начал маркиз.

— Прекрасная идея,— подхватил Боренсон.— Ты же хочешь представить своего сына Королю Земли. Во-первых, как доказательство семейной солидарности, а во-вторых, чтобы получить благословение. Все равно у тебя нет другого выбора. Если, конечно, ты не хочешь подвергнуть себя серьезной опасности.

Боренсон принялся внимательно изучать шею маркиза, словно размышляя, в каком месте палачу лучше всего нанести удар.

Маркиз погрузился в пучину смятения. На его лице отразились нечеловеческие страдания. Тут сын маркиза произнес:

— Отец, это наш шанс. Мы должны показать миру, что семья Феррес все еще является одним из самых великих домов.

Юноша выбежал из комнаты, оставив Боренсона нависающим над маркизом.

Сердце у Мирримы бешено забилося. Боренсон и маркиз недолюбливали друг друга, и все же ей казалось, что Боренсон затеял опасную игру. Габорн не отдавал приказаний маркизу отправляться на сражение. Не было с его стороны и никаких угроз; ни прямых, ни скрытых, в адрес маркиза. Однако Боренсон позволил себе запугивать маркиза, угрожая ему возмездием Короля Земли.

Боренсон злобно ухмыльнулся:

— Хороший мальчик, этот твой сын.— После этого он перешел к делу.— У тебя есть под рукой способствующий? Я отправляюсь в Инкарру, и мне потребуется три дара жизнестойкости.

— Да, у меня есть способствующий, Посвященных я тоже смогу найти, только вот форсиблей у меня совсем нет,— пролепетал маркиз.

— Форсибли я привез с собой. И вообще, у меня есть дюжина лишних форсиблей, которые я хотел бы подарить твоему сыну.

Было слышно, как за стенами крепости Бернод выкрикивает приказания капитану охраны, веля ему приготовить лошадей.

Маркиз изучающе посмотрел на Боренсона, и ужас, доселе наполнявший глаза маркиза, внезапно улетучился. В лице его появилась жесткость.

— Ты тоже заметил это, не так ли? — спросил маркиз.— Мой сын уже сейчас по праву может считаться более достойным человеком, чем когда-либо был я. Он очень похож на своего деда в его молодые годы. В лице Бернода у семьи Феррес появилась надежда вернуться к прежнему величию.

Боренсон кивнул. Он не собирался выказывать ни малейшей симпатии к маркизу.

Старик горько улыбнулся:

— Значит, король приказывает нам отправляться на войну. Что ж, пусть огонь возьмет старые деревья и освободит место для молодой поросли.— Маркиз вздохнул, затем уставился на Боренсона.— Да ты меня просто пожираешь взглядом. Ты был бы рад моей смерти.

— Я...— начал Боренсон.

— Не надо отрицать этого, сэр Боренсон. Я знаю тебя уже сколько? С дюжину лет? И всегда ты был уверен в своем превосходстве. Неважно, что у меня имелось состояние, с которым

ты не мог потягаться, или титул повыше твоего. Все равно каждый раз, когда мы встречались, ты бросал на меня эти испепеляющие взгляды. Я знаю, какого ты обо мне мнения. А ведь моими предками были почитаемые всеми короли. Но в течение многих сотен лет наше королевство постепенно растащили по кусочкам. Наши земли присваивали, отвоевывали и попросту крали всевозможные лорды. И вот дело дошло до меня — жалкого подобия великих правителей прошлого. Когда тебе не было еще и тринадцати лет от роду, ты уже смотрел на меня с ненавистью.

— Позволь и мне говорить открыто, — почти прорычал Боренсон, уставившись в глаза маркизу неподвижным взглядом.

При этом он облокотился на стол так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица маркиза.

— Да, я был бы рад твоей смерти. Я не переношу людей, которые прожигают свою жизнь, погрязнув в роскоши, и при этом еще скулят, жалуясь на судьбу. Когда я был юношей тринадцати лет, ты уже смотрел на меня свысока, ибо я был беден, а ты богат, потому что мой отец был убийцей, а твой — лордом. Но уже тогда я понимал, что я более достойный человек, чем тебе когда-либо суждено было стать. Ты, сэр, просто тряпка, настолько неуверенно стоящий на ногах, что не в состоянии даже стать отцом ребенку. Ты говоришь, Бернод пошел в деда... А я думаю, стоит повнимательнее присмотреться к твоим охранникам, и можно легко найти того, на кого на самом деле похож твой якобы сын. Позор тебе! Если бы ты был настоящим мужчиной, ты бы сейчас прикончил меня, не сходя с места, за только что сказанные мной слова, неважно, есть у тебя дары или нет.

Маркиз сжал зубы, лицо его окаменело. В этот момент Миррима показалось, что сейчас он схватит со стола нож для разделки ветчины и погрузит его в шею Боренсона. Однако вместо этого он откинулся в своем кресле и зловеще улыбнулся:

— Ты всегда лез из кожи вон, чтобы доказать свою правоту. Это свойственно всем плебеям. Даже теперь, будучи капитаном королевской охраны, ты чувствуешь потребность бросить мне вызов.

Маркиз, очевидно, еще не слышал о том, что Боренсон покинул свой пост. Миррима подумала, а как бы реагировал маркиз, если бы он знал об этом.

— Однако,— продолжал маркиз,— я не вижу никакой необходимости вступать с тобой в противоборство. Ты вместе со своей оборванной женой отправляешься в Инкарру. Мы оба знаем, что Дети Ночи отправят ваши головы обратно в мешке еще до рассвета. Что же касается меня, я отправлюсь сражаться с опустошителями — врагами, которых я нахожу гораздо более достойными и беспощадными.

В какое-то мгновение Миррима показалось, что сейчас ее муж убьет этого человека на месте. Однако Боренсон неожиданно рассмеялся — это был искренний, радостный смех, наполненный неподдельным весельем. Маркиз засмеялся в ответ. Боренсон хлопнул его по плечу, словно они были старыми друзьями. И действительно, на какой-то момент их двоих объединило нечто неуловимое — хотя бы общая для них обоих ненависть друг к другу.

Боренсон и Миррима направились к Башне Посвященных, которая находилась за крепостью. Как и все остальное в царстве маркиза, она была приторно красива: стены башни, как и ее бастионы, были побелены, так что все здание сияло. Во дворе росли стройные миндальные деревья. Листья на них уже стали коричневыми, а трава под ними была засыпана золотистыми орехами. Неугомонные белки резво скакали под деревьями, пряча свою добычу. Двое Посвященных играли в шахматы на открытой площадке рядом с фонтаном, а один слепой Посвященный сидел в тени дерева с лютней в руках. Неторопливо перебирая струны, он пел:

Шагами, легкими как сон, шла по лугам она.
Одета в белоснежный лен та девушка была.

И Эндеморские луга дивились в полусне
На стан красавицы молодой, плясавшей при луне.

Но Фаллион был во сто крат сильнее ошеломлен,
Бессмертной на все века любовью поражен.

Так деву Эндеморскую сквозь спящие луга
В Долину Скорби привела злоеющая судьба.

— Ты ненавидишь маркиза, да?— спросила Миррима, ндя рука об руку с мужем.

— Нет,— ответил Боренсон,— ненависть — слишком сильное чувство. Просто я испытываю такое презрение к этому человеку, что был бы рад его смерти. Это не то же самое, что ненависть.

— Разве?

— Конечно. Если бы я ненавидел его, то убил бы своими руками.

— А что он имел в виду, когда сказал, будто «дети» пошлют наши головы обратно в мешек?— поинтересовалась Миррима.

— Дети Ночи — именно это означает слово Инкарра. Оно состоит из двух понятий: *Inz* — темнота и *karrath* — отпрыск.

Боренсон произносил слова с ярко выраженным акцентом, это позволило Мирриме предположить, что ее муж хорошо знает этот язык.

— Инкарранцы пошлют наши головы обратно домой в мешке.

— Но почему?— удивилась Миррима.

Боренсон вздохнул:

— Что ты вообще знаешь об инкарранцах?

— У себя на родине я знавала одного инкарранца, его звали Дракениан То. Он очень красиво пел. Однако он был не

слишком разговорчив — я полагаю, никто из наших не знал его достаточно хорошо, — ответила Миррима.

— А известно ли тебе, что наши границы закрыты? — поинтересовался Боренсон. — Дед Габорна изгнал инкарранцев из своего королевства шестьдесят лет назад, после чего Король Урагана ответил тем же. Лишь немногие из тех, кто отважился проникнуть в его царство, вернулись обратно.

— Да, я слышала об этом, но я думала, раз мы являемся посыльными, нам будет обеспечен свободный проход. Даже страны, ведущие между собой войну, иногда обмениваются посланиями.

— Ты недостаточно хорошо знаешь инкарранцев, раз полагаешь, будто сможешь находиться в безопасности. Они ненавидят нас, — сказал Боренсон.

По его тону Миррима поняла, что инкарранцы не просто сильно недолюбливали ее народ, но желали полностью уничтожить их цивилизацию. Однако для Мирримы это не было новостью. Она знала, что в Мистарии инкарранцы были вне закона, хотя такое положение вещей царило не в каждом королевстве Рофехавана. Например, король Сильварреста терпел их присутствие в Гередоне и даже поддерживал мелкую торговлю с теми инкарранцами, которые провозили специи по трассам, проходящим через Индопал. Поэтому Миррима подумала, что у Боренсона предвзятое мнение, появившееся в результате бесконечных разговоров на эту тему у него на родине.

— Что дает тебе повод думать, будто они ненавидят нас? — спросила Миррима.

— Всего я не знаю, — сказал Боренсон, — да всего не знает, пожалуй, никто. Например, знаешь ли ты, что инкарранцы думают по поводу браков со Светорожденными?

— Они их не одобряют?

— Не одобряют — слишком мягко сказано, — объяснил Боренсон. — Об этом не принято говорить открыто, но многие

инкарранцы приходят в ужас от одной мысли о таком браке. На это у них есть веские причины. Любой ребенок, рожденный от такого союза, наследует цвет кожи, волос, а также *цвет глаз* Светорожденного родителя.

— Ну и что?

— Чистокровный инкарранец, то есть тот, у кого глаза белого цвета, обладает способностью видеть в темноте, для этого ему не нужно проводить много времени, путешествуя по Подземному Миру, в то время как многие полукровки видят ночью не лучше, чем все мы. Карие глаза передаются затем из поколения в поколение. Инкарранцы называют таких полукровок *кутасарри* — подгнивший плод. Многие из их соплеменников сторонятся их, некоторые испытывают к ним жалость, во всяком случае, они всегда остаются чужаками.

Миррима вспомнила полукровку, который пытался убить Габорна.

— Однако даже в королевских семьях есть кутасарри, — возразила она, — даже племянник самого Короля Урагана...

— ...никогда не взойдет на трон, — закончил Боренсон.

— Вот загадка, — удивленно произнесла Миррима, — с какой стати кутасарри из Инкарры соглашаются быть наемными убийцами? Зачем тот человек пытался убить Габорна? Ведь ясно, что любовь к собственной стране не играет здесь никакой роли.

— Возможно, он преследует цель доказать своим людям, что он тоже на что-то годится, хочет почувствовать себя достойным гражданином страны, — предположил Боренсон. — А может, здесь кроется нечто большее. Инкарранцы ненавидят нас не только за цвет наших глаз. Они называют нас варварами. Они ненавидят наши традиции, наш стиль жизни, нашу культуру. Они считают себя высшей нацией.

— Но причина не может крыться только в этом, — сказала Миррима. — Я видела инкарранцев в Гередоне. Мне вовсе

не показалось, будто они презирают нас. Должна быть какая-то другая причина.

— Ну, хорошо, — сказал Боренсон, — придется преподать тебе урок истории. Около шестидесяти лет назад дед Габорна, Тимор Рахим Ордин, обнаружил, что многие инкарранцы, которые проникали в наши земли, на самом деле являлись преступниками, скрывавшимися от правосудия. Поэтому он закрыл границы. Также он по большей части свернул ремесла и дал указания мелким лордам установить слежку за каждым, кто с их точки зрения представлял опасность. Вскоре после этого три мелких инкарранских лорда в графстве графа Беллингхерста были преданы суду, на котором они с гордостью заявили, что они были более чем преступниками — они являлись наемными убийцами, намеревавшимися прикончить Посвященных короля. Те трое были родом из южного племени Инкарры — того самого, которое презирает нас больше всех остальных. Они поклялись погубить нас, варваров, в Мистаррии. Граф Беллингхерст казнил всех троих сразу, не заручившись предварительно согласием короля Ордина. Сам король Ордин не был жесток. Возможно, он бы просто выслал преступников из страны. Во всяком случае, было уже слишком поздно. Итак, он послал их тела домой в Инкарру как предупреждение всем инкарранцам. Когда тела прибыли на родину, семьи погибших воззвали к Верховному Королю, требуя возмездия. Король Зандарос разразился желчной речью, в которой он возмущался фактом казни и проклинал всех северян. В ответ дед Габорна послал «пилота» через горы, чтобы передать Зандаросу следующее послание: если тот отказывается контролировать свои собственные границы, пусть не мешает нашим попыткам защитить наши границы. На следующий день «пилот» из Инкарры бросил пакет к ногам короля Ордина в самом высоком бастионе Морского Подворья. В пакете была голова ребенка, который принес сообщение Королю Урагана. К ней была приложена записка, пре-

дупреждавшая всех граждан Мистаррии, равно как и всех других королевств Рофехавана, что никто из них с этого момента не смеет появляться на территории Инкарры. Вскоре после этого инкарранцы приступили к строительству их знаменитой рунной стены вдоль северных границ — заслон, за который теперь никто не отваживается проникнуть.

— Но это было много лет назад,— сказала Миррима.— Возможно, новый Высочайший Король будет более терпим.

— Зандарос до сих пор является Высочайшим Королем Индопала. Да, он очень стар. Но говорят, он не просто король. Он — могущественный колдун, который может вызывать ураганы. Свои способности он использует, чтобы продлить себе жизнь.

— Но за шестьдесят лет его гнев должен был остыть. В этом нет никакого сомнения!— воскликнула Миррима.— Кроме того, он поссорился с дедом Габорна, а не с нами.

— Ну да, на это вся надежда. Это единственное, что могло бы нас спасти,— ответил Боренсон.— Мы отправляемся туда как посланники нового короля, а не старого. Мы несем просьбу о мире. Даже этот старый барсук с черным сердцем должен бы уважать нас.

Возникла напряженная тишина. Боренсон любил свою жену и сейчас предлагал ей последнюю возможность отказаться от этого путешествия. Однако Миррима сказала решительным тоном:

— Тебе не удастся отделаться от меня, я пойду с тобой.

— Хорошо,— ответил Боренсон.

Боренсон передал три форсибля жизнестойкости способствующему маркиза — пожилому человеку, который немедленно устался на них с таким неподдельным восторгом, словно он уже давно не видел так много форсиблей вместе. Способствующий направился справиться в книге записей и почти сразу же вернулся обратно, качая головой:

— Только два человека из местного населения предложили отдать свою жизнестойкость за последний год. Желаете подождать, пока наши глашатаи найдут третьего?

— Это может занять не одну неделю...— вздохнул Боренсон.— Дайте мне сейчас то, что есть, но глашатаев все равно пошлите. Возможно, третий дар вы сможете передать мне по вектору.

— Договорились,— ответил способствующий, исчезая из комнаты, чтобы сделать необходимые приготовления.

С минуту они стояли в молчании. Миррима с удивлением оглядывала мастерскую, до отказа наполненную инструментами, необходимыми для передачи даров. Здесь были весы для взвешивания кровавого металла, щипцы, молотки и пилы, небольшое горнило, а также массивные литейные формы из железа для изготовления форсиблей. В висящей на стене таблице значились различные типы рун, с помощью которых передавались те или иные дары, как например дары зрения или ума. Здесь также были зафиксированы всевозможные, даже самые мелкие, различия в форме каждой руны. Поверх таблицы тут и там были видны шифрованные записи, начертанные на секретном языке способствующих.

Миррима с любопытством взглянула на Боренсона. Только теперь она заметила, что ее муж нервно прохаживался по комнате. Лицо его слегка побледнело.

— Как ты себя чувствуешь?— спросила Миррима.

— Нормально. А что?— ответил Боренсон.

— Способствующий в Каррисе сказал, что он передаст тебе по вектору дары метаболизма, мускульной силы и ума. Что-то я не замечаю, чтобы ты двигался быстрее, чем два дня назад. Думаешь, он забыл?

— Нет,— ответил Боренсон.— Способствующие обычно ведут подробные записи. Я уверен, он просто слишком занят. Ведь город был...

Он помедлил, подыскивая правильное слово, чтобы сказать о разрушении Карриса. Стены города не выдержали натиска опустошителей, многие из самых защищенных бастионов пали. Земля на тридцать миль вокруг лежала черная и мертвая, обезображенная нашествием опустошителей. Трупы чудовищ, черные громады с разинутыми пастьми, заполнили окрестные поля, перемешавшись с трупами людей. Над городом витали проклятия вражеских колдунов — зловоние, требующее, чтобы люди высохли, ослепли, сгнили и разложились. Вспоминая кошмар в Каррисе, Миррима даже не знала, каким словом обозначить то, что представлял собой город после атаки опустошителей. Разрушен — слишком слабо. Разорен? Опустошен?

— Стерт с лица земли, — сказал Боренсон.

— И все же, — сказала Миррима, — многие выжили. Я уверена, он найдет Посвященных.

— Те, о ком ты говоришь, в настоящий момент мечтают только об одном — поскорее убраться из Карриса, — сказал Боренсон. — Способствующие сейчас заняты тем, чтобы эвакуировать Посвященных, переправить их на лодках вниз по реке. Я уверен, он сумет добыть дары и переправить их по вектору, как только у него будет время заняться этим.

Хоть он и успокаивал Мирриму, самого Боренсона, казалось, терзали сомнения. Он снова принялся мерить шагами комнату. По всей вероятности, его Посвященные сейчас плывут вниз по реке. Возможно, они направляются на Морское Подворье. Если бы способствующий был с ними, он бы уже присматривал место, где им разбить лагерь. Миррима знала по донесениям, что большинство городов вдоль реки были слишком переполнены ранеными и беженцами. Там не было места, чтобы принять большое количество Посвященных. Ясно, что прежде чем способствующий сможет вернуться к своим обычным обязанностям, могли пройти многие дни или даже недели.

Отсутствие даров у Боренсона возлагало непосильную ношу на Мирриму. По своим боевым качествам она не могла сравниться с Боренсоном, она не имела практики сражения и многолетней тренировки, как он. Но Миррима обладала большим количеством даров и поэтому была сильнее, быстрее и сообразительнее. Во всех отношениях она была лучше подготовлена к путешествию в Инкарру, чем ее муж.

Возможно, именно в этом и была причина беспокойства Боренсона. Он подошел к окну, выглянул наружу, вздохнул, затем уселся, прислонившись спиной к стене. Он был бледен и дрожал всем телом, на лбу у него выступили капли пота.

— Что с тобой?— спросила Миррима.

— Не знаю, смогу ли я продолжать наше путешествие. Я видел смерть слишком многих Посвященных.

Миррима знала, о чем он сейчас думает. Боренсон был вынужден зарезать Посвященных Раджа Ахтена в крепости Сильварреста — тысячи мужчин, женщин и детей — за одну ночь. Теперь он думал о своих собственных Посвященных, которых Радж Ахтен убил в Синей Башне.

— Ты знаешь,— тихо начал он,— ведь маркиз сказал правду: в молодости я всегда мечтал стать Властителем рун. Я хотел доказать самому себе, что я стою этого, и считал, что, получив как можно больше даров, я смогу приобрести могущество и силу. Однако дары не только дают тебе силу, они также возлагают на твои плечи огромную ответственность и делают тебя уязвимым.

Не прошло и часа, как способствующий привел Посвященных — двух крепких девочек одиннадцати и двенадцати лет. Они стояли за занавеской в соседнем помещении — уютной комнате, весело раскрашенной, с мягкими диванами и подушками, чтобы Посвященные чувствовали себя комфортно. Миррима слышала, как девочки разговаривали со способствующим. Они хотели, чтобы способствующий еще раз

подтвердил, что их мать, вдова, и младшие братья будут получать пропитание из кладовых короля.

— Слишком молоды и милы для того, чтобы принести жертву, — сердито прошептал Боренсон, заглянув за занавеску.

Боренсон дрожал всем телом, пока способствующий вытягивал у девочек дары жизнестойкости. Комнату оглашали крики боли, еще больше усугублявшие состояние Боренсона. Не прекратил дрожать он и тогда, когда форсибли прикоснулись к его собственной плоти. Казалось, даже приступ ни с чем не сравнимого удовольствия, который обычно сопровождает принятие дара, не облегчил его страданий. После того как помощники способствующего унесли девочек, бледных и слабых от пережитого ими шока, Боренсона стошнило на пол покоя способствующего.

Глава 8

ПУСТЫННЫЕ ВОЛКИ

Считается, что своим названием пустынный волк обязан своему необычному телосложению. Он имеет длинные ноги, а живот его плотно прилегает к позвоночнику и кажется совершенно пустым. Однако я отдаю предпочтение теории, в соответствии с которой данные создания получили свое название благодаря их ледяным бездушным глазам.

Во времена безумного короля Харрилла эти существа были близки к вымиранию, поскольку на них велась интенсивная охота. Они были бы истреблены все до последней особи, если бы однажды во время загородной прогулки король не услышал хор их неземных голосов — глубоких и более звучных, чем голоса их меньших по размеру собратьев.

«Ах, что за чудное пение! Пусть их голоса наполняют эти горы во веки веков!» — сказал король и повелел прекратить охоту на волков. Данный запрет действовал в течение примерно сорока лет. За это время бесчисленные

стаи пустынных волков заполнили горы. Однако после смерти короля охота возобновилась. На этот раз она приняла серьезный оборот — люди снаряжали целые армии для участия в военных действиях, которые приобрели известность как Война с волками.

*Из «Млекопитающие Рофехавана»,
автор волшебник Бизнесман*

К югу от Батенпы дорога, ведущая в сторону гор Алькайр, стала совершенно безлюдной. Местами она была полностью покрыта лесом. Очень часто Миррима и Боренсону приходилось ехать сквозь деревья, бросая взгляды влево и вправо в поисках дороги. Однако когда лес остался позади и они начали восхождение к острым ледяным пикам, на первый план вышли каменные ограждения и глубокие канавы вдоль дороги, которые тут и там встречались им на пути. С дальних гор доносились голоса пустынных волков. Их зловенные завывания среди скалистых пиков напоминали стоны ветра.

Путники сделали остановку, чтобы надеть теплые плащи. В предгорьях, где сейчас находились Миррима с Боренсоном, последние островки тонких деревьев зеленели на фоне серых камней, а в глубокой тени, отбрасываемой крупными камнями, еще лежали холмики снега. Вдруг Миррима почувствовала, что они были не одни. Всадник, который преследовал их до этого, был теперь неподалеку.

— Наш старый знакомый где-то рядом, — сказала Миррима. — Я чувствую его запах. Он едет по дороге немного впереди нас.

— Тот наемный убийца? — спросил Боренсон.

Миррима спешила и осторожно натянула лук. Затем она вытащила из колчана стрелу и поплевала на острый стальной наконечник:

— Стреляй без промаха!— прошептала она.

Боренсон вытащил свой боевой молот. В его движениях Миррима почувствовалась едва уловимая неуверенность. Сам Боренсон не был волшебником Воды, однако Миррима омыла мужа в озере и наделила его благословением Воды. Он тоже плюнул на свое оружие и прошептал:

— Пусть Вода направит тебя.

Миррима пристально взгляделась вдаль. Дорога уводила все выше и выше. Карликовые сосны, казавшиеся почти черными на фоне ослепительно-белых снежных полей, росли тут и там на склонах гор ключковатыми островками. Спрятаться было нигде. Скучная растительность предлагала весьма ненадежное укрытие. Впрочем, убийца находился достаточно далеко для того, чтобы заметить их присутствие,— в этом Миррима была уверена.

— Он далеко отсюда?— спросил Боренсон.

— На расстоянии мили или двух,— ответила Миррима.

— Следи за правой стороной дороги, а я буду следить за левой,— предложил Боренсон. Они привязали лошадей к дереву, затем разделились, скользнув по обе стороны дороги среди деревьев.

Снег вокруг был испещрен волчьими следами. Миррима изо всех сил напрягала свои органы чувств, вглядываясь в тени, внимательно прислушиваясь к каждому звуку, надеясь получить хоть какую-то информацию — будь то кашель, хруст ветки или запах костра,— которая позволила бы ей выбрать правильное направление. Она еще раз пригнулась. Среди деревьев ветер дул во все стороны одновременно — Миррима то вовсе теряла запах врага, то ей казалось, будто запах усилился во много раз.

Примерно через полмили растительность, и без того скудная, совсем сошла на нет.

Тогда Миррима стремительно побежала вперед. Ее ноги едва касались земли, издавая чуть слышимый шуршащий звук.

С ее пятью дарами метаболизма, помноженными на дары мускульной силы и жизнестойкости, Миррима могла бежать часами, не прилагая к этому особых усилий. Но что было гораздо важнее, она могла мчаться быстрее, чем самая быстрая лошадь. Миррима была уверена, это даст ей преимущество в любой битве. Она неслась со скоростью пятьдесят или шестьдесят миль в час. Бежала она пригнувшись, вынюхивая запах убийцы. С тех пор как она приняла все эти дары, ей никогда не приходилось бегать так быстро. Это было странное ощущение.

Казалось, время продолжало течь так же, как обычно. Миррима двигалась очень быстро, но сама сначала не замечала этой скорости. Но когда на повороте ее занесло в сторону силой инерции, она поняла, насколько быстро она мчалась. Теперь на поворотах она наклонялась в противоположную сторону, чтобы сохранить равновесие. Она чувствовала себя ловкой и уверенной, как волк, преследующий оленя.

Воздух становился все тоньше и прозрачнее. Там, где лучи дневного солнца еще не пронзили тень, земля лежала холодная, покрытая ледяной коркой. На снежных вершинах ослепительно сияло солнце. Миррима была уже совсем близко к кромке леса. Дальше деревьев совсем не было, кругом простиралась совершенно голая местность. И тут она внезапно остро почувствовала запах лошади убийцы.

Она остановилась, пристально рассматривая дорогу. В воздухе витал едва уловимый запах потухшего костра. По всей вероятности, убийца разбил лагерь выше по холму среди группы деревьев. Миррима надеялась застать врага спящим.

Некоторое время Миррима изучала место предстоящей схватки. Но как она ни смотрела, никаких признаков движения не заметила. Также не увидела она и ни одной фигуры, которая хотя бы отдаленно напоминала человека. Около сотни ярдов она ползла вдоль дороги, затем миновала овраг и продолжала кружить среди деревьев. Пока никого не было

видно, однако запах лошадиного пота становился все сильнее. Доверившись своему обонянию, Миррима направилась дальше. Она проползла сквозь густую сосновую поросль, затем вдоль края оврага и дальше, мимо лежащего на земле ствола дерева.

Только оказавшись на расстоянии меньше сорока футов от лагеря убийцы, она наконец увидела его. Лагерь прятался в самой гуще толстых стволов. Ветви деревьев образовывали как бы естественную крышу. В давние времена здесь было вырыто небольшое углубление, с одной стороны которого была возведена невысокая каменная ограда. Таким образом, получилось грубое укрепление, окоп, в котором можно было спрятаться.

Внезапно Миррима заметила лошадиные уши, торчащие над заграждением. На минуту она застыла на месте от неожиданности. Она услышала, как убийца глубоко и шумно дышал. Миррима еще раз припнулась и почувствовала запах крови и гниения. Этот человек был ранен.

Миррима оглянулась. Боренсон все это время бежал за ней, не выпуская ее из виду. Теперь он пытался догнать ее, взбираясь по холму. На мгновение он провалился в глубокий снежный сугроб и забился, разбрасывая во все стороны снег, пытаясь подняться на ноги. Миррима подняла руку, предупреждая мужа об опасности, потом спряталась за деревом, ожидая, пока он догонит ее.

Когда окончательно запыхавшийся Боренсон наконец поровнялся с Мирримой, он сразу увидел небольшой лагерь среди густой листвы и понимающе кивнул, потом дал Мирриме знак окружать лагерь. Миррима проползла вдоль опушки, пробираясь сквозь глубокий снег. Несожданно под ее ногой хрустнула веточка. Женщина едва видела верхушку лошадиной головы. Лошадь наострила уши.

Вся земля вокруг лагеря была усеяна волчьими следами. Миррима подняла взгляд и увидела на фоне темных деревь-

ев выше по холму белую фигуру. Это был огромный волк. Он стоял не двигаясь, белый как снег. Внезапно он повернулся и, протяжно завывая, поскакал прочь по ледяному полю.

В этот момент Миррима услышала, как еще одна веточка хрустнула у нее под ногами. Она оглянулась и увидела, что Боренсон во весь опор мчится к лагерю, высоко подняв над головой боевой молот.

И тут навстречу им сквозь деревья стремительно пронесся порыв ветра. Одновременно послышался странный кричащий звук. Это не был обычный ветер, дующий с гор, это был настоящий ураган, чудесным образом возникший на пустом месте и направленный на Мирриму с Боренсоном.

Лес содрогнулся. Послышался звук, похожий на гром. Кусочки коры, сосновые иголки и осколки льда посыпались со всех сторон и закружились смерчем, заслоняя обзор. Сердце Мирримы сжалось. На какое-то мгновение она подумала, что Темный Победитель где-то рядом. Другого объяснения этому невероятному явлению она не находила.

— Колдовство! — закричала она, застыв на месте от изумления.

Мощный порыв ветра принес новый шквал ледяных игол и выбил стрелу из рук Мирримы.

Сосновые шишки, веточки и сучки набрасывались на женщину со всех сторон. Они кололи ее лицо, норовя попасть в глаза. Острая сосулька вошла ей в губы. Миррима непроизвольно зажмурилась. Подняв руку, чтобы защитить лицо, она попыталась снова открыть глаза и разглядеть хоть что-то в этом хаосе.

Боренсон стремительно надвигался, издавая дикий рев. Тут шторм накинудся на него. Боренсон с разбегу прыгнул в яму.

Размахнувшись, он обрушил свой боевой молот на врага. Раздался отвратительный звук удара металла о живую плоть. Вслед за этим воздух наполнился нечеловеческим воем.

— О-ооо-ооо!.. — стелания огласили окрестности на много миль вокруг.

Ветер продолжал бешено носиться меж деревьев, кружа во всех направлениях и закручиваясь смерчем.

Смертельно раненный враг продолжал пронзительно кричать. Водоворот из сосновых иголок и льда некоторое время метался в разные стороны среди сосен, затем стремительно понесся вверх по склонам гор на юг, к Инкарре.

Миррима слышала слово «Н-ооо-оооо», разносящееся по ветру. Звук постепенно удалялся, отдаваясь эхом среди каньонов. Миррима подбежала к Боренсону. Она уже знала, что увидит. Боренсон стоял над телом убитого, пытаясь вытащить наконечник своего боевого молота из его тела. На мертвом была надета синяя туника посыльного из Мистаррин с изображением зеленого человека на груди. Однако длинные серебряные волосы мужчины говорили о его происхождении — он был родом из Инкарры. Глаза его были широко распахнуты, а рот приоткрыт. Лицо его было как живое. На округлившись губах как бы застыл вздох изумления или боли.

Лошадь убитого жалобно ржала, косясь на незнакомцев. Она пыталась подняться, но не могла — ноги ее были спутаны.

— Пилвин коли Зандарос, — поежившись, произнесла Миррима.

Одно его имя внушало трепет.

— Это именно тот волшебник, который пытался убить Габорна? — спросил Боренсон.

Она кивнула. Пилвин был не просто убийцей, он был волшебником, служащим силе Воздуха. Миррима в недоумении покачала головой.

— Как ты думаешь, что он замышлял? Поджидал в засаде?

Боренсон не слышал ее. Он внимательно изучал нехитрый лагерь и землю вокруг. Связанная лошадь пролежала на

собственных испражнениях в течение многих часов. Теперь она умоляюще смотрела на Боренсона.

Миррима не обнаружила ни провизии, ни запаса дров для костра. В костре тлели угольки.

Боренсон опустился на колени рядом с трупом. Четыре дня назад сэр Хосвелл — один из телохранителей Иом — ранил Пилвина стрелой. Такая рана стала бы смертельной для любого, не будь он столь могучим волшебником, как Пилвин. Стрела проткнула ему легкое. Однако волшебники воздуха всегда славились своей неуязвимостью. Их было особенно трудно истребить. Кроме этого, Пилвин был Властителем Рун, обладающим многими дарами жизнестойкости. Ему было достаточно просто перевязать рану в груди грубой повязкой. Только теперь Миррима как следует разглядела его рану. Она была покрыта черной коркой из застывшей крови. Вокруг повязки ползали личинки.

— Ему и так оставалось недолго жить, возможно, всего несколько часов. Мы только ускорили его смерть. Если бы он и не умер от заражения, то пустынные волки прикончили бы его, — сделал вывод Боренсон.

— Но зачем он преследовал нас прошлой ночью? — недоуменно спросила Миррима.

— Думаю, у него не было цели преследовать нас. Скорее всего, мы с ним были попутчиками. Он тоже направлялся в Инкарру. Он сошел с дороги, решив сделать привал, и тут услышал, как мы проезжали мимо. Тогда он последовал за нами. Может быть, он рассчитывал на нашу помощь. Этот человек был вне закона, как все инкарранцы в Мистаррни.

Боренсон вздохнул. Миррима подошла к телу. Она отодвинула повязку и взглянула на рану. Дотронувшись до его груди, Миррима почувствовала, как ее словно обдуло холодным ветерком. Возможно, это произошло оттого, что она прикоснулась к рунам защиты, начертанным на его груди.

С холма сквозь тонкую завесу деревьев все еще доносились ужасные призрачные завывания и виднелись остатки раздуваемого ветром льда, несущегося прочь, теперь почти на расстоянии мили выше по холму.

Боренсон посмотрел в том же направлении.

— Его элементаль достигнет Инкарры гораздо раньше, чем мы с тобой сумеем добраться туда.

Миррима задумалась о своей собственной элементарии — сущности, находящейся внутри нее. Ей представилось, что когда она умрет, вода, находящаяся внутри нее, просто вытечет через рот и глаза, оставив лишь небольшую лужицу.

Боренсон подошел к лошади Пилвина и распутал ее. Животное с трудом поднялось на ноги. Затем Боренсон вскочил на каменную ограду, окружавшую лагерь. Он ничего не сказал, однако вся его поза и наклон головы служили неммым вопросом: «Ты готова отправиться дальше?»

— Что делать с телом?— спросила Миррима.

— Оставим его здесь. Волки позаботятся о нем,— ответил Боренсон.

— Но он же племянник самого Короля Урагана,— возразила Миррима.— Мы должны проявить к его телу должное уважение.

— Выкопать яму в этой почве невозможно, а нести его через горы в Инкарру я не собираюсь,— заявил Боренсон.— Король Зандарос не слишком обрадуется, когда узнает, что по пути мы прикончили его племянника.

— Ты прав,— сказала Миррима,— конечно, ты прав. И все же у меня нехорошее предчувствие. Волшебники не просто умирают. После того как я убила Темного Победителя, его элементаль швыряла во все стороны огромные булыжники, словно те были яблоками. Бизнесмен предупреждал меня, что элементаль способна на великие злые деяния. Элементаль Пилвина мала по размеру, однако эта субстанция направилась в сторону Инкарры...

И снова Мирриму охватило несобъяснимое предчувствие, которое постепенно нарастало в течение всего дня: кто-то или что-то попытается отнять у нее мужа. Может быть, это что-то — элементаль волшебника?..

— Не расстраивайся, — подбодрил Боренсон. — Теперь, по крайней мере, у нас есть еще одна хорошая лошадь.

Теперь, когда у них было три лошади с рунами силы, они продвигались сквозь снег в несколько раз быстрее. Ударами копыт лошади вздымали облака снега и льда. Когда дорога шла под горку, на какое-то мгновение они отрывались от земли и, казалось, летели по воздуху.

Через некоторое время Миррима заметила, что с ней творится нечто странное. Даров метаболизма у нее было больше, чем у ее скакуна, поэтому Миррима не чувствовала той огромной скорости, с которой они передвигались. Вместо этого ей казалось, будто материя времени растянулась. Солнце неуклонно катилось вниз, надвигались сумерки, а день, казалось, растягивался и становился длиной в пять дней. Миррима отчетливо ощущала, как минута за минутой жизнь ее сокращается.

Они выступили в путь еще до рассвета. За это время они преодолели сотни миль, взбираясь все выше и выше по горам.

Никогда раньше Миррима не видела легендарных пустынных волков так близко. Один раз она увидела целую стаю, призрачно скользящую по снегу — белое на белом. Даже издали волки казались огромными.

Заметив отряд, пустынные волки удвоили скорость, надеясь догнать путешественников. Однако они не могли тягаться с быстрыми лошадьми. После встречи с волками Боренсон дал команду скакать без остановки. Только через час они сделали привал.

Следующую остановку они сделали уже вблизи горных пиков. Снег здесь достигал шести дюймов в глубину и был

покрыт настом из-за недавнего мороза. Взгляд Мирримы устремился вверх, скользя по снежному покрову. Покрытая снегом трасса поднималась широким серпантинном все выше и выше по склонам гор. На пути им ни разу не встретилось слишком крутого или трудного для прохождения участка. Дорога была достаточно широкой даже для небольшой повозки.

Почему-то горы Алькайр всегда представлялись Мирриме непроходимыми. Возможно, для человека, не имеющего даров, это путешествие и было бы серьезным препятствием. Но Миррима предполагала, что при походе через горы основную роль играл политический аспект.

Внезапно взгляд ее уперся в исполинские каменные колеса на фоне неба. Колеса, казалось, были более тридцати-сорока футов в высоту. Линия, которую они образовывали, тянулась невообразимым зигзагом, то приближаясь к обрыву, то ныряя в ущелье. Цепочка исполинских кругов напоминала собой ожерелье из каменных жемчужин, служивших украшением гор. На каждом из кругов была вырезана руна. Но как Миррима не вглядывалась в руны, она не могла разгадать их форму.

— Не смотри на рунную стену! — предупредил Боренсон. — Лучше смотри на дорогу!

Миррима отвела взгляд. Теперь ее распирало любопытство. Что такое эта рунная стена? Руны выглядели так, будто их вырезали из камня по индивидуальным шаблонам, а затем вмонтировали в соответствующие пазы. Создание подобного массивного укрепления было задачей не из легких. Граница между Рофсхаваном и Инкаррой протянулась на тысячи миль. На строительстве этого монументального сооружения, должно быть, трудились тысячи каменщиков в течение десятков лет.

Одно то, что смотреть на стену было запрещено, делало этот предмет намного более завлекательным. Мирриму ох-

ватил священный трепет — чувство, которое все усиливалось по мере того, как она приближалась к стене.

— Я даже не представляла себе ее размеров. Она кажется бесконечной, — сказала Миррима.

Она продолжала смотреть под ноги. Снег здесь был запачкан пеплом. Миррима огляделась, пытаясь понять, откуда взялся этот пепел. Но как она ни смотрела, костра нигде видно не было. Здесь наверху не росло ни одного дерева. Лишь тут и там мертвые ветви низкого кустарника выглядывали из щелей между камнями.

Миррима послушно смотрела себе под ноги, а лошади тем временем устало пробирались все выше и выше. Внезапно Миррима почувствовала нечто очень странное. Она ощутила, как каменные глыбы нависли над ней, придавливая ее своим исполинским весом. Они казались непомерно огромными. Ощущение было такое, будто тени, отбрасываемые стеной, давили на ее сознание. Чем ближе Миррима подъезжала к стене, тем тяжелее ей становилось дышать под бременем каменных глыб.

Как Миррима ни пыталась отвести глаза, ее неумолимо тянуло вновь взглянуть на рунную стену. Ей приходилось прикладывать пчеловеческие усилия, чтобы удерживать взгляд на дороге. Как бы Миррима ни старалась смотреть вниз, ее взгляд постоянно порывил упорхнуть, как птичка, и приземлиться на верхушках каменных монолитов. Непреодолимое желание взглянуть на стену мучило ее. Теперь ей казалось, что она увидит рунную стену даже с закрытыми глазами.

Минута за минутой ужасная уверенность все нарастала: держать глаза закрытыми было лучше, чем смотреть.

Внезапно Миррима услышала за спиной громкий глухой удар. В тот же миг лошадь, которую Миррима вела за собой, натянула поводья. Тщательно следя за тем, чтобы взгляд ее

случайно не попал на стену, Миррима обернулась посмотреть, что случилось с лошадей. Глаза животного были широко распахнуты. Застыв от ужаса, лошадь, не отрываясь, смотрела на рунную стену.

На мгновение Миррима пожалела о том, что животное выбрало неподходящее время, чтобы взглянуть наверх. Но в глубине души она была уверена, это не было простым совпадением. Даже глупое животное чувствовало зловещее присутствие стены.

Если лошадь может смотреть на стену, почему я не могу сделать то же самое? подумала Миррима, и в тот же миг ее взгляд уперся в рунную стену.

Теперь до нее оставалось не более пятидесяти ярдов. Причудливый силуэт этого монументального сооружения отчетливо выделялся на фоне неба.

Над дорогой возвышалась широкая арка. Небо над головой было синим и безоблачным, только над самой линией горизонта плотным слоем лежали облака молочного цвета. Обрамленные черным контуром арки, они делали ее похожей на огромный слепой глаз.

По верхнему краю арки тянулась надпись на двух языках — рофехаванском и инкарранском, которая гласила: «За ссй чертой твой род пустой».

Рассмотрев арку, Миррима попыталась тут же отвести взгляд. Она старалась изо всех противостоять магнетическому действию монолитных камней, возведенных как щиты по обе стороны арки. Но было уже поздно — Миррима позволила своему взгляду зайти слишком далеко, и теперь он попал в плен.

По обеим сторонам дороги она увидела огромные круглые камни, напоминающие колеса или щиты. Взгляд ее произвольно остановился на самом северном камне. На нем была изображена причудливая линия, спиральный желобок,

углубление, выдолбленное в камне. Линия вела вниз, закручиваясь внутрь, как маршрут, обозначенный на карте. Миррима поняла, это было очертание руны — гипнотической и могущественной руны. Она снова попыталась отвести взгляд, но не смогла. Глаза ее помимо ее воли принялись разглядывать ход рунной линии, спускающейся серпантином все ниже и ниже. По мере того как линия вилась вниз, Миррима все сильнее чувствовала тяжесть ушедших веков, медленно проходящих перед ее мысленным взором, вращающихся, как огромные колеса под ее ногами. При каждом повороте колеса возникали великие цивилизации и рушились великие царства, строились легендарные города и, приходя в упадок, навсегда исчезали с лица земли. Фундаменты городов увязали в земле, тлея среди забытых лесов. Памятники гордым королям рассыпались в прах, омываемые водой и обдуваемые ветром. Их жалкие потомки вели кровопролитные войны и искали защиты среди руин. В свое время они снова принимались строить города. А колесо все продолжало вращаться, и Мирриму уносило прочь сквозь сны и мечтания о гордых влюбленных, о похвальбе воинов и безумных предсказаниях поэтов и пророков. А колесо все крутилось, неумолимо приближаясь к чудовищному концу.

Сердце Мирримы в панике забилося, а во рту пересохло.

Эта руна убьет меня. Я должна отвести взгляд в отчаянье подумала Миррима. Она пыталась бороться, пыталась закрыть глаза, отвернуться. Из груди вырвался стон. И все же она продолжала неотрывно смотреть. Ее глаза продолжали следовать за изломанной линией, ведущей ее все дальше по своему ужасающему курсу. Башни строились, и мечтатели мечтали, и гордые лорды вели войны под холодным солнцем. До тех пор пока движение не остановилось.

И в тот же момент Мирриму пронзила мысль, захлестнув ее своей нечеловеческой силой.

Ты ничтожество, ревел голос внутри, потрясая ее сознание, все твои дела и мечтания пусты. Ты стремишься к красоте и вечности, но на самом деле ты не более чем жалкий червь, ползущий по дороге в ожидании своей участи — быть раздавленным колесами времени.

Голос обладал дьявольской убедительностью и сверхъестественной мощью. Миррима поняла, что голос стал ее второй сущностью. Видения, вызванные руной, неопровержимо доказывали, что голос пытался внушить ей. Как смеет она надеяться проникнуть в Ипкарру — она, заслужившая лишь презрение? Единственным выходом было повернуть лошадь вспять и поскакать во весь опор прочь, к высокому обрыву позади нее. Заставить лошадь прыгнуть вниз и положить конец этому мучению.

Миррима уже не понимала, что делает. Без размышлений она развернула своего коня. Пришпорив лошадь, она направилась прочь. Только бы скорее убежать, спастись от этого ужаса.

Ничто, что случалось с ней до сих пор, не могло сравниться с тем кошмаром, который она пережила, глядя на руну. Одна мысль о том, что придется снова повернуться лицом к стене, была настолько ужасной, что Миррима готова была предпочесть немедленную смерть. До этого момента она жила в относительном мире сама с собой и с окружающими. Тогда она еще не знала о существовании этой руны. Но теперь, после того как Миррима увидела ее, она навсегда лишилась своей свободы. Лучше быть никем, лучше уйти в небытие. Ослепленная паникой, она скакала прочь, не видя надвигающегося обрыва и острых скал внизу.

Небеса померкли. Миррима летела сквозь темный туннель к вечному забвению.

Вдруг, как бы издалека, она услышала голос Боренсона.

— Нет! Нет!— кричал он.

Боренсон прыгнул с коня и схватил ее лошадь под уздцы. Он сражался с обезумевшим животным, пытаясь успокоить его, не выпуская также из рук поводья инкарранской лошади. Миррима не видела его, она лишь почувствовала, как Боренсон схватил ее за запястье. Она впиалась пятками в бока своей лошади. Сейчас под ней был боевой скакун Боренсона. Когда лошадь встала на дыбы и принялась молотить ногами в воздухе, Миррима обреченно подумала, что вот сейчас копь нанесет ее мужу смертельный удар, раздробив ему череп. Копь был обучен убивать каждого, кто нападет на него. Сейчас животное было вне себя, и все же каким-то чудом копь узнал своего хозяина. Эта лошадь принадлежала Боренсону уже много лет. Наверное, только это спасло его от смертельного удара.

Наконец Боренсон сумел утихомирить лошадь. Все это время он повторял, как заклинание:

— Не смотри! Не смотри на руну!

Постепенно к Мирриме начало возвращаться зрение. Она стала видеть окружающие ее вещи будто в тумане.

Внизу Миррима различила фигуру Боренсона, который, не отрываясь, смотрел на нее, ища ее взгляд. Он оглянулся на рунную стену и некоторое время глядел на ужасные видения. Слезы ярости подступили к его горлу, и все же он продолжал смотреть, непокорно подняв голову.

— Это ложь!— гневно кричал он.— Я люблю тебя! Я люблю тебя, Миррима!

Он развернулся и повел лошадей вперед. Каждый шаг давался с трудом и вызывал невыносимую боль, словно его ноги заковали в железные капдалы.

Миррима изо всех сил зажмурила глаза и снова повернулась лицом к стене. Сердце ее бешено колотилось, казалось, сейчас оно выскочит у нее из груди.

Я не побоялась Темного Победителя. Я выстояла в схватке с вайтом. Я смогу преодолеть и это препятствие говорила себе Миррима.

И все же коварные руны наводили на нее больший ужас, чем все чудовища, вместе взятые. Миррима ничем не могла помочь Боренсону. Все, на что она была сейчас способна, — это как можно ниже пригнуться к холке лошади, вдавив пятки в ее бока.

Боренсон продолжал упрямо идти вперед вопреки гнетущей тяжести каменных дисков, которая, казалось, придавливала путешественников к земле. Каждый следующий шаг давался с трудом. Он вел за собой Мирриму туда, куда она ни за что не отправилась бы, будь она одна.

Миррима все сильнее чувствовала тяжесть, навалившуюся на нее. Даже с закрытыми глазами она продолжала видеть отвратительные очертания каменных стражей. Их фигуры были словно отпечатаны у нее в мозгу. Миррима пригнулась еще больше, униженно кланяясь.

Твое появление на свет было досадной случайностью, плодом разврата. Ты не больше чем слизь, из которой ты произошла на свет, продолжал нашептывать голос.

Издаലെка, будто из глубокого ущелья в горах, доносился непокорно ревущий голос Боренсона:

— Не верь! Не верь этим мерзавцам!

И вот они очутились под аркой. Миррима почти физически чувствовала ее непомерный вес. Ей казалось, будто арка навалилась ей на спину, готовая раздавить ее.

Даже после того как они миновали арку, Миррима продолжала чувствовать ее у себя за спиной. Теперь, когда все было позади, она наконец дала волю слезам.

— Я люблю тебя! — негромко повторил Боренсон и повел лошадей дальше.

Будь Миррима одна, она бы пришпорила лошадь и во весь опор поскакала бы в Инкарру. Но Боренсон крепко держал

лошадей под уздцы. Сила стражей постепенно ослабевала. Миррима казалось, будто она только что проснулась, очнувшись от кошмарного сна. Страшный сон неизбежно уходил все дальше и дальше в подсознание. Человеческое сознание не было рассчитано на то, чтобы переживать такие потрясения. После того как страдание закончилось, память отказывалась хранить его.

Вот уже полмили разделяло их с аркой, а Миррима все еще ехала с закрытыми глазами. Когда они проехали почти милю, она наконец решилась открыть глаза и немного приподнять голову. Боренсон держал в руках поводья всех трех лошадей и уводил их все глубже в Инкарру.

Миррима бросила взгляд вниз. Склоны гор были окутаны туманом, словно одеяло, укрывавшее Инкарру. По эту сторону гор было теплее, намного теплее, чем она ожидала. Казалось, будто рунная стена не только удерживала за пределами Инкарры всех северян, но также не пропускала холодный воздух. Тонкий слой снега исчез, едва они спустились с первого холма. Здесь и там среди камней зеленели заросли кустарника. Однако, не считая этой скудной растительности, больше ничего видно не было. «За сей чертой твой род пустой», — вспомнилась Миррима надпись на арке в рунной стене. *Что значит пустой?* недоумевала она. *Наши надежды пусты, или наша гордость, или наш род не найдет здесь себе пристанища?*

Обогнув выступ в скале, дорога резко уводила влево. Минувая поворот, они неожиданно увидели небольшую пещеру — это был вырезанный в каменной стене вход в крепость.

У входа в пещеру стояли трое стражей с кожей цвета слоновой кости и серебряными волосами, заплетенными в мелкие косички, которые были все связаны между собой и переброшены через правое плечо. Воины были облачены в кроваво-красные тунники, немного не достававшие им до колен. Кроме этого, на них не было другой одежды, не считая сандалий с ремнями,

оплетающими их щиколотки и колени. Доспехами им служили стальные нагрудники в форме идеального круга, которые прикрывали спину и грудь. На лбу у воинов были повязаны одинаковой формы металлические диски на лентах. Такие же пластины украшали их предплечья. Двое стражей были вооружены большими луками, а третий держал в руках инкарранский боевой топор.

— Стой! — закричал инкарранский воин с сильным акцентом, направляясь к Мирриме с Боренсоном... — Мы берем вас в плен!

Глава 9

ВРАТА БЕЗДНЫ

Немногие рискнули исследовать глубины Подземного Мира. И только избранные отваживались напасть на опустошителей в их царстве. Походы Эрлена Геборена, чьи Темные Рыцари в течение многих лет преследовали опустошителей в Подземном Мире, в настоящее время стали легендой.

*Из «Кампании в Подземном Мире»,
автор — хозяин очага Кокстон из Ору-
жейной Палаты*

Русло древней реки петляло и петляло сквозь Подземный Мир. Габорн бежал как в тумане, охваченный горем. Бок у него болел от удара, который он принял от опустошителей. Однако физическая боль была несравнима с тем отчаянием, которое он испытывал из-за потери Биннесмана.

Волшебник первым представил Габорна духу Земли. Он был мудрым советником и другом.

Но что было еще важнее, он был могущественным помощником и защитником. Как Охранитель Земли, он имел лишь одну задачу: защищать род человеческий в надвигающиеся

темные времена. Габори тоже был силен, он был Королем Земли, и все же, потеряв Бизнесмана, он чувствовал, что терял часть своих сил. Как бы то ни было, он не мог сравниться силой и мудростью с Бизнесманом.

Теперь, когда волшебника нет, что станет с нами? думал Габори.

Габорну было стыдно за то, что он беспокоится по этому поводу. Он знал ответ. Бизнесман сам говорил ему — если Габори не выстоит против темных сил, человечеству придет конец.

Аверан бежала рядом с Габорином на своих коротеньких ножках и горько плакала. Иом немного отстала и подбадривала девочку, но и на ее лице застыло горе.

Так они бежали по дну древней реки. Вода струилась по стенам, стекая в кратероподобные лужицы. Через некоторое время они достигли широкой ущеры, где небольшой поток стекал с высокой стены, заполняя озера водой.

Иом сказала:

— Может, остановимся здесь? Нам пора сделать привал.

Грохот ног опустошителей у них над головой отдавался глухим рокотом от стен ущеры. Габори обострил свои чувства, проверяя, угрожает ли им опасность. Да, опасность была со всех сторон: война, идущая в Гередон, смерть, пришедшая в Каррис, ползущая тьма, которая грозила поглотить весь мир. С каждым часом темнота все сгущалась.

Однако на данный момент опасность для них трюх была не слишком велика.

— Хорошо, давайте остановимся здесь, — решил Габори.

От жажды у Габорна пересохло во рту, а желудок его сжался от голода. Даже Властителем Руи, обладающим многими дарами жизнестойкости, требовалось иногда подкрепиться.

Когда он в последний раз ел нормальную еду? Вчера на рассвете? Благодаря многим дарам метаболизма ему казалось, что прошло уже несколько дней.

— Но мы не можем оставаться здесь долго! — сказала Аверан. Голос ее охрип от страха.

— Почему? — спросил Габорн.

— Тот опустошитель... Тот, который ранил Бизнесмана, — я распознала его запах. Я знаю, кто это такой. Его имя известно каждому опустошителю. Его зовут Посланник Тьмы. Я знаю — он не оставит нас в покое. Он будет преследовать нас до тех пор, пока не удостоверится в нашей смерти.

— Почему ты в этом так уверена? — спросил Габорн.

— Посланник Тьмы пользуется дурной славой среди опустошителей. Он любимец самой Великой Истинной Хозяйки, ее супруг. Он воин, охотник, чья основная задача заключается в том, чтобы выслеживать и истреблять больных и опасных опустошителей.

— Опасных? — переспросила Иом.

— Самой опасной болезнью среди опустошителей считается так называемая «червивая мечтательность». При этой болезни в мозг опустошителя въедаются крошечные червячки, вызывая призрачные запахи и видения, своего рода галлюцинации. Через какое-то время больного начинают мучить ужасные боли, у него парушается память и восприятие. Вскоре за этим следует неминуемая смерть. Поэтому, когда какой-нибудь опустошитель заражается червивой мечтательностью, его убивают, а останки его сжигают, чтобы избежать распространения заразы. Такая смерть считается самым позорным концом для опустошителя, ибо, когда опустошитель умирает своей смертью или погибает в сражении, его сородичи пожирают его труп — таким образом, опыт, знания и память умершего передаются тем, кто съедает его мозг. А те опустошители, которых не съедают, не передают дальше свою память, и она пропадает впустую.

— Другими словами, — сказал Габорн, — каждый опустошитель после смерти надеется приобрести в некотором смысле бессмертие.

Габори знал, что опустошители пожирают мертвецов. Знал он и то, что таким образом они приобретают всю информацию, хранящуюся в памяти умершего. Однако он и представить себе не мог, что еще живыми опустошители мечтали о том, чтобы после смерти их тело было съедено.

Авераи ответила:

— Да, пределом мечтаний любого опустошителя является конкурс, который, если опустошитель будет того достоин, устроят после его смерти, чтобы выбрать из всех претендентов одного, которому достанется привилегия полакомиться мозгом умершего. Некоторые опустошители достигают при жизни такой славы, что после их смерти случаются даже поединки и дуэли между претендентами, настолько велико бывает желание заполучить наследие этих знаменитостей. На праздниках, где собираются наиболее прославленные колдуны, подают лакомство в виде мозга самых могущественных и мудрых опустошителей. То есть такие великие представители их рода, как Прологатель Путей, с которым я общалась вчера, обладают памятью, простирающейся на сотни поколений назад.

— Теперь понятно,— сказал Габори.— Быть выброшенным, сожженным — огромный позор для опустошителя, которого он пытается всеми силами избежать.

— Здесь-то и вступает в игру Посланный Тьмы,— продолжала Авераи.— Опустошители, которых сжигают, умирают окончательно и бесповоротно, уходят в небытие. Такая смерть считается большим позором. Как только опустошитель начинает замечать у себя признаки червивого безумия, он старается скрыть симптомы от себя самого. Он пытается продолжать жить обычной жизнью, чтобы избежать разоблачения и позорной смерти. Каждый хочет умереть с почестями вопреки болезни. Но по мере того как их сознание начинает разрушаться, а видения становятся все более устрашающими, страх разоблачения растет. Тогда они покидают

своих соплеменников и бегут прочь из общины. Они живут вдали от всех как изгой.

— Это кое-что объясняет,— перебил девочку Габорн.— Много лет назад на деревню Кэмптон напал опустошитель. Мой отец снарядил за ним погоню, но когда те настигли его, то обнаружили, что перед ними был не грозный враг, а всего лишь хилый болезненный опустошитель, едва волочивший ноги.

— Да, некоторые монстры, пораженные смертельной болезнью, даже выходят на поверхность, преодолев огромные расстояния. Если, конечно, по пути наверх они не попадают в лапы Посланника Тьмы,— рассказала Аверан.— Посланник Тьмы беспощаден, он несет смерть. Теперь же его одолевает любопытство. После встречи с нами он не успокоится, пока снова не разыщет нас, в этом я не сомневаюсь.

— Возможно,— сказал Габорн.— И все же я чувствую, что в настоящий момент опасность невелика. Мы должны восстановить силы, пока у нас есть такая возможность.

Он сделал паузу и еще раз прислушался к своим чувствам. После потери Биннсмана их шансы победить Великую Истинную Хозяйку значительно уменьшились.

Аверан подошла к ближайшему водоему и посмотрела в воду.

— Здесь нет скрабберов, только рыбы-слепцы,— заметила она.

Встав на колени, Аверан понюхала воду.

— Вода свежая,— с удивлением сказала она.

Вся вода, которая попадалась им на пути в течение последних нескольких часов, пахла сероводородом. Габорн тоже посмотрел в воду. Кратерообразное углубление было примерно футов тридцать в диаметре и двадцать футов глубиной. Бесчисленное множество рыб-слепцов унылого серого цвета длиной с человеческую ладонь задумчиво плавали взад-вперед. Они не были похожи на кожистую, костлявую, пахнущую

серой рыбу Подземного Мира. Они больше напоминали окуней.

Вот уже в течение многих миль из растительности им попадались только щекотные папоротники и клочки разноцветной червь-травы. Здесь же, вблизи озера свежей воды, в изобилии росли резинчатые серые человеко-ушки.

Аверан опустила руку в озерцо, зачерпнула воды и принялась жадно пить. Вскоре все остальные присоединились к ней.

— Мы остановимся здесь примерно на час. Нам нужен отдых. На обед поедим рыбы, это поможет сэкономить наши припасы, — сказал Габорн.

Иом удивленно взглянула на Габорна:

— Прежде чем мы сделаем привал, надо решить, что нам делать дальше. Как мы будем продолжать путешествие без Бизнесмана?

Габорн покачал головой:

— Я... Он... еще жив.

— Да, возможно он и жив, — согласилась Иом.

Габорн в отчаянье покачал головой:

— Уж Бизнесман как никто другой должен бы знать, насколько важно было послушаться моего предупреждения.

— Иногда даже самые мудрые мужи совершают оплошности, — вздохнула Иом. — Это будет нам уроком. С этого момента, если Габорн велит нам делать что-то, надо обязательно следовать его совету, — добавила она, обращаясь к Аверан.

Габорн был уверен, теперь они будут внимательнее. Огорчало его только то, что урок этот был оплачен такой дорогой ценой. Он некоторое время смотрел на лениво плавающую в озере рыбу. Поймать ее будет несложно — не сложнее, чем собрать ягоды.

— Габорн, — послышался голос Иом, — приляг и отдохни. Я паловлю рыбы.

Решительный взгляд жены ясно показывал, что сопротивляться ее решению было бесполезно. Верно, ведь еще вчера Иом говорила ему:

— Пока ты будешь спасать мир, я буду спасать тебя.

У Габорна не было настроения спорить.

Пока Иом и Аверан ловили рыбу, Габорн прилег в зарослях человеко-ушек. Растения эти были мягкими и пружинили, как губчатый матрас. Габорн лежал молча и прислушивался. На стене перед его глазами висел целый занавес из пещерной соломы — вида сталактитов, которые формировались по мере того, как капельки воды стекали вниз сквозь пустые внутри трубочки-соломинки. На то, чтобы образовалась одна такая трубочка, требовались многие сотни лет. Пещерные соломинки по цвету напоминали нефриты и агаты различных оттенков от нежно-розового до ярко-персикового. Они были похожи на сияющие разноцветные камни — глаз радовался, глядя на них. Звук капающей на пол воды отдавался громким эхом под потолком пещеры. Габорн некоторое время размышлял, чем был вызван такой своеобразный звуковой эффект — то ли пещера обладала хорошей акустикой, то ли виной тому были многочисленные дары слуха, имевшиеся у Габорна. Капли воды, падающие из трубочек на известняковый пол, создавали редкой красоты музыку, похожую на звук колоколов. Отдаленное грохотание ног опустошителей напоминало глухую барабанную дробь.

Мысленно Габорн принялся играть в игру. Бизнесмен предположил, что до сих пор Габорн неправильно ставил задачи. Все свое внимание он уделял тактике, а также различного рода оружию, с помощью которого он мог бы убить Великую Истинную Хозяйку. Однако все, что приходило ему в голову, могло принести пользу лишь на короткое время.

Тьма приближается, думал Габорн. Непроглядная тьма, какой еще не знала история. Как мне спасти мой народ?

Перед его мысленным взором вставали целые армии, атакующие различные королевства — Индопал, Инкарру, южный Кроутен. Различия между государствами теряли всякое значение.

Пока Габорн лежал, размышляя, Аверан собрала сухие папоротники и развела небольшой костер. Затем она выгула вещи из мешков и разложила намокшую провизию поближе к костру, чтобы та просохла. Она вытащила яблоки, орехи, точильные камни и кремь и сложила все в кучу, затем выбросила пропитанные водой, пахнущей сероводородом, буханки хлеба. После этого она сложила все обратно, оставив лишь сменную одежду и кое-какие мелочи, которые еще надо было просушить.

Горящие папоротники издавали странный запах, напоминающий аромат сладкого перца. Запах пробудил у Габорна еще больший аппетит. К сожалению, рыба будет готова только минут через пятнадцать, которые покажутся Габорну двумя-тремя часами благодаря его дарам метаболизма.

Взгляд Габорна, блуждая, направился к дальней стене пещеры. Стена казалась плоской, будто отполированной рукой человека. Под потолком пещеры Габорн заметил пару отверстий странной формы, похожих на окошки.

Габорн открыл рот от изумления. То, что он увидел, было очень похоже на крепость. Присмотревшись внимательнее, он начал различать и другие детали, однозначно свидетельствовавшие о том, что перед ним было творение рук человека. Внизу виднелись ворота, однако разглядеть их было не так-то просто — в этом месте потолок обвалился, частично завалив вход. Похожие на острые пики сталактиты тут и там свисали с потолка, заслоняя собой некоторые из окон.

Кто построил это укрепление — люди или даскины? подумал Габорн.

Сердце его радостно забило. На руинах древних построек даскинов часто находили необыкновенные предметы,

например изделия из металла исключительно тонкой работы, создать которые не под силу человеку, или лунный камень, который сам по себе излучал нескончаемый свет.

Габорн поднялся на ноги, и, перейдя русло реки, подошел туда, где лежало несколько камней, упавших с древней стены. Так же как и внешние стены укрепления, камни у входа были покрыты высохшей грязью, делая ворота совершенно незаметными. Габорн удивился, как он вообще смог разглядеть их. Наверное, это было не случайно. В свое время вход был оснащен опускающейся решеткой, а деревянные доски ворот были скреплены между собой железными перекладинами. Теперь железо превратилось в ржавчину, не говоря уже о дереве, которое сгнило много всков назад.

Стоило Габорну слегка потянуть за ржавый железный прут, как ворота, вернее то, что от них осталось, с грохотом обрушились ему под ноги. Пробравшись сквозь завал, Габорн направился внутрь.

Пол внутри был покрыт чем-то похожим на гипс. В свое время крепость была затоплена, потом вода схлынула, оставив на полу и на стенах толстый слой речной грязи. Типичные для Подземного Мира растения росли на полу, напоминая собой черную щетину. По непонятной причине лишь немногие из растений смогли выжить здесь.

Внезапно странное создание желтого цвета с широкой спиной, похожее на большого безглазого жука, набросилось на Габорна, размахивая в воздухе клешнями. Габорн топнул на жука ногой, что неожиданно возымело страшный эффект. Послышался громкий щелчок, за которым последовала вспышка света, после чего мертвый жук начал гореть, издавая серный запах. Сверкач, понял Габорн. Много лет назад в Палате Разумения он слышал уже о таком жуке. Рассказывая об обитателях Подземного Мира, старик Ярроу говорил: «Этот жук — единственный из известных животных,

который оказывает вам любезность, приготовляя сам себя, когда вы голодны и готовы что-нибудь покушать. К сожалению, на вкус они еще хуже, чем жареные тараканы».

Габорн огляделся. Он находился в помещении, которое в прошлом могло бы служить Большим Залом. На одной стене висели истлевшие останки гобелена. Краски его померкли настолько, что Габорн решил даже и не пытаться отгадать, что могло было быть изображено на этом ковре. Старинные масляные лампы висели на крючках и украшали ниши в стенах. Они были изготовлены в Мистаррии. Он видел глиняные лампы, похожие на эту, в Палате Разумения, в Комнате Времени. Тут и там на глаза ему попадались останки мебели — остов комода, полусгнивший стол. Место это было очень древним, но насколько древним? Он кое-что предполагал, но не решался признаться в этом самому себе. История зафиксировала лишь три случая, когда Мистаррия пыталась покорить Подземный Мир. В этих покоях мог спать сам Эрден Геборен...

Стоило ему понять это, как Габорна охватил священный трепет. По телу его пробежала дрожь. Он почти физически чувствовал присутствие здесь духов. Когда-то Эрден Геборен вел рыцарей на битву по этим вот коридорам. Сколько воинов погибло здесь, сражаясь с опустошителями?

В дальней стене комнаты Габорн заметил узкую каменную лестницу, которая была вырублена прямо в скале. Он поднялся по ступенькам на второй этаж. Тут путь ему преградила старинная деревянная дверь.

На двери были вырезаны слова на древнем языке, который отдаленно напоминал рофехаванский, но был настолько искажен, что Габорн не сразу смог понять смысл написанного. Кое-где дверь прогнила насквозь, поэтому на месте некоторых слов зияли дыры.

«Я, Берон Виндховен... Эта крепость... Год герцога Вала Мудрого... Внизу... дурные предзнаменования... нашествие опустошителей».

Герцог Вал Мудрый? Габорн призадумался, пытаясь угадать год, в который была сделана надпись. По материнской линии Габорн происходил из рода Валов. Вал Мудрый был сыном Вала Клятвопреступника, который покорил Вестланд семьсот лет назад.

Значит, это место было древним даже тогда, сообразил Габорн. Это означало, что Король Харрил не мог построить его.

Габорн потянул за щеколду, и она тут же оторвалась, оставшись у него в руке. Тогда он приналег на дверь плечом. В тот же миг ветхая дверь обрушилась внутрь. За дверью взгляду не на чем было остановиться. Его глазам предстали несколько дюжин маленьких комнат, вырубленных в скале по обе стороны длинного коридора. По виду помещение напоминало барак. Тут и там по бокам виднелись характерные ниши, небольшие укромные уголки, которые обычно украшались трофеями и реликвиями. Однако в этих нишах Габорн не заметил ни древнего оружия, ни редких предметов старины, добытых на руинах поселений даскинов.

Все, что представляло какую-либо ценность, было растащено много веков назад. Наверх вела еще одна лестница. Должно быть, там находились покои высших чинов. Габорн вскарабкался по ступенькам, испытывая все возрастающее благоговение. Оказавшись наверху, он увидел, что коридор разветвлялся. Проход, уходящий влево, привел его к большой комнате, дверь в которую была распахнута настежь. Заглянув внутрь, Габорн предположил, что эта комната принадлежала Берону Виндховену. Часть потолка обвалилась, загромождая проход. Не решившись войти, Габорн направился обратно и дошел до конца коридора, уходящего вправо. Здесь он уперся в массивную дверь из почерневшего металла, украшенную крестообразным гербом, который показался Габорну очень знакомым. Сквозь листья дуба на него смотрел зеленый человек — это было характерное украшение щита, выкованное из металла.

В давние времена сам Эрден Геборен спал в этой комнате, понял Габорн. Здесь он планировал сражения, отсюда он вел своих воинов на битву. Теперь я знаю название этой крепости, подумал Габорн. Врата Бездны, Темная Крепость.

Знания о расположении этого места были утеряны много лет назад, но легенды по-прежнему хранили его название. Габорн думал, что это укрепление намного больше, ведь согласно легенде здесь могли разместиться тысячи воинов.

В жизни каждого человека наступает момент, когда ему кажется, будто он встретил свою судьбу. Приходит время, и ты понимаешь, что каждый выбранный тобой путь, каждый начертанный тобой план в конце концов приведет тебя к двери, за которой ты столкнешься лицом к лицу со своей судьбой. То, что будет потом — не более чем мечта, на которую можно лишь надеяться.

Похожее предчувствие охватило Габорна именно сейчас.

Каждый шаг, который я предпринимал, неуклонно вел меня по стопам великого Эрдена Геборена. Почему бы не здесь? Почему бы не сейчас? подумал Габорн.

Издалека доносился похожий на гром звук несущейся сквозь пещеры орды опустошителей.

Габорн поскреб дверь кинжалом. Лезвие оставило на черной двери светлую царапину — под слоем грязи была дверь из чистого серебра. Каждый предмет в крепости, который имел хоть какую-либо ценность, был давным-давно унесен отсюда мародерами, и лишь дверь, ведущая в покои Эрдена Геборена, осталась нетронутой. Никто не посмел позариться на эту ценную вещь — настолько почитали Короля Земли.

Габорн потянул за ручку. Дверь была заперта, а замочная скважина представляла собой лишь небольшое углубление в форме зеленого человека. Габорн вложил свою печатку в паз и повернул ее. Перстень с печаткой был изготовлен по той же самой форме, что и сотни лет назад. Сначала замок не поддавался, но затем что-то скрипнуло и дверь открылась.

Габорн распахнул дверь настежь. Убранство комнаты, которая предстала его глазам, было в высшей мере сурово и аскетично. Помещение казалось тесным даже для одного человека. Габорн видел тюремные камеры, которые были больше по размеру. Благодаря плотно закрытой двери, а также тому, что комната находилась наверху, она не подверглась затоплению и осталась нетронутой. И все же мебель казалась не столько сохранившейся, сколько окаменевшей. Большую часть комнаты занимала походная кровать с деревянной рамой. На ней лежал камышовый коврик и коричневое шерстяное одеяло. Кровать была оставлена незастеленной.

Рядом с кроватью находились небольшой стол и стул. На столе стояла деревянная тарелка, рядом с ней лежал нож. Картину дополняла полуистлевшая книга, переплетенная в кожу. Здесь же стояла деревянная чернильница в форме лилии и лежали истлевшие останки гусиного пера. На стене висел простой походный плащ на крючке. Из-под кровати выглядывала пара высоких походных сапог.

Все выглядело так, будто в один прекрасный день много веков назад Эрден Геборен проснулся в этой комнате, съел свой завтрак и, заперев за собой дверь, ушел, чтобы уж больше никогда не вернуться.

Осознание этого поразило Габорна до глубины души. Все было именно так. Эрден Геборен был здесь, во Вратах Бездны, отсюда он собирался повести своих Темных Рыцарей на битву с опустошителями под землей. И в этот момент он узнал об измене в Кэр Фэле. После многих лет войны, бесконечных сражений с опустошителями, тотами и челоудами он узнал, что его народ восстал против него — Короля Земли.

Причины восстания до сих пор остались неясными. Некоторые историки предполагали, что причиной явились убытки, принесенные войной. Затраты на военные действия оказались слишком велики, ведь он вел своих рыцарей сквозь Подземный Мир больше дюжины лет подряд. Другие утверждали,

что имел место заговор мошенников и бандитов, которые объединились против Короля Земли в последней попытке установить свое господство. Факт остается фактом — Эрден Геборен встретил свою смерть в Кэр Фэле, но ни одна рана не обезобразила его тело.

Теперь, почти восемнадцать столетий спустя, Габорн оказался в покое древнего Короля Земли — комнате, не потревоженной с тех пор, как он отправился на смерть. Габорну показалось, что сейчас он увидит тень самого Эрдена Геборена, терпеливо парящую в воздухе в углу комнаты, ожидая подходящего момента, чтобы поговорить с Габорном.

Охваченный горечью, Габорн прикоснулся к книге. Он развязал ремешки и открыл книгу на первой странице. Страницы ее представляли собой отдельные листочки. Некоторые из них истлели в пыль. Титульный лист был полностью занят рисунком, изображавшим большой дуб, а под ним — два создания, похожие на людей, с крыльями и лисьими мордами. Каждое существо держало в руках изогнутый меч с волнообразным клинком. Картинка была старательно выписана чернилами, хотя художник и не имел большого таланта. Прочитать заглавие Габорн не смог — текст был написан на незнакомом языке.

Габорн задрожал от восторга, ведь книга хранила тяжесть веков. Он принялся листать страницы. Теперь Габорн понял, что книга была написана на древнем альтинийском наречии — языке, на котором говорили при дворе в течение тысячи лет, но теперь его почти полностью забыли. Габорн не мог прочитать древние письма, но все же он понял — это была книга, написанная рукой самого Эрдена Геборена.

Габорн перевернул страницу. Почерк был уверенным и элегантным. Чернила были хорошо видны на пожелтевших листах. Однако манускрипт был далеко не закончен. Многие слова были вычеркнуты и целые абзацы вставлены на их место. Поля пестрели знаками вопроса. Очевидно, труд этот находился в работе.

Старый хозяин очага Биддлз будет в восторге, подумал Габорн. Этот том станет причиной большого празднования среди хранителей Комнаты Времени. Габорн засунул книгу за пазуху.

Оглядевшись еще раз убранство комнаты, Габорн заметил лишь старый жестяной колокольчик, посеребривший от воздуха, да четыре медные монеты на полке — убранство комнаты было в высшей степени скромным. За дверью Габорн обнаружил старинное копье для охоты на опустошителя. Немного длиннее обычного, орудие не было похоже ни на одно из тех, которые Габорн когда-либо видел. Это было настоящее произведение искусства, выполненное не из стали, а вырезанное из кости опустошителя — скорее всего, из плеча крупного меченосца. Вокруг древка была намотана истлевшая кожаная ручка. Острье было украшено бриллиантами необычно большого размера, длинными и узкими.

Габорн улыбнулся — это было оружие самого Эрден Геборена. Кость опустошителя за многие века должна была затвердеть и стать крепкой, как никогда, а кожу на ручке можно было легко заменить.

Он хотел, чтобы это оружие досталось мне, подумал Габорн.

Он взял копье и направился прочь. В дверях он помедлил, бросив прощальный взгляд на комнату. Эрден Геборен был скромным человеком, решил Габон. Комната не обнаруживала ни малейшей склонности к роскоши и украшениям.

Он закрыл дверь и запер ее.

Иом наловила с дюжину рыбин и жарила их на камнях, лежащих вокруг небольшого костра. Она взглянула на Габорна и увидела сверкающую пику в его руках.

— Что ты нашел? — спросила она.

Улыбка озарила ее лицо.

— Крепость Врата Бездны, — ответил Габори, — и древнюю опочивальню самого Эрден Геборена. Она оставалась нетронутой все эти века. Я нашел его копье!

— А что еще? — поинтересовалась Иом.

— Древнюю книгу. Какой-то манускрипт, — ответил Габори.

— Написанную самим Эрденем Гебореном? — удивилась Иом. Казалось, сейчас она вскочит на ноги и примется танцевать.

При виде ее откровенного ликования Габори улыбнулся и кивнул. И тут же тревожно огляделся.

— Где Аверан? — спросил он.

— Она пошла вперед по дороге, сказала, что хочет прогуляться. Но я думаю, она просто очень огорчена потерей Бизнесмана — ей хотелось немного побыть одной.

Используя Прозрение Земли, Габори прошупал окружающее пространство и увидел, что Аверан действительно была недалеко. Опасность ей не угрожала.

Габори вытащил том и показал Иом. Она развязала кожаные ремешки, открыла титульную страницу и медленно прочитала:

— Сказания... нет, думаю, это Учение о другом мире, изложенное тем, кто побывал среди Светлейших.

— Ты можешь читать на этом древнем языке? — удивился Габори. — Я никогда не слышал, чтобы на нем разговаривали за пределами Палаты Разумения, Комнаты Языков. Где ты вообще могла его слышать?

— Меня научил советник Родхам. Он был настоящим ученым и считал, что для меня будет гораздо более ценным изучить альницийский, чем вышивку, — улыбнулась Иом.

Габори уставился на нее с изумлением.

— История умалчивает о том, что именно Эрден Геборен узнал от Светлейших и Всеславных, — принялся он размышлять вслух, — теперь я знаю, почему: он не закончил свою

книгу. Это грандиозная находка. Лишь самым могущественным волшебникам было дано пройти путь между двумя мирами, нашим и другим — Единственным Истинным Миром.

Иом перевернула страницу:

— Это очень древние письма. Расшифровать их будет не просто.

Она сосредоточенно вглядывалась в текст, силясь прочитать написанное.

— «Глас мой груб — неверный инструмент. Язык мой сделан из латуни, нет на него надежды. Как смею я дерзнуть изречь слова, ниспосланные мне самими Светлейшими? Голос их подобен грому, они...» Я не знаю этого слова. «Слова их из чистого света, они шепчут в уши нашей души. Слушай глагол Светлейших, если можешь, если только жалкий глас мой не ослабеет, боюсь, он подведет меня... И все же я верю, что ты услышишь», — Иом тщательно подбирала каждое слово, стараясь как можно точнее передать смысл написанного.

Габори весь превратился в слух. Иом с любопытством взглянула на него. Она наугад открыла страницу посередине книги и снова принялась читать: «И рек Фэль...»

— Кто такой Фэль? — перебил ее Габори.

Иом легкомысленно улыбнулась:

— Некто, кто речет всякие откровения Эрдегу Геборену.

Она снова углубилась в чтение:

— «Учись любить всех людей...» — он не мог решить, какое слово выбрать: «одинаково» или «безупречно».

— Если ты любишь всех людей безупречно, не значит ли это, что ты любишь всех одинаково? — задумчиво произнес Габори.

Иом кивнула и продолжала:

— «Не ставь одного выше другого, не цени богатого больше, чем убогого, сильного больше, чем немощного, доброго больше, чем жестокого, но возлюби всех людей в равной мере». — Хмм... — призадумалась Иом.

Казалось, эти слова вызвали у нее беспокойство. Она медленно закрыла книгу.

До сих пор Габорн не слышал ничего подобного. Он не мог припомнить, чтобы кто-либо, не будь он королем, давал наставления, как люди должны относиться друг к другу. Габорн решил, что Фэль был королем среди Светлейших.

— Продолжай! — попросил он Иом.

Она снова открыла книгу. Морща лоб от напряжения, Иом стала читать дальше:

— «И спросил я: „Возможно ли возлюбить всех людей с одинаковой силой?“ И отвечал Фэль...» — Иом поморщилась, — здесь много текста вычеркнуто. Местами кажется, будто он хочет сказать, что мы должны научиться любить тех, кому мы служим. Он также пишет: «Давай каждому в равной мере твоей любви». Но тут на полях пометка со знаком вопроса: «Возможно ли объяснить...» Я думаю, он имеет в виду «объяснить людям, что служа всем в равной мере, ты проявляешь себя наилучшим образом. Другими словами, это высшая добродетель для человека». Этого слова я не знаю — «пренебрегая собственными нуждами»? «Ибо истине есть человеки, желающие зла. И все же наш долг отплатить им только добром. Эти люди, находящиеся во власти ло...локи, идут против добра бездумно, не подозревая о том, что ими командуют ставленники Великой Истинной Хозяйки».

У Габорна от неожиданности закружилась голова.

— Ты уверена, что там сказано Великая Истинная Хозяйка? — задыхаясь, спросил он.

— Да, именно так! — ответила Иом.

— То есть он пишет о королеве опустошителей?

Биннессман предполагал, что Эрден Геборн преследовал какого-то конкретного опустошителя, имя которому локус. Но ни волшебник, ни Габорн не могли с точностью сказать, кого именно он искал.

— Мне кажется, он говорит о существе гораздо более сильном и могущественном, чем простой опустошитель.

Габорн хмыкнул и призадумался. Хроно учил его, что в мире существует лишь один порок: себялюбие — черта, присущая всем людям в равной мере. Порок этот мог служить достаточным объяснением тому, почему в мире так много зла. Ведь кто не жаждет для себя безграничного достатка, нерушимого здоровья или бескрайней мудрости, равно как и бесконечной жизни? Кто из нас не жаждет любви и поклонения окружающих?

Разумеется, эти желания вполне естественны, ведь они заложены в самой природе человека, размышлял Габорн. Сами по себе эти стремления не являются злом. Ибо, как говорил отец Габорна, человек, которого стремление к богатству побуждает на труды праведные, привлекает благословенные божественных сил как для себя, так и для ближних его. Женщина, жаждущая знаний и посвящающая учению многие часы, освящает своим присутствием любое общество. А сам Габорн? Как часто мечтал он стать таким правителем, одно имя которого будет вызывать восторг и почитание у его подданных. Самой справедливой мерой того, насколько хорошо король правит страной, Габорн считал любовь народа.

Только тогда вступаем мы в сговор со злыми силами, когда желание благ для себя становится непомерно велико — так велико, что мы готовы причинить вред другим, продолжал размышлять Габорн.

— Именно великую Истинную Хозяйку преследовал Эрден Геборен, когда смерть настигла его, — задумчиво проговорил Габорн. — Он вел войну с опустошителями больше десяти лет. Неужели, спустя столько лет, мы преследуем то же существо, которое искал Эрден Геборен? Возможно ли такое? Или так называют любого правителя опустошителей?

У Габорна внезапно возникло много вопросов, которые он хотел бы задать Аверан. Могла ли Великая Истинная Хозяйка

прожить семнадцать тысяч лет? Что еще Аверан может поведать об этом загадочном существе? Габорн заглянул в туннель. Аверан и не думала возвращаться.

— Аверан! — позвал Габорн.

Слова его эхом разнеслись далеко по туннелю.

Ответа не последовало.

— Аверан! — крикнула Иом.

Все впустую. Габорн прислушался к себе, пытаясь с помощью Прозрения Земли определить местонахождение Аверан. Он почувствовал ее присутствие примерно в миле вверх по туннелю.

Куда она идет? подумал Габорн.

И тут же паника захлестнула его, ибо он почувствовал, куда она направлялась — Аверан шла навстречу опасности.

Глава 10

ПОСЛАННИК ТЕНЕЙ

Ребснок должен полагаться на веру, она будет вести его в отсутствие у него мудрости, приходящей с опытом, и дальновидности, присущей взрослому разуму. Некоторые превозносят веру, говоря, что она дает им преимущество, однако я предпочитаю мудрость и дальновидность.

Менделлас Дракэн Ордэн

Аверан ушла из лагеря в полном смятении. Она чувствовала сильное беспокойство, и с каждой минутой оно только росло. Посланник Теней следовал за ними по пятам, и девочка знала, что он никогда не оставит их.

В эту минуту Аверан поняла, что он наверняка ждет, когда они вернутся обратно в пещеру. Скорее всего, он устроит засаду где-то рядом с туннелем и, зарывшись в землю, спрячется там, оставив лишь одно или два щупальца над землей.

Зная, каким хорошим охотником был Посланник Теней, Аверан сомневалась, что даже Габорну удастся ускользнуть от него.

Единственной надеждой было найти еще один туннель опустошителей, уходящий еще глубже под землю. Казалось, шансы были не велики. Пролагатель Путьей никогда не бывал в этих местах, и Аверан поняла, что потерялась.

Какое-то время девочка просто брела, оставшись наедине со своими переживаниями. Тревоги уводили ее все дальше в Подземный Мир. Воздух был теплым и тяжелым. Под его воздействием на стенах стали появляться узоры, переплетаясь между собой, они рисовали королевскую корону; зародившись в одном месте, ярко желтая плесень медленно распространялась по поверхности и, умирая, оставляла после себя золотистый ореол, который постепенно расплзался по стенам. Откуда-то издалека Аверан услышала странный звук.

Она остановилась. Звук был похож на урчащее урчание большого кота.

Здесь же не должно быть котов, разве нет? задумалась Аверан. Но ведь она видела слепоглазок и крабов-слепцов, да и других животных, живущих на земле. Однако мало вероятно, что здесь под землей обитают кошки.

Подземный мир таит в себе много разных странных вещей. И все же ни один из опустошителей, мозг которого она съела, никогда не видел кошку.

Аверан дошла до поворота и осторожно осмотрелась. Несколько пещерных ящериц, похожих на раздувшихся трилонов, устроились возле небольшого водоема и громко шинели друг на друга, будто бы боролись за какой-то приз. Звуки, которые они издавали, сильно напоминали урчание.

Хранитель Башни Посвященных знал, что это за ящерицы. Обычно они делали отверстия в земле и жили в илстой грязи. На вкус они были мягкими и безвкусными. Однако несмотря на обширные знания Хранителя, опустошитель никогда не слышал их песен.

Аверан подошла к ним поближе. Уловив движение, слепые ящерицы повернули головы в ее сторону, прислушиваясь, потом неожиданно нырнули в воду.

Сразу за местом обитания ящериц старая речка заканчивалась. Сотни небольших ходов, таких же узких, как волчьи норы, пронизывали каменные стены, их проделали в мягкой породе живущие в расщелинах гусеницы, похожие на гигантских многопожек. Гусеницы сверлили стены вдоль и поперек, это ослабило их, и потолок пещеры рухнул.

Аверан вдруг поняла, что единственный выход теперь — это идти в туннели. Однако следовать по слишком узким проходам было рискованно. Гусеницы, живущие в расщелинах, вырастали до пятидесяти футов в длину, ко всему прочему, они были плотоядны.

Протяженность ходов, проделанных гусеницами, могла составлять целые мили. Нужно найти верный путь через эти туннели. Аверан представила, как Габорн будет гордиться ею, когда узнает, что она отыскала для них дорогу.

Аверан трясло от страха. Она подошла к ближайшему входу и принялась. Ничего. Пахло горной породой и листьями папоротника. Гусеницы уже много лет не появлялись в этом туннеле.

В третьем проходе девочка почувствовала мускусный запах, характерный для яиц гусениц, и тут же отскочила назад. В двенадцатом туннеле она наконец нашла то, что искала — едва уловимый запах *другого* воздуха, пахнувший на нее откуда-то изнутри. Это означало, что либо нора ведет к другому туннелю опустошителя, либо по ней она сможет попасть в следующую пещеру.

Аверан колебалась. Она стала осматривать отверстие. Она сможет пролезть в нору, но удастся ли это Габорну и остальным?

Да, решила она, нужно только приложить некоторое усилие.

Девочка встала на носочки и заглянула внутрь. Нора была достаточно широкой, потому она с легкостью смогла бы забраться туда.

Но тогда получается, что гусеница, прорывшая эту нору, достаточно большая, и она спокойно может меня проглотить, вдруг пришло в голову Аверан. *Мне не следует лезть туда. Габорн будет очень злиться.*

Но Габорн ждал, пока будет готова его рыба. Вдруг опустошители уже настигли его? Тогда он будет искать путь, чтобы сбежать от них. А значит, он рассчитывает, что она укажет ему дорогу.

Да, я должна это сделать, сказала себе Аверан. *Отыскав нужный путь, я сохраню для всех нас драгоценное время.*

— Аверан! — позвал Габорн из глубины туннеля. — Подожди!

Она остановилась, ее сердце выпрыгивало из груди. Девочка обернулась и стала вглядываться в глубь туннеля. Вскоре на стенах появились пятна света, значит, Габорн был уже совсем близко.

Пявившись из-за поворота, он увидел Аверан.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Просто осматриваюсь вокруг, — ответила Аверан, — стены туннеля обрушены, я искала обходной путь.

— Это опасно, — сказал Габорн, забеспокоившись.

— Это наш единственный шанс, — возразила девочка.

Габорн посмотрел назад, туда, откуда они пришли. Издалека доносилось тяжелое грохотание опустошителей, вторгшихся в Подземный Мир. Облизнув губы, он кивнул головой.

— Согласен, — сказал Габорн, — но я чувствую опасность впереди. Не просто опасность... смерть. Боюсь, если мы выберем эту дорогу...

— То что? — спросила Аверан.

— Не знаю, — ответил Габорн, — возможно, мне следует пойти первым, — он осмотрел вход в туннель и отступил на-

зад.— Нет, Земля предупреждает меня, мне нельзя идти туда, и Иом тоже.

— Тогда пойду я,— предложила Аверан.— Может быть, все не так уж плохо. Я уловила свежий воздух там, внизу. По этой норе я доберусь до другой стороны туннеля.

Габорн стал тщательно осматривать проделанный в пещере проход, будто пытаясь обнаружить спрятанную в нем опасность, затем неуверенно кивнул.

— Да,— прошептал он,— это верный путь.

— Тогда разреши мне идти первой,— попросила Аверан.

— Постой,— сказал Габорн, рукой остановив ее,— рыба уже готова. Мы поедем и позже вернемся сюда.

Аверан была почти уверена, что Габорн нарочно медлил. В его глазах читалась растерянность, он не знал, что делать дальше.

После недолгого ужина, во время которого Габорн продолжал всматриваться куда-то вдаль в совершенной растерянности, Аверан была готова бросить вызов той норе. С помощью Габорна и Иом Аверан ловко забралась в узкий туннель. Внутри пол был забрызган высохшей черной слизью, оставшейся от гусениц. Ее выделяли эти твари и смазывали им свои жилища. Опустошителям нравился ее вкус.

— Никакой опасности здесь нет,— сказала Аверан Габорну.

— Возможно,— ответил Габорн,— но не принимай все на веру. Я чувствую угрозу. Может быть, это что-то незначительное. Но помни, ты не опустошитель. Существо, не представляющее никакого риска для опустошителя, может таить в себе смертельную опасность для тебя.

— Я буду осторожна,— пообещала Аверан. Она медленно поползла дальше. Ведь Габорн нуждался в ее помощи.

Девочка быстро двигалась внутри туннеля, прислушиваясь и пытаясь уловить грохочущие звуки, сопровождающие ползущих по камням гусениц.

Через несколько сотен ярдов Аверан добралась до выхода и высунула голову наружу.

Туннель вел в широкую пещеру. Она снова увидела русло реки, но что-то поменялось. Камни здесь были красного цвета и, должно быть, достаточно мягкие, ибо река стала шире. Потолок пещеры не раз обваливался, и с течением времени образовалось довольно просторное углубление. Своды пещеры устремлялись вверх на двести футов, и сталагмиты походили на окаменевший лес, а сталактиты, свисавшие с потолка, напоминали гигантские зубы.

По обеим сторонам дороги росли путаницы — растения, устилавшие пол пещеры плетеным ковром из своих корней. Огромные луковицы росли посреди этих переплетений и были похожи на большие полные горошин стручки. Однако Аверан знала, стоит ей наступить на корни, как ползучие побеги попытаются проглотить ее.

Девочка осторожно нагнулась к земле и припнулась. Затем она сделала два шага вперед.

Едва уловимый запах опустошителя чувствовался в воздухе. Девочке почудилось слово «подожди». Это мог быть приказ, который прокричал кто-то много сотен лет назад, а возможно, это прошептали не так уж давно. Сказать точнее было нельзя.

— Габори, — позвала Аверан, — я прошла через обвал, иди за мной.

Она не рискнула идти дальше без Габорна.

Но если здесь бывали опустошители, подумала Аверан, значит, из этой пещеры можно попасть в больший туннель. И если я найду этот туннель, а запахи укажут мне дорогу, то тогда я смогу узнать путь к Логову Костей.

Аверан внимательно смотрела под ноги на путаниц, боясь наступить на тонкие серые корни, не желая оказаться в их путях.

Впереди по обе стороны от девочки торчали два сталагмита, а дальше естественно образовавшийся каменный мост вел через глубокую пропасть. Там внизу, в ущелье, судя по доносившимся звукам, бурлила вода.

Вдруг Аверан задел небольшой камешек, упавший откуда-то сверху. Девочка тут же посмотрела наверх и закричала, увидев, как на нее летит что-то огромное, похожее на гигантского паука. Она попыталась отпрыгнуть, но чудовищная лапа уже схватила ее.

— Опустошитель! — закричала она.

Девочка вырвалась из когтей монстра и в надежде спастись бросилась к норе, проделанной гусеницами. Стебли путаниц, взбудораженные появлением опустошителя, крепко обвили ее ноги. Аверан шлепнулась на землю. Голова путаницы, похожая на стручок, стремительно ползла в ее сторону. Стручок раскрылся, обнажив жуткую беззубую пасть, полную маленьких волосков. Растение старалось дотянуться до нее, но безуспешно.

Опустошитель дернул за корень, вырвав стебель, опутавший лодыжку Аверан, после чего путаница, хромая, отползла назад. Девочка попыталась вскочить на ноги, но слишком поздно. Лапа опустошителя уже схватила ее и крепко зажала.

Аверан извивалась, пытаясь сделать вдох. Но даже благодаря всем ее дарам силы, девочка не могла сравниться с опустошителем. Он держал ребенка железной хваткой и быстро бежал прочь. Перепрыгнув через путаниц, одним прыжком он преодолел каменный мост.

— Габорн, — закричала Аверан, — на помощь!

Она повернула голову, чтобы посмотреть назад.

Зажатая в кулаке монстра, Аверан колотила по лапе, а тот, в свою очередь, так сильно тряс ее, что она боялась, как бы не свернуть себе шею.

Аверан уловила запах чудовища. Она знала этого опустошителя. *Как он нашел меня?* спрашивала она себя, *как ему удалось добраться сюда так быстро?*

От изумления у Аверан перехватило дыхание, и тут Посланник Тенсей мгновенно исчез вместе с ней в темноте.

Глава 11

ПОДАРОК ФЕЙКААЛЬДА

Там, где есть надежда, локи сеют страх. Туда, где есть свет, локи несут тьму.

*Отрывок о природе локи из Сказаний
о Другом Мире Эрденя Геборена*

Вода искрилась на солнце, озаряя все вокруг на многие мищи, пока армия Ражда Ахтена направлялась на север Майгассы через Большое Соленое море. Вместе с ним шли трое пламенистов, дюжина слонов, отмеченных рунами силы, и еще три тысячи Властителей Рун разной силы. Большинство из них принадлежали к знатым семьям, их доспехи украшал плотный белый и золотой шелк, алые тюрбаны сверкали рубинами размером с голубиное яйцо. И хотя их было не так много, они представляли собой великую силу, ведь это были не просто пашие воины; среди них были принцы, короли и шейхи древнейших государств Индопала, и даров они получили столько же, сколько имели золота. Более того, эти люди были рождены коварными и безжалостными, они появились на свет, чтобы обладать богатством и драться, и много лет назад они научились хранить то, на что однажды предъявили свои права.

Уздечки и седла их лошадей и верблюдов сияли драгоценными камнями, мечи и копья воинов сверкали стальными наконечниками.

Всадники двигались вперед, и из-под копыт были слышны всплески воды. В это время года идти через Соленое море было удобнее, чем огибать его вокруг. Зимой море становилось глубже и пересечь его на лошади не удалось бы, однако сейчас уровень воды достигал всего фута, и она едва скрывала небольшие углубления, полные белой соли. Море простиралось до самого горизонта. Вдалеке ярко светило полуденное солнце, и невысокие волны сверкали и переливались; казалось, горизонт искрился серебром, маня к себе. За морем на севере уже виднелась цепочка гор.

Радж Ахтен, одетый в белый шелк, ехал впереди всех верхом на сером императорском коне. При каждом шаге жерсбца из-под копыт летели брызги. Вода тут же высыхала, оставляя на животе и ногах животного белые пятна соли. На голове всадника был надет тюрбан, спасавший его от полуденного солнца и скрывавший шрамы на обезображенном лице.

В этот момент Радж Ахтен заметил вдалеке одинокого всадника, тот пересекал море, направляясь к ним. Человек, одетый в черное, сидел верхом, наклонившись вперед, словно старик, а его черный конь, отмеченный рунами силы, спотыкался под тяжестью поклажи, крепившейся к седлу.

Радж Ахтен получил тысячу даров зрения. Его глаза были острее глаз орла, ведь ни один орел не мог уловить жара, исходящего от человеческого тела, да еще ночью. Или, например, сосчитать волоски на лапках мухи на расстоянии двадцати шагов. И хотя всадник сейчас был лишь далеким расплывчатым пятном, смутно напоминавшим человека, Радж Ахтен знал его имя: Фейкаальд, его верный слуга.

— О, Свет Мира! — прокричал Фейкаальд, когда наконец приблизился к своему хозяину. — Я принес вам подарок — сокровище, украденное прямо из-под носа Короля Земли!

Он сунул руку в суму и извлек оттуда целую горсть печатей силы, похожих на небольшие железные тавро размером с металлический гвоздь, с выгравированной на наконечнике руной.

— Это мои печати силы? — подняв руку, Радж Ахтен отдал армии приказ остановиться. Фейкаальд кивнул. Некогда отец Габорна забрал около тысячи печатей из сокровищницы Раджа Ахтена в Лонгмоте. — Как ты сумел заполучить их?

— Они были в повозке с драгоценностями в королевском кортеже, — ответил Фейкаальд, — там осталось почти двадцать тысяч! Вчера в полдень на юге скалы Манган Король Земли преследовал опустошителей и столкнулся с той ордой, которая уничтожила Каррис, тогда-то я и сумел выкрасть печати.

— И как он планирует использовать их? — задал вопрос Радж Ахтен.

— Он везет их ко Двору Прилива, как мне кажется, — сказал Фейкаальд, — там он воспользуется ими, чтобы усилить свою армию.

— И из кого же состоит его армия? — спросил Радж Ахтен. — Кто из сильных воинов у него остался теперь?

— Лэнгли из Орвина — его единственный и лучший воин, лорд, получивший сотни даров. По сути, армия Габорна практически уничтожена. Атака Синей Башни нанесла им огромный урон. Его воины ослаблены и ранены. С севера же на них собирается напасть дочь Лоуикера, чтобы отомстить за гибель отца, в которой повинен Габорн.

Как же глуп этот юнец, король Ордэн, подумал Радж Ахтен.

Печати силы были бесценны. Если бы Габорн рискнул использовать их, как следовало, то есть наделить дарами дюжину своих лучших людей, тогда, получив благодаря этому отличных воинов, он имел бы шанс остановить Раджа Ахтена. Но теперь между Раджем Ахтенем и Габорном стоял лишь один защитник — тот самый Лэнгли.

— Ты отлично справился, мой друг,— сказал Радж Ахтен,— новости, которые ты принес, радуют меня так же, как и сокровища. В качестве награды можешь взять себе сотню печатей силы. Возьми их и отправляйся к посредникам во Дворец Гуза в Дияззе. И передай им, что через двое суток мои силы примутся за Мистаррию, словно жнецы за пшеничное поле. И пусть они передадут мне по вектору мои дары, мне нужны они до наступления ночи.

— Все четыре тысячи? — спросил Фейкаальд.

— Несомненно,— ответил Радж Ахтен,— и для того чтобы передать столько даров, им понадобится двадцать посредников, готовых работать без сна в течение как минимум двух дней.

— О, Лучезарный,— возразил Фейкаальд,— Гуза — отдаленный оборонительный пост. Где ваши посредники станут искать Посвященных?

— Вели им осмотреть соседние деревни,— сказал Радж Ахтен,— там должно быть полно сирот, которые готовы продать свой разум или мускульную силу за то, чтобы набить живот рисом.

— Как вам будет угодно,— поклонившись, сказал Фейкаальд и устремил взор на восток.— К закату печати силы будут доставлены в Диязз.

Развернувшись на запад, всадник прищипорил коня и исчез из виду.

Глава 12

УБИЙСТВО ВОРОНОВ

Когда Земля избрала своим королем Эрденя Геборена, он переименовал свои владения из Роффе-ха авана, что означало «Свобода от Раздора», в Аллин-сиан и разделил земли между дюжиной своих самых верных подданных. Первым земли получил Маг Сендавиан, и, выбрав своей эмблемой черного ворона как символ хитрости и магии, он назвал королевство Кроутен. После его смерти государство разделилось на две части, чтобы каждому из его сыновей-близнецов досталось свое собственное королевство.

Из Истории Роффеавана, написанной Хранителем Очага Фредериком

Эрин Коннал в составе кортежа короля Андерса находилась в пути уже целый день. По левую сторону от короля ехала Ореховая Женщина, вокруг ее седла носились белки, устроив своеобразную игру: кто утащит больше орехов из кармана серого платья хозяйки. Справа от короля находился

Селинор, он держался в седле чинно и величественно, так они трое двигались впереди, занимая всю ширину дороги. Поэтому Эрин Коннал вынуждена была находиться немного позади них, вместе с капитаном Гантреллом с одной стороны и королевским Хроно с другой. Вслед за ними ехали пятьдесят рыцарей в серебряных плащах с вышитой на них эмблемой черного ворона, знаком Южного Кроутена. Эрин была окружена.

Группа пробиралась на юг через горы среди зеленых холмов, раскидистых дубов и небольших красивых домиков. Король Андерс не спешил и не гнал своих лошадей, у каждого из этих домиков или деревеньки он останавливался и тщательно изучал местных жителей. Спустя некоторое время король мог поднять вверх руку и торжественно произнести:

— Я выбираю тебя. Я выбираю тебя для Земли. Если ты услышишь мой голос, предупреждающий об опасности, следуй ему, и я приведу тебя в безопасное место.

Иногда король долго пристально смотрел на мужчину или женщину, а после просто печально качал головой и проходил мимо.

Из-за того что Андерс выбирал людей, путь на юг был долгим, лошади шли шагом, и в час они проделывали не больше десяти миль.

День был прохладный, облака медленно тянулись на юг. Там, на высоте, их полупрозрачная, еле заметная пелена скрывала солнце, столь же холодное и безжизненное, как взгляд мертвого человека.

Этот день казался Эрин каким-то странным и нереальным. Ей даже почудилось, будто линия облаков преследовала их. Однако вдали на самом горизонте тоненькая полосочка голубого неба все еще оставляла надежду на ясную погоду. Но над их головами и прямо за спинами, сгущаясь, надвигались тучи, словно пес, который устало плетется у ног хозяина. И неважно, быстро или медленно двигались всадники. Облака неустанно следовали за ними.

Не обращая внимания на необычные передвижения на небе, Селинор разговаривал со своим отцом. В течение нескольких часов он неспешно пересказывал все, что с ним произошло с тех пор, как он отправился в Гередон. Он начал со своей первой встречи с Габорном, после чего рассказал об их с Эрин битве с Темным Победителем и поведал об их броске в Каррис, где Габорн обнаружил отряды армии Раджи Ахтена, спрятавшиеся в стенах города, окруженного тьмой опустошителей. От сына отец узнал о том, как Габорн использовал силы Земли, чтобы помочь Раджу Ахтену, его воинам и жителям Карриса, чтобы те самостоятельно смогли защититься от опустошителей. Но даже когда Габорн призвал на помощь великого червя, чтобы уничтожить беспощадного мага, предводителя полчищ опустошителей, Радж Ахтен не склонил колено перед Габорном, а наоборот, как собака, попытался устроить Габорну засаду после этой битвы. Габорн хотел было воспользоваться своими силами, чтобы убить Раджа Ахтена, но за подобную дерзость Земля забрала их у него. Селинор сказал, что Габорн теперь по-прежнему может чувствовать, когда опасность угрожает его Избранному, но он больше не может предупредить того, чтобы спасти. Теперь он будет мучиться, зная, что его люди погибают и страдают из-за него.

Пока Селинор держал свою речь, Эрин молчала. Она не доверяла королю Андерсу. Мысли путались в голове из-за недостатка сна, девушка так сильно устала, что сегодняшняя дорога проходила для нее словно в тумане, все казалось нереальным. Все деревья и холмы представлялись словно нарисованными, с неестественно четкими очертаниями, а дневной свет угасал и придавал всему какой-то желтый оттенок. Ее немножко знобило, но она была слишком уставшей, чтобы чувствовать боль или тяжесть, сил не хватало даже на то, чтобы думать.

Пока Селинор докладывал королю Андерсу о своем путешествии, тот ехал с полужакрытыми глазами, склонив голову

и полностью погрузившись в свои мысли. Он будто хотел представить себе сражение, и поэтому пытался вызвать у себя в голове его образ и прочувствовать то, что пережил Селинор. Время от времени король прерывал рассказ и задавал вопросы. Почти все вопросы были незамысловатыми. Например, он спросил:

— Вот это заклинание, брошенное беспощадным магом, ты говоришь, оно выжало из тебя всю воду. Как это?

— Когда оно попало в меня, — отвечал Селинор, — пот градом полился из всех пор, я почувствовал, что мой мочевого пузырь сейчас лопнет, это вызвало жуткое желание немедленно справить нужду. Ручьи пота неустанно стекали по телу. Одежда промокла в считанные секунды.

— И что насчет желания справить пужду? — спросил король Андерс.

— Пришлось сделать это прямо на месте, как обычно, — сказал Селинор. — Сражение было в разгаре, поэтому было не до кустов или каких-то там стеснений. Хуже было то, что я не мог остановить мочеиспускания.

Король Андерс с пониманием кивнул и позволил сыну продолжить.

Рассказ его длился часы. На любой вопрос, заданный королем Андерсом, Селинор отвечал с легкостью — слишком просто, по мнению Эрин.

Она вдруг вспомнила, ведь король Андерс послал сына шпионом в стан Габорна. Но хотя Селинор и говорил, что не доверяет своему отцу и беспокоится, не выжил ли старик из ума и потому избавился от своего собственного провидца, он продолжал играть роль шпиона. И теперь Селинор ничего не утаил. Эрин не была уверена, то ли король Андерс просто ловко умел добиваться пужного ответа — во время их разговора король вел себя спокойно, как обычный дружелюбно настроенный собеседник, всего лишь пытающийся разобраться в ситуации, — то ли у Селинора был слишком длинный язык.

Селинор рассказал все, вплоть до того момента, как Эрин выбрала его своим мужем: так поступали все представительницы рода Флидсов.

— Правда? — отреагировал на новость король Андерс, взглянув назад на Эрин. — Ты женился на ней? Твоя матушка будет в ужасе!

— Почему это? — спросил Селинор.

— Она давно мечтает о большой свадьбе в Южном Парке — чтобы были долгие месяцы подготовки и тысяча приглашенных лордов.

— Мне жаль, что это расстроит ее, — сказал Селинор.

Король Андерс повернулся и тепло улыбнулся Эрин:

— Да нет же, она не будет расстроена. В этом я уверен.

Когда Селинор закончил свой рассказ, король Андерс заинтересовался:

— Ты говоришь, Габорн путешествует с внушительным количеством печатей силы. Сколько их там?

— Пять больших ящиков, — ответил Селинор, — думаю, что отец Габорна похитил их у Раджа Ахтена во время захвата Лонгмота. Каждый ящик несут двое солдат, наделенных рунами силы, ибо ящички весят не менее трех-четырёх сотен фунтов. Как мне кажется, в каждом ящике около четырех тысяч печатей силы.

— Гм... — удивленно хмыкнул король Андерс. — Действительно, это немалое сокровище. — Воины за спиной короля Андерса зашумели, вполне оценив размеры сего богатства.

— Ага, — прокомментировал Селинор, — это хороший куш, но помимо этого есть еще кое-что, что тебе стоит знать. Ты мог слышать, как посредники Габорна день и ночь напролет читают заклинания в Замке Сильварреста, отдавая дары, хотя сам Габорн не хотел принимать ни один из них.

— Не хотел? — спросил король Андерс.

— Он не любит прикосновений печатей силы, — ответил Селинор. — Говорят, он лорд, связанный клятвой.

— Сколько даров он уже принял на себя? — поинтересовался Андерс. Это был глубоко личный вопрос, эти вещи никто никогда не обсуждал на публике, отчасти из-за деликатности вопроса, отчасти потому что это было очень опасно. Эта информация могла быть полезна убийце-наемнику.

— Я не видел его шрамов, — сказал Селинор, — но мне известно, что он потерял свои дары, когда Радж Ахтен уничтожил его Посвященных в Синей Башне. После этого он получил несколько даров в Лонгмоте, но вряд ли их было много — я бы предположил, что где-то порядка пятнадцати — по одному мускульной силы, грации и метаболизма, четыре или пять жизнестойкости, возможно еще немного зрения и слуха. И могу сказать, даров обаяния и голоса он не получал.

Король Андерс понимающе кивнул:

— Что ж, это говорит о нем, как о хорошем человеке. Мне только хотелось, чтобы он стал более мудрым королем. Запомни, Селинор, ни один человек, наделенный властью, не может позволить себе роскошь иметь подобные сомнения.

— Некоторые полагают, что сомнения необходимы, и это отнюдь не роскошь, — возразила Эрин, пожалев о своих словах еще до того, как они слетели с ее уст.

— Они необходимы, — король Андерс развернулся так, чтобы лучше ее видеть и одарил ее радушной улыбкой, — я совершенно не преследовал цели оскорбить Габорна. Он из всех сил старается, пытаясь справиться с очень тяжелой ситуацией. И я считаю, если он любит свой народ, то он обязан принять эти дары. Да, некоторые посвященные погибнут — мы всегда сожалеем о подобной утрате. Но если бы людям Габорна грозила опасность потерять своего короля...

Он вздохнул.

Эрин внимательно всматривалась в его лицо. Внешне ничего не говорило о том, что Андерс собирается убить Габорна и присвоить себе его печати силы, однако Эрин не мог-

ла выбросить из головы подозрения, что подобный план зреет в голове короля.

Король Андерс искоса посмотрел на Эрин:

— Ты не доверяешь мне, не так ли? — Эрин молчала. В ответ на свою реплику король услышал только стук копыт по сухой и пыльной дороге. — Почему же?

Эрин решила не говорить ему правду о том, что она не доверяет ему, ибо даже его собственный сын боялся, что он сошел с ума. Возможно, он сам убил своего провидца, сделать это было в его силах, для того чтобы избавиться от Габорна.

Но даже теперь Эрин до конца не понимала, зачем же король Андерс направляется на юг в Мистаррию. Он говорил, якобы его цель — попытаться остановить войну, которую он сам же начал. Однако король совсем не торопился.

Чтобы нарушить неловкое молчание, Селинор вдруг выпалил:

— Ей снился сон о тебе. Во сне ты был локн.

Король Андерс хотел было тотчас же опровергнуть это утверждение, но, секунду поразмыслив, посмотрел на нее с подозрением:

— Кем был?

— Ей приснился филин из Другого Мира, — продолжил Селинор, — и птица сказала ей, что она должна остерегаться существ, называемых локи, они являются своего рода квинт-эссенцией, сгустком зла. Оно может проникнуть в человека и использовать его, словно свои доспехи.

Король Андерс воздел руки к небу и приказал своим людям остановиться. Он развернул коня и стал пристально смотреть на Эрин, словно пытаясь отыскать подходящий ответ.

— Тебе снился филин?! — спросил король Андерс. — Скажи мне, что это был за филин — какой-то особый вид совы, глуха, например.

За ее спиной послышался сдавленный смех нескольких рыцарей. А один из них даже изобразил уханье совы.

Эрин почувствовала, что начинает краснеть. Она была просто в ярости от того, что Селинор рассказал отцу ее секрет. Девушка никогда и ни за что не стала бы открыто говорить о своем сне.

— Это был филин из Другого Мира,— ответила Эрин,— он сидел в дупле под очень-очень большим деревом.

— И он поведал тебе, что я... локи?

— Нет,— сказала Эрин,— птица не назвала ваше имя. Она лишь предупредила, что локи пришел в наш мир, спрятавшись в теле Темного Победителя, которого убила Мирримма. Я не знаю, вселился ли он в вас или нет, мне лишь известно, что теперь он будет искать хозяина, а вы в последнее время ведете себя странно.

На минуту Эрин показалось, что окружающие восприняли ее слова всерьез, но тут заговорил король Андерс:

— Девочка моя, быть может, в этом твоем сне какая-нибудь жаба или мышка высказалась в мою защиту?

При этом все воины взорвались громким смехом, а Эрин покраснела еще сильнее от гнева. Король позволил им немножко посмеяться, но потом поднял руку, прося тишины.

— Прости меня,— сказал король,— мне не следовало говорить так с женой моего сына. Я не хотел поставить тебя в неловкое положение. Я уверен, этот сон был не из простых...

— Это был не сон,— возразила Эрин,— это было послание, настоящее послание.— На мгновение на лице у Андерса отразилась обида. Стоявший за ним капитан Гантрел закатил глаза.— Маги Раджа Ахтена вызвали Темного Победителя в Мистаррии,— стала объяснять Эрин,— в городе под названием Твинхавен. Они полностью сожгли город вместе со всеми жителями, совершив жертвоприношение темным силам. Они открыли дверь в другую землю и позволили чудовищу пройти через нее. По дороге назад в Каррис мы с Селинором остановились в этом городе. Нас ждали пламенеющие развалины и догорающие останки, лежавшие вокруг

дороги, они образовывали огромный круг. Было ощущение, будто дверь в другую землю еще открыта. Я бросила свой кинжал туда, где были начертаны руны. Пройдя сквозь огонь, клинок исчез из виду. О землю он так и не стукнулся. Тогда мы узнали, что дверь еще не закрылась.

При этих словах воины, окружавшие Эрин, замолчали. Они могли смеяться над ее сном, но только если это действительно был всего лишь сон. Каждый из них когда-то уже слышал о посланиях, и теперь, когда девушка рассказала об обстоятельствах, которые сопутствовали видениям, их веселье прошло и они выглядели скорее напуганными.

— Позднее той же ночью, — сказала Эрин, — мне снилось, будто филин из другого мира держит мой кинжал в клюве. И он предупреждал меня об опасности.

Тут заговорила Ореховая Женщина:

— Это на самом деле было послание, или я не волшебница! Я чувствую это. Могу дать слово, что не филин говорил с тобой. Это был один из Светлейших или даже один из Всеславных. Многие даже в настоящих посланиях выглядят как сновидение.

Эрин задыхнулась от удивления. Возможно ли, что Светлейший или же Всеславный говорили с ней? Для нее это были те, кто существовал лишь в легендах. Они помогали великим людям, таким как Эрден Геборен. Но девушка и представить себе не могла, что один из них станет помогать ей.

— А почему он предстал перед ней в образе филина? — задал вопрос Селинор.

— Потому что филин напоминает нам об Эле, мудром властителе Другого Мира, — ответила Ореховая Женщина. — Возможно, из-за его имени, а может быть, филин был его любимцем. Но прислушайтесь к моим словам, мы все время должны помнить об этом предупреждении!

Долгое время царило молчание. Эрин огляделась. Рядом с ней стояли воины, облаченные в плащи с изображением

ворона, эмблемой Южного Кроутена, и тут ей в голову пришла мысль. Символом короля Андерса был ворон, а филины ненавидят воронов. Они готовы убить их любой ценой, а вороны в ответ нападают на филинов в их гнездах и с рассвета до самого заката терзают их, пока не прикончат.

Не потому ли посланник предстал передо мной в образе филина? подумала Эрин.

— Хорошо, — сказал король Андерс, — предположим, это настоящее послание. Но с чего ты взяла, будто этот... локи, ты так назвала его?... Почему ты боишься, что он решит вселиться именно в меня?

— Миррима, расправившись с Темным Победителем в замке Сильварреста, — ответила Эрин, — освободила его элементаль, огромный и мощный смерч. Он двигался на восток. Бизнесмен говорил, что он все еще способен принести много несчастий.

— Он мог дойти до Кроутена, — заметил король Андерс, тревожно сдвинув брови, — хотя между замком Сильварреста и моим королевством многие мили. И на пути стоит несколько городов — замки Дониз и Эммит, и еще крепость у Красной Скалы. Если то, что ты говоришь, правда, это существо может оказаться где угодно и в ком угодно. Может выбрать тело рыцаря, торговца, прачки. В этих городах десятки тысяч людей.

Однако Эрин подозревала, что локи едва ли понравится жить в теле прачки. Ведь это был Темный Победитель, властитель Другого Мира. И подобный дух, да еще стоящий на стороне зла, непременно будет стремиться к власти. И дело было не только в том, в какую сторону направился вырвавшийся элементаль. Девушка вспомнила о провидце, упавшем со смотровой башни Андерса, и о том, что король настроил своих союзников против Габорна.

Король Андерс довольно долгое время сидел молча, погружившись в свои мысли. Наконец, он вздохнул и обратился к одному из своих воинов:

— Сэр Баннерс, возьмите трех человек и отправляйтесь в Гередон в восточные провинции и общитесь там города. Будьте внимательны к любым признакам присутствия локи — совершенные убийства и кражи. — Андерс на минуту замолчал, задумчиво закусив губу. — Возможно, мне следует поехать самому. Ведь мой дар мог бы помочь мне, и, заглянув людям в души, я смог бы обнаружить локи. Он не сможет спрятаться от меня или Габорна.

— Ты прав при условии, что он до сих пор в Гередоне, — заговорил Селинор, — возможно, он уже здесь в Кроутене. А может быть, проскользнув мимо нас, он сейчас блуждает где-то на востоке.

Король Андерс медленно кивнул:

— Верно. Я мог бы потратить на его поиски многие месяцы. А у меня есть более важные дела, которые требуют решения. Что-то мне подсказывает, искать нам стоит на юге, в Мистаррин.

Итак, Баннерс и его команда отправились на север, а король Андерс устремился на юг. Эрин решила больше не высказывать свои доводы и время от времени обдумывала то, как король Андерс отреагировал на новость о виденном ею послании. Он был спокоен и мягок в выражениях, но девушка видела, как он тяжело дышал, когда говорил, словно контролируя свои слова.

Она наблюдала за ним целый день и заметила, что большую часть времени на его лице сияет добродушная улыбка. Иногда король тихонько смеялся над какими-то пустяками — например, когда солнце выглядывало из-за облака или белка перепрыгивала с лошади Ореховой Женщины на его собственную. Но смех его не был похож на грозный хохот, принадлежавший магу ветра из Инкарры.

И что же хотел сказать ей филин? Что Асгарот был самым коварным из всех локи?

Можно не сомневаться, что хитроумный дух не раскроет себя. Он останется в тени и будет творить зло, находясь под завесой тайны.

Еще кое-что, сказанное королем Андерсом, тревожило Эрин. Локи может быть где и в ком угодно. Возможно, он укрылся в теле Гантрелла или даже Селинора. Несмотря на все знания и догадки, Эрин ни в чем не была уверена.

Эрин хотелось знать больше. Она чувствовала, что ей необходимо поговорить с филином из Другого Мира.

Она боролась со сном уже два дня. После полудня, когда солнце стало спускаться к горизонту, предвещая наступление ночи, во время одной из многих остановок для отдыха лошадей Эрин, уединившись, удобно устроилась под растущим у дороги старым орешником, прислонившись спиной к стволу дерева.

Несмотря на шум и суматоху вокруг нее, девушка вскоре заснула. Проснувшись она в Другом Мире.

Стояла ночь. Эрин оказалась внутри дупла в огромном дереве. Снаружи вспыхивали молнии, в небе слышались раскаты грома, буря завывала в кроне дерева, так что ветви скрипели и сгибались под порывами ветра, и шумно шелестела листва.

Вестер донес до ее уха крики. Чудовищные, похожие на вой волков, крики Темных Победителей. Девушка не сомневалась, это не шторм завывал снаружи.

Эрин уставилась в темноту, пытаясь отыскать какие-то признаки присутствия птицы. Благодаря вспышкам молнии девушка заметила знакомые переплетения сучков и корней, когда-то уже виденные ею внутри дерева. Рядом с гнездом филина лежала кучка костей ланей и других небольших животных, в дальнем углу виднелись ступеньки, минуя раздвоенные корни, они вели вниз в еще одну полость. Над входом было выточено женское лицо, волосы незнакомки ниспадали, с обеих сторон украшая отверстие в тушеле.

Эрин поднялась на несколько ступенек наверх и высунула голову через отверстие наружу. Ветви гигантского дерева раскачивались на ветру, а их тени скрывали небо. Однако вспышки молнии позволили Эрин разглядеть в небе очертания огромной стаи Темных Победителей, похожих на летучих мышей.

Сердце в груди учащенно забилося. Девушка спряталась обратно в дупло. Сбежав по ступенькам вниз, она бросилась в самый дальний угол своего укрытия; миновав проход с резным портретом женщины, который то и дело озаряла сверкавшая молния, она очутилась в укромном месте, куда не мог проникнуть ни один лучик света. Так Эрин наткнулась на еще одну лестницу, ведущую дальше вниз, под землю. Наконец, она оказалась в другом помещении, эхо ее дыхания подсказывало, что стены здесь были сделаны из камня. Девушка не могла разглядеть ничего вокруг.

В полной темноте Эрин остановилась.

Где же филин? подумала она.

Филин, ты здесь? закричала Эрин, не произнося при этом ни слова. *Мне нужна твоя помощь!*

Несколько минут девушка стояла и звала его, но ответа не последовало.

Ей вспомнился тот момент, когда она первый раз увидела птицу. Тогда она сказала, что не хочет больше говорить с ней. Вероятно, филина здесь уже нет.

Возможно, он где-то там, снаружи, подумала Эрин, *сражается с Темными Победителями, или же пытается скрыться от них.*

Или филин где-то рядом, но не рискует говорить с ней, боясь, что враг обнаружит их.

Наконец она услышала его очень тихий голос:

— Да,— сказал филин,— враги окружают тебя, неужели ты не чувствуешь запаха зла? Даже сейчас они где-то рядом с тобой, прислушиваются, чтобы прочесть твои мысли.

Глаза Эрин открылись. Девушка поняла, что проснулась, сердце учащенно билось в груди, она по-прежнему лежала в тени большого орешника. Вдруг листья зашелестели, поднялся ветер.

Неподалеку, у подножия холма, рыцари Кроутена поили своих лошадей в небольшом ручье с островками сочной зеленой травы, торчащей из воды.

Король Андерс и Селинор о чем-то беседовали, но стояло девушке остановить взгляд на них, как Андерс тут же повернул голову в ее сторону. В его взгляде было что-то подозрительное. Возможно, он говорил сейчас о ней?

Селинор тоже посмотрел на нее. Эрин быстро закрыла глаза, притворившись, будто спит. Наблюдавшие отвернулись.

Они говорили о ней, в этом девушка была уверена.

Эрин быстро поднялась и побежала по склону вниз. Всадники отпустили лошадей, и те ходили кругами в поисках сочной зеленой травы. Один жеребец, проходя между Эрин и Селинором, вдруг остановился и какое-то время, не двигаясь с места, неспешно пережевывал траву.

Эрин оказалась за его спиной и услышала, как король Андерс спросил:

— Ты уверен, что во время битвы при Каррисе она не получила удар по голове? Поппмаешь, меня настораживают все эти ее рассказы — не сошла ли она с ума.

— Была такая неразбериха, — ответил Селинор, — повсюду были опустошители. Но я бы заметил, если бы ее ударили по голове. Скорее всего, она сошла с ума еще раньше.

Король Андерс глубоко вздохнул. Схватив кося за поводья, Эрин пригнулась, спрятавшись за ним, как за стеной. Она застыла на месте и слушала.

— Ты не расстроен, что я женился на ней? — поинтересовался Селинор.

— Расстроен? — переспросил Андерс, — Боги, конечно, нет! Ты не мог найти лучшей партии. Она же дочь герцога

Палдана, а это открывает тебе дорогу к трону Мистаррии, а возможно, даже и Гередона.

Ранее этим утром Селинор не говорил о происхождении Эрин. Как представительница рода Флидсов, мать Эрин выбрала мужчину, который лучше всех смог справиться с ролью производителя потомства, однако она при этом никогда не упоминала имени Палдана. Эрин, в свою очередь, поведала имя мужу, но строго запретила называть его кому бы то ни было, принимая во внимание то, как все это может повлиять на и без того запутанную политическую ситуацию в Мистаррии.

Теперь же Селинор разболтал все своему отцу.

Что за человек мужчина, за которого она вышла замуж? задумалась Эрин. Он отправился в Гередон, чтобы шпионить за королем Земли, и к тому же разузнал все, что касается Эрин Коппал и ее родословной. По-видимому, он специально втерся к ней в доверие, рассказав о том, что считает своего отца сумасшедшим.

Теперь стало ясно, что все, о чем она рассказала ему, совсем не тайна. А что, если он специально настраивает ее и своего отца друг против друга?

После продолжительной паузы король Андерс заговорил:

— Я беспокоюсь за твою повоиспеченную жену. Если она и дальше будет продолжать всем рассказывать про свои послания, то ты сам знаешь, что мы должны будем предпринять.

— Сделать ее пленницей? — спросил Селинор.

— Для ее же собственного блага, — ответил Андерс, — и ради блага твоей дочери.

В этот момент у Эрин что-то ёкнуло в животе.

— Моей дочери? — удивился Селинор.

— Да, — подтвердил Андерс. — Когда сегодня утром я говорил с Эрин, я почувствовал не одну ее жизнь, а две, вторую внутри нее. У ребенка, которого она носит, благородный дух. Он станет одним из великих. Мы должны сделать все возможное, чтобы защитить их обоих и проследить, чтобы ребенок родился в положенный срок.

На долгое время повисло молчание, и тут вдруг Эрин заметила тень рядом с лошадыю, это был ее муж.

— Эрин,— сказал он,— ты уже проснулась?

Селинор взял лошадь за поводья. Он стоял и смотрел на нее, оставаясь за спиной у животного. Его взгляд был холодным и суровым. Он знал, она подслушивала их. Девушка понимала, любой неосторожный шаг может привести к тому, что ее закуют в цепи прямо сейчас.

— Да,— ответила она.— Твой отец только что сказал, что у меня будет ребенок? Девочка?

— Да,— широко улыбаясь, ответил король Андерс.— В середине лета ты станешь матерью.

Эрин на секунду задумалась, размышляя над тем, как ей следует поступить и как она может спастись от них. Бежать и драться было бы глупо. Вороны окружали ее со всех сторон. Поэтому она решила действовать осторожно. Она вышла из-за лошади, ласково коснулась подбородка Селинора и поцеловала его в холодные губы.

— Посмотрите только, какой жерсец мне достался,— сказала она.— Нам хватило всего одной ночи в амбаре.— Девушка одарила Селинора широкой улыбкой, тот мгновение пристально смотрел на нее, затем улыбнулся в ответ.

Король Андерс разразился смехом, будто бы тяжелый груз свалился с его плеч:

— Давайте отправляться в путь. Ветер поднимается, думаю, надвигается буря. Нужно постараться добраться до замка у Врат Ворона, прежде чем стемнеет.

Врата Ворона — так называлась огромная древняя крепость на южной границе Кроутена. Сейчас там находились десятки тысяч воинов Андерса, практически вся его армия. И тут Эрин вспомнились слова ее матери об этой крепости: «Глубоко под землей во Вратах Ворона спрятаны темницы, и никто, раз оказавшись в них, не смог сбежать».

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТЬМА СГУЩАЕТСЯ

Месяц Листопада
День пятый

Глава 13

ХОЗЯЙКА

Можешь оставить надежду на то,
чтобы управлять другими до тех пор,
пока не научился владеть собой.

Менделлас Дракен Ордэн

Габорн внимательно изучал путаницу, как вдруг ее стебли резко вытянулись вперед, и огромные стручки, словно челюсти, захлопнулись, не поймав добычу. Даже со всеми своими дарами он не осмелился пройти рядом с хищным растением. И тут Габорн увидел, что путаница схватила Аверан за ногу, обвившись вокруг ее кожаных сапожек. На расстоянии руки от него лежал оброненный Аверан посох. Казалось, крики девочки еще звенят в воздухе, но других ее следов не было.

— Вон там, наверху, — он услышал голос Иом из-за спины, — должно быть то место, где прятался опустошитель, поджидавший Аверан. Ты уверен, что она еще жива?

— Она жива, — ответил Габорн, почувствовав это нутром, — но опустошитель быстро удаляется от нас.

— Даже со всеми ее дарами, — говорила Иом, будто бы смирившись с фактом, — она не смогла спастись. Она получила

дары обоения от болсе дюжны псов. Она знаст дороги опустошителей, умеет разговаривать на их языке. И все равно один из них настиг ее. На что мы еще можем надеяться?

— Опустошители маскируют свои запахи,— сказал Габорн в защиту Аверан.— Я, например, совершенно не чувствую, был здесь опустошитель или нет. И мы ничего не можем поделать.

— Как ты думаешь, куда они забрали ее? — спросила Иом. Габорн покачал головой:

— Я даже не могу... себе представить.— Но при этом он чувствовал, что сейчас смерть ей не грозит, значит, похититель пока не собирался полакомиться своей добычей. Путаница наконец, казалось, успокоилась.

Разбежавшись, Габорн одним прыжком перепрыгнул через хищную тварь. Сделав несколько шагов вперед, он очутился на широком мосту и заглянул в зиявшую под ним бездну. Опаловая брошь не позволила ему увидеть дна расщелины, но до него доносился шум бурлящей реки. А откуда-то сверху постоянно были слышны грохочущие звуки бежавших по своим туннелям опустошителей.

Пока Аверан была жива, но Габорн чувствовал, что смерть приближается к ней. *Опустошитель по какой-то причине хочет доставить ее в свое жилище*, решил он.

Он чувствовал себя потерянным. Ведь он сам завел в эту проклятую дыру Биннесмана и Аверан, чтобы они были его проводниками, и теперь лишился обоих помощников.

— Но возможно ли,— заговорила Иом с надеждой в голосе,— что опустошитель не сможет забрать Аверан? У нее есть дар волшебницы. Вчера ей удалось вызвать Пролагателя Путей и удерживать его несколько часов. Может быть, сейчас она управляет опустошителем.

— Нет, не думаю, что она может контролировать его,— возразил Габорн.— Пролагатель Путей изнемогал от усталости, да и ее посох помог ей. Если бы она управляла той тва-

рю, которая унесла ее, то, думается мне, Аверан заставила бы ее вернуться обратно к нам. Все, что я знаю — это то, что она еще жива, и она единственная, кто может указать нам дорогу. Мы должны найти ее.

Габорн посветил на тропу перед собой. Мост тянулся еще примерно сорок ярдов и заканчивался входом в один из туннелей опустошителей. Стены были покрыты слизью, а верхняя часть поддерживалась колоннами, похожими на кости.

— Я могу выследить Аверан. Ее запах здесь повсюду.

Какое-то мгновение он стоял неподвижно, колеблясь.

— Что не так? — спросила Иом.

— Думаю, нам предстоит долгие поиски, в конце которых нас ждет битва, — ответил Габорн и повернулся к Иом. Она стояла на противоположной стороне, там, где хозяйничала путаница.

— Возьми посох Аверан, он поможет тебе перепрыгнуть, — сказал Габорн.

Иом потребовалась минута, чтобы набраться смелости, потом она встала повыше, воспользовавшись камнем как ступенькой, и прыгнула. Ее дары позволили ей взлететь на пятнадцать футов в высоту и преодолеть расстояние в восемьдесят футов.

Тогда они оба отправились в путь. Они не шли и даже не бежали. Габорн стремительно неся вперед, и Иом не отставала от него.

Недавно принятая пища взбодрила его дух и укрепила разум, как хороший званый ужин. Беспокойство о судьбе Аверан не покинуло его, но еда словно слегка рассеяла туман, окутавший его.

Пробираться по туннелю опустошителя было непросто. Габорн понял, что едва он стал двигаться быстрее, с его телом стали происходить странные вещи. Он чувствовал, что бежит не быстрее, чем обычно, однако с легкостью огибать острые

углы у него не получалось, его постоянно заносило. Габорн словно ехал верхом на коне, отмеченном рунами силы.

Ему также приходилось следить за тем, чтобы выбирать не очень каменистую или не слишком неровную дорогу, чтобы не упасть или случайно не вывихнуть лодыжку, споткнувшись о камень, несмотря на то что тропа изобилвала растениями. Червь-трава здесь соперничала с плесенью за место на скалистых сводах. С потолка свисали ветви, больше похожие на корни, желтые и белые стебли-усики каскадом тянулись вниз, словно заледеневшие струи водопада. Порой они преграждали путь, образуя своего рода занавес, однако недавно промчавшийся сквозь природную завесу огромный опустошитель полностью расчистил дорогу. Отовсюду сочилась вода, отчего в пещере было влажно и сыро. Рядом с водой поверхность стен пещеры покрывали заросли похожего на волосы черного мха с выступившими на нем капельками желтого растительного сока; тут же по соседству расположились каучуковые растения, выпустив крошечные коричневые побеги-стручки размером с вишню. Габорн отметил про себя, что идти среди этих зарослей нужно очень осторожно. Мох был весьма скользким, а в побегах можно было запутаться.

Ко всему прочему в пещере было очень темно. Яркого света, исходящего от опалов, было достаточно, когда они стояли неподвижно. Однако при беге со скоростью пятьдесят миль в час Габорн постоянно был вынужден быть начеку, следить за тем, куда он ставит ногу, или когда нужно прыгнуть, чтобы не оказаться в зарослях путаницы. А самое главное, он все время должен был быть готов к новым опасностям.

Ни один раз, мчась вперед сломя голову, он не замечал перед собой медленно ползущую гусеницу, живущую в расщелинах, или гигантского краба-слепа, и в самый последний момент ему приходилось перепрыгивать через них.

Но несмотря на дары зрения, он должен был, щурясь, вглядываться в темноту и сильно напрягать глаза, чтобы что-то увидеть.

Вдруг Габорну показалось, будто он выигрывает гошку и Аверан уже примерно в миле от него. Но в следующий момент, завернув за угол, они с Иом оказались перед огромным камнем, преграждавшим им дорогу.

Опустошители соорудили дверь. Создавалось такое впечатление, будто дверь была высечена прямо в скале и держалась она на каменных петлях, крепившихся к потолку. Фигурка в центре двери, казалось, вдавалась внутрь фута на три. Габорн попробовал толкнуть дверь, но она не поддавалась.

Разочарованный, он постучал в нее, но за дверью было тихо, и они с Иом решили действовать. Найдя поблизости несколько подходящих каменных осколков, они стали копать у основания двери, этот процесс занял несколько часов.

Когда они смогли продолжить свой путь, Габорн чувствовал себя изнуренным, а Аверан была уже далеко-далеко от них.

Здесь в пещере не было ни солнца, ни луны — ничто не отмечало течение времени. Лишь свет от опалов гнал прочь беспроглядную мглу, но она снова возвращалась по мере того, как они двигались дальше.

Извилистая дорога вела их по туннелям, проделанным в мягкой породе скал, огибая непреодолимые каменные глыбы, иногда вдруг резко меняя направление по причинам, понятным лишь опустошителям.

Однако тропа все время вела вниз.

Габорн отмерял время, считая то свои шаги, то количество вдохов и выдохов, то струйки пота, бегущие по щекам. Чем дальше, тем воздух становился все более влажным и жарким.

Время от времени они натыкались на второстепенные туннели или шахты, ведущие куда-то наверх, словно дымоходы. Каждый раз Габорн останавливался возле них и внимательно принюхивался, пытаясь уловить запах Аверан.

Они мало разговаривали. Габорн был наедине со своими мыслями, его интересовала книга, которую взяла с собой Иом: том Эрден Геборена.

Действительно ли он искал Великую Истинную Хозяйку? А если так, то кто она?

Два дня назад, когда Аверан впервые произнесла ее имя, Биннесман зашел в тупик. Он спросил тогда: «Ты знаешь наверняка, что она опустошитель?»

Аверан была уверена. Однако Габорн все еще сомневался. Кто такие на самом деле локи? Он чувствовал, дар предвидения, данный ему Землей, теперь подводил его. Биннесман утверждал, будто это из-за того, что тот задавал неверные вопросы. Вероятно, знай Габорн лучше своего врага, он понял бы, как ему противостоять.

Он решил, что книга поможет раскрыть некоторые тайны, но Иом не могла бежать и читать одновременно.

Они очутились в туннеле, который круто уходил вниз, и заметили, что папоротник перестал щекотать стопы, он был притоптан. Земля была в ужасном состоянии. Опустошители часто использовали эту тропу.

Еще одна дверь преградила им путь.

Габорн решил сделать остановку:

— Пока я буду разбираться с дверью, тебе нужно что-нибудь поесть. А потом, если будет минутка, я бы хотел, чтобы ты мне почитала.

Он порылся в рюкзаке и достал оттуда пару яблок и флягу с водой. Надкусив яблоко, Габорн подобрал первый попавшийся камень и стал долбить дверь.

Справившись со своим яблоком, Иом присела и стала читать. Алницийский был языком не из легких, Габорн знал это. Уже сотни лет на нем никто не говорил, и большинство ученых были знакомы с самым поздним вариантом языка, однако Эрден Геборен писал свой труд, когда язык еще был в употреблении. Поэтому его орфография, лексика и грамматика значительно отличались от теперешних норм.

Иом открыла книгу и стала рассматривать ее.

— Если найдешь что-нибудь интересное, дай мне знать,— сказал Габорн.

Все еще тяжело дыша после длинной пробежки, Иом принялась рассказывать:

— Эрден Геборен сначала в нескольких предложениях описывает свою жизнь. Он был свинопасом на Холмах Смерти, пока Дух Земли не призвал его. Затем он говорит о том, как познакомился с волшебником Сендавнаном, который провел его и Дайлана Бойню — вероятно, так его звали, когда он еще не получил Черный Молот,— по «дорогам из воздуха и зеленого пламени» в Другую Землю.

Все это было описано в легендах. Но Иом не упускала деталей. Она продолжала:

— Когда он повел рассказ о своем пребывании в Другом Мире, манера его повествования изменилась. Он стал придумывать подзаголовки к главам рассказа.

— Поищи что-нибудь о локи,— попросил Габорн.

Иом молча пробежала глазами по названиям глав, наконец, пролистав около дюжины страниц, она стала читать:

— Вот здесь что-то похожее: «О встрече с локи». Я попытаюсь перевести это на современный язык:

«Локи были очень страшными существами. Светлейшие обычно держали их в заточении, спрятав от всех в зеленом болоте в узкой и глубокой расщелине. Туда было очень сложно добраться. Когда мы приблизились, твари отчаянно били крыльями о решетки своей тюрьмы. Крылья покрывали черные перья, а размах их составлял футов тридцать. Чудище походило на человека с коренастыми ножками и длинными руками с жуткими когтями. Черная мгла окружала тварь, не позволяя глазу разглядеть что бы то ни было. Я прищурился, но не смог увидеть, что скрывается в недрах клетки. Находившееся внутри существо словно бы поглощало весь свет вокруг, или, быть может, оно призвало на помощь ночь, и она укрыла свет своим плащом. Небольшие воздушные воронки

закручивались около него, донося до нас запах гнили. Хорошо рассмотреть локи мне не удалось, остался лишь размытый образ, острые клыки, жуткие когти и свирепый взгляд».

Иом остановилась взволнованная.

Габорн заговорил:

— Эрден Геборн описывает Темного Повелителя, не так ли?

От одного упоминания имени опустошителя Иом вздрогнула:

— Возможно,— ответила она,— или мы ошибаемся. Может быть, это разные существа,— и она снова стала читать:

«Решетки клетки были сделаны из почерневшего железа. У основания клетки сверкали фиолетовым светом начертанные по окружности руны, а сверху красовалась корона.

Я подошел поближе и почувствовал, что это существо овладевает мной. Мне приходилось прилагать очень много сил, чтобы разглядеть его, но я подходил все ближе. И чем ближе я был, тем темнее становилось вокруг, и это все больше мешало мне видеть что-либо.

Я еще не совсем приблизился к нему, когда мне вдруг стало казаться, будто со мной говорят Светлейшие: нет, не говорят, а кричат мне что-то. Но я не слышу их. Голоса еле слышны, словно они зовут меня, находясь где-то в тысячах миль от этого места. А слышал я лишь зов чудовища, подготавлившего меня:

— Иди, иди ко мне!

Тут я увидел дверь в клетке. Но я не заметил там...»,— Иом сделала паузу:

— Думаю, здесь должно быть слово «замок»,— девушка продолжила чтение:

«Все выглядело так, будто дверь должна открыться сама, стоит ее коснуться кончиками пальцев, но все же служитель тьмы не мог открыть ее.

Я подошел еще ближе, тварь ждала. Монстр с дикой яростью бился крыльями о стенки клетки, устремив на меня свой каменный взор.

— Открой дверь, — слышался его шепот, — открой ее. — Где-то очень далеко Светлейшие звали меня, но их слова, — девушка на мгновение задумалась, желая лучше передать смысл написанного, — «были бессмысленны», — тут сказано так. Но я полагаю, он имеет в виду, что «он просто не понимал их». — «Я и не думал открывать дверь, я хотел лишь попробовать, лишь коснуться ворот. И я уже собрался было это сделать, как появился Дэйлан и схватил меня. Он стал кричать мне прямо в ухо, но я не мог его понять, его слова были мне не понятны. Он оттащил меня от клетки, швырнул на землю и, стоя надо мной, продолжал говорить что-то нечленораздельное.

Гнев локи обрушился на меня словно удар грома, и, казалось, будто небеса прогрохотали твари в ответ:

— Я вижу тебя, Король Мира Теней! Мне следовало хорошенько почистить твой мир и избавиться от ненужной в нем шелухи.

Всем нутром я ощутил ненависть слуги, она витала в воздухе, став практически осязаемой, словно смрад покойника. Какие-то слова, обращенные ко мне Дейланом, я еще мог различить:

— Ты нас слышишь? — кричал Дэйлан. — Разве ты не слышишь меня? — его лицо покраснело от волнения, и слезы...», — я думаю, здесь должно быть слово «разочарования», — «наполнили его глаза.

— Я тебя не слышу, — ответил я, приходя в себя.

И тут вдруг голос Фэла ясно и отчетливо прозвучал в моей голове:

— Берегись Асгарота. Он самый коварный из детей матери всех локи, Великой Истинной Хозяйки Зла».

Габорн вскрикнул, больно ударив камнем по руке. Зеленый свет его опала осветил лицо Иом, когда он обернулся к ней. Но закричал он не от боли:

— Великая Истинная Хозяйка,— произнес он,— я считал, что она Великая Истинная Хозяйка всех опустошителей, или что-то подобное, но не...

— Не всего зла? — помогла Иом.

Тут Габорн почувствовал, что голова у него идет кругом. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с врагом, которого страшились и Светлейшие, и Всеславные. И теперь стало совсем не удивительно, что они решили сражаться вместе с Эрденем Гебореном.

Иом продолжила чтение:

«Фэл много чего говорил мне, эти слова я слушал сердцем. И я понял, если я дотронусь до этой двери, попытаюсь открыть ее, то мне не хватит сил, чтобы сделать это. Дверь охраняли весьма сильные руны, и обычному человеку, вроде меня, было не под силу совладать с ними. Однако если бы я попытался, то мог бы открыть другую дверь — дверь в моем сердце.

— И тогда Асгарот мог бы завладеть тобой,— сказал Фэл,— и его желания стали бы твоими. Он поглотил бы тебя, как тьма, которая заполняет все впадины на земле.

Тут мной овладел неопиcуемый страх. Меня стало трясти, и я едва стоял на ногах.

— Локи — это не та тварь, которую ты видишь перед собой,— снова обратился ко мне Фэл.— Темный победитель может состариться и умереть, но тьма внутри него — бессмертна. Когда Темный Победитель погибает, его сущность продолжает жить, устремляясь на поиски новой оболочки для себя. Поэтому мы заточили Асгарота в клетку и не пытались уничтожить его. Мы потеряли многих Всеславных, пытаясь доставить его сюда. Тысячи раз Асгарот помогал захватить тысячи миров, где правит тьма»,— Иом остановилась на минуту и добавила:

— Эрдену Геборену не нравится слово «захватить», он зачеркивает его, заменяя на «уничтожить» или «завладеть» или «взять в плен»,— после чего она снова взялась за чтение:

«И до тех пор, пока мы держим его здесь, он не сможет причинить большого вреда», — Иом закрыла книгу и молча сидела какое-то время. На лице выступили капельки пота, одежда прилипла к ней, словно бумага:

— Ты думаешь, маг Радж Ахтена был тем, кто освободил Темного Победителя?

Габорн вытер рукавом пот со лба. Из-за постоянной погоны, растущей жары Король Земли чувствовал себя мокрым и грязным. Он мечтал о том, чтобы помыться. Он видел, как маг прошел через пылающие ворота в Твинхавене и вышел оттуда лишь через некоторое время. Было ли у него достаточно времени, чтобы сломать клетку? Или же он только встретил монстра, после того как кто-то на той стороне помог твари освободиться?

Его звали Асгарот. Возможно ли, что тот, кого две тысячи лет назад описал Эрден Геборен, был тем, кто преследовал Иом в замке Сильварреста всего неделю назад?

Габорн был практически уверен, что это был он. Тогда тварь появилась, окруженная облаком тьмы и вихрями ветра, она вобрала в себя весь свет, и почь словно плащом накрыла небо. Гремел гром и сверкали молнии, а Асгарот все приближался. Казалось, он говорил с самим громом.

— Что ж, — сказал Габорн, — похоже, ты нашла себе достойного противника.

— Я не хотела драться, — ответила Иом. — Это он охотился за мной.

Габорн усмехнулся, надеясь тем самым немного успокоить ее.

— Постой, — прошептала она. — Он охотился не за мной, он приходил за нашим сыном, за ребенком, которого я ношу.

— Почему? — задал вопрос Габорн. Король Земли почувствовал смятение, но теперь он был уверен: Темному Победителю пужен был его сын, и чем дальше Габорн размышлял, тем сильнее и острее он понимал, что его ребенку грозит опасность.

— Темный Победитель не жаждет избавиться от ребенка,— Иом будто бы говорила сама с собой.— Ведь косолапый мальчик был со мной, однако Темному Победителю не нужна *его* жизнь. Подожди.— На Иом не было лица. Положив руки на живот, она словно онемела.— Подожди!

— Что такое? — спросил Габорн.

— Темный Победитель,— начала она,— или локн, живущий внутри него, он не собирался *убивать* малыша. Он всего лишь просил о нем. Он требовал его.

— Что ты хочешь этим сказать? — непонимающе произнес Габорн.

— Я думаю, он хотел завладеть ребенком,— ответила Иом,— завладеть им в качестве укрытия, новой оболочки!

— Именно,— начал Габорн,— Темный Победитель выбрался из Другого Мира. Вероятно, теперь он также обеспокоен, что враги станут искать его. Поэтому ему нужно место, чтобы спрятаться. И что может быть безопаснее, чем утроба матери?

Озвучив опасения Иом, Габорн словно придал им силы и важности. Иом заплакала. Она бережно накрыла лиз живота манускриптом Эрдепа Геборена.

— Я тоже думаю, где этот монстр сейчас,— произнес Габорн.— Но благодаря дару зрения Земли я могу видеть душу ребенка. В ней нет тьмы. Твой малыш такой же, как все остальные, он жив, только еще не сформировался до конца. Я не чувствую зла или какой-то беды.

Иом дрожала от страха, когда Габорн обнял ее. Она уставилась в темноту отсутствующим взглядом.

Габорн спросил Иом:

— Сколько тебе потребуется, чтобы перевести оставшуюся часть книги Эрдепа Геборена?

— Не знаю,— ответила Иом,— дело идет достаточно медленно. Возможно, за неделю я справлюсь.

— Но мне не нужна книга целиком,— сказал Габорн,— мне интересны те части, где он говорит о локи и о Великой Истинной Хозяйке.

Габорн опустошил свою фляжку. В ней была вода, которую они набрали еще из водоемов у Врат Бездны, обогащенная минералами, она имела особый привкус. Король Земли сделал большой глоток и присел. Вокруг стояла абсолютная тишина, причем настолько всепоглощающая, что, казалось, она проникала повсюду. Грохот от передвижения опустошителя, доносившийся откуда-то издалека, теперь стих. Габорн услышал его впервые, когда изучал место, откуда похитили Аверан. Когда же эти звуки прекратились?

На поверхности никогда не бывает настолько тихо. Всегда что-то мешает: то щебетание птиц, то дуновение ветра среди крон деревьев, то блеяние овец, пасущихся на дальнем лугу. Здесь же не было ничего.

Он был в смятении. Ему казалось, будто земля над ним увеличивается в размерах и что небеса из камня и железа сейчас обрушатся на него. Во рту стоял не проходящий привкус минералов.

Кажется, собирается гроза, подумал Габорн. Первое, что пришло сейчас ему в голову, это картина, когда летним вечером воздух становится тяжелым и синевато-серые тучи сгущаются на горизонте. Все живые существа затихают и прячутся в своих убежищах. Даже мухи перестают жужжать.

Подобная тишина стояла теперь, только она была еще пронзительнее. Она словно проникала под кожу, отчего на тыльной стороне рук он ощущал легкое покалывание. Непроходимая тьма окружала его, он все никак не мог понять, откуда она взялась.

Мы в пустыне, вдруг понял Габорн, *очень-очень далеко от людских поселений.*

Он обратился к предчувствиям Земли и, тяжело вздохнув, посмотрел на Иом:

— Аверан все еще куда-то двигается. Полагаю, мы пробежали сотню миль так быстро, как только могли, но Земля говорит мне, что Аверан все еще далеко впереди нас, — Габорн остановился, словно подбирая нужные слова. — Думаю, нас ждет еще не один опустошитель, прежде чем мы встретимся с ней. Я чувствую опасность. — Он не сказал ей, насколько была велика опасность. Он даже не мог выразить этого. Между ними и Аверан словно бы стояла стена, стена смерти. Возможно, Габорну удастся справиться с ней, но сможет ли Иом?

В полном отчаянии Иом покачала головой.

Габорн еще некоторое время продолжал время от времени с силой бить в дверь.

Когда он устал, Иом стала работать за него, а сам Габорн занялся починкой туфель, после чего решил поменять износившуюся кожу на старинном копье Эрден Геборена.

Сделав несколько ударов по стене, Иом вдруг просияла. Она вздохнула и кивнула, указав на путь вниз по туннелю:

— Они там, поджидают нас, не так ли — опустошители? Я вижу, это написано у тебя на лице.

— Да, — ответил Габорн.

— Что ж, тогда — сказала Иом, поднявшись на ноги и опершись на посох Аверан, — вперед, давай устроим им неприятности.

Глава 14

ПРИНОСЯЩАЯ СВЕТ

После семнадцати лет этой войны в Подземном Мире вы, наверное, думаете, что мои вонны жаждут свежего воздуха, чистой воды, хорошей еды или женской ласки. Но нет, не этого, теперь я понял, насколько отчаянно человек может жаждать света.

Фаллион Справедливый, записки о войне Тот

Посланник Теней с грохотом промчался по Подземному Миру. Аверан то и дело теряла сознание, изо всех сил пытаясь дышать.

Девочка открыла глаза. Вокруг в туннеле висел туман. Пятна слизи начали разъедать поверхность. Тсни от извилистых сталагмитов, похожих на гигантов причудливой формы, расползались повсюду, освещаемые светом от опала Аверан, но немного подальше они снова пропадали в крошечной темноте.

Опустошитель крепко держал ее в лапах, чтобы не дать возможности ускользнуть, как когда-то она — еще совсем

маленькая — сжимала ящериц и лягушек. И чем сильнее она старалась выбраться, тем сильнее чудовище сжимало ее.

Устав сопротивляться, Аверан провалилась в сон, пока сильный толчок не разбудил ее. Посланник Теней только что прыгнул с пятидесятифутовой отвесной скалы и теперь мчался сквозь лабиринт из сталагмитов. Во время прыжка монстр сильнее прижал девочку к груди.

Он не хочет убить меня, вдруг поняла она. Он пытается сохранить мне жизнь. Лучшее, что я могу сделать, это не сопротивляться.

Девочка была не совсем уверена, что чудовище будет обращаться с ней достаточно бережно, чтобы она смогла выжить. Кожа его огромных лап была толстой и шершавой, словно чешуя. А три широких пальца обхватили Аверан, зажав ее тело от плеча до самых пяток. При каждом шаге девочку сильно потряхивало. Аверан чувствовала, что после этой прогулки у нее наверняка останутся синяки и ушибы.

Бессильная перед монстром, Аверан с изумлением наблюдала за происходящим вокруг. Она понятия не имела, как долго Посланник Теней уже нес ее, но двигался он с ужасающей скоростью.

Складка на лапе опустошителя сдавливала Аверан ребра. Она была не уверена, стоит ли ей пытаться высвободиться, боясь, что тот сожмет ее еще сильнее.

Девочка могла сделать только одну вещь. Она очистила свой разум от посторонних мыслей, как учил Бизнесман, и представила себе Посланника Теней. В ее воображении у него была большая голова в форме лонаты, такой она увидела ее, когда тот появился из воды. Девочка представила, как щупальце чудовища дрожало при виде своей добычи. Она почувствовала то же, что чувствовал опустошитель, когда ступил на каменистый пол туннеля, и его мысль о цели всей этой гонки стала для нее почти осязаемой. Вдруг в голове у нее

что-то будто повернулось, и девочка увидела мир «глазами» опустошителя.

Монстр улавливал электрические волны, исходившие от камней, это были синие полупрозрачные видения, они словно туман распространялись повсюду. Растения и животные вдоль дороги были ярче остальной живности в туннеле. Крабы-слепцы разбегались в разные стороны с дороги, сверкая, будто искорки в поле зрения опустошителя.

Впереди дорога была отмечена запахом прежнего опустошителя. Однако даже если бы запаха не было, Посланник Теней все равно прекрасно знал о нем. Ведь он охотился здесь большую часть своей жизни.

— Куда ты меня несешь? — спросила Аверан.

Посланник Теней вдруг резко остановился. Он поднял Аверан вверх, чтобы посмотреть на нее поближе, и зашевелил щупальцем.

— Ты можешь разговаривать? — удивился он. Девочка почувствовала некоторое волнение в голосе монстра. — Или я просто червь, которому снится сон?

— Да, я умею разговаривать, — ответила Аверан.

И тут уже услышала следующий вопрос:

— Так люди разговаривают между собой?

— Нет, — заговорила Аверан, — я волшебница, я оберегаю Землю. Я могу читать твои мысли. Однако большинство людей не умеют так общаться.

В памяти Посланника Теней неожиданно всплыло прошлое. Среди опустошителей был некий Хранитель Земли. Один из предков Посланника победил этого волшебника в жестоком бою, а позднее Посланник съел мозг своего предшественника.

— Твой дед убил Хранителя Земли! — крикнула Аверан. — Я прочитала это в твоих мыслях.

— Великая Истинная Хозяйка приказала уничтожить его.

Аверан увидела обрывки битвы, замелькавшие в голове Посланника Теней. Дед Посланника подкрался сзади, набросился на волшебника и сбил его с ног. Хранитель Земли беспомощно упал на землю, и в это время нападавший безжалостно ударил волшебника по голове, разбив череп, но оставив его в живых. Убийца мучил волшебника до самого конца, выковыривая мозг еще у живой жертвы.

— Это ужасно,— произнесла Аверан.

— Горд — мой предок, ему поручили исполнить этот долг,— ответил Посланник Теней.

Монстр говорил напыщенно, но Аверан заметила, что он пытается скрыть, прогнать прочь неприятные мысли. Воспоминания Хранителя Земли жили внутри него.

Да, Посланник Теней жаждал человеческой плоти. И все же он был способен чувствовать то, что было недоступно другим опустошителям. Люди тоже являются детьми Земли, и их Создатель любит их. Для Земли они такие же существа, как опустошители и крабы-слепцы, как черви и щекочущий папоротник.

— Куда ты меня несешь? — снова задала вопрос Аверан.

— В место, где содержат людей,— ответил Посланник Теней. И вдруг в памяти монстра всплыл резкий отвратительный запах, исходивший от кучи грязных людей, загнанных в темную пещеру, и стойкая вонь мочи и фекалий, заполнявшая место заточения. Владелец также был известен. Эта пещера принадлежала Великой Истинной Хозяйке, там она испытывала на людях новые заклинания. Ужас охватил Аверан.

— Твоя госпожа убьет меня,— сказала Аверан.

— Да, в свое время,— кивнул Посланник Теней.

— Пожалуйста,— взмолилась Аверан,— отпусти меня. Тебе знакома сила Духа Земли. Ты же знаешь, я не собираюсь причинить тебе вред.

Я не должен никому говорить об этом человеческом существе, подумал про себя Посланник Теней. Другие решат, что я червь, которому что-то привиделось во сне.

Тут Аверан внезапно почувствовала, словно между ней и Посланником Теней появилась преграда. Как тот вор, который украл у нее лошадь в Фелдоншире, он резко оттолкнул ее, порвав тоненькую нить, ненадолго связавшую их.

Огромный опустошитель снова помчался по Подземному Миру сквозь туннель, заполненный туманом. Он так крепко держал Аверан, что она едва могла дышать. Девочка попыталась сосредоточиться и вернуть внимание своего похитителя, чтобы попросить не сжимать ее так сильно, однако без посоха она была практически бессильна.

Аверан снился огонь — медленно догорающие угли, краснеющие у самого основания костра, и алые языки пламени, словно огненные ящерицы в Джебане, все время пытавшиеся укусь или лизнуть ее, оставляя ссадины на коже.

Когда Аверан в очередной раз проснулась, а это происходило постоянно, пока она была крепко зажата в лапах Посланника Теней, то увидела, что они мчатся на головокружительной скорости, то и дело исчезая в черных глубинах Подземного Мира, а затем снова оказываясь в ярких и извилистых туннелях, проносясь мимо грохочущих и ревущих водных потоков, илистых луж и костей неизвестных жителей Подземного Мира.

Девочка внезапно очнулась от сна, длившегося, как ей показалось, несколько дней, и поняла, что Посланник Теней остановился и говорит с другими опустошителями. Это был боевой отряд из двадцати семи солдат. Их вел старый сидящий ветеран по имени Кровавый Охотник.

— Спрячьтесь, — предупредил Посланник Теней, передав послание через определенный запах. — Устройте засаду. Убийцы преследуют нас, они охотятся на Великую Истинную Хозяйку. Одного из них я поймал, но другие все еще идут по следу.

— Я не подумаю прятаться, — заявил Кровавый Охотник, сопроводив ответ зловонием. — Великая Истинная Хозяйка

подарила нам руны силы. У меня их много, теперь я даже сильнее тебя.

Аверан не пришлось заглядывать в мысли своего похитителя, чтобы узнать, о чем он думал. Она знала это и так. Кровавый Охотник был высокомерным воином, даже теперь он поднял свой хвост выше, чем Посланник Тепей, в знак того, что надеется получить право на размножение. Его щупальца восторженно дрожали, и все до единой мышца были сильно напряжены.

Посланник Тепей уже долгое время имел славу жестокого и свирепого опустошителя, и никто не осмеливался бросить ему вызов. Теперь же Кровавый Охотник решил, будто он равен ему и готов побороться.

— Возможно, ты и сильнее, — сказал Посланник Тепей, — но убийцы, преследующие нас, ничуть не слабее. Уничтожь их и докажи, что можешь сразиться со мной.

От злости и готовности к бою огромные лапы опустошителя невольно сильно сжали Аверан. Лапы сомкнулись так крепко, что Аверан не могла дышать. Девочка сопротивлялась, пытаясь сделать вдох, до тех пор, пока не потеряла сознание.

Следующий раз она очнулась, когда, казалось, прошло несколько часов. Посланник Тепей был занят трапезой. Оторвав голову огромного краба-слепа, прозванного «крокодилом», опустошитель вылизывал языком внутренности животного. Аверан лежала на полу, по-видимому, похититель на время забыл о ней.

Плохо понимая, где она находится, девочка отправилась навстречу неизведанному миру, то ли во сне, то ли наяву. Она представляла, что бродит по пустой серой равнине, бесформенной и бесконечной. Поверхность была плоской, без каких-то особых примет, под ногами была лишь потрескавшаяся глинистая земля, будто из-за непрекращающейся засухи.

Во сне Аверан воздела вверх посох, и земля задрожала. Тут девочка увидела, как из камней и глины сформировался

круг, а в нем появилась неизвестная и загадочная руна, где-то в сто ярдов величиной. Вокруг нее из глины стали появляться разные существа. Прямо у ног девочки из камней вдруг появился крошечный олененок ростом всего два фута. Олененок лежал на боку с открытым ртом, закинув назад голову. Сначала его очертания были не очень четкими и немного грубоватыми, какое-то довольно бесформенное существо, которое смог бы создать даже ребенок. Но через несколько мгновений образ стал намного более очерченным и завершенным, словно превратившись теперь в творение руки невидимого скульптора. Внезапно, когда олененок уже начал казаться Аверан безупречным, он зашевелился и задержался, словно малыш, первый раз пытающийся встать на ноги. Он приподнялся на коленях и с усилием встал, а затем серая фигурка животного вдруг приобрела цвет — рыжевато-коричневый окрас с белым пятнышком на шее, получившие цвет глаза стали живыми и теперь сверкали в солнечных лучах. В следующий миг животное ускало прочь, скользнув мимо Аверан.

И так же внезапно, как перед ней появился олененок, девочка посмотрела вокруг и увидела, что происходит у нее на глазах внутри этой большой руны. Появились маленькие свинки, дико визжащие от восторга. В дальнем углу затрубили в хоботы слоны, а прямо под ногами извивались змеи. Стайка крошечных голубей, размером не больше бабочек, замахали крыльями, словно собираясь отправиться в долгое путешествие в горы. Аверан постепенно стала замечать повсюду прыгающих лягушек, извивающихся рыбок, яркие пятна бабочек, опустошителей и китов.

Удивленная всем происходящим, девочка бродила по земле, изучая неизвестную руну, пытаясь разгадать и усовершенствовать ее.

Ах, как бы мне хотелось самой создать такую руну, подумала она.

Потом она вдруг снова стала опасаться всего того, что ее окружало. Открыв глаза, Аверан попыталась нащупать свой посох. Но рядом его не оказалось, Посланник Теней был занят трапезой.

Аверан решила добраться до посоха.

Она украдкой стала осматриваться вокруг. К счастью, белый опал в ее кольцо по-прежнему излучал свет, что позволило девочке увидеть, что опустошитель зашел очень далеко, в самое сердце Подземного Мира. Туннель, в котором они теперь находились, изменился. Из-за удушливой жары и высокой влажности воздух стал спертым, а мелкая, похожая на шерсть растительность, такая же серая и густая, как шкура волка, покрывала пол в туннеле. Червь-трава и пушистый палоротник сражались между собой за место на стенах, а с потолка свисали корнеобразные стебли причудливых растений. На полу были разбросаны сломанные панцири крабов-слепцов и круглые раковины слоновых улиток. Несколько в отдалении Аверан заметила более занятную деталь — странные кристаллические стержни торчали рядом со стеной, преграждая путь в близлежащую пещеру. Стержни были прозрачными, словно кварц, практически все достигали восьми-девяти футов в высоту. Все стержни походили на полые трубки, а на конце имели зазубрины. Они были знакомы Аверан, она видела их в воспоминаниях опустошителя: это пристанища плотоедов.

Каждая трубка представляла собой кокон, сплетенный особью, ожидавшей потомство, matka этих существ выглядела как обычный краб, невероятно растянутый в длину. Сделав кокон, она заползала внутрь и умирала там. Когда внутри ее тела из яиц появлялись новые особи, то они съедали мать для того, чтобы освободиться и выйти из утробы паружу. Молодняк размером не больше блохи использовал трубки плотоедов в качестве своего логова.

Они подползали к краю трубки и ждали там, пока кто-нибудь не коснется ее — опустошитель, краб-слепец или ядо-

витый краб, это не имело значения. Любое существо становилось добычей.

Плотоеды проникали внутрь своих жертв. По кровеносным сосудам они попадали к внутренним органам и начинали поедать их.

Опустошители боялись трубок плотоедов. И если их трубки появлялись в туннелях, то они нередко зарывали такой проход и делали новый путь.

Поэтому туннель, в котором находилась сейчас Аверан, был небезопасным. Количество растений, свисавших с потолка, и тех, которые росли из земли, говорило о том, что опустошители давно не появлялись здесь. Однако Посланник Теней часто выбирал опасную дорогу.

Я бы могла добежать до трубок плотоедов и спрятаться между ними, подумала Аверан. Если я буду держаться подальше от острых концов кристаллических стержней, эти твари мне не страшны.

Однако девочка не решилась на подобный риск. Тем более когда Посланник Теней наблюдал за ней. Вместо этого она собрала все свои силы и сконцентрировалась на Посланнике Теней, чтобы узнать, о чем он думает, чтобы почувствовать то, что он чувствует.

Мне нужно съесть это человеческое существо, размышлял Посланник Теней, никто не может мне запретить этого удовольствия. Она маленькая и бесполезная.

Но тут же в его голове зазвучал другой голос, словно какой-то незнакомец вдруг заговорил с ним:

Всякое существо, произведенное на свет Землей, полезно, особенно то, которое сейчас рядом с тобой. Она не просто ее творение, она защитник Земли.

Я просто червь, которому снится сон, сказал опустошитель сам себе.

Посланник Теней крепко схватил Аверан, прижал к груди и побежал, держась края туннеля, чтобы случайно не задеть трубки плотоедов.

Я упустила свой шанс на побег, в отчаянии подумала Аверан.

Она понимала, что происходит с Посланником Теней. Она испытывала похожее чувство, когда отведала мозг опустошителя, тогда ей казалось, что она сойдет с ума, с Посланником Теней сейчас творилось то же самое. Его дед съел мозг Хранителя Земли, и с тех пор, словно бы в наказание, мысли Хранителя Земли преследуют всех, кто попробовал на вкус его мозг.

Аверан спокойно лежала в огромной лапе Посланника, радуясь, что он держал ее очень нежно. Девочка притворилась спящей. Она пыталась сохранить слабую связь с его разумом, чтобы узнать от него как можно больше. Но Посланник Теней мчался вперед, находясь практически в трансе. Он не говорил и не думал. В его голове было мрачно и тихо, как в могиле.

Аверан надеялась, что скоро он снова остановится и опустит ее на землю, тогда у нее будет еще один шанс сбежать.

Посланник Теней на минуту притормозил, чтобы открыть каменную дверь, ведущую в более просторный проход. Этот туннель насчитывал примерно шесть футов в ширину. Борозды, остающиеся на полу после опустошителей, были здесь повсюду. Монстр закрыл за собой дверь, как он делал все предыдущие разы. Ее похититель прошел мимо нескольких меток, и тут Аверан вдруг поняла, где она находится: недалеко от Логова Костей. Она уже почти была внутри Безграничной Клетки.

Время от времени Аверан попадались на глаза второстепенные туннели, уходящие в сторону от главного пути, в них тоже то и дело встречались опустошители. Она заметила нескольких ревунов — животных с желтым пятнистым окрасом, похожих на огромных пауков, — они выползали из одного из таких туннелей, таща за собой тушу восьмифутового червя. Девочка наблюдала, как мамочки опустошителей выплевывали клейкое вещество, чтобы заделать разрушенную

стену. Она увидела и молодых опустошителей, длиной всего десять футов, они ни на шаг не отходили от матери.

Не встретились ей лишь хранители мечей или волшебники, стражи логова опустошителей.

Все они ушли на войну.

Вдруг Посланник Теней свернул в боковой туннель. Аверан бросилась в глаза пара хранителей мечей, стоявших на страже. Оба были внушительных размеров, на голове и на оружии светились начертанные руны.

Внутри помещения, находившегося за ними, повесело зловониями, исходившими от грязных и больных человеческих тел.

— Будьте внимательны с этим, — обратился Посланник Теней к страже.

— Он не сбежит, — ответили ему.

Посланник Теней отправился дальше вглубь туннеля, и Аверан с дарами обоняния, полученными от дюжины собак, с каждым шагом все сильнее чувствовала неприятные запахи грязных тел, и это становилось все невыносимее. Девочка ощутила кисловатый запах пота, смешанный с вонью испражнений, гниющей зараженной плоти, рыбьими потрохами и не похороненными покойниками.

За последние несколько часов Посланник Теней, пожалуй, в первый раз очнулся от полудремы, в которой находился. Пища в его желудке просилась наружу от отвратительного зловония.

Ему не нравится происходящее здесь, вдруг поняла Аверан. Никто из опустошителей не выносил пребывания здесь. Они не могли терпеть всю эту вонь.

Оказавшись в центре просторного помещения, Посланник Теней бросил Аверан на пол. Из дальнего угла раздался женский крик, в нем слышались и страх, и удивление одновременно, после чего Посланник Теней развернулся и вышел.

Какое-то время она лежала на полу, оглядываясь по сторонам. Пещера была не очень большой. Клейкая слизь на

стенах отчасти исчезла, так что кое-где проглядывали голые камни. Сверху нависали сталактиты, а поверхность пола была неровной. От соседнего водоема доносился специфический запах сероводорода.

В дальних углах комнаты толпились люди. Издалека они казались какими-то бугорками на полу, их одежда была настолько запачкана, что сливались с грязью вокруг. Только глаза ярко светились на черных лицах, взгляды горели любопытством. Постепенно Аверан стала замечать все новые детали: вот там бледное лицо выдавало мальчика из Инкарры, а здесь смуглая кожа, судя по всему, принадлежала женщине из Индопала.

Аверан вглядывалась все внимательнее и теперь начала понимать, что все неровности и бугорки на земле на самом деле были людьми. Больные, умирающие от голода, раненые, но живые люди!

— Свет! — прокричал какой-то старец. — Чудесный свет!

И кто-то ответил на этот возглас на наречии земли Индопала:

— Азир! Азир фамата!

Несоизбранно бугорки зашевелились, и толпа людей бросилась к Аверан, протягивая к ней руки и падая на колени рядом с ней. Аверан вдруг поняла, что большинство из них, лишенные света, вероятно, металось так неделями или месяцами.

— Кто ты, Приносящая Свет? — умоляюще спросила какая-то женщина. — Откуда ты родом?

— Аверан. Меня зовут Аверан. Я была в составе королевского небесного патруля в Башне Хаберд.

— Башня Хаберд? — спросил вдруг кто-то, больше напоминавший скелет, чем живого человека. — Я из Башни Хаберд. Ты знаешь, как там сейчас?

Аверан не решилась рассказать ему, что опустошители убили всех до единого. Тут парень подбежал к ней, а за ним и все остальные стали подходить все ближе, ужасная вонь от

их тел стояла повсюду, горящие безумием глаза жаждали света, исходившего от ее кольца. Ходячий скелет оказался совсем рядом с девочкой и осторожно дотронулся до кольца. Вскоре группа из двадцати грязных пленников обступила ее, желая коснуться его.

— Посмотрите, как оно сверкает! — воскликнула женщина, наконец дотянувшаяся до кольца Аверан, но не осмелившаяся дотронуться до него. — Словно звезда, упавшая с неба.

— Нет же, ни одна звезда никогда не сверкала так ярко, — настаивала другая.

— Какой сейчас год? — спросил кто-то, раньше, вероятно, бывший капитаном королевской стражи.

— Первый год правления Габорна Вал Ордена в Мистаррии, — ответила Аверан, — он продолжает путь своего отца, Менделласа Дракена Ордена, скончавшегося на двадцать втором году своего правления.

— Пять лет, — произнес какой-то старик с сильным индопальским акцентом. — Пять лет прошло с тех пор, как я последний раз видел свет.

— А для меня это уже целых десять лет — слышался болезненный голос другого.

Какое-то время в пещере царила тишина, и заключенные во тьме молча смотрели по сторонам, пытаясь разглядеть друг друга.

— Гевин, где ты? — спросила молодая девушка.

— Я здесь, — произнес парень, стоявший на расстоянии нескольких футов.

Оба остановились и в изумлении смотрели друг на друга, в их глазах горел огонь любви. Все замолчали. Вдруг девушка заплакала.

*До этого момента эти люди не видели друг друга, проис-
лось в голове Аверан. Каково же это, жить здесь в темноте
годами, не видя лица друга?*

Потерянные души были одеты в лохмотья, на некоторых и вовсе ничего не было, у многих были переломаны кости или искалечены ноги. Опустошители, заточившие их сюда, были не слишком вежливы с ним.

У дальней стены была свалена груда костей — вперемежку рыбы и человеческие. Других следов еды Аверан не заметила. Она спросила:

— Но как? Как же вы здесь живете?

— Мы не живем, — ответил индопалец, — мы просто умираем так медленно, как только можем.

Глава 15

РАЗНЫЕ ФОРМЫ ВОЙНЫ

Люди придумывают множество слов для того, чтобы определить те вещи, с которыми они чаще всего имеют дело. В Интерлуке есть семь слов для описания льда. В языке Индопала — шесть различных слов для обозначения голода. В Инкарре существует восемьдесят два наименования для войны.

Хозяин Очага Хайхем, из книги «Комната с Оружием», отрывок о восьмидесяти двух формах войны

Воины Инкарры держали сэра Боренсона и Мирриму в заточении в горной крепости, пока совсем не стемнело. У них забрали оружие и заковали в наручники. Крепость контролировали примерно двадцать солдат, и ни один из них не желал выходить наружу при свете солнца, ведь искрящиеся белоснежные склоны безжалостно слепили им глаза. Поэтому они отправились в Инкарру, когда заходящее солнце уже едва выглядывало из-за облаков.

Они не могли ехать верхом. Жители Инкарры вообще редко использовали лошадей и уж точно вряд ли смогли бы

сделать это ночью. Сначала дорога бежала вниз по горным склонам среди зелени и скал, а потом ныряла в туман лесных массивов. Ночь, мгла и туман — все это еще больше затрудняло передвижение на лошадях. Поэтому славные скакуны Боренсона были оставлены в крепости.

Все члены группы были наделены дарами метаболизма. Закованные в кандалы, Боренсон и Миррима буквально мчались вниз по склону, ловя последние лучи заходящего солнца.

Отряду удалось пройти довольно большое расстояние за короткое время, несмотря на жару и влажность. Вечером туман, больше похожий на теплый пар, сгустился над поросшими лесом склонами и окутал все вокруг.

Когда наступила ночь, они продолжали спускаться вниз по крутым горным дорогам. Благодаря теплоте климату здешние флора и фауна были гораздо более богатыми и разнообразными, чем на северных склонах. Тут тоже росли сосны, но они были выше, чем те, которые когда-либо видел Боренсон, а кора у них была темно-красного цвета, вместо привычного ему серого. Тут летали птицы, но местные темные сороки имели более длинные клювы, чем их собратья на севере, а их резкие крики казались чужими его уху. Повсюду ему на глаза попадались необычные ящерицы, шнырявшие там и здесь в зарослях папоротника, они прыгали со склонов или восток деревьев и пикировали вниз, чтобы скорее ускользнуть в тень.

Он совсем не был готов ко всем странностям Инкарры: туманному лесу, экзотическим ароматам горных орхидей персикового цвета, растущих прямо вдоль дороги. Сэр Боренсон вырос в Орвинне, это остров в Каррольском море, более чем в двухстах милях к северу отсюда. Поэтому стоило ему пересечь горы, он будто открыл для себя новый мир, о котором раньше никогда и не мечтал.

Вскоре наступила ночь, инкарранские захватчики бесшумно следовали дальше практически в кромешной темноте. Они не разговаривали между собой, не называли своих

имен. Однако они постарались выбрать для Боренсона и Мирримы наиболее легкий путь и направляли их по той или иной тропе, чтобы избежать кочек, которыми изобилдовала дорога, и все же Боренсон и Миррима время от времени спотыкались. Ноги Боренсона были истоптаны в кровь.

После двух часов пути отряд остановился на привал. До Боренсона доносились смех и странно звучащие для его уха носовые звуки языка инкарранцев.

— Мы ждать, — сказал один из стражников с сильным акцентом.

— Чего же? — спросила Миррима.

— Лампы. Мы у деревни. Мы приносить вам лампы. — Один из инкарранцев вышел из-за деревьев.

Боренсон стал внимательно смотреть в разные стороны. Он не заметил света, который подсказал бы ему, что где-то поблизости есть деревня. Он не смог ничего разглядеть в этой кромешной тьме, кроме ствола ближайшего дерева.

— Я думала, вы используете огненных ящериц, чтобы стелечь ваших лошадей, — сказала Миррима.

— Драктферионы очень дорого, — объяснил стражник. — Они есть много мяса. Этот бедный деревня. Не иметься драктферионов здесь.

Внезапно Боренсон услышал шорох, доносившийся из леса, шум приближавшихся шагов, а затем робкий смех детей. Вероятно, он притащил целую толпу.

Когда в последний раз он видел свет, тот исходил от качавшихся лампад. Светильники, висевшие на цепях, были похожи на круглые чаши из стекла. В каждой такой чаше горела инкарранская свеча. Их свечи имели странный желто-апатовый оттенок и были крепкими, словно камень, кроме того, в них не было фитиля. Они горели голубоватым светом, словно тлеющие угольки.

Страж подошел к кучке детей и на мгновение озарил светом лампы их лица. На самых маленьких одежды не было

вовсе, а те, что постарше, были одеты в длинные белые льняные рубахи. Лица их были так же бледны, как и ткань. Боренсону они казались душами умерших, словно на его глазах происходило некое собрание мертвецов.

Солдат привязал по лампе к запястьям Боренсона и Мирримы. Тусклое мерцание едва позволяло видеть землю под ногами.

И все же этого оказалось достаточно.

Они шли всю ночь и наконец спустились с горы и оказались посреди совершенно пустынной равнины, где не было ни одного деревца. Они двигались от деревни к деревне, но при этом ничего примечательного не попадалось им на глаза.

Жители этих поселений обитали под землей, в низинах рядом с холмами. В некоторых, по-видимому более богатых, зонах на входе в деревню можно было увидеть драктферионов. Когда поблизости появлялся незнакомец, огненные ящерицы расправляли свои капюшоны и шипели на прохожего, при этом светясь в темноте. Мерцающий кроваво-красный свет, исходивший от них, позволил Боренсону разглядеть необычную стелу, обозначающую вход в инкарранские «поселения». Стела была выточена из камня и возвышалась вверх футов на двадцать. Стелу венчал круг, похожий на голову, и от основания сферы отходили две ветви, напоминавшие руки. На этом своеобразном памятнике были выгравированы фамилии семей, которые жили в этом городе.

Когда они подходили к широкой реке, Боренсон стал подозревать, что где-то поблизости находятся фермы. Он уловил запах рисовых полей, и вскоре они наконец добрались до деревни. Конвоиры быстро провели их через рынок, где торговцы предлагали белые персики, свежий красный виноград, десяток разновидностей дынь и плоды драконьего глаза. Вдоль дороги расположились продавцы только что убитых крокодилов, змей и свежей рыбы, готовые состряпать вам восхитительное кушанье прямо на глазах.

Стражи остановились на крылатых ящерицах, приготовленных в сладком дынном соусе. Боренсон и Миррима жадно поедали пищу, а в это время один из конвоиров исчез в толпе.

— Идем, — сказал страж, когда тот вернулся. — Лодка везти нас вниз по реке!

Через несколько минут Боренсон и Миррима в сопровождении солдат уже садились в инкарранский баркас. Лодка была примерно шестидесяти футов длиной и довольно узкой. Она была выдолблена из какого-то необычного белого дерева, обладавшего хорошей плавучестью. На носу судна красовалось резное изображение головы птицы с длинным клювом, как у грациозной цапли.

Баркас был полон сельских жителей с мертвенно-бледными лицами. Некоторые из них везли с собой бамбуковые клетки с цыплятами или поросятами.

Устроившись на носу лодки, Боренсон смотрел на воду. Ветра не было. Он слушал звуки ночи — кваканье древесных лягушек, рев крокодилов и трели неизвестных ему птиц. Смех и голоса инкарранцев, доносившиеся из ближайшего поселения, напоминали какую-то музыку.

Над головой все еще стоял туман, однако на пасмурном небе можно было заметить луну, и в ее свете Боренсон смог разглядеть неясные очертания реки. Русло оказалось шире, чем у любой реки в Мистаррии. Другой берег ему увидеть не удалось.

— Как далеко мы должны зайти, чтобы встретиться с королем Бури? — задала вопрос Миррима одному из конвоиров.

— Это для вас знать не надо, — ответил тот. — Молчите.

Вскоре лодка под завязку наполнилась пассажирами. Страж протянул Боренсону и Мирриме по веслу, и все, кто был на лодке, дружно принялись грести, уходя все дальше от берега. Через сотню ярдов течение стало быстрее, и

лодка, освещаемая лунным светом, заскользила по реке. Путники перестали грести и предоставили бразды правления рулевому.

Один из стражей, человек без имени с высокими скулами и глазами, при свете лампы сверкавшими красными огоньками, решился наконец нарушить тишину.

— Мы добаться крепость короля Бури к рассвету, — произнес он с сильным акцентом. — Вы спать. Вы идти спать.

— Станет ли король встречаться с нами? — спросил Боренсон.

— Возможно, — сказал конвоир. — Шансы хорошие увидеть короля. Не слишком хорошие — получить положительный ответ.

— Почему же? — поинтересовалась Миррима.

— Вы есть варвары. Все северные народы есть варвары.

Боренсон насмешливо фыркнул, на что тот разозлился. Послышалась какая-то брань на инкарранском.

— Нет смеяться! Ты нет смеяться надо мной! Я говорить тебе это для собственного блага. Не смеяться над инкарранцем! Никогда, если только он не начнет смеяться первым. Это давать разрешение смеяться.

— Прости меня, — ответил Боренсон. — Я смеялся не над тобой. Я смеялся над вашими представлениями.

— Наши представления не смешно, — возразил страж. Он подождал несколько мгновений, словно сохранял молчание в качестве наказания, но потом продолжил: — Мы инкарранцы есть самые цивилизованные люди на Земле. Вы же есть варвары. Ваши правители властвуют с помощью силы оружия. Когда за ним человек не следовать, ваш король прибегать к жестокости. Он посылать армию, чтобы безжалостно убивать женщин и детей. Это варварский путь.

Боренсон не стал поправлять собеседника. Инкарранцы редко контактировали с его народом, поэтому они верят всему, чему хотят верить. То, что женщины и дети иногда поги-

бали во время войн, было правдой, но это не было целью военных действий, а лишь издержками, которые нельзя изменить.

— В Инкарре мы не воюем с невинными,— продолжил страж.— Мы выбирать жертв и способы очень тщательно.

— Вы хотите сказать, что ваши правители сражаются друг с другом? — спросила Миррима. — В рукопашном поединке?

— Среди ваших людей,— начал конвоир,— есть только один вид борьбы. Мы же знаем много путей, чтобы уладить спор. Вы всегда пытаетесь лишить человека жизни, когда он вам злит,— Боренсон не посмел прервать его и напомнить о том, что северные короли пользовались дипломатией гораздо чаще, чем войной. Инкарранец все равно не поверил бы.— Но мы, инкарранцы, имеем дюжину способов ведения войны. В каждом свои правила и своя стратегия.

— Например? — поинтересовалась Миррима.

— Гизарет ки,— предположил Боренсон.

— Да,— согласился страж.— *Гизарет* означает «честь человека», *ки* означает «уничтожить» или «разбирать». Значит, в гизарет ки главная цель уничтожить... как же это говорить... «слово» человека?

— Чести,— подсказал Боренсон.— Вы лишаете его чести.

— И как же вы действуете в такой войне? — снова спросила Миррима.

— Правила простые: нельзя лгать, чтобы лишить человека чести. Это цивилизованный путь. Вы должны... раскрыть обман перед лицом свидетелей. На решение этой задачи у вас есть один год.

— И вы называете это войной? — удивилась Миррима.

Боренсон решил ответить:

— Не дай себя обмануть. Они слишком серьезно относятся к гизарет ки. Человека определяют его слова, его честность. У них есть люди, правдословы, они тренируются много лет, чтобы научиться понимать, когда кто-то лжет, а когда говорит

правду. Когда ты объявляешь кому-то войну, то можешь нанять одного или несколько правдословов для осуждения этого человека. Они раскопают все благородные поступки, которые когда-либо совершал обвиняемый, а затем прокричат о них на центральной площади города. Вокруг соберется толпа, и все будут их слушать, ведь публика уже знает, что это только разминка. Сначала они расскажут о твоих достоинствах, а потом возьмутся за твои недостатки, да еще и распишут все в таких жутких подробностях, что... хм, многие предпочли бы утопиться в колодце. И уж если они вцепились в тебя, то не отпустят и будут повторять снова, и снова, и снова, и снова.

— Но только в течение одного года, — вступился страж. — По прошествии одного года нужно остановиться. А жертва обвинения может ответить: нанять собственных правдословов. Однако если человек один раз уже пострадал от нападков правдословов, то на протяжении десяти лет его нельзя трогать.

— И чего вы добиваетесь разрушением «чести человека»? — спросила Миррима.

— Если повезет, — начал инкарранец, — то жертва изменится, станет лучше. Принца из легенды по имени Ассениан Шей призвал к войне его брат. Правдословы обнажили все его недостатки, — страж стал перечислять их, загибая пальцы. — Он растрачивать свой талант, он есть жесток с животными, обжора, позволяет отцу умереть, когда на того нападать грабители. Список, он все продолжаться бесконечно. И все соглашаться, что молодой наследник просто не имеет стыда. Однако он все же умудряется удерживать место у власти. Когда его мать скончалась, он стал королем. Проходить десять лет. Брат короля снова нанимать правдословов. После тщательного изучения дела, правдословы говорили только о достоинствах короля. Это приносить большой позор завистливому брату. Хорошо видно теперь, — заключил инкарранец, — мы в этом есть цивилизованны. У нас не все сражения заканчиваться

смертью. Мы можем объявить войну имуществу кого бы то ни было или же его рассудку. Таков путь цивилизованных людей.

— Пф-фф-ффф, — пробормотал Боренсон. — Ты говоришь о ваших способах ведения войны так, будто бы они более добродетельны, но не все ваши истории кончаются так прекрасно. Мне знакомы восемьдесят две формы войны. Выбирая более мягкую форму войны, вы стараетесь убить в человеке лишь его здоровье, или тщеславие, или репутацию, однако, останавливаясь на самой страшной форме, макоутхатекки, вы не довольствуетесь убийством самого человека, стремитесь уничтожить все сразу: и его будущее, и прошлое. Вы лишаете его сбережений, втоптываете в грязь перед его людьми, зверски убиваете его жену и детей, чтобы его род не был продолжен, а затем расправляетесь с ним самим и даже с теми, кто посмеет лишь произнести его имя. Я согласен с вами, война — позорное занятие, и, однако, вы, инкарранцы, не нашли способа избежать всех ужасов войны, вы лишь усовершенствовали их.

— Осторожно с такими разговорами, — предостерег страж Боренсона, и в его голосе зазвучали нотки гнева. — Некоторый говорить, что нужно увеличить масштабы войн, что нужно в дополнение к ведению войны против города или семьи избавляться от целых наций.

Боренсон зловеще засмеялся:

— Хотел бы я посмотреть на тех, кто это говорит.

— Тогда вы иметь удача, — ответил инкарранец, — вы их увидите.

— Что вы имеете в виду? — спросила Миррима с беснующимся в голосе. — Неужели король Бури один из тех, кто так думает?

— Он не любит Рофехаван, но он так не думать. И все же вы посетите фестиваль, чтобы воздать должное. Правители из всей Инкарры должны иметь появление. И вы совершенно

точно встретить кого-нибудь, кто желать уничтожить ваш народ.

Боренсон уснул под плеск волн о борт лодки и проснулся уже на рассвете, когда инкарранцы начали ходить по баркасу. Этой ночью небо время от времени затягивали облака, но сейчас звезды ярко светили над головами путников. Небо решило подарить им еще один огненный спектакль. Дюжины падающих звезд озаряли небосвод нескончаемыми яркими вспышками.

Боренсон уловил запах морского бриза, запах, напомнивший ему о доме, а где-то впереди шумел огромный водопад. На севере виднелся большой город. Вокруг него располагались небольшие, но очень ровненькие квадратики земли. Это были фермы, там он разглядел инкарранцев, похожих на привидения, — они вспахивали свои поля ночью.

Наконец путники добрались до окрестностей столицы короля Бури. Вскоре их лодка причалила к оживленной пристани, где рыбаки разбирали свой ночной улов. Стражи быстро высадили Боренсона и Мирриму на берег и повели по пыльным улицам города.

Здесь, в столице, драктферионы освещали вершины холмов. Конвоиры подвели их к самому высокому холму, где ярким светом сверкали сотни ящериц. Боренсон понял, что он стоит перед Иселферионом, Дворцом Огня. Дорога к нему в отличие от остальных дорог в Инкарре была выложена булыжниками; вдоль нее были ровно посажены раскидистые деревья и разнообразные растения.

Когда Боренсон и Миррима оказались на вершине горы, они увидели перед собой огромную стелу, увенчанную трехконечной короной, символом короля Бури.

Стражник отвесил им вежливый поклон и провел вниз к тоннелю, в конце которого находились железные ворота.

Боренсон никогда раньше не был в жилище инкарранца. Вход в туннель был достаточно широким, через него могло

пройти сразу несколько человек в ряд, но при этом проехать внутрь на повозке не представлялось возможным. Железные ворота преграждали путь в туннель. Шипы на решетке ворот предназначались для того, чтобы даже нагруженный слон не смог пройти. Вход был открыт, и они сразу же очутились в длинном коридоре. На стенах были заметны выбоины и следы от стрел. Светильников на их пути не встретилось. Единственным светом была крошечная лампа Боренсона. Был слышен только шум волн, разбивавшихся о камни у основания скалы. Все вокруг окончательно погрузилось во мрак, когда стражи ввели Боренсона и Мирриму во дворец короля Бури.

Пройдя через несколько затемненных антикамер, с каждым разом спускаясь на несколько сотен футов вниз, они наконец подошли к открытой двери, ведущей в просторную комнату. Огромное помещение было овальной формы с высокими потолками. Оштукатуренные стены были выкрашены в белый цвет, на равном расстоянии друг от друга по кругу висела дюжина инкарранских ламп, подобных той, которая была привязана к запястью Боренсона. По комнате слонялись инкарранцы. Большинство казались пьяными, словно вернулись с ночной пирушки. Боренсон заметил людей в необычных мундирах в компании с женщинами в длинных платьях. Между собой они говорили шепотом, бросая любопытные взгляды на Боренсона и Мирриму.

В дальних углах торговцы расстелили свои ковры и, устроившись прямо на полу, предлагали одежду, еду, оружие, все, что только можно было бы найти на какой-нибудь ярмарке.

— Как видеть, — заговорил конвоир, — здесь иметься правители из разных стран.

Боренсон едва ли мог вообще что-то увидеть, тем более разглядеть инкарранцев. Свет от ламп был слишком тусклым

для человеческого глаза. Он также не был уверен, что смог бы сейчас отличить платье правителя от лохмотьев бедняка.

Стражники передали их какому-то назойливому служке, который практически в полной темноте провел их по длинным коридорам к комнате, которая, как показалось Боренсону, должна была быть залом для аудиенций. Там к нему подошли две молодые женщины в белых одеждах и острым металлическим лезвием срезали его длинные рыжие волосы. Боренсон был поражен происходящим. Обе девушки были сказочно красивы. Он лишь молча вдыхал их страшный, экзотический аромат. Их блестящие от масел тела благоухали орхидеями. Закончив заниматься волосами, они сбрили Боренсону брови, однако оставили бороду. Девушки посмеялись над результатом своих стараний, а потом ушли, а страж проводил их в другую комнату.

Это помещение отличалось от предыдущего. В нем была только одна лампа, стоявшая на полу, прямо посередине комнаты, рядом с ней лежало несколько больших камней. По размеру камней и по тому, как они располагались, Боренсон не мог до конца понять, служили ли они украшением, или их использовали в качестве стульев. В углу комнаты он заметил небольшой фонтанчик, вода в нем журчала среди камушков и наполняла комнату влажным ароматом. По полу были разбросаны свежие травы, и откуда-то из темноты доносилось стрекотание сверчка. Боренсон заметил даже крабов, прятавшихся в фонтанчиках.

— Здесь вы ждать, — произнес страж, — пока король не говорить с вами.

Боренсон и Миррима расположились на камне. Сверчок продолжил свою песню, устроившись рядом с тихо журчащим фонтаном. Боренсон сидел на камне, пока король наконец не пришел. Его сопровождало несколько человек — судя по всему, советники и придворные, облаченные в богатые одежды.

Первым в зал вошел король Бури. Это был скрюченный старец с согнутой дугой спиной, совершенно лысый и с се-

дой бородой до пояса. Как и у всех правителей Инкарры, вместо скипетра в руках он держал копье опустошителя. Оно было сделано из серебра, а наконечник украшен бриллиантом, из одежды на нем была только белая шелковая туника. Никаких драгоценностей на нем не было, и в голове у Боренсона возник вопрос: *Что же он любит?*

Старый король Бури бросил недобрый взгляд на Боренсона, но тут же смягчился, переведя свой взор на Мирриму.

Боренсон внимательно рассматривал советников и придворных. В их глазах он заметил раздражение, из чего заключил, что, по-видимому, они ненавидели людей больше, чем сам король Бури. Однако Боренсон предположил, что на самом деле они были не просто обычными придворными. Король Бури был Верховным Королем Инкарры и собирал дань со всех остальных. По их шелковым одеждам Боренсон понял, что многие из присутствовавших являлись правителями из дальних королевств.

Боренсон встал на колени, за ним на одно колено опустилась Миррима.

— Сэр Боренсон, — с легким акцентом прошептал на языке Рофехавана король Зандарос. — Я знаю, что у вас есть для меня послание.

— Конечно, Ваше Величество.

— Вы не должны становиться на колени передо мной, — мягко произнес король. — Можете спокойно смотреть мне в глаза.

Боренсон выпрямился, Миррима сделала то же самое.

— Вы понимаете, — начал король Зарандос, — что по закону жителям Мистаррии запрещено находиться в Инкарре. Вы должны были встретить наши патрули в горах. Неужели они не предупредили вас, что ваша жизнь в опасности?

— Меня привела сюда большая необходимость, — ответил Боренсон. — И я пришел, несмотря на воинов в горах.

— Вы, несомненно, должны обладать большой силой воли, — снова заговорил король, — раз сумели пройти мимо

них. Однако по закону жителям Инкарры также нельзя путешествовать в Мистаррии, не так ли? И я уверен, вы прекрасно знаете, что наших людей убивают, если они нарушают закон. А, следовательно, почему бы теперь нам не убить вас?

— Наш король надеялся, — ответил Боренсон, — что можно сделать исключение, поскольку мы всего лишь его посланники.

— Вы ... приближенные короля?

По традиции только родственники или близкие друзья могли передавать послания от короля.

— Много лет я был его личной охраной, — сказал Боренсон. — У него нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Я его самый близкий друг.

— И вы пришли по его приказу? — поинтересовался король. — Королевское послание не может передавать какой-то лакей.

— Нет, — ответил Боренсон. — Я был освобожден от должности. Я Рыцарь Справедливости, и пришел к вам не как его слуга, а как его друг.

Зандарос зашипел:

— А что, если никакого исключения для вас сделано не будет? Вы готовы умереть?

Боренсон ожидал этого вопроса.

— Если вы собираетесь убить меня, — ответил он, — то у меня есть только одна просьба: позвольте мне сначала доставить мое послание.

Король на минуту задумался.

— Договорились, — спокойно прошептал он. — Вы расплатитесь своей жизнью, как и ваша жена. Я поступлю с вами так, как мне будет угодно. Я готов выслушать ваше послание.

Боренсон не удивился тому, что король продемонстрировал свою власть.

— Мой господин, — начал Боренсон, — Король Земли появился в Мистаррии под именем Габорн Вал Орден. Другие короли восстали против него: Радж Ахтен из Индопала, Лоуи-

кер из Бельдинука и Андерс из Южного Кроутена. Габори сумел сдержать натиск этих правителей, но теперь над ним нависла гораздо более опасная угроза. И в данное время он сражается против опустошителей, ставших настоящим наказанием в Каррисе. Ведь вы замечали падающие ночью звезды и солнце огромных размеров у самого горизонта. И вы не можете усомниться, что мы в большой опасности. Глубоко в земле опустошители начертали магические руны — Печать Рая и Печать Ада. Соединив эти руны Печатью Разорения, опустошители принесут страшные разрушения в наш мир. Габори хочет, чтобы на время мы забыли о старой вражде, и просит вас присоединиться к нему в его борьбе против опустошителей.

Король Зандарос на какое-то время задумался и вдруг ткнул Боренсона в грудь:

— Скольких опустошителей уничтожил ваш король?

— Примерно семьдесят тысяч их напало на Каррис. Когда я последний раз видел Габорна, его воины сражались с ними на равнинах Мистарри. Я бы сказал, что он убил не менее тридцати процентов из них. Те, что выжили, казались... истощенными и побежденными. Я не сомневаюсь, он уничтожил их всех.

— Он убил двадцать тысяч опустошителей? — с подозрением заинтересовался король Зандарос.

За спиной короля Боренсон услышал чей-то возмущенный шепот на инкарранском наречии и вздохи удивления. Правители и советники во весь голос принялись обсуждать сказанное посланником, а двое из них активно жестикулировали, указывая на север. Король Бури быстро прекратил шум, выругавшись и махнув рукой.

— Значит, — зашептал Зандарос — ваш король просит мира и вызывает к помощи Инкарры. Должно быть, он действительно в отчаянии.

— Им движет не одно лишь отчаяние, — возразил Боренсон. — Он не похож на других правителей. Не он придумывал древние законы. Он не рассматривает Инкарру как своего

врага. Он чувствует необходимость защитить все народы в это смутное время.

При этих словах король Зандарос недобро засмеялся.

— Инкарранцы любят смутное время,— прошептал он. Затем он подошел к Миррима и сел рядом. После чего жестом подозвал Боренсона.— Идите сюда, расскажите мне подробнее об этом вашем Короле Земли. Сколько даров у него есть?

Боренсон устроился рядом с ним.

— У Габорна немного даров, Ваше Величество. Он не хочет принимать их от других людей. Поэтому у него нет ни одного дара обаяния или голоса. И лишь небольшое количество даров мускульной силы, грации, жизнестойкости и метаболизма.

— Я слышал, Радж Ахтен получил тысячи даров. Как же Габорн надеется противостоять ему?

— Он рассчитывает на то, что Силы Земли защитят его,— ответил Боренсон,— как и на свой ум.

— И вы хотите сказать, якобы этот ваш король станет защищать и нас тоже?

— Да,— подтвердил Боренсон.

Из-за спины короля Бури послышалось насмешливое хихиканье, и один из правителей начал гневно сыпать оскорблениями. Однако король Бури остался спокоен. Он пристально смотрел в глаза Боренсона, а затем взглянул на Мирриму.

— А вы с этим согласны?

— Да, Ваше Величество,— прошептала Миррима.

Старый король бросил на все тяжелый взгляд и фыркнул:

— Вы же не лакеи какого-то жалкого Короля Земли,— наконец сказал он.— В этом я больше, чем уверен.

Миррима кивнула, словно бы в ответ на его комплимент в свой адрес.

— И что там еще есть в этом вашем послании? — спросил король.— Как я понимаю, вы ищете кого-то?

— Габорн ищет Дейлана Молота, и мы думаем, он находится сейчас в Инкарре.

Зандарос кивнул, повернулся к нему спиной и пристально посмотрел на присутствующих:

— Возможно, вам следует лучше поискать в ваших землях. Короли южных государств больше знают о нем, чем я. Некоторое время назад я кое-что слышал о нем, против него велась война максфела ки. Дейлан Черный Молот пропал, и никто его больше не видел уже много лет. Говорят, он, вероятно, скрывается в Мистаррии, где любой инкарранец, который захотел бы разыскать его, был бы тут же убит, хотя вполне может быть, что он отправился дальше на север.

Боренсон стал обдумывать эти новые обстоятельства. Он никогда не слышал о том, чтобы Дейлана Молота встречали где-либо в Рофехаване. И все же если он боится инкарранцев, поклявшихся ему отомстить, то может прятаться где угодно.

— Как давно это было? — спросил Боренсон.

Король Зандарос обратился к одному из правителей, стоявших позади, старец посмотрел на него добрым взглядом мудреца.

— Шестьдесят один год назад, — ответил он. — Пожалуй-ста, прости меня за плохой рофехаванский. Жена расскажет тебе больше.

Король Зандарос похлопал Боренсона по плечу и встал, собираясь уходить:

— Вы с женой свободны, сэр Боренсон. Король Криометес расскажет вам все, что вы хотели бы знать. Не стесняйтесь и наслаждайтесь нашим гостеприимством здесь в Изелферионе столько, сколько захотите.

На этом король Зандарос повернулся, собираясь выйти из комнаты. Стоявший позади него высокий мужчина с гладкими седыми волосами, облаченный в черную тунуку, гневно заворчал и стал что-то возмущенно спрашивать.

Зандарос обратился к сэру Боренсону:

— У сына моей сестры есть к вам вопрос. Кажется, вчера ему приснился дурной сон. Он верит, что один из моих племянников, Пилвин Коли Зандарос, мертв и что вы, вероятно, что-то знаете об этом?

Боренсон не знал, как ответить. Он замстил гнев во взгляде высокого инкарранца и решил не признаваться, что это он убил Зандароса.

Тут заговорила Миррима, ее голос зазвучал мягко и плавно.

— Мы приехали сюда именно из-за Пилвина Коли Зандароса, Ваше Величество, — сказала Миррима, — ибо он попытался убить Короля Земли.

— Убить? — спросил Зандарос.

— Он нес свиток с посланием, — продолжила Миррима, — на нем рунами Воздуха было начертано проклятье. Он утверждал, будто послание было от вас.

Стоявший позади короля Бури инкарранец в черной тунике был в бешенстве, но отступился. Зандарос бросил на него грозный взгляд. На лице его появилась жестокая улыбка, он напоминал кота, который собирается помучить мышь.

— Я прошу прощения, — начал Зандарос, — в нашем королевстве хватает всяких интриг. Но поверьте, мы исправим это. И если Пилвин на самом деле мертв, это освободит меня от лишних хлопот.

— Каков же будет ваш ответ? — спросил Боренсон. — Что мне передать королю Ордену?

Зандарос посмотрел на него и благосклонно кивнул:

— Думаю, я хотел бы встретиться с вашим королем, который сумел уничтожить двадцать тысяч опустошителей. Кроме того, мне внезапно захотелось поохотиться в его краях. Я отправляюсь туда в течение часа. Надеюсь добраться до гор к рассвету. Будет ли это разумным, миледи?

Зандарос заглянул в глаза Мирримы, будто бы спрашивал, то ли это, чего она хочет. Между ними что-то произошло, Боренсон был в этом уверен.

— Да,— ответила Миррима. Она казалась задумчивой, словно находилась в трансе.— Ему понадобятся ваши необычные способности.

Король Бури буркнул что-то и ушел, и многие из присутствовавших последовали его примеру, за исключением двоих, стоявших у двери. Один был королем, который напоминал доброго старца и тоже принимал участие в разговоре. Второй был красивым молодым инкарранцем, одетым в черный шелк, юноша настолько был похож на старика, что, должно быть, был его сыном.

— Я король Криометес,— представился старец,— а это мой сын Веразет. Наши владения находятся далеко на юге. Пожалуйста, следуйте за мной.

Боренсон неуверенно посмотрел на Мирриму.

— Прошу вас,— сказал Криометес.— Вы есть гости. Вы есть голодны? Мы накормить.

К этому моменту у Боренсона в желудке начались спазмы от недосыпания. Ящерица, которую он съел прошлой ночью, и немного фруктов не утолили его голод.

— Да, мы хотим есть,— ответил он, думая, что он настолько голоден, что готов вынести инкарранскую пилу.— Спасибо.

Криометес подхватил его за локоть и повел назад тем же путем, которым они пришли сюда.

— Сюда, пожалуйста,— начал король.— Сейчас есть время приема пищи. Наши покои есть довольно маленькие. За это я прошу прощения.

Они прошли по темным коридорам и очутились в огромной галерее. Зал был полон людей, молодые инкарранские правители были одеты в темные плащи с большими капюшонами, под ними блестели доспехи. Они уже подготовились к тому, чтобы следовать за королем Бури. В воздухе чувствовалось общее волнение, можно было уловить запах войны.

Король Криометес провел Мирриму с мужем по боковому коридору, идущему вдоль шумных улиц, которые, казалось,

растянулись на мили. Они следовали из зала в зал, проходя через круглые дверные проемы, отделенные одним лишь занавесом, и в конце концов оказались в просторной комнате.

— Входите-входите,— произнес король. И, встав около двери, похлопал Боренсона по плечу, как бы говоря, чтобы тот скорее проходил внутрь.

Боренсон остановился у дверного проема, намереваясь пропустить короля вперед. Огонь медленно горел в печи, и четыре девицы жарили на углях овощи. На полу лежали толстые меховые шкуры и подушки, а на низеньком столике красовался высокий золотой графин, вокруг которого стояло несколько наполовину пустых бокалов вина.

— Прошу вас,— заговорил Криометес, приглашая Боренсона войти. Боренсон прошел внутрь, за ним проследовал Криометес, продолжая похлопывать его по плечу, словно старого приятеля.— Я рад, что Зандарос сохранять вам жизнь. Вы очень полезны.

Вдруг Боренсон услышал, как кто-то тяжело дышит у него за спиной, и, обернувшись, увидел, как Миррима споткнулась и упала на пол. Принц Веразет стоял прямо над ней, и Боренсон заметил сверкнувшее золотое кольцо с иглой на его руке. В этот самый момент он почувствовал, как что-то кольнуло его в плечо там, где его касалась рука Криометеса.

— Чт...? — начал он.

Но его плечо вдруг занемело, и рука начала слабеть.

Яд, понял Боренсон, парализующий яд.

Сердце Боренсона бешено забилося, по руке побежали мурашки. Инкарранцы были мастерами в искусстве создания ядов, у местных хирургов было в распоряжении несколько парализующих спадобий, созданных из кожи летающих ящериц и различных растений.

Боренсон дотянуться до Криометеса, чтобы нанести тому смертельный удар, но все вокруг вдруг закружилось, разум

затуманился, и он схватился за инкарранского короля, чтобы не упасть.

Ноги стали словно ватные, и Боренсон, не в силах удержаться в вертикальном положении, рухнул на ковер, словно мешок.

Глава 16

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Тот, кто ценит деньги больше всего остального, как никогда будет чувствовать себя преданным, если лишится своего состояния. Тот, кто любит похвалы, будет ранен, если другие станут говорить о нем плохо. А тот, кто ставит превыше всего добродетель, будет раздавлен, если от его имени будут творить зло.

Хранитель очага Колдريدж, из книги Комната Снов, отрывок о Размерах Человеческого Сердца

Габорн и Иом бежали по Подземному Миру, отмеряя время шагами и количеством вдохов и выдохов. Туннель подходил на трахею какого-то существа. Габорну казалось, что они путешествуют в глотке некоего жуткого чудовища. Они все время двигались вниз, по нисходящей линии, пока не добрались до его желудка.

Они неустанно гнались за Посланником Теней, все глубже уходя под землю, по их лицам текли ручьи пота, мимо

него проносились пейзажи из ночных кошмаров; Габорн заметил небольшие котловины с грязью, разбрызгивавшие повсюду серый ил, ниже, под туннелями, опустошителями был проведен канал для пара, шумно струящегося по подземным ходам, полным слизи. Чем глубже они спускались, тем более гротескной и пышной становилась окружающая природа. Габорн бежал, казалось, уже несколько дней, останавливаясь только для того, чтобы с жадностью попить воды из теплого серного источника или заморить червячка, съев что-то из провизии. Но сколько бы жидкости он ни пил, она не могла утолить его жажду, и вся пища, которую он ел, казалось, не могла дать ему достаточно сил, чтобы продолжать погоню.

Дорога все время шла вниз, порой заставляя их преодолевать тропы, не предназначенные для человека.

Габорн чувствовал впереди серьезную опасность, всего лишь в нескольких милях отсюда была стена смерти.

Король Земли бежал дальше и чувствовал, что над Каррисом нависла растущая угроза. Он пытался представить своих Избранных и их счастливую и спокойную жизнь в безопасности. Но в их будущем он видел лишь смерть.

Как-то, напившись воды, он опустился на землю, прислонившись спиной к стене и, обняв колени руками, склонил голову, дав струйкам пота стечь по подбородку. Он сел на корточки рядом со зловонным потоком, где на земле в большом количестве валялись раковины крабов-слепцов, словно сброшенные нагрудные доспехи.

— Что случилось? — спросила Иом.

Габорн попытался ответить спокойно:

— Я думаю, все должно наладиться после полуночи. Угроза, нависшая над Гередоном, уменьшается. Думаю, наши посланники предупреждают людей о том, что необходимо прятаться. Но угроза в Каррисе продолжает расти. Весь вечер я чувствовал... что люди возвращаются туда. Почти все

Избранные возвращаются в город. Я ощущаю, как они передвигаются, собираясь вместе.

— Но,— возразила Иом,— ты же сам приказал им возвращаться.

— Не совсем так,— ответил Габори.— В Каррисе были женщины и дети, которых я выбрал. И многие из них возвращаются назад. Сотни тысяч. Должно быть, они считают, что замок безопаснее, чем близлежащие деревушки, но это не так. Наверно, они думают, будто могут помочь в сражении...

В смятении он замотал головой. Он представил, как они спешно пытаются подготовиться к защите замка. Как женщины кипятят тряпки для перевязки ран и заранее готовят еду перед началом битвы. Дети собирают камни для катапульт и оперяют стрелы, в то время как мужчины трудятся над заделыванием брешей в стенах замка.

— Ощущение опасности все время растет,— снова заговорил Габори,— оно... Боюсь, я приказал им сражаться в битве, которую они не смогут выиграть. Думаю, я послал их на верную гибель.

Иом встала на колени рядом с ним:

— Ты делаешь все, что в твоих силах.

— Но достаточно ли этого? — спросил Габори.— Я посылаю людей на войну, но против кого? Если бы они в одиночку сражались с опустошителями, то этого было бы достаточно. Но нам противостоит враг, о котором мы даже не догадывались,— Великая Истинная Хозяйка Зла.

Иом замолчала, и вокруг повисла абсолютная тишина. Даже с дарами слуха Габори совсем ничего не слышал. Безмолвие и неподвижная пустота были безграничны. Тишину нарушали лишь несколько словых улиток, их огромные раковины ударялись друг о друга, когда они вместе лакомились мхом. Даже голос Габорна можно было услышать лишь на расстоянии нескольких футов.

Иом открыла книгу Эрденя Геборена и принялась просматривать заголовки. Габорн сел рядом и стал ждать, когда Иом найдет что-нибудь интересное. Внезапно он почувствовал резкую боль, как если бы на него нахлынула волна свежего воздуха. После этого ему вдруг стало легче, словно силы восстановились. Он замечал такое раньше, один или два раза, ему теперь казалось, что это уже происходило в течение последнего часа или двух.

Нет, вдруг понял он. Такое уже случалось примерно дюжину раз. Кто-то с помощью векторов передает мне дары.

Последний раз он принимал дары в Гередоне, получив мускульную силу, жизнестойкость, грацию, метаболизм и ум. Сейчас его посланники отправились в Гередон, чтобы рассказать людям о том, что надвигается опасность. Дары, должно быть, перенаправляются посредниками из Замка Гроверман. Но почему они делают это?

Иом продолжала читать заголовки книги Эрденя Геборена. Габорн пристально смотрел на нее. Неужто она стала двигаться медленнее, чем час назад?

Нет, не может быть, подумал он. Вероятно, кто-то передает мне дары метаболизма. Сейчас он понял, что за последний отрезок пути он потратил меньше сил. А Иом продолжала отставать.

— Габорн, — заговорила Иом. — Ты сказал, что опасность над Гередоном стала меньше. Ты можешь рассказать мне, что будет с моей подругой Чимойз? — Много лет Чимойз была фрейлиной Иом, они были неразлучны.

Габорн обратился к Разуму Земли. И почувствовал, как угроза вокруг девушки растет:

— Если она услышит мое предупреждение и послушается, то, возможно, для нее еще есть надежда.

— Возможно? — спросила Иом.

— Иом, — сказал он, — не играй в эту игру. Не проси меня назвать имена тех, кто погибнет. Все это не точно.

— Хорошо, — ответила она, закусив губу. Потом она указала какой-то отрывок в книге. — Вот здесь глава о том, как сражаться с локи. Тут говорится, что «победить локи оружием, сделанным из стали, невозможно».

Иом перевернула страницу и нахмурилась. Девушка принялась быстро листать страницы.

— Если мы не можем убить их простым оружием, — заговорила она, — то мы должны найти другой путь.

Ее голос звучал неестественно низко и медленно.

— Что-то тут не так, — сказала Иом. — Дальше Эрден Геборен должен вести повествование о том, как бороться с локи, но эти страницы вырваны.

— Вырваны? — спросил Габорн. — Зачем кому-то понадобилось вырывать их?

Иом сдвинула брови и тяжелым взглядом посмотрела на Габорна:

— Подумай сам: Эрден Геборен рассказал людям о том, с чем он боролся около полутора тысяч лет назад, но во всех наших мифах и легендах, которые мы когда-либо слышали, говорится, что он сражался с опустошителями. Объяснение этому может быть только одно: кто-то не хочет, чтобы мы знали, как противостоять локи.

— Или возможно, — возразил Габорн, — кто-то позаимствовал эти страницы именно из-за того, что сам хотел узнать, как бороться с этим существом.

— Хотела бы я в это верить, — ответила Иом.

Жара была невыносимой, хуже, чем в самый жаркий день, который Габорн мог вспомнить. Он сделал еще глоток воды, но сколько бы он ни пил, освежиться это ему не помогало.

Он снова ощутил приступ боли, но на сей раз едва уловимый. Его мышцы напряглись. Теперь он был уверен: кто-то по вектору передает ему дары.

Когда Властитель Рун принимает дар и он идет непосредственно от его Посвященного, то получает не только по-

вое качество, но при этом обычно испытывает нечто подобное экстазу. Поскольку дар передавался Габорну по вектору, то он лишь чувствовал, что каждый раз, когда посредник передавал ему дар, силы его возрастали.

Король Земли поднялся и посмотрел вдаль уходящего вниз туннеля. Собрав все силы, он сумел соединить свой разум со Зрением Земли. Чувство надвигающейся гибели стало слабее. С каждым полученным им даром угроза уменьшалась. Там, впереди, стена смерти начала раскалываться.

Иом, должно быть, заметила что-то неладное:

— Что происходит?

— Мои посредники, — ответил Габорн, — стали передавать мне дары по вектору.

Иом посмотрела на него с печалью в глазах, со смирением, но без удивления.

— Это ты велела им так поступить? — спросил Габорн.

Иом кивнула:

— Сам ты не стал бы принимать дары, поэтому я отправила послание посредникам в Гередоне с просьбой передать дары тебе по вектору.

Сердце Габорна сжалось. Посредники передали ему множество даров — мускульной силы, грации, жизнестойкости. С каждым даром жизнь еще одного Посвященного оказывалась в опасности. Много Посвященных уже погибло от рук Раджи Ахтена, поэтому Габорн не стал бы принимать новые дары.

— Посвященным не нужно было ничего обещать, — произнесла Иом извиняющимся тоном. — Им не предлагали золота, им не угрожали. Те, кто решился на это, сделал это исключительно из-за своей любви к родной земле, и ничего больше.

— Сколько даров ты просила передать? — сурово спросил Габорн.

— Столько, сколько смогут, — ответила Иом. — Если все четверо наших посредников будут работать всю ночь, то, вероятно, они сумеют передать тебе еще примерно тысячу даров или даже больше.

Габорн в ужасе замотал головой, представив себе, сколько страданий, сколько боли он причинит Посвященным. Он почувствовал, как получил еще один дар, и ему захотелось двигаться быстрее. Он, не отрываясь, смотрел на Иом и не знал, как начать, как сказать ей, что она предала его доверие. Новые Посвященные будут теперь в опасности, и не только из-за Раджа Ахтена, но и от нагрузок во время передачи дара. Иногда люди, жертвующие мускульную силу, потом умирают от немоги, их сердце отказывает; а у тех, кто отдает гратию, перестают работать легкие и они не могут сделать больше ни одного вдоха.

— Зачем? — спросил он.

Иом покачала головой, и на ее глазах навернулись слезы, они словно говорили: *Прости меня*. Но на самом деле она сказала то, что должна была:

— Наш народ нуждается в том, чтобы сейчас мы были сильными. Если мы не уничтожим Великую Истинную Хозяйку, остальное уже не важно. Я бы приняла эти дары сама, если бы могла. Но у меня нет тех способностей, которые есть у тебя. И я решила не тратить на себя больше ни одной печати силы.

Потрясенный, Габорн взглянул на нее. Передав ему столько даров метаболизма, его народ, скорее всего, обрек его на одинокое существование: все процессы в его организме будут происходить слишком быстро, и, вероятно, ему даже не удастся вести обычный разговор. Они даровали ему жизнь, в которой он состарится за несколько месяцев или лет, в то время как его любимые будут жить своей обычной жизнью. Таким образом, жизнь они принесут в жертву Габорну.

Габорн был не просто ранен. Он чувствовал, что-то внутри него сломалось.

— Не смотри на меня так, — сказала Иом. — Перестань ненавидеть меня. Просто... Я просто хочу, чтобы ты жил. — Габорн никогда раньше не видел столько печали на женском лице. Казалось, его разрывают на две половинки.

— Жизнь для меня это не просто существование, — ответил Габорн. — Для меня имеет значение то, какую жизнь я для себя выбираю.

Иом взяла в ладони его лицо и пристально посмотрела в глаза. Даже сейчас он не смог посмотреть ей в глаза, его взгляд был прикован к ее губам.

— Я хочу, — начала Иом. — Я хочу, чтобы ты был в моей жизни. И я намерена спасти тебя, чего бы это мне ни стоило.

Габорн закрыл глаза, больше не в силах сопротивляться тому, что она сделала. Она была сильнее его, она была готова взять на себя вину за принятые дары, пережить стыд и пожертвовать тем, что любит, ради общего блага.

Она долго не выпускала из рук его лицо. Потом поцеловала его в лоб, в губы, а затем в обе руки.

— А теперь иди, — сказала Иом. — Я не могу дольше оставаться с тобой. Я лишь торможу тебя. Я буду следовать за тобой так быстро, как только смогу. А ты указывай мне путь.

Габорн кивнул, потом поднял на нее глаза:

— Можно я возьму посох Аверан? Он понадобится ей, когда я найду ее.

Иом протянула ему посох из черного ядовитого дерева. Габорн обратился к своему сердцу, думая о предстоящей дороге. Да, стена смерти ждет его впереди туннеля уже через несколько миль.

Или я расчищу дорогу для Иом, подумал Габорн, или умру, пытаясь сделать это.

Габорн обнял и долго не отпускал Иом, а после прошептал на ухо:

— Я люблю тебя. И прощаю.

Он повернулся и отправился в глубь туннеля, его шаг участился, став в два раза быстрее. Сначала он стал казаться молодым юношей, потом уменьшился до роста мальчишки, а потом до малыша, только что вставшего на ноги, пока наконец не повернул за угол и не исчез полностью.

Глава 17

ЧЕЛОВЕК-СКЕЛЕТ

Даже в самой засушливой пустыне
порой может расцвести цветок.

Пословица Индонезии

Аверан лежала в зловонной тюрьме, где в темноте потерявшие души сгрудились вокруг нее, словно ночные мотыльки вокруг света, исходившего от ее кольца. Они пристально смотрели на драгоценный камень и на нее.

Аверан попыталась сесть, но тут же упала в обморок. У нее закружилась голова, пот ручьями стекал по лицу.

— Принесите ей воды, — произнес какой-то косматый старик. Вскоре полуодетая девушка принесла воды прямо в ладонях и дала Аверан попить.

— Там в воде стало больше слепоглазок, — сообщила девушка.

— Рыба? — спросила Аверан.

Бэррис ответил:

— Да, рыба. Это все, что у нас есть из еды. Тут есть подземная река, и к нам заплывает рыбешка. У нас нет огня, чтобы приготовить ее, на вкус она как протухшее масло, смешанное с серой. Но если очистить от костей, то там есть кое-какое мясо.

При мысли о такой пище у Аверан скрутило живот. Ее ранец по-прежнему был с ней.

— У меня есть кое-какие припасы, — сказала она. — Яблоки, лук, сыр, орехи и сушеные ягоды. Этого немного, но разделите их между собой.

Никто не посмел дотронуться до ранца Аверан, пока она сама не раскрыла его и не достала еду. Ее было немного, но каждому досталось яблоко или горсточка орехов. Люди, казалось, были очень тронуты поступком Аверан, и ей даже показалось, что какой-то мужчина заплакал от переполняющей его благодарности, когда надкусил луковицу.

Долгое время сохранялось молчание, его нарушил пожилой человек с морщинами и сединой в волосах, спросив:

— Ты говорила, что ты из форта Хаберд?

— Да, — кивнула Аверан.

— Я тоже оттуда, — сказал он. — Но теперь я уже мало что помню. Я пытаюсь представить зелень травы или солнечный свет, но не могу. У меня были друзья, но теперь их лица...

Аверан не хотелось говорить об этом. Девочка не хотела признаваться в том, что крепость Хаберд разрушена, что опустошители сравнивали стены с землей, а людей убили и сожрали. Все, кого когда-то знал этот человек, теперь мертвы.

— А у вас есть фамилия?

— Уикс, Аверан Уикс.

— Ах, — вздохнул тот, — тогда вы наверняка должны знать Фалдона Уикса?

— Так звали моего отца, — ответила Аверан. — Вы знали его?

— Я очень хорошо его знал, — начал старик. — Он тоже был здесь пленником, его поймали во время той же битвы, что и меня. Помню, он был женат на невысокой девушке, чья улыбка могла зажечь звезды на небе. Но не помню, чтобы у него была дочь.

— Он был здесь? — спросила Аверан, не веря услышанному. Ей сказали, будто его проглотил опустошитель. Она и не предполагала, что его могли доставить сюда.

— Он все время мечтал вернуться домой,— продолжал пленник.— Но вечно держаться он не мог. Даже с принятыми дарами ни один из нас не сможет выдержать здесь в заточении вечно. А теперь наши дары стали забирать. Он погиб сразу, как только это случилось.

Аверан пристально посмотрела на старика. Он был человеком, который знал ее отца. От него остались одни кости и кожа, скрывавшая их. Пленник был настолько худым, что глаза, казалось, выпадут из глазниц. Единственной его одеждой был лоскут грязной серой ткани, обвязанный вокруг бедер. Он выглядел так, что казалось, любой его вдох может стать последним.

Аверан вдруг поняла, что произошло. Радж Ахтен уничтожил Посвященных в Синей Башне. Когда это случилось, Аверан тоже потеряла свои дары, она почувствовала себя очень слабой и думала, что умрет. И насколько все это было тяжелее вынести, находясь здесь, в этой тюрьме, и имея всего один или два дара жизнестойкости?

Глаза наполнились слезами, и девочка задрожала, едва не упав на землю:

— Мой отец здесь?

— Да,— ответил старик. Он указал на дальнюю стену позади, где поблескивали влажные белые кости, среди которых копошились крабы-слепцы в поисках останков.— Но от него ничего не осталось.

Десять лет, подумала Аверан. Десять лет он находился здесь, а она скучала по нему всего неделю.

Она с горечью прокляла опустошителей, которые бросили всех этих людей сюда, искренне желая, чтобы эти твари сдохли.

И тут она зарыдала. Старец ласково коснулся ее, как бы прося разрешения утешить, и она бросилась ему на шею и обняла.

Этот человек-скелет мог быть моим отцом, подумала Аверан. И этот запах немойшей шеи мог исходить от него.

В сердце зародился яростный гнев, и она поклялась отомстить.

Глава 18

НЕОЖИДАННЫЙ ПРАЗДНИК

Нет лучшего убежища, чем близкий друг.

Поговорка в Гередоне

— Сегодня нужно укрыться под землей! — прямо с порога сообщил дядя Эбер Чимойз, с утра вернувшись из города с крынкой свежего молока и ломтем хлеба. — Так велит Король Земли. Нужно спрятаться под землей. Я только что слышал об этом от посланников короля.

Чимойз посмотрела на него из-за стола. Сейчас она жила в поместье дяди в деревушке Абельтон, находящейся далеко на севере от Гередона. Ее тетушка только что закончила коптить домашнюю колбасу и попросила подождать к завтраку дядю Эбера. Бабушка, как всегда, устроилась в своем кресле-качалке у камина, из-за возраста она была глуха как пень и уже наполовину ослепла.

— Почему он отправил сюда посланников? — спросила Чимойз. — Он просто мог сказать нам, что мы в опасности.

— Я... не знаю, — ответил Эбер. — Он сейчас где-то в Мистаррии. Возможно, предупреждения Короля Земли не доходят так далеко. А может, он хотел быть уверен в том, что все будут предупреждены, не только его Избранные.

Чимойз обвела взглядом комнату, ощущая растущую внутри нее тревогу. Она была на первых месяцах беременности, и в последнее время одно упоминание о завтраке вызвало у нее тошноту, так что порой она даже не могла есть. Девушка часто испытывала слабость, свойственную всем беременным. Поэтому уже то, что она спустилась сегодня к завтраку, стало для нее достижением.

А теперь еще и это.

— Под землю? — спросила она. — Зачем?

— Готова поспорить, что это все звезды, — высказалась тетунка Констанс. — В последнее время они падают каждую ночь, и с каждым разом их все больше и больше!

Сердце Чимойз подпрыгнуло в груди. Она мало знала об этих вещах. Когда-то она слышала о людях, которые добывают железо из упавших звезд, поэтому теперь представила себе нечто похожее на дождь из картечи, запускаемой из катапульт. Однако это не могло быть правдой. Падающие звезды горячие. И тогда это было бы похоже на картечь; скорее, это должно напоминать огненный дождь, летящее с небес пламя и капли расплавленного железа. После вчерашнего метеоритного дождя, когда огненные шары градом падали на землю, такое было не сложно представить.

Дядя Эбер укоризненно бросил взгляд в сторону Констанс, намекая ей, чтобы она молчала. Он не хотел тревожить Чимойз нелепыми догадками о том, что происходит. Однако этот взгляд обеспокоил его племянницу еще больше.

Чимойз часто скучала по жизни в замке Сильварреста.

По крайней мере, если бы я была там, подумала она, я знала бы о том, какая опасность нам угрожает. Даже если бы народ при дворе знал не больше, чем дядя Эбер, то уж наверняка повсюду обсуждались бы какие-нибудь интересные предположения.

Но Чимойз слышала о вещах и более ужасных, чем метеоритный дождь, может быть, о них и предупреждал Габорн.

— Возможно, еще один Темный Победитель приближается,— высказала мысль Чимойз. В воздухе, словно холодный туман, повисла угроза.

Констанс положила кухонную лопатку рядом с печью и, вытирая руки, спросила, решив сменить тему:

— Итак, где мы сегодня ночуем?

— Я подумал, мы могли бы укрыться в винных погребах,— ответил Эбер.— Там пыльно и грязно, но они находятся довольно глубоко под холмом.

— Дюжину лет назад при поместье имелись обширные виноградники. Но разные заболевания уничтожили виноград. Потеряв и урожай, и виноградники, Эбер оказался не в состоянии восстановить утраченное, поэтому он сдал свои поля в аренду издольщикам.

— Те старые туннели? — удивилась жена. — Да там полно всяких паразитов вроде ферринов!

При мысли о маленьких, похожих на крыс тварей, Чимойз вздрогнула.

— Одну ночь компанию ферринов можно и потерпеть,— ответил Эбер. И выпятив губы, добавил: — Я также пригласил спрятаться с нами издольщиков.

— Это же половина всей деревни! — возмутилась Констанс.

— Я пригласил и вторую половину тоже,— признался Эбер. Констанс раскрыла рот от удивления, а в это время Эбер, положив на стол хлеб и поставив крынку молока, демонстративно сел и стал ждать, пока Констанс подаст ему завтрак.— Им больше некуда идти! — сказал он.— Лишь у нескольких человек есть подвалы, а ближайшие пещеры находятся в нескольких милях отсюда. Вместе нам будет спокойнее!

— Что ж, хорошо,— сказала Констанс насмешливым тоном, ставя на стол тарелку с колбасой.— Тогда мы устроим праздник.

Чтобы добраться до винных погребов, Чимойз и Констанс пришлось пройти еще примерно полмили после холма.

Воздух был какой-то странный. Небо было затуманено, тяжело нависая над землей, оно казалось размытым. Дорога перед погребам поросла высокой травой, кустарником, виноградными лозами и дикими ромашками. Прямо перед входом им попалось несколько грушевых деревьев. Теперь, уже в самом конце сезона, на деревьях осталось лишь несколько сухих листьев.

Им с тетушкой пришлось изрядно потрудиться, чтобы только открыть дверь. Запах плесени пахнул на них из старой винодельни. На полу лежал толстый слой грязи и пыли, и на нем отчетливо были видны небольшие дорожки, оставленные ферринами. Кучка их экскрементов лежала прямо под дверью.

— Ну и ну! — вскрикнула тетушка Констанс. — Какой беспорядок!

Погреб были прорыты так, чтобы вино могло созревать при одинаковой температуре. Оставив дверь открытой, Чимойз смело зашагала по грязному полу мимо побелевших в отсутствие солнечного света виноградных лоз, направляясь в располагавшиеся в глубине погреба хранилища. Пройдя двадцать футов, она оказалась на распутье. Справа была небольшая мастерская с молотками и скамейками, где в свое время бондарь изготавливал винные бочки.

— Что ж, — сказала Констанс. — Самые тяжелые молотки по-прежнему на месте, однако такое впечатление, будто феррицы украли все стамески и напильники.

Дальше стояли стройные ряды старых бочек с вином. Летящие термиты ползали вокруг тех, которые находились поблизости. А на полу повсюду виднелись следы ферринов — множество узеньких дорожек. Рядом с одной из бочек стояли копыта ферринов, а неподалеку кто-то из них смастерил конкл — дьявольскую фигурку из соломы и веток — и расположил ее в углу. Станные рисунки были нацарапаны черным углем вокруг конкла. Никто не знал даже приблизитель-

но, для чего феррины делают их. Чимойз подумала, что, возможно, они считают, будто они будут отгонять врагов.

Девушка открыла одну из бочек с вином, чтобы посмотреть, есть ли там что-нибудь. Заглянув внутрь, она обнаружила там несколько спящих ферринов. Проснувшись, они принялись рычать и издавать визгливые звуки, как барсуки во время опасности, а затем все разом бросились прочь из бочки через маленькое отверстие.

Вскоре весь погреб наполнился странным свистом, на языке ферринов это означало «Что? Что?».

Отовсюду доносились повизгивания маленьких грызунов, а Чимойз заметила несколько небольших дырочек, сделанных в стене за бочками. Воинственные маленькие феррины, облаченные в клочки украденной одежды, грозно махали руками из небольших отверстий.

— Что за беспорядок! — сказала тетушка Констанс, входя в хранилище. — Мы ни за что не успеем убратся здесь к приходу гостей.

— Я могу чем-нибудь вам помочь? — послышался чей-то голос. Чимойз обернулась. В дверях стоял юноша лет восемнадцати. Это был высокий молодой человек, широкоплечий, с белокурыми длинными волосами, наполовину скрывавшими его зеленые глаза.

Прошло только четыре дня с тех пор, как Чимойз переехала в Абельтон. Поэтому пока она была знакома лишь с половиной местных жителей. Но она не могла бы не заметить этого юношу, когда он вспахивал поле в долине.

— Чимойз, — сказала тетушка. — Это Дирборн Хокс, наш сосед.

— Как поживаете? — спросила Чимойз.

— Спасибо, хорошо, — ответил Дирборн. Он пялился на нее так, словно ее тетушки там не было, и будто бы он хотел заговорить с Чимойз, но не мог подобрать слова. Теперь ему хотелось знать про нее все, для начала хотя бы слухи, которые

распускал о ней ее дядюшка. — Э... — сбивчиво начал он. — Я, э..., я обещал Эберу прийти пораньше, чтобы почистить здесь все.

— Что ж, хорошо, — ответила тетушка Констанс, — тогда я оставлю вас двоих заниматься уборкой, а сама пока займусь выпечкой.

Шаги тетушки стали удаляться от двери, и в хранилище повисла неловкая пауза. Дирборн долгое время стоял молча. Чимойз знала, в чем было дело. Через семь месяцев у нее должен родиться ребенок, и ее тетушка с дядюшкой подыскивают малышу отца.

— Значит, — наконец вывалил Дирборн, — ты недавно в деревне?

— Ты же не видел меня прежде, не так ли? — спросила Чимойз.

— Думаю, я бы запомнил, если бы видел, — ответил Дирборн, одобрительно улыбнувшись. — На самом деле я уверен, что запомнил бы. Я, э..., я живу в старой усадьбе за долиной.

Чимойз видела ее, полуразвалившийся дом, которому уже двести лет. Семья Хокс была многочисленной, у них по меньшей мере было десять детей, насколько знала Чимойз. У Дирборна было два брата примерно его же возраста.

— А я видела тебя, — сказала она, — ты старший в семье?

— Да, — ответил Дирборн. — И самый симпатичный. И самый трудолюбивый, а еще самый умный и смешной.

— Ха-ха. Должно быть, тебя это очень радует. Скажи что-нибудь умное.

Юноша выглядел так, будто хотел откусить собственный язык, из-за которого он выставил себя дураком. Мгновение он смотрел в потолок, а потом сказал:

— Настоящий друг — тот, кто разделит с тобой твои трудности, когда тебе будет тяжело, и унесет твои тайны в могилу. Другие так называемые друзья не заслуживают этого названия.

Это не было ни смешно, ни умно. Но было искренно.

— Хочешь сказать, у меня есть трудности, которые необходимо разделить, или тайны, которые необходимо сохранить?

— Нет, — ответил он. — Это всего лишь размышления.

Чимойз пожалела о холодном приеме, который она оказала юноше. Он знал, что у нее будет ребенок, и должно быть, догадывался об остальном. Однако он вел себя так, словно хорошо поработал локтями, чтобы первым из братьев встретиться с ней.

— Что ж, — сказала она, — давай проверим, настолько ли ты трудолюбив, насколько умен.

Они закатали рукава и принялись за дело. Дирборн стал выкатывать старые винные бочки, чтобы освободить в помещении место для предстоящего праздника. В некоторых бочках жили целые семьи ферринов, и когда юноша покати́л их к выходу, феррины посыпались из них, как горох, от страха оглушая хранилище свистом, и мгновенно исчезали в небольших туннелях, проделанных в стенах погреба.

Другие бочки феррины использовали для хранения запасов пищи — в них можно было найти пшеницу, украденную с полей, сушеные вишни или репу, позаимствованную из огородов. Две бочки были приспособлены под кладбище, внутри них валялись кости умерших ферринов.

От всех бочек пахло мускусом.

Когда почти половина бочек была выдворена из хранилища, тетушка Констанс принесла чай.

— Думаю, нам стоит сжечь эти бочки, — сказала Чимойз. — Феррины все их изгадили.

Однако тетушка Констанс не придавала этому значения:

— Нет, завтра мы вернем их на место. Феррины погибнут от голода без своих запасов, а среди них есть матери с крошечными детьми, которых нужно кормить. — И она многозначительно посмотрела на живот Чимойз. У дяди Эбера

и тетушки Констанс был только один собственный ребенок, дочка, которая умерла еще в детстве, поэтому тетушка, вероятно, становилась сильно восприимчивой, когда дело касалось детей.

— Сама посуди, феррины едят мало — вишни, упавшие с деревьев, мышей, крыс, воробьиные яйца и другую подобную всячину. Крысы в винных погребах были сущим наказанием, пока дядя Эбер не привез из замка Сильварреста нескольких ферринов. К тому же вино они не любят. И теперь с приходом осени мы всегда приносим в погреба сено, чтобы помочь им поддерживать тепло в гнездах во время зимы.

— Вы сами привезли их сюда? — спросила Эрин. — Я думала, феррины дикие.

— На юге, в Данвуке, они дикие, — ответила Констанс. — А здесь нет, дорогая. Здесь, в горах, слишком холодные зимы.

В южном Гередоне дикие феррины причиняли множество неудобств, поэтому сборщик налогов готов был заплатить две медные монетки с изображением голубя за каждого пойманного феррина. Многие бедные семьи таким образом совсем не платили налог, вместо этого отдавая ферринов. Но дядя Эбер и тетушка Констанс не были похожи на тех, кто может разделаться с целой деревней ферринов за несколько монет.

— Что ж, хорошо, — пообещала Чимойз, — мы не будем их трогать.

Чимойз и Дирборн потратили целое утро, чтобы вымыть комнату и избавиться от грязи и пыли на полу. В помещении поднялось целое облако пыли и завояло чем-то неприятным, отчего феррины снова поднимали тревогу и замотали головами, высунувшись из своих норок, чтобы сообщить о своем возмущении этим большим людям.

Чимойз показалось, что они очень хорошо управляются вместе с Дирборном. Он был фермером, поэтому умел работать с плугом, рубить деревья на дрова и мог подковать копы. Юноша был сильным и с легкостью толкал самые тяжелые бочки,

но при этом ловко обращался с ними, стараясь не отдавить ноги тетушке, которая в это время орудовала в комнате метлой и шваброй.

Они работали, и Чимойз даже представилось, будто это походило на танец. Дирборн толкал бочки, а она подметала. Она вдруг поймала себя на том, что все время старается быть ближе к нему и иногда поглядывает на него, чтобы поймать его взгляд на себе, но они ни разу не коснулись друг друга. Вместо этого он чуть заметно ей улыбался и отводил глаза.

Время от времени она пыталась поддержать разговор. Она рассказала ему о том, как сержант Дрейс погиб от руки убийцы спустя два месяца после свадьбы.

Девушка заметила, что Дирборн не слишком рад слышать эти подробности. Было видно, он не жаждет ничего знать о ее «воображаемом» муже. Скорее, ему было интересно, каковы его шансы. Дрейс состоял в Королевской Страже и уже к девятнадцати годам стал сержантом, затем — капитаном и, вероятно, ушел бы в отставку, получив титул королевского барона. У него был бы титул, земли и крепостные, которые обрабатывали бы его поля.

Хокс не мог соревноваться с ним. Он был старшим из десяти детей и являлся основным наследником. Однако в ближайшем будущем это не принесет ему большого дохода. Его отец был фермером и землевладельцем, практически таким же зажиточным, как и дядя Чимойз Эбер, с одной лишь разницей, что все хозяйство было поделено между шестью братьями, и все шестеро не смогли бы зарабатывать этим на жизнь.

Хокс мог предложить женщине немного. Поэтому он работал, не жалуясь и без лишних слов, но очень скоро девушка заметила, что вся его спина стала мокрой от пота. Хокс выставил практически все бочки наружу, и поскольку Констанс сказала, что потом хочет вернуть их на место, он выставил из них своего рода колонны по обе стороны от прохода;

затем, позаимствовав доски из старого стеллажа, сделал из них нечто похожее на арку, через которую будут проходить приглашенные горожане. Всего в хранилище было примерно двести старых бочек.

К полудню все помещения погреба были вычищены, и запах плесени, грязи и ферринов исчез, однако оставалось еще много работы. Чимойз и Дирборн вышли ненадолго на воздух, чтобы передохнуть, так как оба очень устали.

Почти у подножия холма виднелась усадьба дядюшки. Основание построек было сделано из камня, изгородь — из прутьев и ветвей, побеленных по обе стороны известью, а на крыше лежала свежая солома. Парочка гусей щипала что-то в саду, а старая лошадка ее дяди уныло таращилась на нее из-за загона за амбаром.

Здесь, в Абелтоне, была прекрасная жизнь. Казалось, все, что нужно человеку, всегда под рукой. Дядюшка прожил тут уже сорок шесть лет, с самого рождения питаясь тем, что выросло в его саду. Если Чимойз хотелось новое платье, у миссис Уикатт всегда находился кусок ткани на продажу или она могла сшить его для нее всего за пару медяков. Если дядюшке нужен был новый плуг, то кузнец мог сделать его за неделю. Все друг друга знали и наблюдали друг за другом.

Чимойз вдруг подумала, что это очень хорошее место, чтобы растить своего сына. Она знала, у нее будет мальчик; она так любила сержанта Дрейса, что, когда тот погиб, заманила его душу к себе в утробу.

Теперь ей было тревожно. Небо становилось все тяжелее. А над деревней навис густой, похожий на пену туман, Чимойз даже ощущала электрические разряды в воздухе.

— Сегодня ночью будет буря, — сказал Хокс. — Готов поспорить, это то, о чем предупреждал нас Король Земли, — настоящая буря с сильными порывами ветра. Не сомневаюсь, она снесет дома целиком.

— Надеюсь, что нет,— ответила Чимойз.— Я бы не хотела, чтобы дом моего дяди был разрушен.

— Будь рядом со мной,— предложил юный Хокс,— что бы ни случилось.

Она чуть не засмеялась, но увидела искренность в его взгляде. Он предлагал ей свою защиту, и пусть это выглядело немного театрально, она не стала бы насмехаться над ним.

Тетушка Констанс пришла разведать обстановку. Она проверила все комнаты и сказала:

— Дайте мне час.

Она вернулась через полчаса с двадцатью женщинами из деревни. Выкатывая оставшиеся бочки из хранилища, они обнаружили три бочонка, полных вина. Дядю Эбера вызвали на дегустацию находки. Первую бочку решили использовать в качестве уксуса, но, сделав маленький глоток из второго, он заявил:

— А что? Этот бочонок очень даже хорош! Сегодня у нас будет настоящий пир!

Женщины принялись за уборку, они надраили камешные полы и разбросали тростник и мяту, чтобы освежить воздух. Старая дверь наполовину прогнила, поэтому мельник, который в деревне выполнял функции и столяра, и плотника, сделал новую, дубовую, а затем прибил к ней еще несколько досок сверху, чтобы усилить конструкцию так, чтобы даже кавалеристский отряд не смог бы пройти. Жители деревни принесли постельные принадлежности, столы, стулья и вскоре помещение для предстоящей вечеринки начало принимать законченный вид.

После этого люди стали приносить еду, и пиршество обещало быть даже лучше, чем то, которое случается на Хостенфесте. На одном столе разместили тарелки с угрем, выловленным в реке Уай и хорошо прокопченным, пару жареных гусей и сочного поросенка, начиненного яблоками. Соседний стол ломился от разнообразной выпечки — рулетики с

лесным орехом, маффины с джемом, ломтики черного ржаного хлеба с диким медом. Третий стол отвели для различных салатов, приготовленных из свежей зелени, собранной с грядки или в лесу; и все это было украшено лепестками роз. Здесь же были фрукты — только что сорванные виноградные грозди, зрелые лесные груши, и овощи — морковь, бобы и сахарная репа. Последний стол предназначался для десертов: каштанового пудинга, пирожных с заварным кремом с мускатным орехом и черничного пирога — все это предполагалось употребить с самым отменным вином, которое кто-либо здесь когда-нибудь пробовал.

Тетушка Констанс позаботилась и о ферринах, поэтому рядом с каждой норкой стояла тарелка с мясными косточками и напитками. Крики с угрозами, доносившиеся из их жилищ целый день, сменились довольным свистом; и потом кто-нибудь из них выныривал из норки, хватал кусочек хлеба или какого-нибудь другого лакомства и тут же пулей возвращался обратно.

Праздник начался примерно за два часа до заката. Все это было необычно. Когда кто-то шутил, все улыбались и искренне хохотали. Несколько мальчишек начали играть на лютне и барабанах, а когда столы опустели, Чимойз вдоволь натапцевалась с Дирборном.

Но за всеми этими улыбками стояла тревога. Что же должно случиться сегодня ночью? Почему Король Земли предупредил всех в Гередоне, велел спрятаться? Несужели надвигалась война? Или же духи из Даннвуда направлялись в их земли?

Ждать оставалось недолго.

Перед закатом с востока подул странный ветер. Один из мальчишек, которые все это время дежурили за дверью, вскарабкался на бочки и крикнул:

— Смотрите!

Все ринулись наружу. На востоке небо заволочло грозowymi зеленовато-синими тучами, какая-то незнакомая, бо-

лезящая мгла покрывала все вокруг. С запада на них медленно ползла стена мрака. Поднявшаяся с земли пыль вперемешку с сеном закрыла солнце. Порывы ветра становились все сильнее, словно предупреждая о надвигающейся буре.

Вскоре засверкали молнии, за вспышками слышались раскаты грома, небо словно ругалось на своем языке.

Сердце Чимойз сжалось:

— Я слышала этот звук лишь один раз в жизни — в замке Сильварреста. Он предвещает приближение Темного Победителя!

Глава 19

ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Политика инкарранцев — тонкая и сложная для понимания чужестранцев вещь. Королевская семья ведет столько войн на разных уровнях, что можно быть уверенным лишь в одном: приобретая в Инкарре друга, ты одновременно получаешь десяток врагов.

Из Путешествий по Инкарре Элфина Уиммиша, Хранителя Очига в Комнате Шагов

Лицо Сэра Боренсона окатили холодной водой. Он проснулся в практически полной темноте и попытался вытерпеться, но кандалы, сковавшие руки и ноги, были связаны между собой, и он не мог пошевеливаться.

Пленник вдохнул заплесневелый запах инкарранских одеял и специфический аромат инкарранской плоти, последний почему-то напоминал ему о кошках. В помещении пахло рудой, как в подземелье, но он почти ничего не видел. Сэр Боренсон знал, что вокруг него есть люди. Он слышал их дыхание и движение.

Он попытался оттолкнуться ногами, но они оказались прикованы к чему-то вроде деревянной кровати, так же как и его шея.

В абсолютной темноте Боренсон рассмотрел фигуру короля Криометеса с пустым кувшином в руках:

— Что ж, вы проснулись наконец. Очень хорошо.

— Где я? — чуть ли не закричал Боренсон и стал вертеть головой. Однако он смог увидеть лишь едва заметные тлеющие угольки в камине. Свет, исходящий от них, помог ему хоть что-то разглядеть в комнате — несколько подушек на полу, низенькие столики. Рядом в крошечной темноте виднелась панель, сделанная из тяжелых деревянных досок. Прикованная к ней руками и ногами там лежала женщина.

— Миррима?

— Она вас не слышать, — сказал Криометес. — Яд, сй доставаться больше, чем вам. Она еще спать. Мы позволять ей поспать.

— Что вы делаете? — спросил Боренсон. Он вдруг понял, что прошло несколько часов. Комната показалась ему знакомой. Огонь ярко горел в камине, когда они с Мирримой первый раз вошли туда.

— Нужно поговорить с вами, — проговорил Криометес. Старый король подошел и склонился над Боренсоном в темноте. Его бледная кожа была белой, словно облака, и Боренсону отчасти удалось рассмотреть его лицо. Глаза были холодными, как ледышки. Он разглядывал в упор Боренсона, словно какую-нибудь букашку. — Вы очень своенравный человек. Мне нравится.

— Своенравный? — спросил Боренсон.

— Вы весьма своенравно прошли мимо стражи в горах, — подметил Криометес. — Сильная воля. Немногие могут сделать это, разве нет?

Чтобы перейти границу, Боренсону понадобилась вся его решимость. Нельзя описать словами все мучения, которые

он пережил, чтобы прорваться сквозь стражу, каждый следующий шаг требовал невероятных усилий, а в это время стражи наполняли его душу отвращением к себе самому.

— Не думаю, что многие стали бы пытаться.

— О да, — выдохнул, казалось, очень довольный Криометес. — В Инкарре многие получают дары по наследству. Вы знаете об этом? Отец, будучи в преклонном возрасте, передавать свои дары сыну. А дядя — сыновьям брата. Это есть наилучший способ. Лучшее всего дары переходят от отца к сыну. Вы знаете об этом?

— Нет, — ответил Боренсон. — Никогда не слышал.

— Ах... — начал Криометес. — Это оттого, что посредники Рофехавана есть очень глупые. Сильно отставать в развитии.

— Поверю вам на слово, — молвил Боренсон.

Криометес улыбнулся, его улыбка казалась очень доброй, но вместе с тем в ней было что-то злое.

— Дары только по наследству не есть очень хорошо, — сказал он после паузы. — Так семья слабеет. Моя идея, лучше забирать дары у врага. Да?

Боренсон понимал, к чему он ведет.

— Вы есть мой враг, — произнес Криометес ледяным голосом, и в его тоне сквозил намек на убийство. — Понимаете?

— Я понимаю, — подтвердил Боренсон. — Вы несправедливы к моему народу.

— Я покупать вас дар. У вас. Я хотеть дар. Лучший дар есть воля? Понимаете?

На Боренсона нахлынула волна страха. Много раз он слышал о том, что инкарранцы умеют передавать дар воли, но никто из северных народов не видел руну, позволяющую сделать это.

Боренсон представлял себе, чего от него хотят. Однако он не знал, какова же будет цена. Как человек может жить без воли.

— Я не понимаю, — заговорил Боренсон, пытаясь потянуть время. Он размышлял над тем, чтобы позвать на помощь,

по помещению, где они находились, было в самом конце длинного коридора.

— Пожалуйста, — ответил Криометес. — Должно понять. Воля. Воля — это хорошо. Воля... она делать все дары сильными. Она делать все более эффективным. Дайте человеку силу, он стать весьма сильным. Дайте человеку силу и волю, он стать очень сильным. Беспощадным! Понятно? Дайте человеку ум, он стать весьма умным. Дайте человеку ум и волю, он стать очень умным. Будет не спать и думать целую ночь. Стать очень коварным. Понятно? Дайте человеку жизнестойкость, он не очень уставать. Дайте жизнестойкость и волю, он не остановить. А теперь, вы продадите мне волю?

— Нет, — ответил Боренсон, пытаясь выкроить еще немного времени.

— Что ж, очень плохо, — произнес Криометес. — Вы подумать об этом, — сказал он и отошел в сторону.

У огня кто-то зашевелился. Какая-то темная фигура наклонилась над очагом, помешивая угли. Боренсон узнал принца Веразета, облаченного во все черное. Он подошел к Мирриме. Нагнувшись, он взял в руки металлическую палку, похожую на длинный тонкий нож.

— Стойте, — закричал Боренсон. — Давайте поговорим об этом.

Но Веразет не хотел что-либо обсуждать. Он приблизился к Мирриме и разорвал на ней тунику, обнажив спину.

— Подождите! — взмолился Боренсон. И тут услышал испуганные крики. Инкарранские женщины по-прежнему были тут, в комнате. — Помогите нам! — просил он.

Веразет коснулся раскаленным кинжалом спины Мирримы и, сделав небольшой надрез, целиком ввел лезвие под кожу. Раздался шипящий звук сжигаемой плоти, рана задымилась. Даже находясь под действием яда, Миррима вскрикнула, и ее спина дугой изогнулась на деревянной панели.

— Зандарос! — во все горло закричал Боренсон. — Помогите нам!

— Вам никто не поможет! — спокойно произнес Криометес. — Зандарос и другие правители уехать несколько часов назад. Он охотиться на опустошителей, о которых вы рассказали. Весь день так. Никто не поможет вам. Никто не поможет жене. Только вы можете помочь жене. Понимаете?

— Вам так просто это с рук не сойдет, — сказал Боренсон. — Зандарос разозлится, когда узнает.

— Зандарос не узнает, — возразил Криометес. — Мы не хотим мира, не хотим открытой границы. Мои друзья, они скажут Зандаросу, что вы едете домой.

Принц Веразет оставил раскаленный клинок на спине Мирримы, девушка застонала, а принц подошел к камину и взял еще один остроконечный жезл. И вонзил его в тело Мирримы. В комнате снова раздался шипящий звук.

В тусклом свете Боренсон разглядел лицо принца. Он улыбался. В серебристых глазах отражались огненно-красные угольки.

Юный инкарранец получал удовольствие от происходящего, вдруг осознал Боренсон. В улыбке скользило то, что было страшнее злобы — полное безразличие.

— Есть ужасно, — сказал Криометес. — Жена есть очень красивая. Есть ужасно рабить ее. Есть ужасно мучить и убивать ее.

Веразет подошел к Мирримере, сердце Боренсона пенело в груди. Он стал отчаянно дергаться, пытаясь порвать цепи, сковывающие его, но тщетно. Цепи и оковы были особенно прочными, чтобы сдерживать человека, обладавшего многим дарами.

Веразет снова вонзил нож под кожу Мирримы, на этот раз чуть выше почек, и с улыбкой на лице, вращая лезвие, стал втыкать его глубже в плоть.

Миррима запрокинула голову назад, все ее мышцы стали твердыми от напряжения, однако цепи были столь же крепкими, как и те, которыми был скован Боренсон. Девушка застонала от дикой боли, эта боль колыхнула его в самое сердце, мгновение спустя Миррима снова погрузилась в забытие.

— Пожалуйста, остановитесь! — крикнул он. — Позвольте ей жить!

— Вы продавать? — спросил Криометес.

— Да, — ответил Боренсон.

— Должно хотеть продать очень плохо, — произнес Криометес. — Должно хотеть продать больше, чем саму жизнь. Должно хотеть отдать всем сердцем.

— Я знаю, — сказал Боренсон, — Я знаю. Отпустите ее. Обещайте мне, что оставите ее в живых!

— Конечно, — продолжал Криометес. — Вы отдавать мне волю, она жить. Я обещаю. Я есть человек слова.

— Вы отпустите ее? — настаивал Боренсон.

— Да, мы отводить ее в горы и отпускать.

— Тогда отпустите ее, — потребовал он.

Старый король кивнул Веразету и произнес:

— Дай ей еще снадобья, отведи в горы и оставь там, ведь мы уже дать обещание.

Веразет, казалось, рассердился, услышав эту просьбу, но Криометес кивнул двум девушкам, стоявшим позади, и дал какие-то указания. Потом обратился к Боренсону:

— Я послать девушек, чтобы они убедиться, что жену отпустить на свободу.

Боренсон хотел бы иметь что-то более надежное, чем слово инкарранца, но ничто другое не могло гарантировать ему безопасности жены. Он сомневался, что инкарранцы с их несколько странным понятием о чести на самом деле оставят ее в живых. Он боялся, что они перережут Мирриме горло, чтобы убедиться в том, что она будет молчать. Единственным, на

что он мог надеяться, было время, и что оно даст ей шанс спастись.

— Хорошо,— сказал он.— Я согласен отдать свою волю. Но я хочу видеть, как вы отпускаете Мирриму.

Веразет вытащил ножи из тела Мирримы и положил их в огонь.

— Мы сохранять ножи горячими, если вы изменить решение, когда жена уходить,— произнес Криометес.— Запомните. Быть обязанным хотеть передать волю очень плохо.

— Я знаю,— ответил Боренсон.

Одна из девиц вылила на Мирриму кувшин с водой, и та очнулась от обморока. Не вставая, она застонала. Через какое-то время действие снадобья прошло, и Мирримы открыла глаза.

Увидев Боренсона, она спросила дрожащим голосом:

— Что происходит?

— Я покупаю тебе свободу,— ответил Боренсон.

— Покупаешь?

— Да, отдаю свой дар.

Сначала во взгляде появилось понимание, но оно тут же сменилось возмущением.

— Не делай необдуманных поступков,— начал Боренсон.— Ты не сможешь победить их. Просто уходи. Просто останься в живых.

Мирримы поняла, что он собирается сделать, и какое-то время она неподвижно лежала, изредка всхлипывая от беспомощности. В душе Боренсон поблагодарил ее. Лишь немногие женщины в Инкарре обладали дарами, и он надеялся, что они не заподозрят Мирриму.

Криометес кивнул в сторону Веразета, и юный инкарранец снял оковы с ног Мирримы. Она села, от железных наручников запястья сильно чесались, при виде ран на теле, она содрогнулась.

— Иди, — сказал ей Боренсон. Одна из девушек помогла Миррима подняться и встать на ноги. Долгое время Мирри-ма пристально смотрела на Боренсона так, как если бы зна-ла, что больше никогда его не увидит.

Наконец, она бросилась к нему, отчего тяжелые цепи оков загремели. Заключив мужа в объятия, она поцеловала его.

Тут же Веразет схватил ее за плечи и оттолкнул от него, а затем сразу скрылся вместе с ней в темном коридоре.

— Мы снять наручники, — заговорил Криометес, — когда жена есть далеко отсюда. А сейчас садиться и смотреть на меня, своего господина. Своего повелителя. Не двигаться. Сохранять спокойствие.

Боренсон почувствовал, как кто-то задрал штанину на его правой ноге. Он посмотрел вниз. И различил в темноте фи-гуру старика-посредника с лицом призрака, склонившегося над ним с чернильницей и иголками в руках.

Глава 20

ДАЛЕКИЙ ОГОНЬ

Из всех магов пламяплеты — самые недолговечные. Ибо пламя, которое питает их, в то же время пожирает их — сначала сердце, затем рассудок.

Из книги «Современная магия», написанной Магистром Домашнего Очага Шоу

Высоко в горах Хест Радж Ахтен вел свою армию под небесами такими ясными, что ему порой казалось, что он может потрогать заходящее солнце.

Уже почти целую неделю в этих горах не выпадал снег. Днем солнце медленно наступало и уничтожало белые пласты. Ночью земля становилась обжигающе холодной и каждая крупинка гравия вмерзала в тропу. Твердое покрытие обеспечивало безопасную езду. Лошади, отмеченные рунами силы, бежали легко и быстро, несмотря на то что для них не было пищи в этих краях, где не росла трава; они знали, что еда ждет их внизу, в теплых долинах Минстаррин.

Так сжал к поросшим соснами долинам Радж Ахтен, и день склонялся к вечеру, когда внезапно он встретился с огромной армией.

Грязные коричневые шатры были разбросаны там и тут под деревьями. Лошади в этом лагере явно голодали — из-под тусклых шкур выпирали ребра и бедренные кости.

Когда Радж Ахтен и его армия спустились к самому лагерю, немногочисленные стражи перепугались и затрубили в рога.

— Мир, — сказал Радж Ахтен, возвышаясь над стражами и глядя на них сверху вниз. — Ваш лорд вернулся.

Это были измученные, оборванные ополченцы. Здесь были лучники и дорожные сборщики, кузнецы и прачки, маркитанты и шлюхи. Он послал эту армию через горы месяц назад, чтобы они подготовили все для его вторжения в Мистаррию. Они не прибыли в срок к его первой битве в Каррисе, захваченные врасплох ранним снегом.

Но они хорошо отдохнули за последнюю неделю и теперь смогут идти вместе с ним. Исполняющий должность капитана этих войск выбежал из шатра, держа в руках миску с недоеденным рисом.

— Это наш лорд, Великий Радж Ахтен! — закричал страж, предупреждая капитана.

— О Свет Мира! — воскликнул капитан, роняя свой обед на землю и подходя ближе; волнение и трепет отражались на его лице. — Чем мы заслужили такую честь?

Капитан, смуглый мужчина по имени Муссаиф, происходил из великого рода. Этот пост он получил больше благодаря счастливому рождению, чем умению руководить.

— Пришло время, — сказал Радж Ахтен, — утвердить наши права на Мистаррию. Оторви своих людей от их снов и мечтаний. Завтра в сумерках они должны добраться до Карриса.

— Но, О Сияние Разума, — возразил Муссаиф, — мои люди ослабели. Много дней мы ничего не ели и почти не отдыхали, а до Карриса еще целых тридцать миль. Мы только час назад разбили лагерь. Наши лошади устали.

— Твои люди смогут отдохнуть в Каррисе, — сказал Радж Ахтен. — Они могут насытиться пищей Мистаррии и напиться крови Мистаррии, и я позабочусь об этом. Пусть каждый лучник возьмет лук и колчан стрел — и больше ничего. Каждый копьеносец пусть возьмет копье.

— Но, о Огонь Небес, — продолжал спорить Муссанф, — Каррис надежно защищен. Я сам был там на рассвете и подъехал достаточно близко, чтобы все рассмотреть. Пятьдесят тысяч людей трудятся, как муравьи, восстанавливая башни, и огромные колонны людей и лошадей входят в город. Число защитников города выросло вдвое с прошлой недели!

Радж Ахтен пристально смотрел вниз, закипая от гнева.

— Конечно, — сказал Радж Ахтен сам себе, — я должен был это предвидеть. Габори чувствует, что опасность растет. Он знает, что я сокрошу Каррис. Но он надеется устоять и готовится к сопротивлению.

— Его тревожишь не ты, — сказал Муссанф. — Мои разведчики подобрались достаточно близко и слышали разговоры рабочих. Они говорили, что опустошители снова идут на Каррис.

В припадке ярости Радж Ахтен прищипорил коня, и тот взлетел на близлежащую гряду, на одинокую скалу, где росла чахлая сосна. С его дарами зрения он мог видеть очень далеко, как орел из своего гнезда.

На юге, более чем в трех сотнях миль, он смог разглядеть дымную пелену и почувствовать жар далекого огня. Сила внутри него воззвала к нему, прошептав его имя. За пламенем была видна бесконечная черная линия опустошителей, тянувшаяся через округлые холмы. Там, похоже, были десятки тысяч опустошителей, идущих сражаться; быть может, сотни тысяч.

Перед их линиями он разглядел вдали лики солнечного света на кольчугах и отблески пламени. Рыцари Рофехавана

старались остановить опустошителей или хотя бы замедлить их продвижение стеной огня.

На западе, не дальше, чем в тридцати милях, он мог видеть, как жители Карриса спешат, стараясь восстановить крепостные стены, и готовятся к битве.

Радж Ахтен закрыл глаза. Когда он последний раз был в Каррисе, он чуть не погиб в лапах опустошителей. С тех пор он стал сильнее. В Дейяззе его способствующие трудились, передавая ему дары. Радж Ахтен чувствовал, как они волнами наполняют его, обновляя его силу и жизненную мощь.

Но он получил больше, чем просто дары. Теперь в нем пылали потаенные силы ада, освещаая его рассудок. Он советовался с пламенем.

«Нападай,— шипел Огонь, голосом, похожим на пляшущие языки пламени.— Многие погибнут. Принеси их в жертву мне, и я отдам тебе победу».

— Я слышу и повинуюсь, господин,— прошептал Радж Ахтен.

Он улыбнулся. Битва приближалась — битва, какой еще не бывало. У него было, чем удивить врагов — как людей, так и опустошителей.

Глава 21

ВОРОТА ВОРОНА

Страшен не тот, кто силен физически, но тот, чья сила зиждется на силе духа.

Эрден Геборен

К тому времени когда Эрин добралась до Ворот Ворона, ночные небеса почернели, истерзанные бурей, а сквозь рваные облака сверкали молнии и доносились раскаты грома. Проливной дождь обрушился на всадников, стуча по шлемам и броне, просачиваясь под одежду, люди промокли насквозь. Копыта лошадей глухо шлепали по грязи, а с полей поднимался такой густой туман, что Эрин казалось, будто она дышит не воздухом, а водой.

Тень от Ворот Ворона уходила за горизонт. Силуэты трех гигантских черных башен вырисовывались над крепостными стенами, над окрестными полями. Центральный шпиль был гораздо выше остальных и был похож на высокий зубец короны из обсидиана.

У самого подножия крепости бежала быстрая река. По ее берегам тут и там были разбросаны богатые плантации и

коттеджи, являя взгляду прелестный гобелен, сотканный из полей и садов.

Эрин внимательно разглядывала замок, озаряемый вспышками молний. Она никогда не видела Ворота Ворона с их легендарной Башней Ветра. Здесь в давние времена Чародей Сендавиан заплатил дань Силам Воздуха. Здесь почти два тысячелетия короли Южного Кроутена охраняли своих Посвященных.

А сейчас шатры двадцати тысяч рыцарей заполнили поля перед замком. Сквайры и повара разожгли костры в каждом шатре, поэтому они светились изнутри, как драгоценные камни у подножия черной горы.

Когда Король Андерс проезжал мимо шатров, в гору попала молния. Она осветила темные осадные орудия, словно присевшие на землю среди полей, — в основном это были баллисты. Капитан Гантрелл затрубил в рог, и из всех шатров выскочили рыцари с оружием наготове, намереваясь перегородить главную дорогу.

Когда Король Андерс подъехал к этой стене из человеческих тел, его рыцари и их сквайры закричали:

— Андерс! Андерс в Кроутене! Все славьте Короля Земли!

Герольды затрубили в серебряные трубы, сквайры били в щиты, как в барабаны.

В шатрах и павильонах размещались не только лорды Южного Кроутена. Эрин увидела князей-купцов из Лисля, одетых в пурпурные платья и сверкающую броню; и зловещих Рыцарей Эйремонта, бледных, как призраки, в своих белых одеждах; а рядом, весь в сером, стоял высокий, надменный Герцог Вит, правитель Бира в Ашовене.

Не все в лагере были Властителями Рун. Было здесь и множество лучников и маркитантов, теснящихся поближе, чтобы взглянуть на Андерса, а также полных надежд юношей, у

которых вместо брони были только овечьи шкуры, а вместо оружия дубины.

Андерс опустошил свое царство, собрав здесь всех своих воинов. Его войска ждали только команды, чтобы перейти границу.

На всех лицах — и лордов, и ополченцев — застыло странное выражение, в их глазах светились восхищение и любовь к их властелину.

Эрин никогда не видела столько людей, готовых сражаться и умереть за своего короля. Она находилась в нерешительности. Теперь она понимала, если и в самом деле Андерс стал вместилищем для локуса Темного Победителя, а она станет бороться, чтобы сокрушить его, ей никогда не уйти живой из его королевства.

Серый боевой конь Короля Андерса встал на дыбы, его копыта били по воздуху. Андерс поднял левую руку и крикнул толпе воинов:

— Я избираю вас! Я избираю вас для служения Земле!

Волна восторга прокатилась по толпе, оружие ударило в щиты. На севере опять вспыхнула молния и прогремел гром, словно сами небеса ликовали вместе с людьми.

Эрин поняла: они верят в то, что Андерс — Король Земли.

— Господа, я приношу вам извинения за дурную погоду, — сказал Король Андерс, когда дождь с повой силой застучал по его шлему. Его люди засмеялись. — Мы не двинемся с места ночью в такую грозу, но завтра будьте готовы. На рассвете мы выезжаем в Белдинук, чтобы противостоять дочери Лоуикера, которая выступила в поход и развязала несправедливую войну против народа Мистаррии. Но Земля призвала меня стать ее королем, и я должен защищать человечество. Эрден Геборен сражался двенадцать лет, прежде чем девять королей преклонили колени и возложили на него железную корону. Я не повторю его ошибки. Завтра же дочь

Лоуикера склонит свою голову передо мной — или мы отсечем эту голову!

Восторженный рев поднялся вокруг, и молния, как стрела, вспыхнула в небе, пронзая облака. Загрохотал гром, и земля загудела в ответ.

Эрин сверлила взглядом спину Андерса. Ей не понравились его слова. Если он не получит власти, то устроит кровавую бойню. Это совсем не тот Король Земли, каким был Габорн.

Но безумная мысль возникла в ее мозгу: а может, таким и должен быть король; что, если Андерс и есть настоящий Король Земли?

У Эрин еще не было случая убедиться, что Андерс владеет даром провидца. В ее сознании ни разу не звучал его голос, предупреждающий об опасности.

Осмелюсь ли я испытать его, чтобы узнать, действительно ли он Король Земли, думала она. Если я попытаюсь воткнуть меч в его спину, почувствует ли он приближение опасности? И даже если я решусь сделать это, будет ли такое испытание истинным? В чем сила локуса Темного Победителя? Откуда я знаю, что он не может притвориться Королем Земли?

Сомнения безмерно утомили ее. Весь долгий день, пока они ехали на юг, она старалась побороть усталость. Веки отяжелели; казалось, в глаза насыпали песку; а в мозгу без конца крутились мысли, перемалывая обломки прежних представлений и обращая их в пыль. Она не доверяла больше даже собственным суждениям.

А если я убью его? спрашивала она себя. *У меня нет доказательств, что он впустил в себя локуса. Быть может, он просто сумасшедший. Убить сумасшедшего — это не подвиг, это грязно и подло. А если он не безумец, если локус и в самом деле в нем, — что тогда? Я не могу убить локуса, он просто найдет себе новое пристанище.*

Но если взглянуть на дело с другой стороны, то Эрин не должна поднимать руку на старого короля, этим она ничего не достигнет. Разоблачить его — вот что ей нужно.

Все время, пока Андерс ехал к Воротам Воропа, вокруг не стихали крики восторга. Эрин ехала следом за ним в промокшей одежде, с трудом борясь со сном. Замок был очень высоким, около восьмидесяти футов в высоту, и когда Эрин проезжала под сводами арки, она почувствовала, как тьма обволакивает ее.

Они продолжали двигаться по узкой улочке — до подножия Башни Ветра. Замковые слуги приняли у них лошадей. Эрин спешилась, с трудом удержалась на опемевших ногах и прошла в башню.

Целинор взял ее за руку и взглянул на нее, улыбаясь.

Король Андерс обратился к ним:

— Отдохните перед обедом. Встретимся на верхнем этаже башни. Нам многое нужно обсудить.

Целинор повел Эрин наверх, через шесть лестничных пролетов, в королевскую спальню. В очаге мерцал огонь. В комнате было уютно и даже слишком тепло. Уже в дверях Целинор приказал горничной найти удобную сухую одежду для его жены, а затем сам сбросил мокрую одежду и броню. Некоторое время он стоял обнаженный, держа броню перед огнем. Снаружи неистовствовала буря.

Эрин сняла промокший плащ, кожаный колет, штаны, сапоги и осталась в длинной нижней рубашке. Пока она развешивала свои вещи перед огнем, Целинор сложил свою одежду и держал ее в руках.

— Давай испытаем кровать. Отец ничего не скажет, если мы на несколько минут опоздаем к обеду.

— Кровать нам ни к чему, — сказала Эрин. — Твое семя уже во мне.

Лицо Целинора исказилось, словно она причинила ему боль:

— Ты на что-то сердишься?

— Ты сказал отцу о послании. Ты сказал ему, что Патдан — мой господин. Ты обманул меня! Ты раскрыл все мои тайны, которые я доверила тебе! А теперь удивляешься, почему я сержусь?

— Я... — начал было Целинор, — я не хотел тебя огорчить. Конечно, я все рассказал ему. У нас с ним нет секретов друг от друга. Я всегда знаю, что думает мой отец, ибо он высказывает все свои мысли, не таясь.

— Это тебя не извиняет, — сказала Эрин. — Мог бы удержаться от болтовни.

— Я стараюсь завоевать его доверие, — возразил Целинор. — Как я могу рассчитывать, что он будет доверять мне свои сокровенные мысли, если я не доверю ему свои? Если он сошел с ума, я должен знать об этом. Мне нужны доказательства.

— Ты отправился в Хередон, чтобы шпионить для него, — сказала Эрин. — Скажи, ты все еще шпионишь?

— Конечно, нет, — ответил Целинор, — но он должен думать, что да.

— А как же я? — спросила Эрин. — Он послал тебя разузнать о моем происхождении. Или твой отец потребовал от тебя чего-то еще? Быть может, он велел тебе ухаживать за мной?

— Теперь ты говоришь безумные вещи! — раздраженно сказал Целинор. Он отступил на шаг и потряс головой.

— Ты думаешь, я спятила? — сказала Эрин. — Раньше ты говорил, мол, по-твоему, твой отец сошел с ума. Значит, все сумасшедшие, кроме тебя?

— Теперь ты сама встретишься с моим отцом, — сказал Целинор. — И что ты думаешь? Безумен ли он? Или он новый Король Земли? Может ли быть, что он действительно тот, за кого себя выдаст?

— Я думаю,— сказала Эрин,— что твой отец или сумасшедший, или в нем поселился локус.

— А как же Ореховая Женщина? — спросил Целинор. — Она — Охранительница Земли, и она подтверждает его рассказ и поддерживает его.

— Не знаю. — У Эрин кружилась голова. Ее тяжелый взгляд остановился на Целиноре. — Минуту назад я задала тебе вопрос. Ты не ответил.

— Какой вопрос?

— Я спросила: велел ли тебе твой отец ухаживать за мной?

— Что это за вопрос?!

— Честный, от самого сердца. Ты сказал, якобы у вас с отцом нет секретов друг от друга. Будешь ли ты иметь секреты от меня? Скажи мне, велел тебе твой отец ухаживать за мной?

Целинор был жалок. Она видела, он изо всех сил старался улыбаться в ответ на ее обвинения. Некоторое время он стоял, пристально глядя на нее, на его лице попеременно отражались печаль и волнение.

— Да,— наконец признался он. — Он считает, что я должен ухаживать за тобой. И — было бы хорошо, если бы ты и в самом деле находилась в кровном родстве с Габорном.

Эрин отвернулась; даже по ее спине, словно окаменевшей, было видно, как она зла.

Целинор положил руку на ее плечо.

— Но я не поэтому хотел тебя,— сказал он. — Я хотел тебя потому, что ты сильная, умная и красивая. Как только я тебя встретил, я безнадежно влюбился.

Он повернул ее к себе, и она подумала, что он говорит искренне. Она пристально смотрела на него и пыталась понять: что он за человек? Решится ли она когда-нибудь открыть ему свои мысли?

Нет, решила она. Я не смогу.

Зато она сможет убить его.

Лишь одно удерживало ее: она не знала, кто из них опаснее — отец или сын.

Вечером Эрин Коннал отправилась на обед в самую верхнюю комнату Башни Ветра, находившуюся высоко над равниной. Шесть сотен ступеней вверх по лестнице.

Поднимаясь на очередную продуваемую ветром площадку, Эрин проходила мимо бойниц. Через них можно было посмотреть вниз.

К югу отсюда много веков назад Великий Разлом расколол землю на две части, и Ворота Ворона находились на самом краю пропасти. С этих величественных высот можно было любоваться зелеными долинами Белдинука. Древняя дорога, петляя, взбиралась на утес к воротам города.

К тому времени как Эрин добралась до комнаты Андерса под самой крышей башни, она успела разглядеть все на много миль вокруг. Вокруг башни свистел ветер, и молнии змеями чертили небеса.

Когда Эрин и Целинор вошли, Андерса не было в комнате. Стол был накрыт, как для роскошного пира, но Андерс ушел. Дверь была распахнута, а он стоял снаружи, и ветер трепал его волосы.

Увидев Эрин и Целинора, он усмехнулся и вернулся в комнату.

— Я наслаждался видами Белдинука, — сказал он, — как, наверное, делал Ссидавиан в давние дни. Я и вообразить не мог, что один из ветророжденных, каким был он, захочет вот так стоять в ночи. Ну, давайте обедать.

Король уселся за накрытый стол в центре комнаты и отрезал себе кусок жареной оленины. Все время обеда он молчал и не смотрел ни на Эрин, ни на Целинора, которые обменивались взглядами.

Это молчание тревожило Эрин.

— Отец, — сказал Целинор спустя несколько минут, — ты ведь хотел поговорить с нами?

Король Андерс взглянул на него так, словно забыл, что они тоже находятся в комнате.

Он сумасшедший, подумала Эрин.

— Говорят, за обедом не следует обсуждать дурные вести, — ответил король, беря вилку, — дурные вести плохо перевариваются.

— Плохие новости? — спросил Целинор.

Андерс прожевал кусок оленины, кивнул, но не сказал ни слова. Он смотрел на свой обед так пристально, словно репа или глоток вина могли помочь ему найти ответ на вопрос. Наконец, он продолжил есть.

Желудок Эрин ссохся от голода, поэтому она поела совсем чуть-чуть. Когда король закончил трапезу, все отодвинули тарелки.

Король Андерс улыбнулся — но в его взгляде, обращенном к сыну, заметно было огорчение.

— Как тебе известно, в прошлом я вел нечестную игру с Габорном. Я позвал вас двоих сюда — я позвал сюда Эрин, — чтобы иметь возможность оправдаться.

— А в чем состояла нечестность игры? — спросила Эрин.

— Я отправил послание Королю Лоуикеру Белдинукскому и посоветовал ему остерегаться мнимого Короля Земли. Также я плел интриги с Интернуком — для захвата Мистарри, и оба эти государства обещали мне поддержку. Остальные были более сдержанны и не спешили броситься на защиту справедливости, хотя, как вы могли заметить, много иноземных лордов вступило в мою армию. Только одного человека я не пытался втянуть в мою войну — Раджа Ахтена, потому что я боялся, что даже моих сил не хватит, чтобы спасти его. Но с тех пор как Земля призвала меня стать ее коро-

дем, в сердце моем растет беспокойство. Вы видите, каждый мужчина, каждая женщина, каждое дитя теперь драгоценны для меня. Каждый человек. Однако я поднял многих правителей на войну с Мистаррией. Не имея даров, которые защитили бы их, люди Мистаррии обречены. Я надеюсь только на то, что мы придем туда раньше, чем враги Габорна, и таким образом изменим ход сражения.

Эрин придвинулась ближе и предложила:

— Если нужно спешить, давайте отправимся немедленно и будем двигаться как можно быстрее.

— Мое сердце предсказывает, что мы потеряем много людей, если тотчас отправимся в путь, — сказал Король Андерс. — Если даже мы сумеем пробиться сквозь бурю, что будет с ногами наших коней и смогут ли они нести нас в бой, когда мы прибудем в Мистаррию? А наши воины, будут ли они готовы к бою? Я думаю, нет. Лучше как следует отдохнуть. Итак, нужно спешить — и я спешу. Я послал гонцов к дочери Лоуикера и лордам-воителям Интернука, умоляя их отвести войска. Но я не могу гарантировать, что они остановятся. Риалла Лоуикер полна ярости и желания отомстить за смерть отца, а лордами-воителями Интернука управляет жадность, а не рассудок. Так что нам надо готовиться к сражению. Оборванные отряды усталых рыцарей немного достигнут. С севера должна прибыть могучая, как северный ветер, армия, несущая помощь народу Мистаррии. Мы должны спасти Мистаррию.

Он долго смотрел на Эрин, затем сказал:

— Я дал тебе повод не доверять мне. Я прошу тебя только об одном. Как у своей новой дочери, я прошу у тебя прощения — и милосердия, ибо я стараюсь платить за свои ошибки.

Эрин изучающе смотрела на Короля Андерса. Его лицо осунулось, он сидел наклонившись вперед, как ребенок, положив локти на стол. Сейчас он так напоминал Габорна, что

Эрин почти уверилась, что это один и тот же человек. Казалось, она чувствует силу и искренность его слов. Он действительно хочет спасти Мистаррию.

Но ничто из того, что он до сих пор говорил и делал, не указывало на то, что он что-то большее, чем просто сбитый с толку старик, мечтающий исправить совершенные им ошибки. Ничто не доказывало, что он Король Земли.

— Хорошо, — сказала Эрин. — Я дам Вам еще один шанс.

После обеда Эрин оставила Целинора, желавшего поговорить с отцом, и отправилась в свою комнату. Глаза ее болели, словно в них было полно песка, а все мышцы ужасно ныли. Ей предстояло еще пережить свои странные ночные грезы.

Она наточила свой длинный кинжал, а затем улеглась на огромную кровать, положив его под подушку. Кровать была мягче, чем любая, в какой ей доводилось спать, и ей казалось, что она тонет в пышной перине — тонет, и тонет, и никак не доберется до дна.

Она проснулась в норе совы. В Другом Мире был рассвет, буря кончилась. Так много солнечного света лилось сквозь крону большого дерева и в нору, что ей впервые удалось толком рассмотреть логово совы.

Оно было очень похоже на нору у подножия любого земного дерева. Перекрученные корни вылезали из-под земли и стелились по полу, а другие образовывали что-то вроде полок над входом. Но это была не звериная берлога. Эрин видела приметы того, что здесь обитает человек. Над лазом было вырезано женское лицо, и другое такое же — в глубине помещения, на толстом корне.

Груда костей белела под насестом, на котором обычно сидела сова. Эрин подошла ближе и наклонилась, присматриваясь. Это были странные кости — останки чудовищных созданий, вроде гигантской рогатой лягушки, и еще другого

существа, которое могло быть олененком, если бы не широко расставленные глаза и нелепые клыки. На костях, впере­мешку с белыми экскрементами огромной совы, лежали куч­ки пыли и перьев.

Эрин взгляделаь в женское лицо, вырезанное над уходив­шим куда-то ходом. Это лицо было невероятно красивым. Длинные волосы струились водопадом, обрамляя ход. За ним круто под землю уходил туннель, вымощенный камнем, со ступеньками, ведущими в темноту.

Эрин глубоко вздохнула. Утренний воздух пах слаще, чем летние поля, но в этом запахе был и оттенок мускуса и под­земелья. Она ущипнула себя и почувствовала боль. Это был не сон. И в самом деле она никогда еще не чувствовала себя настолько бодрой.

В легендах Другого Мира говорилось, что в начале вре­мен все люди были Светлейшими и жили под Первым Дре­вом. Эрин гадала: а вдруг это огромное дерево и есть то са­мое, из легенды, а дыра у ее ног — это дорога к забытому дому. Забытому или покинутому.

Наверное, все Светлейшие погибнут, говорила она себе. Конечно, если тени Темного Победителя, которые плавали вчера в моем видении, существуют, то конец Светлейших не­далек.

Она осмотрелась в поисках факела — или хотя бы очага, где могла найтись вязанка хвороста. Но не нашла ничего, чем могла бы осветить себе путь.

Она развернулась и уже готова была выйти наружу, на свет, чтобы исследовать этот странный мир, который она была вынуждена посещать в своих не похожих на сны снах, как вдруг услышала шум крыльев. Темнота отступила перед светом, хлынувшим через лаз в нору.

И вдруг огромная сова приземлилась на пшест и ветер от ее крыльев взметнул в воздух клубы пыли. В ее мощном

кловое билось что-то, что могло бы быть крысой, если бы не весило не меньше пятидесяти фунтов.

Сова положила свою жертву на край пасеста, запустила в нее когти, сложила крылья и склонила голову, разглядывая Эрин.

— Можем ли мы поговорить? — спросила Эрин.

— Подожди минуту, — сказала сова. Она колебалась. — Ты боишься меня.

Эта мысль поразила ее и опечалила.

— Ты воин, но ты сражалась со сном, чтобы не встретиться со мной. Я не причиню тебе вреда.

— Ты — существо из Другого Мира, — сказала Эрин. — Я испугалась бы, даже если бы ты жила в моем собственном мире.

— Тебе не надо меня бояться, — сказала сова, — если только ты не в союзе с Вороном.

Внутренним зрением Эрин увидела Ворона — огромную тень, закрывшую солнце. Это именно она пыталась перехватить контроль над Руной Творения у Светлого Совета. Это именно она разбила Единый Истинный Мир на миллионы частей, дав жизнь мирам-теням, которые теперь собиралась захватить или разрушить.

— Я не в союзе с Вороном, — сказала Эрин. — Но я не доверяю тебе. Может быть, я так беспокоюсь, потому что мне кажется, будто я схожу с ума. Ведь раньше мне никогда не снилось ничего похожего, но теперь ты посещаешь каждый мой сон.

Сова смотрела на нее не мигая:

— Разве в твоём мире люди не посылают друг другу сны?

— Нет, — ответила Эрин.

Сова ничего не сказала, но Эрин почувствовала, что ее окутала печаль — и внезапно ее озарило знание. В другом мире такие сны-послания ценились как самая сокровенная

беседа. Они имели большую силу, чем просто слова, и открывали не только мысли, но и сердце; и когда зарождалась любовь между мужчиной и женщиной, их часто можно было видеть в ночи, погруженными в общее сновидение,— и неважно, сколько миль разделяло их в реальности.

— Я вижу,— сказала Эрин.— Ты не желала испугать меня, наоборот, ты хотела меня успокоить. Но то, что ты мне показываешь, не приносит покоя.

— Я знаю,— сказала сова.

— Я охотилась за твоим Асгаротом,— сказала Эрин.— Но я не знаю, где он прячется.

— Я тоже долго охотилась за Асгаротом,— прошептала сова, и Эрин почувствовала, как тяжела была эта охота. В ее сознании возникла фигура человека, одинокого человека, несущего меч за спиной, бредущего по бесконечным пустыням. Сова охотилась за Асгаротом бесчисленное количество веков во многих мирах. Много раз она находила это существо и много раз срывала маску с лица Асгарота.

— Когда ты приснилась мне в первый раз,— сказала Эрин,— ты держала мой меч и вызывала меня.

— Да,— мягко сказала сова.— Я ищу Асгарота, и мне нужен союзник среди твоего народа. Будь осторожна,— шептала сова,— Асгарот близко.

Она сложила крылья на груди и растаяла, как утренний туман.

В логове сгустилась тьма. Черные крылья закрыли солнце, и запах бури заполнил маленькую нору. Тварь, которая спускалась по ступеням, припадала к земле, длинные суставы пальцев скребли пол. Тень от нее была человеческая, но клыки и когти говорили о том, что это не человек. Тьма плыла у его ног.

Темный Победитель явился перед ней, полный холода и угрозы.

* * *

Глаза Эрин открылись как раз в тот момент, когда дверь спальни начала со скрипом отворяться. Ее сердце отчаянно колотилось. Только одна свеча горела в подсвечнике.

В комнату вошел Целинор, он выглядел серьезным и мрачным. Она была уверена, что локус Асгарота где-то близко, и потому она крепко стиснула лежавший под подушкой кинжал и с бьющимся сердцем приготовилась воткнуть его Целинору в горло, едва он опустится на кровать.

Но сразу вслед за Целинором вошел его отец, Король Андерс.

В одном из них локус, Эрин точно знала это, но не знала, в ком именно.

— А,— сказал Король Андерс приятным голосом.— Я рад, что ты проснулась.

— Только что прибыл курьер из Херседона,— сказал Целинор.— Огромная орда опустошителей вышла из Подземного Мира и движется через Мистаррию. Габорн призывает на помощь все королевства севера. Он просит, чтобы каждый, кто может прийти, взял копьё или лук и явился под стены Карриса завтра на закате.

Истощенное лицо Короля Андерса казалось бледным.

— Мы должны ответить на его призыв до первых лучей солнца,— сказал Андерс.— За такое короткое время я смогу привести лишь малую часть своих войск, но я послал гонца, и он скажет Габорну, что новый Король Земли идет защищать его. Мы сделаем все, что сможем.

Глава 22

ВЕТЕР С ВОСТОКА

Мир полон роющих землю созданий — огромные каменные черви, диаметр которых больше, чем дом; ледниковые гусеницы с острыми зубами и разделенными на сегменты телами; крабы-слепцы и сумчатые пауки; и даже крошечные долгоносики, которых зовут кербелями и которые могут прогрызть броню. Но опустошители — хищники, а не копатели. Они живут в туннелях, прорытых другими животными, и, похоже, копают только тогда, когда хотят извлечь свою жертву из какой-нибудь щели.

Из Бестиария Бизнесмана. Животные Подземного Мира

Габорн мчался сквозь Подземный Мир по туннелю, где из ям с илом на белые стены летели брызги мертвенно-бледного кальцита. За стенами был слышен рев пара, рвущегося вверх по потайным трубам, будто опустошители, которые

обживали эти места, старались выкачать отсюда целые реки кипящей воды. Рокошущий шум бил в уши.

Свет его опаловой пряжки мерк. Он не знал, надолго ли его хватит. Казалось, он бежит уже несколько дней, а то и недель. Почувствовав опасность впереди, он остановился и внимательно посмотрел на тропу.

Дорога пересекала грубо высеченную пещеру — дыру, прорытую каким-то крупным каменным червем. Часть свода обрушилась, рассыпавшись по полу грязью, гравием и булыжниками. Это было отличное место для засады. Главный туннель был отполирован телами бесчисленных опустошителей, проходивших здесь. Но боковой туннель выглядел диким, нежилым. Красная табачная трава выросла по колено человеку.

И действительно, черви-нарывники выползли из бокового туннеля и теперь тысячами расползлись по полу, пожирая экскременты, оставленные ордой опустошителей. Эти черви, похожие на слизней или личинки, длиной в палец, были серыми и насквозь пронизанными малиновыми венами. Их мясо содержало яд, от которого кожа покрывалась нарывами, но большие крабы-слепцы, устойчивые к яду, роились тут же, пожирая червей.

Габорн не видел признаков недавнего присутствия опустошителей на поперечной дороге, и на поверхности куч грязи не было заметно подозрительного шевеления щупальцев. И все же он чувствовал затаившуюся и поджидающую его смерть.

Там был опустошитель, и может быть, не один. Он успел уловить отвратительный запах, похожий на запах заплесневелого мяса. Он знал, что опустошители переговариваются запахами.

Габорн еще пристальнее взгляделся в лежащий перед ним путь и почувствовал внезапный всплеск энергии. Его спо-

собствующие в Хередоне передали ему очередные дары. Он не был уверен, получил он больше мускульной силы или жизнестойкости, но все равно результат был очень желанным для человека, который должен был бежать так долго.

Габорн крепче перехватил свое оружие, продев ладони в кожаные ремни копья опустошителя, и приготовился шагнуть вперед.

«Жди!» — предупредила Земля. Габорн не видел причин ждать, но в этот миг он ощутил волну силы, омывшей его, и напряжение в мышцах немного ослабло. Он получил дар грации.

Он поднял ногу, качнулся вперед — и снова Земля прошептала: «Жди!». И вдруг он понял, о чем она предупреждает. Опасность уменьшалась, но все еще была слишком велика. Дух Земли запрещал ему идти вперед, пока он не получит достаточно даров.

И тогда Габорн остановился и разжег небольшой костер. Он приготовил густую кашу из муки, воды, соли и меда, а затем поджарил на огне немного хлеба.

Пока он ел, его сила росла. Мускульная сила, жизнестойкость, грация, ум — все было дано ему. С каждым даром Габорн чувствовал себя более крепким, более уверенным в себе.

Еще целый час он продолжал напрягать свои чувства, улавливая слабые запахи, витающие над полом пещеры.

Наконец, когда он не только съел, но и переварил свою пищу, он снова встал на ноги. Он поднял большой обломок скалы и подтащил его к месту пересечения туннелей, а затем бросил так, чтобы тот полетел низко над полом, и камень заскользил, как по поверхности пруда, разрывая червей на липкие кусочки и расшвыривая кормившихся крабов.

Эффект не заставил себя ждать. Гигантский опустошитель выскочил из земли прямо перед Габорном. Земля словно взорвалась. Пыль и щебень полстели во все стороны.

Растерявшийся монстр вцепился в камень, выискивая долгожданную добычу. Второй опустошитель прыгнул с потолка бокового туннеля слева. Третий — это был маг — вышел из правой пещеры, держа в руке светящийся мертвенным светом кристаллический жезл.

Из жезла зеленой стрелой вылетела энергия и ударила в краба-слеппца. Габорн почувствовал зловоние смерти и так ясно, словно голос звучал в его голове, он услышал слова: «Разлагайся, ты, порождение человека».

Едва предводитель понял, что Габорн не попал в их ловушку, он бросился вперед с такой скоростью и мощностью, что несколько секунд Габорн изумленно смотрел на него.

Он отскочил немного назад в надежде, что в узком месте им придется атаковать по одному.

Огромный предводитель сделал выпад, разочарованно шипя.

Габорн прыгнул прямо в раскрытую пасть, поджав колени, поэтому его ноги лишь слегка зацепили острые, как коса, зубы в самой глубине глотки монстра. Он ранил грубый язык, и рот чудовища наполнился липкой слизью, на которой Габорн скользил, как на мокрых камнях.

Габорн вонзил копьё сквозь мягкое небо чудовища прямо в его мозг. Монстр в ответ яростно затряс головой, стараясь избавиться от врага.

Габорн крепко вцепился в копьё, борясь за жизнь, потому что зубы опустошителя были острыми, как кинжалы, и могли разрезать его на полосы, как пергамент.

Под весом Габорна копьё зашаталось. Горячая кровь хлынула потоком — усилия чудовища привели к тому, что его собственный мозг взбивался в пену, как яйцо.

И вскоре монстр зашатался и рухнул, плотно сжав челюсти в предсмертной судороге. Габорн выдернул копьё.

Самый крупный и быстрый из трех опустошителей был мертв, но чувство Земли кричало: «Уворачивайся!»

Внезапно рот мертвого опустошителя приоткрылся, и смертоносные когти его товарища чуть не зацепили Габорна.

Габорн буквально вышвырнул себя из пологих на песчур пасти.

Маг-опустошитель стоял совсем близко, но его лапы были заняты: он старался раскрыть пошире рот своего мертвого начальника. Габорн ударил прежде, чем враг понял, что произошло, воизв свое копь в мягкий треугольник.

Опустошитель выпустил из когтей челюсти мертвого предводителя и отшатнулся, наткнувшись на своего третьего товарища. Он вытянул лапы вверх и попытался выдернуть копь, но принес себе больше вреда, чем пользы, ибо едва он вытащил копь, как из раны вперемешку хлынули кровь и мозг. Опустошитель покачнулся и упал.

Битва с третьим опустошителем продолжалась несколько минут, в течение которых Габорн отскакивал и уворачивался от нападения. Но, в сущности, бой закончился, едва начавшись. Все три опустошителя были мертвы.

Габорн же получил лишь несколько поверхностных порезов.

Но пока он шел, пошатываясь, через поле сражения, где валялись мертвые черви-нарывники, он был поражен увиденным: черви лежали всюду кучами, размолотые в фарш. И даже краб-слепец, питавшийся ими, был мертв. Куски гнилого мяса выскользнули из его рта.

Порезы на теле Габорна тоже начали гнить. Маг-опустошитель обладал огромной силой. Габорну казалось, что он чувствует, как даже содержимое его желудка стремительно превращается в гниль.

И все же он остановился: заклинание было очень знакомым. Габорн чувствовал присутствие Силы Земли. Наконец,

он решил, что это было заклинание исцеления, вроде того, которое Биннесман произносил над ранеными. Только оно было прочитано наоборот.

Габорн закашлялся, на него накатил приступ удушья; казалось, его легкие гниют прямо у него в груди; и он бросился прочь из этого отравленного места. Его руки начали покрываться пятнами плесени.

Он пробежал несколько сотен ярдов и, повинувшись внезапному порыву, сбросил с плеч и раскрыл свой мешок. Вся его еда покрылась плесенью. Тащить с собой эту дрянь не имело смысла, и он швырнул мешок на землю.

Еще долгие часы он бежал, пока, наконец, его раны не затянулись.

С кем я сражаюсь? думал он. Или с чем?

Там, в Хередоне, несколько недель назад, он думал, что его самый страшный роковой враг — Радж Ахтен. Но Биннесман сказал, что Радж Ахтен — это фантом, маска, под которой прячется куда более сильный и страшный враг.

Тогда он решил, что Биннесман имеет в виду Огонь и хочет сказать ему, что против него выступила одна из величайших Сил. Но потом Йом рассказала, что на нее напал чародей Воздуха — и тогда Габорн решил, что в бой с ним вступили уже две из величайших Сил.

Но что-то в том, свидетелем чему Габорн только что стал, заставило его засомневаться. Заклинания опустошителей показали, что они используют искаженную Силу Земли. В Каррисе они заставляли раны гноиться и насылали на людей слепоту. Они бросали черный туман, разрывавший людскую плоть.

Они выжимали из людей воду. Воду?

Значит, это не просто Огонь и Воздух ополчились на него. Даже силы исцеления и защиты были извращены, перевернуты. Казалось, даже Земля, которой он служил, стала его врагом.

Земля, Воздух, Огонь, Вода.

Когда-то раньше, давным-давно, во времена, описываемые в легендах, тварь, которую называли Вороном, пыталась подчинить себе эти Силы.

Что же такое сказал Биннесман тогда, в саду, когда Дух Земли впервые явился Габорну? Другие Силы будут расти. Но Земля ослабеет.

Габорн недоумевал. Земля отступилась то него, лишила способности предупреждать его Избранных об опасности. Но почему она отказалась от него -- из-за его, Габрона, минутной слабости или из-за ее собственной?

Габорн бежал и бежал, пока Чувство Земли не предупредило его, что смерть приближается к его людям в Хередоне.

На мир опускалась ночь.

По человеческим меркам прошло полтора дня с тех пор, как он вошел в Уста Мира. Но такому счету времени пришел конец. По человеческим меркам прошло меньше двух недель с тех пор, как Радж Ахтеп напал на Хередон. И десять дней с тех пор, как Габорн стал Королем Земли.

Но с его дарами метаболизма время текло совсем по-другому. Казалось, что дни растягиваются в недели, недели — в месяцы.

Он бежал по туннелю, в котором крошечные кристаллические пауки, такие прозрачные, что казались вырезанными из кварца, висели на толстых шелковых нитях паутины. Он видел таких пауков раньше, в Хередоне, но тогда они так быстро сновали по своей паутине, что казались мельчайшими каплями воды, взлетающими ввысь.

Теперь они выглядели застывшими, неподвижными.

Казалось, весь мир застыл и вечность — не более чем мгновение.

Он добрался до того места, где по полу туннеля бежал поток глубиной в несколько футов. Двигаясь по воде, он

увеличил ширину шагов. Каждый раз, когда подошвы его ног касались дна, они начинали вязнуть в чем-то вроде мягкого ила. Но он продолжал мчаться вперед.

Он не знал, сколько даров метаболизма у него еще осталось. По меньшей мере сорок. Он слышал, что на движение в воде уходит много даров. Но, может быть, у него была в запасе сотня.

Время он мог измерять только по шагам да ударам собственного сердца.

Человек не может бесконечно принимать дары метаболизма. Общее мнение таково, что нельзя брать больше дюжины, потому что после этой цифры опасность для жизни возрастает. Руны, с помощью которых способствующие передают разные свойства, несовершенны. Руна метаболизма ускоряет все жизненные процессы, проясняет сознание, но бывает, что не все органы начинают работать с одинаковым ускорением.

И потому часто случается, что принявший много даров метаболизма и пользующийся ими долгое время человек заболевает, слабеет и умирает через несколько недель. Опасность можно уменьшить, если к каждому дару метаболизма добавлять два дара жизнестойкости. Но редко бывает так, чтобы лорд мог задействовать так много печатей силы, и потому человек, принявший избыток даров метаболизма в час нужды, был подобен звезде, ярко вспыхнувшей перед тем, как погаснуть.

Габори не был уверен, что в итоге способствующие и их печати силы не убьют его.

Он не останавливался для отдыха и сна. И почти с каждым шагом чувствовал себя сильнее.

Возможности даров тоже имели свой предел. Приняв пять даров ума, человек уже ничего не забывал. При двенадцати дарах каждый удар сердца, каждое движение век запечатле-

валось в памяти, и после этого новые дары уже мало что меняли.

Так же обстояло дело и с мускульной силой. Воин, принявший десять таких даров, мог поднять лошадь, но при этом он подвергался серьезной опасности: кости его спины или ног могли сломаться.

Воин, принявший пять даров жизнестойкости, также достигал предела: той точки, в которой он больше не нуждался в сне. Он мог, конечно, почувствовать усталость, но один миг отдыха давал тот же результат, что целая ночь сна в мягкой постели.

Габори никогда не хотел быть таким, как Радж Ахтен: копить огромное количество даров, не приносящих реальной пользы.

Но пока Габори бежал, он чувствовал, что дары все прибывают. Ему казалось, что он уже перешел все пределы. Он не мог даже представить, сколькими дарами теперь обладает. Сто даров мускульной силы? Даже перепрыгивая шестидесятифутовую трещину в полу, ему не приходилось прикладывать усилий. Тысяча даров жизнестойкости? Он вообще не чувствовал усталости. Вскоре ему стало казаться, что энергия и сила буквально сочатся из его пор.

И с каждым шагом, по мере того как способствующие в Хередоне персправляли ему новые дары, энергия еще возрастала.

Он чувствовал себя как созревший плод, кожица которого готова лопнуть. Ему казалось, что эта гонка через Подземный Мир ему только снится, как если бы тело его осталось где-то далеко, а сам он парил на крыльях мысли.

Должно быть, Радж Ахтен чувствовал что-то подобное, подумал он. Я могу пробежать по облакам.

Он промчался через пещеру, пересек поток. Впереди какая-то приземистая бурая тварь, похожая на гигантского

слизняк, ползла по полу пещеры — и все, к чему она прикасалась, начинало разлагаться. Здесь весь пол туннеля был изрыт дырами — норами крабов-слепцов и других мелких животных.

Габорн остановился, чтобы выпить воды из теплой лужи. Вода не утолила его жажды. И хотя он собрал и съел несколько серых грибов, это лишь слегка приглушило чувство голода.

Он почувствовал смерть — один из его Избранных был оторван от него. В Хередоне начали убивать. Габорн попытался воспользоваться Прозрением Земли. Он почувствовал свою собственную смерть, притаившуюся где-то впереди, в темных коридорах, и точно так же он чувствовал, как смерть приближается к его Избранным в Хередоне. И даже посланные им предупреждения не помогут: десятки тысяч умрут сегодня, еще до захода солнца.

Он остановился еще ненадолго: то, что он чувствовал, терзало его, и он скорбел о своем народе. Он знал, что происходящее сегодня — лишь предвестник грядущих, худших событий.

На поверхности земли, более чем в тысяче миль к северу, в Хередоне, бушевала буря. Тяжелые тучи, темные в глубине, но зеленые по краям, стояли стеной. Сверкали молнии, и пронзительный ветер неистовствовал в полях.

— Прячьтесь в дома! — кричал жителям Эйблтона Ибер, дядя Чимойз. — Быстро прячьтесь, все по домам! Это то, о чем нас предупреждал Король Земли!

Многие молодые парни и хотели бы поспорить и постоять в дверях, глаза по сторонам, просто для того, чтобы показать свою храбрость, но до них доходили слухи о том, что случилось в Замке Сильварреста, и они знали, что пренебрежение словами Короля Земли заканчивается одним: смертью.

— Входите внутрь,— приказным тоном говорил Ибер.— Что бы это ни было, оно убьет вас.

— Да,— заговорили и другие люди,— это воля короля.

Ибер запер дверь и задвинул засов. Все с удивлением смотрели на старика Эйбла: он притащил кожаную сумку, полную земли с его полей, и теперь рассыпал эту землю перед дверью, придав ей форму руны защиты. Затем он окропил руны вином и предупредил:

— Пусть никто не сдвинет ни пылинки.

Старик не был Чародеем Биннесманом, но он был удачливым фермером, и сердце его сроднилось с землей. Чимойз хотелось верить, что у него есть хоть какая-то сила; наверное, и остальные хотели верить в это, потому что никто не осмелился тронуть руны.

Музыка смолкла. Праздник закончился.

Ночь еще только начиналась, но ни у кого не было желания веселиться. Напротив, все горожане молча уехали на пол, страшась того, что принесет им этот вечер.

Чимойз прислушалась к тому, что происходило снаружи. Ветер ревел, буря усиливалась. Вскоре крепкая новая дверь начала содрогаться под ее ударами.

— Там, снаружи, кто-то есть, и он хочет войти,— сказала какая-то женщина.— Кто бы это мог быть?

Чимойз решила, что это просто удары ветра, ибо никто не звал на помощь. А если и звал, то поднявшийся ветер относил голоса прочь.

Она осмотрела комнату. Здесь было только шестьдесят семей из всего города. Она не слишком хорошо знала их и не могла сказать, все ли находятся тут. Может, кто-нибудь забыл снаружи ребенка?

Ибер начал выкликать имена:

— Кали Хоукс, здесь ли ты и твоя семья?

Кали Хоукс огляделся:

— Да!

— Дунагал Фри?

— Здесь!

Переключка продолжалась.

Ибер и тетя Констанция оба были здесь вместе с Чимойз, и тут же за обеденным столом сидела бабушка, бедная старушка, страдающая от того, что все идет неладно.

— Все наши здесь, — сказал Ибер, закончив переключку.

— Но ведь кто-то есть снаружи, — заспорила женщина.

— Я знаю, кто, — предположил Гадамон Дринкуотер, — это старый пастух, который живет на холмах.

— Нет, — сказал Ибер. — Я предупредил его нынче вечером. На время бури он загнал своих овец в пещеру и сам собирался остаться там и переждать.

— Это не кто-то там, за дверью, — сказал Эйбл Фармуорти. — Это что-то.

Ветер ревел, как от сильной боли, и стучал в дверь, сотрясая ее. Палки и листья бились в деревянную дверь, она вздрагивала от ударов. Волосы Чимойз встали дыбом.

Она слышала о том, как бушевал Темный Победитель даже после того, как он был уничтожен, превращен в ураган и умчался на восток. И вот он вернулся.

Где-то недалеко начал нарастать скрипучий звук, будто снаружи появились летучие мыши. Чимойз едва различала эти звуки среди свиста ветра и внезапных раскатов грома. Вслед за звуками появился отвратительный запах — запах грязи и шерсти.

— Крысы! — воскликнула старуха. — Я чую крыс!

Звук медленно нарастал, и вонь усиливалась вместе с ним. Крысы идут — не дюжины или сотни, даже не тысячи, но десятки тысяч крыс.

Внутреннее зрение позволило Чимойз увидеть их, мчащихся через поля, по сухой стерне, переплывающих ручьи и

реки, полных беспощадной, пугающей целеустремленности. Они карабкались на скалы и мчались по их краю, как по дороге.

И вот они добрались до двери. Они скреблись и визжали снаружи и наконец со страшным шумом начали грызть деревянный порог.

Дядя Ибер закричал:

— Всем отойти к задней стене!

Желудок Чимойз свело судорогой от страха. Почти все женщины и дети бросились в глубину подвала, пытаясь спрятаться. Но Чимойз огляделась в поисках какого-нибудь оружия, схватила метлу и пошла к двери. Несколько городских парней пришли сюда с мечами и боевыми молотами, просто на всякий случай. Но это было не лучшее оружие против крыс.

Дирборн Хаукс взял у нее метлу.

— Отдай-ка это мне, — сказал он, а сама прячась с остальными женщинами.

— Все в порядке, — заспорила Чимойз, — я тоже могу помочь.

— Ты ждешь ребенка, — сказал Дирборн. — С собой ты можешь рисковать, как хочешь. Но о ребенке мы должны позаботиться.

Чимойз отдала ему метлу и мгновение смотрела ему в глаза. Потом она отошла назад, в дальний угол винного погреба, где были остальные женщины. Когда она обернулась, Дирборн все еще смотрел на нее.

Крысы еще долго грызли дверь, постепенно превращая ее в груды опилок.

Но пока они этим занимались, произошло нечто странное. *Ферриты* в их норах засопели и жалобно запищали. Они высунули головы наружу и нюхали воздух, шевеля усами. Затем, один за другим, маленькие создания начали выбираться наружу, щурясь от света лампы.

Чимойз редко доводилось видеть ферринов при таком хорошем освещении. Первыми осторожно выбрались крупные самцы, охотники. Каждый был чуть больше фута высотой. Они были одеты в какие-то тряпицы, до смешного напоминающие человеческую одежду. На одних были только спитые из мышиных шкур ремни, к которым крепилось оружие, а другие использовали старые посудные полотенца как плащи. Они были разного цвета — от коричневого до серого в крапинку, и животы у них были светлее спины. У каждого было какое-нибудь оружие — восемнадцатидюймовое копье, сделанное из старой рыбацкой остроги, топор с лезвием из осколка стекла, кинжал, сделанный из золотой заколки.

Ворча и сопя, они подошли к двери и там остановились, тревожно пересвистываясь.

Крысы были излюбленной добычей ферринов — деликатесом столь же любимым ими, как оленина людьми Рофехавана. Дюжины ферринов выбрались из своих нор; они расхрабрились, и новые и старые охотники выходили на свет — старики с седой шерстью, молодые, с коричневой гладкой шкурой. И вот уже две сотни ферринов находились в комнате — Чимойз и вообразить не могла, что их столько пряталось в старом винном погребе.

Дядя Ибер предупредил людей:

— Отойдите. Это их битва. Вот почему Король Земли велел нам уходить под землю.

И тогда люди отступили и с благоговейным трепетом смотрели, как началось сражение. Крысы еще долго грызли дверь. Гром яростно грохотал, ветер завывал у входа.

И вдруг огромная черная крыса протиснулась в помещение.

В тот же миг полдюжины маленьких копий взлетели в воздух и пронзили тварь.

Один из главных ферринов издал довольное ворчание и торжественно поднял крысу в воздух. Ее лапы беспорядоч-

но били по воздуху, она тщетно пыталась освободиться и в бессильной ярости грызла копые. Чимойз не представляла себе, чтобы можно было быть настолько грязным и вонючим, как эта крыса. Она выглядела истощенной, словно бежала не один день. Ее глаза были тускло-желтыми и словно затянутыми пленкой. Ее спутанная шерсть была покрыта грязью.

Лорд ферринов выдернул копые и отшвырнул раненую крысу так сильно, что она приземлилась на пол в центре комнаты. Раненый хищник принялся сопеть и судорожно дергаться, словно ища спасения.

Из норы выскочили три самки. Они схватили раненую крысу и потащили ее, дергая в разные стороны, разрывая на части своими цепкими лапами, так что крыса только пискнула один раз от боли и умерла.

Женщины-феррины поволокли убитую добычу к своему жилищу; на полу остался только крысиный помет.

Появилась вторая крыса — и почти сразу полетела назад, вслед за первой; а потом третья, четвертая.

Но то, что начиналось как бойня, вскоре превратилось в беспощадную, жестокую битву.

Крысы продолжали грызть дверь, расширяя проход, так что вскоре уже дюжина их могла прошмыгнуть в пещеру одновременно. Воины ферринов пронзали и рубили тварей, заваливая проход телами убитых. Но крысы продолжали атаковать. Они проскакивали в просветы, запускали свои острые зубы в тела ферринов, прокусывали кости, перегрызали артерии. Феррины продолжали яростно сражаться, свистя и осыпая проклятиями прорвавшихся в помещение крыс, атакуя с силой и натиском безумия.

Крыс было слишком много, они ломались толпой, некоторым удавалось прорваться сквозь ряды ферринов или перепрыгнуть через них. Прорвавшись, они со страшной

скоростью бросались к задней стене и яростно нападали на горожан.

В первый момент это вызвало настоящий шок. Сражающиеся феррины швырнули очередную раненую крысу на середину комнаты, и она помутневшими от боли глазами уставилась на притаившихся в убежище людей. Вдруг глаза ее засветились — казалось, она что-то вспомнила и, скребя лапами пол, поползла к людям, как раненая гончая, преследующая кабана.

Чимойз знала, что ею движет не общее безумие боя. Другая, чужая воля заставляла ее двигаться.

По мере того как она приближалась, в глубине ее горла рождался странный звук, что-то вроде сдавленного рычания. Чимойз никогда не слышала, чтобы крысы издавали такие звуки.

Но она слышала, что крысы разносят заразу. Крысиные укусы легко воспаляются и сочатся гноем много дней. Раны могут загнить, и случалось, что укушенные крысой умирали.

Чимойз опасалась, что эти ненормальные твари, лезущие под дверь и с такой яростью нападающие, несут в себе невообразимую заразу — может быть, чуму.

Крыса медленно приближалась, и один из сыновей Дринкуотера, мальчик лет девяти, прыгнул на тварь обеими ногами и растоптал ее с отвратительным хрустящим звуком.

У Чимойз все перевернулось внутри. Назад, домой, в Замок Сильварреста! Там всегда достаточно много феррипов, чтобы не допустить крыс в город!

Поведение тварей было неестественным. Буря снаружи была неестественной. Гром гремел не переставая, зловеще и угрожающе.

Это мы убили Темного Победителя, поняла она и теперь он посылает это проклятие на Хередон.

— Сомкнуть ряды,— закричал дядя Ибер.— Мужчины вперед, женщины назад. Не подпускайте крыс близко!

Но все больше и больше крыс проскакивало мимо ферринов, и далеко не все из них были ранены. Они мчались через комнату со скоростью терьеров, покрывая одним скачком до десяти футов. Молодые парни из деревни попробовали превратить все в игру: они выбежали вперед и начали бить крыс метлами, протыкать их длинными вилками для мяса, взятыми с обеденного стола, а иногда просто сбивали их ногами и растаптывали.

Но для крыс это не было игрой. Казалось, отвратительные твари, ведомые какой-то темной силой, намерены были сражаться насмерть. Они яростно бросались в гущу горожан и кусали первого, кто попадется.

Дядя Ибер и другие мужчины схватили столы и бросили их на пол, создав нечто вроде защитного вала.

Дело принимало серьезный оборот. Крысы текли под дверь таким стремительным потоком, что феррины не успевали ничего сделать. Маленькие воины кололи и рубили. Комната была освещена только парой фонарей, поэтому Чимойз не могла как следует разглядеть, как идет сражение. Феррины казались просто волнующейся рычащей массой. Их свист и рычание, которые Чимойз поначалу приняла за боевые кличи, вскоре сменились стонами ужаса и боли. Она видела, как феррины поднимают копыя, пронзая крыс в прыжке. Топоры гудели, отрубая крысиные головы.

Раненые, окровавленные, ошеломленные крысы заполняли комнату. Но прибывали все новые — сильные, полные энергии, черные от грязи. Крысы с мутными желтыми глазами — или глазами, затянутыми зеленой пленкой; чумные крысы. Крысы, изо ртов которых сочилась белая слюна; когда они умирали, их рвало.

Феррины сражались неустанно, убивая крыс тысячами. Но убить крысу — непростая задача для феррина. Феррин достигает всего лишь фута в высоту, и крупная крыса почти

равна ему по весу. Так что, если говорить о соотношении размеров, феррин для крысы то же, что человек для кабана. Но даже те крысы, которые были невелики, были невероятно сильны и яростны, их вело безумие. Феррин, вооруженный копьем или кинжалом, мог уничтожить тварь, но это было нелегко.

И бой разгорался.

Чимойз находилась вместе с остальными женщинами, и с каждой крысой, проскочившей мимо ферринов или мимо мужчин, она справлялась так быстро, как только могла.

Самки ферринов тоже взяли оружие и встали на страже у входов в свои норы и сразу оказались в гуще крыс. Чимойз услышала жалобный крик одной из них и увидела, как две крысы напали на самку феррина и повалили ее на пол. Чимойз бросилась к ней, схватила обеих крыс и душила до тех пор, пока их пасти не распахнулись. Крысы извивались в ее руках, и вся их ярость обратилась против нее.

Бой превращался в настоящий кошмар. Чимойз не могла точно сказать, сколько времени он продолжался — час, два или больше. Но казалось, он тянется много бесконечных дней.

Она сражалась с отчаянно быющим сердцем, рот ее пересох от страха. Она убила сотни крыс, а саму ее укусили дважды — за запястье и за лодыжку. Одна маленькая тварь вскарабкалась по ее платью и попыталась выцарапать ей глаза, но Дирборн Хаукс отшвырнул крысу прочь.

Поток крыс нарастал, и, наконец, они хлынули в комнату темной волной. Чимойз не понимала, откуда могло взяться столько крыс. Ясно, что не с местных полей.

Старый дядя Ибер закричал:

— Всем отойти назад!

Он подбежал к бочонку с маслом для ламп и схватил его, зажимая под мышкой. Затем он подхватил с полу фонарь и бросился ко входной двери, крича ферринам:

— Дорогу! Дорогу!

Крысы прыгали на него, хватали за ноги, избегали на плечи, стараясь вонзить зубы в горло. Вскоре они висели на нем уже дюжинами, так что казалось, будто он одет в какой-то чудовищный плащ.

Тетя Констанция плакала и кричала от ужаса. Вряд ли дядя Ибер мог выйти живым из этой схватки. Чимойз бросилась ему на помощь, но слишком поздно.

Феррины разбежались перед ним так быстро, как могли, и наконец Ибер распахнул бесполезную дверь.

Гром снаружи грохотал, как демон. Молнии рассекали зеленое небо, и Ибер постоял мгновение, гордый, не сдавший-ся, озаренный их светом. Ветер метался из стороны в сторону, как взбесившийся зверь. Но при всей своей ярости буря не сопровождалась дождем. Только сухой ветер вбивал последние зерна в землю. Винные бочки, которые Дирбори так аккуратно расставил, валялись теперь грудой на дороге.

Ибер с трудом сделал несколько шагов вперед, пробивая себе путь среди крыс, прекративших штурмовать дверь и обратившихся к более легкой жертве, издавая яростный торжествующий визг. Крысы карабкались по его ногам на плечи, пригибали его к земле своим весом, так что теперь Чимойз уже не могла разглядеть под ними своего дядю — только ходящую волнами, копошащуюся гору, покрытую крысами.

Ибер с силой бросил бочонок с маслом на землю, раздавив несколько дюжин крыс. Они зарычали от ярости и завизжали от боли. Масло разлилось. Он бросил туда же фонарь.

Языки пламени взметнулись прямо перед ним сплошной стеной. Сотни крыс крепко вцепились в Ибера, и он завертелся, как безумный, стараясь стряхнуть их.

Но он, должно быть, знал, что не выживет после их ядовитых укусов. И он шагнул прямо в пламя, таща за собой крыс.

Вокруг Чимойз закричали от ужаса женщины и дети. Тетя Констанция пыталась броситься к Иберу, но другие женщины обхватили и удержали ее. Масло вспыхнуло неукротимым, лютым огнем. Старые винные бочки, сухие, как лучина, служили ему пищей. Луг с высокой травой и дикими маргаритками превратился в ад. Стена огня у самой двери потреба поднялась на восемьдесят футов, раздуваемая ветром.

А крысы все прибывали и бросались прямо в огонь.

Лишь немногие из них проскочили сквозь огненную преграду. А выжило из прорвавшихся и того меньше, и феррины без труда прикончили их.

Ветер продолжал колотить по двери, так что она сначала качнулась на петлях, а затем захлопнулась с громким стуком. Засов скользнул обратно в пазы.

Снаружи продолжала бушевать буря и разгорался огонь. Струйки пахнущего горелым маслом дыма просачивались под дверь. Дирборн Хаукс подскочил к дверям и заткнул щели своей курткой.

Нашествие крыс прекратилось.

Чимойз словно оцепенела. Она рухнула на пол и осталась сидеть, обессиленная; она боялась, что новые хищники могут прорваться сквозь огонь, что бой может возобновиться в любой момент, — и мечтала хоть о короткой передышке. Женщины и дети вокруг нее плакали.

Бабушка Киннелли сказала строго:

— Пусть каждый обработает свои раны! Сейчас не время отдыхать.

Она взяла бочонок с вином и пошла по комнате, поливая вином крысиные укусы и негромко произнося обращенные к Силам молитвы.

Чимойз встала и начала помогать ей. Дети бродили среди крысиных тел, приканчивая тех, что еще не умер.

Количество укусов на некоторых людях казалось невероятным. Чимойз трудилась не покладая рук. Оказав помощь

людям, она перешла к ферринам. Этому народцу пришлось тяжелее всех. Дюжина погибла в бою, у многих были обгрызены уши, мордочки распухли от укусов, ноги располосованы. У одного старика был полностью отгрызен хвост. Столько боли было вокруг, что сердце у Чимойз стонало и плакало.

Феррины, которые обычно боялись людей, сейчас спокойно переносили ее прикосновения.

Никогда больше и думать не буду о том, чтобы брать у них подарки, думала Чимойз. И поколочу любого мужчину или мальчишку, если услышу, что он их обидел.

Так она работала всю ночь, обрабатывая по очереди раны каждого феррина. Закончив, она увидела, что раны многих людей и ферринов загноились — и все пришлось начинать сначала.

Она оказывала им помощь, пока не обессилела до того, что больше не могла шевелиться. И тогда она присела, прислонившись спиной к грубой каменной стене, чтобы хоть минутку отдохнуть. Глаза ее закрывались, словно вски были палиты свинцом, и она закрыла их, но по-прежнему не желала оставить свой пост.

Она волновалась о других — о тех, кого она знала, о друзьях из Замка Сильварреста. Где сейчас Йом? Где Габори?

Габори послал предупреждение всему Хередону. И Чимойз понимала, что сражения, подобные только что закончившемуся, произошли повсюду — в погребах и шахтах, в подземных склепах и сырых пещерах. Она представила себе, как черная орда крыс проходит через каждую деревню, каждый город, а люди и феррины, плечом к плечу, храбро сражаются с ними.

Ветер выл и свистел снаружи, и гром грохотал, и ей стало казаться, что он проник в нее, стал с ней одним целым.

Сотрясаясь от рыданий, Чимойз наконец заснула, но и во сне она видела крыс.

Глава 23

МИР БЕЗ ГОРИЗОНТА

Кто уступает отчаянию, тот куст
решетки собственной тюрьмы.

Король Джес Ларен Сильварреста

Спор прекратился только через несколько часов после того, как Посланник Тьмы швырнул Аверан в камеру вместе с другими пленниками.

Здесь было только шестнадцать человек — шестнадцать, оставшихся от многих сотен, которых бросали сюда многие годы. Все они были уже в годах и были захвачены в плен в поселениях за много миль отсюда.

— У нас есть свет, — сказал один мужчина. — Впервые за все время, которое мы находимся здесь, у нас есть свет. Это оружие. Его отсутствие — это единственное, что удерживало нас от побега. Вот ты, Обар, ты сам повторял сотни раз, мол, если бы у тебя был свет, ты устроил бы побег, и тебе все равно, выживешь ты при этом или умрешь.

— А что хорошего в свете? — спросил Обар с сильным индопальским акцентом. — Мы находимся на глубине многих миль, а туннели расходятся в разные стороны. Мы никогда не найдем путь наверх!

— А какой у нас выбор? — спросил Баррис — человек, в котором Аверан узнала их лидера. — Теперь, когда у нас есть свет, мы что же — будем сидеть кучей вокруг него и ждать, пока у нас цветы из задницы вырастут?

— Мы не Властители Рун, — поддержала Обара Инура, женщина из Индопала. — Мы не все можем драться.

— Баррис прав, — сказала Аверан. — Мы должны освободиться. Но нам не придется сражаться в одиночку. Помощь уже идет.

— Помощь? — переспросил Баррис. — Прямо сюда?

— Да, — сказала Аверан. — Габорн Вэл Орден, король Мистаррии, уже близко.

— Благодарение Силам! — воскликнула Инура.

— Почему? — спросил Баррис таким тоном, словно он думал, будто Аверан сошла с ума. — Почему вдруг король спустится сюда?

— Он идет, чтобы отыскать Логово Костей, чтобы сразиться с ужасным магом, предводителем опустошителей, — сказала Аверан. — Я старалась показать ему путь, когда опустошители схватили меня. У Габорна нет выбора, ему придется идти по моим следам. Он сумеет их найти. Он получил дары обоняния от двадцати собак.

Баррис сварливо спросил:

— А почему этот ребенок ведет за собой короля?

— Потому что я Охранитель Земли, — просто и искренне ответила Аверан, — точнее, учусь им быть.

— Ты — рожденная чародейкой, — догадался Баррис. — Тогда, может быть, ты можешь что-то сделать, чтобы помочь нам.

— Например? — спросила Аверан.

— Можешь вызвать животных, чтобы они сражались за нас?

— У меня нет моего жезла, — сказала Аверан извиняющимся тоном. — А, кроме того, я не думаю, что тут есть кто-нибудь крупнее краба-слепа — на многие мили вокруг.

— Пожалуйста, — сказала Инура, — сделай что-нибудь.

Эти люди совсем отчаялись. Аверан смотрела в их хмурые, безнадежные лица — и не могла придумать, как помочь им. Но злость все еще кипела в ней при мысли об ее отце, и она тоже жаждала мести.

Она прищурила глаза, размышляя.

— Я попытаюсь, — наконец сказала Аверан.

Пленники столпились вокруг, молча глядя на нее. Она замедлила дыхание и отпустила свои мысли далеко, прочь отсюда.

Первым ее сознание высветило Габорна. Она представила себе его лицо. Когда его лицо вырисовалось достаточно отчетливо, она постаралась поймать ритм его тяжелого дыхания. Он бежал. Хотя это она могла почувствовать.

Она старалась увидеть то, что сейчас видит он, старалась почувствовать грубый камень, услышать, как гудит земля под его ногами. Но это было бесполезно. Она не могла пробиться в его встревоженное сознание.

Ей нужна была цель попроще, кто-нибудь более восприимчивый. Бизнесман когда-то велел ей вызвать оленя в горах под Скалой Манган, потому что олень — глупое животное.

Какое еще глупое животное я знаю, думала Аверан. Мировой червь? Тот, которого вызвал Габорн.

Но мысль об огромном черве, пробивающем ход сквозь населенные места, напугала ее. Она не рискнула вызвать такое чудовище.

Она очистила сознание, и вот новый образ начал медленно возникать в нем: зеленая женщина, вильде Бизнесмана.

Аверан сосредоточилась.

Она увидела зеленую женщину и постаралась прикоснуться к ее сознанию. Но это создание находилось слишком далеко. Много времени прошло, прежде чем Аверан начала видеть глазами вильде, слышать то, что она слышала, чув-

ствовать те запахи, которые чувствовала она. Аверан удивилась остроте каждого чувства. Нюх у зеленой женщины был острее, чем у гончей, а зрение острее, чем у совы. Каждый ее нерв был напряжен. Она чувствовала легчайшие дуновения, касавшиеся кожи, и вкус живительного воздуха на языке. Бизнесман довел свою вильде до совершенства. Аверан и вообразить не могла, что можно воспринимать мир так остро, так свежо, быть в такой гармонии со всем окружающим.

Зеленая женщина стояла на краю пропасти, там, где каньон пересекал ее путь. Там, внизу, по берегам реки и вдоль стен каньона, росли каменные деревья — искривленные, лишненные листьев карикатуры на дубы; и червь-трава пышно разрослась вдоль берегов, а в ее гуще слоновые улитки висели гроздьями, словно обкатанная рекой галька.

И опустошители, и люди провели бы долгие часы, обсуждая, как перебраться через этот каньон. Но вильде просто шагнула с обрыва и летела вниз не менее сотни футов, прежде чем ухватилась за скальный выступ на дальней стене каньона.

Аверан почти физически ощущала шероховатую поверхность камня, как будто она слилась с рукой зеленой женщины; а затем вильде быстро, как паук, побежала вверх по стене.

Аверан дивилась выносливости вильде. Это создание получало силу от Земли, и теперь Земля была повсюду вокруг нее, обнимала ее, наполняла ее энергией. Аверан чувствовала в мышцах вильде бесконечный запас сил.

— Приди, — позвала Аверан. — Помоги мне.

Эти три слова достались ей дорогой ценой. Она всего лишь произнесла их мысленно, и сразу же у нее закружилась голова.

Зеленая женщина прыгнула, извернувшись в воздухе, как кошка.

— Аверан? — спросила она.

— Помоги нам,— молила Аверан.— Нас схватили опустошители, мы глубоко под землей, недалеко от Логова Костей.

Проникнув в сознание вильде, Аверан убеждала ее: «Враги Земли находятся здесь».

Аверан упала в обморок. Она едва могла удерживать контакт.

Зеленая женщина вскинула голову. Ее ноздри раздулись. Вильде завывала, как голодный волк, и помчалась вниз по туннелю. Аверан успела поймать запах, метку опустошителей, когда вильде внезапно выскочила на перекресток туннелей. Аверан сосредоточилась, стараясь узнать место.

Вильде следовала за ордой опустошителей к поверхности. Создание находилось в сотнях миль отсюда.

— Помогни! — закричала Аверан.— Беги в другую сторону!

После этого Аверан резко, едва подавив собственный стои, вышла из сознания вильде, чувствуя, что больше не в силах поддерживать контакт, и рухнула в темноту, опустошенная и бесчувственная.

Глава 24

САРКА КАУЛ

В течение многих столетий Хроно провозглашали политический нейтралитет. Они утверждали, что их единственное желание — «наблюдать» за жизнью лордов и леди Земли. Но кто из лордов, спрошу я вас, сможет остаться неизменным под таким внимательным наблюдающим взглядом? Кто из нас, королей, не пытался казаться более мудрым, более милосердным, более привлекательным, чем был от природы? Нам все время напоминали, что наша жизнь коротка, в сущности, не длиннее нескольких биений сердца, не больше чем горсть дней. И потому я уверен, что своим «просто наблюдением» за лордами Земли Хроно, сами того не желая, изменяли ход истории.

Поняв это, я могу сделать единственный вывод: они хотят не просто вести летопись земной истории, но вносить в нее изменения. У них мягкие, но надежные руки, и я подозреваю, что, когда возникнет в этом нужда, они придут.

*Король Джес Ларен Сильварреста
Эмиру Туулистана*

Веразет, захвативший Мирриму в плен, подтолкнул ее к началу длинного туннеля, выпуждая идти вперед. Веразет не

проявил к своей пленнице ни капли внимания. Для нее, северянки, здесь было слишком темно, она ничего не видела, а он гнал ее, почти слепую, вперед. Она слышала шум моря — глухие удары медленных волн о прибрежные скалы, далекие крики чаек. Воздух был насыщен запахом соленой воды.

Она почувствовала волнение. Она ни разу не видела морских волн и даже не могла вообразить, как они могут выглядеть. Она думала раньше, что они должны шуметь так же, как волны на озере, мягко ударяя о берег. На озере ей доводилось бывать.

Но в звуке, который она слышала сейчас, не было ничего похожего на тихий шепот озера. Она слышала грохот волн, разбивающихся о берег, который тянулся намного дальше, чем мог дотянуться взгляд человека. Волны бились о скалы, служившие основанием Дворца Изельферион, бурлили вокруг них, заставляя содрогаться самый фундамент. Она не просто слышала голос и запах океана. Он, казалось, проник в нее до самых костей.

Она еще никогда не чувствовала такой силы в Воде. Казалось, Вода зовет ее.

Веразет вытолкнул Мирриму из туннеля — и она оказалась под усыпанным звездами небом. Миррима увидела море, огромное, беспредельное, раскинувшееся до самого горизонта. Уже почти рассвело. Восток окрашивался мягким сиянием. Веразет, стоявший за ее спиной, бледный, как обескровленный труп, так сильно толкнул ее, что она почти перелетела через парапет, идущий вдоль берега над океаном.

Вода билась о камни прямо под ней, в какой-то сотне ярдов. Малейший толчок — и Миррима полетит в бездну.

Принц Веразет рванул ее назад, его черное одеяние распахнулось, открывая бледную грудь. Он был вполне привлекательным с виду, с острым носом, крепким подбородком и хорошо развитыми мышцами груди и живота. Его се-

ребриные волосы были заплетены во множество косичек и связаны таким образом, что свешивались на его правое плечо.

— Что ты делаешь? — спросила Миррима.

Веразет тут же ударил ее по щеке. Его лицо выражало неприкрытую похоть.

— Было бы неплохо, — сказал он, помолчав, — если ты передашь дар... метаболизма.

Она знала, чего он страстно жаждет. Как только она отдаст свой метаболизм, она сразу же впадет в зачарованный сон и будет спать до тех пор, пока не умрет лорд, принявший дар, тогда ее метаболизм вернется к ней. В таком состоянии она не сможет защититься от его похоти. Она даже не будет знать, что он овладел ею. А когда она очнется, то окажется, что она носит его ребенка.

— Я ничего тебе не дам, — сказала Миррима.

— Твой муж очень любит тебя. Он изъявил желание тебя спасти. Заставил пообещать, что мы оставим тебя в живых. Но если мы тебя отпустим, ты можешь доставить нам много неприятностей. Тебя нельзя отпускать. Так что ты должна отдать метаболизм.

— Сперва я убью тебя, — сказала Миррима.

Он хмыкнул, словно эта бессмысленная угроза вызвала у него раздражение:

— Ты не понимаешь. Отдай дар, и ты жива. Не отдашь, и я столкну тебя вниз.

Он грубо схватил ее и поднял над выступом.

Миррима обхватила его за шею. Если он попытается сбросить ее вниз, то полетит вместе с ней, а Миррима не сомневалась, что в воде она будет в более выигрышном положении. Она плюнула ему в лицо.

В глазах Веразета сверкнула ярость, ноздри раздулись. Он сжал кулаки в бессильном гневе.

— Я даю тебе день на размышление. Солнце очень горячее.— Он дал ей время обдумать сказанное им. Инкарранцы с их белой кожей беззащитны перед солнцем. Они обгорают быстро и сильно.— Пока встает солнце, думай. Может, отплатить дар не так страшно. Может, и ты, и твой муж отдадите дары королю. Когда он умрет, вы оба получите дары обратно, ты и твой муж. Не лучше ли жить с надеждой, чем умереть без надежды?

Он схватил цепь, которой она была скована, и с трудом оторвал от себя ее руки. Потом он сорвал с нее плащ, и она осталась в одной рубашке и штанах. После этого он снова схватился за цепь и потащил Мирриму к скале, одновременно поднимая вверх ее руки.

В следующий момент Миррима уже висела, не дотягиваясь ногами до земли.

Веразет сказал:

— В скалах много крабов. Голодных крабов. Они лезут по ним наверх, ищут еду. Может, это поможет тебе лучше думать.

Принц развернулся и вошел в туннель, заперев за собой железную дверь.

Миррима взглянула вниз и увидела двух маленьких бурозеленых крабов, ищущих укрытия под скалой. Она дернулась в своих оковах. Тяжелые цепи врезались в запястья. Они очень плотно охватывали руки; казалось, они выкованы специально для нее. Миррима знала, что ее дары мускульной силы позволят ей освободить руки. Но при этом она переломает себе все кости и сорвет почти все мясо с рук.

И что толку в освобождении, если она станет калекой?

И так она висела много часов, пока утреннее солнце медленно поднималось над морем. Глубокая синева неба отражалась в воде, а волны казались морщинами на древнем лице моря. Вода была повсюду, у нее не было границ. Миррима

еще никогда не находилась рядом с чем-то, что заставляло ее чувствовать себя такой маленькой, такой смиренной.

Она слышала, как вода зовет ее. В каждой волне, бьющей в скалы, в отдаленном шуме прибоя, похожем на шум толпы зрителей на рыцарском турнире, она чувствовала притяжение океана, влекущее ее к нему, влекущее ее на его дно.

Прямо под утесом плавали тюлени, их головы, как мячики, прыгали по волнам. Миррима очень хотелось поплавать с ними. Бакланы, чайки и другие прибрежные птицы стаями проносились мимо. Маленький зеленый краб взобрался на скалу и рассматривал Мирриму стебельчатыми глазками, а изо рта у него стекали капельки воды.

— Иди сюда, дружок,— сказала ему Миррима.— Иди и перегрызи мои железные оковы.

Но Миррима не умела вызывать. Маленький краб скользнул прочь.

Раннее утро уже прошло, а Миррима все еще висела на скале, и вдруг она услышала мягкий звук шагов.

Она повернула голову в тот самый момент, когда старая инкарранка открыла железную дверь. Она была белая, как оструганное дерево, годы согнули ее. Она шла крадучись, словно боялась, что ее кто-нибудь услышит.

Она зашептала на языке Рофехавана — к удивлению Мирримы, без всякого акцента:

— Дайлан Молот — это его ты ищешь здесь?

— Да,— с трудом ответила Миррима пересохшими губами.

— Долго я пыталась узнать, что же с ним случилось,— сказала старуха.— Когда-то, когда я была девочкой, он был моим наставником. Мой отец нанял его, чтобы он рассказал нам о далеком прошлом, о дальних землях и научил нас разным языкам. Я очень любила его, но не могла сказать ему об этом. Я, видишь ли, была принцессой.

Миррима понимала. Если бы женщина Инкарранского двора полюбила человека из Рофехавана, даже такого героя, каким был Дайлан Молот, это сочли бы чудовищным скандалом.

— Но хоть я и любила его очень сильно, любовь моей сестры была еще сильнее. Она всегда старалась остаться с ним наедине, а по ночам рассказывала мне о том, что мечтает о нем. Но он отталкивал ее каждый раз. Ее брак был устроен еще до ее рождения. Она должна была выйти замуж за Сагдакра Криометиса, Принца Интуррии. День свадьбы приближался, и тоска росла в ее сердце, а вместе с тоской — мысли о том, как отомстить за себя нашему учителю. В ночь накануне свадьбы она рассекла собственное лоно и умерла.

Миррима замерла, не в силах поверить в услышанное:

— Почему?!

— Это инкарранский способ, — ответила старуха. — Если женщина обесчестила себя с мужчиной, только так она может очиститься и оправдаться.

Миррима поняла: чтобы отомстить Дайлану Молоту, принцесса таким образом возложила на него вину за свою смерть.

— Вместо моей сестры мой отец отдал принцу меня, и о том, что случилось позже, я узнала через многие годы. Мой лорд Криометис пришел в ярость и потребовал отомстить твоему Дайлану Молоту. Бессмертный скрылся на севере, и многие бросились в погоню за ним. В Фереции было большое сражение. Многие из наших не вернулись.

— Они убили его?

— Я не знаю, — ответила старуха. — Я рассказала все, что знаю. Я ничего не сделала, чтобы спасти его — человека, которым я восхищалась и которого любила больше, чем когда-либо после любила своего лорда Криометиса. Я надеюсь, ты простишь меня.

Старуха разжала кулак и вытащила ключ. Она осторожно взобралась на край парапета и отомкнула оковы Мирримы. Миррима соскользнула на землю.

— Теперь иди,— сказала старуха.— Сейчас во дворце почти все спят. Это твой шанс спастись.

— Я не уйду без своего мужа,— сказала Миррима.

— Слишком поздно,— сказала старуха.— Он уже отдал дар воли. Теперь он один из живых мертвецов.

— Тогда я заберу этот дар обратно,— сказала Миррима угрожающе. Она сбросила цепи, и старуха, похоже, только теперь поняла свою ошибку.

Она издала короткий звук, словно собираясь завизжать, но Миррима схватила ее за горло. Старуха вырывалась и била ее кулаками, но у Мирримы было много даров, и она держала старуху крепко до тех пор, пока та не потеряла сознание; тогда Миррима заковала ее в цепи и подвесила на свое место на скале.

— Мне жаль,— прошептала Миррима,— прости.

Миррима развернула женщину так, чтобы солнце не сожгло ее, и вошла в темный туннель.

Сэр Боренсон лежал на деревянной кровати, медленно чередуя вдохи и выдохи. В очаге горел огонь, и впервые Боренсон мог разглядеть комнату. Он находился в главном зале апартаментов Короля Криометиса. Инкарранский способствующий склонился над голой ступней Боренсона. Он старательно погружал длинную иглу в чернильницу, а затем втыкал ее в ступню. Он явно собирался покрыть татуировкой всю ногу.

Я должен посмотреть вниз, говорил себе Боренсон. *Я должен увидеть очертания руны Воли.*

Но у него не было желания сделать это. Много веков люди Рофехавана пытались узнать тайну создания этой руны. Но

сейчас Боренсона это не волновало. По потолку медленно полз жирный черный паук. Боренсон смотрел на него, не мигая. Глаза его были сухими, в них чувствовался странный зуд, и каждый раз, когда боль становилась слишком сильной, ему приходилось напрягать силы, чтоб прикрыть глаза. Он делал это только потому, что его палач требовал поступать именно так.

Палачом была женщина. Она стояла над ним с бамбуковой палкой с того самого момента, когда он в первый раз отдал свой дар, и приказывала:

— Дышать, как я велю, или я ударю тебя.

И если он переставал дышать, она била его палкой по голени, причиняя невыносимую боль. И потому он дышал, как она велела, он делал вдох, он делал выдох. Так она учила его дышать.

Предоставленный самому себе, он мог запросто прекратить дышать и умереть от удушья. Ему было все равно, дышит он или нет.

— Моргай, когда глаза станут сухие, — сказала ему женщина, после того как он пролежал больше часа, уставившись на паука на потолке. Она хлестнула его по рукам, чтобы показать, какую сильную боль она может причинить ему. И так он учился моргать, хотя самому ему было все равно, его не пугало, что глаза могут высохнуть в глазницах.

Сейчас она говорила назидательным тоном:

— Я не кормить тебя, я не раб тебе. Когда ты голоден, встать с кровати и есть. Понимать? Если ты не есть досыта, я буду бить тебя. Понимать?

Боренсон понимал, но никак не показал этого. Произносить слова — бессмысленная трата энергии, кивать — бесполезный жест. Он просто лежал, уставившись в потолок.

Женщина хлестнула его по лицу:

— Ты иметь язык! Ты отвечать мне! Понимать?

— Да,— сказал Боренсон. Он был зол и раздражен. Вдруг ему пришло в голову, что он мог бы бежать. Он больше не был скован. Способствующий снял цепи, чтобы удобнее было делать татуировку. Но желание совершить побег было не настолько сильным, чтобы заставить двигаться ноги.

Если я сбегу, смогу ли я выжить, думал он. И ответ был один: это невозможно. Ему пришлось бы отыскивать свою лошадь, а на это ушло бы много часов. Ему пришлось бы избегать стражников или связывать их — эта задача казалась сейчас чересчур грандиозной. Затем еще много дней пришлось бы находиться в пути. И зачем? Все, что ему было нужно, находилось здесь. Еда, кров, вода. И делать ничего не надо, только лежать, ему все принесут.

Он почувствовал, что ему надо помочиться, и сообщил об этом самым простым способом: просто позволил жидкости вылиться из себя. Моча просочилась через штаны и собралась лужей под ним, согревая его.

Способствующий кашлянул, прочищая горло, и, не скрывая отвращения, что-то приказал женщине-палачу. Она была занята чем-то в другом конце комнаты, а теперь быстро вернулась.

— Нет! — прикрикнула она на Боренсона, — ты не животное. Ты не писать на пол и кровать. Ты вставать писать как человек. Понимать?

Бамбуковая палка приближалась к нему. Боренсон едва успел прикрыть пах рукой, чтоб защититься от удара.

Он услышал, как глубокий голос произнес что-то на инкарранском. И сам Король Криометис вышел из тени.

— Я надеюсь, ты в порядке? — спросил король.

У Боренсона не было желания отвечать.

— Жизнь без воли тяжела,— сказал король.— Не остается никаких надежд и желаний, кроме желаний тела. Никаких настоящих мечтаний. Жизнь станет пустой, бессмысленной

для тебя. Но мы научим тебя жить. Мы научим дышать, есть, писать. Ты будешь жить так, как тебе скажут. Ты будешь жить потому, что это проще, чем умереть.

— Скажи «спасибо», — приказала женщина.

Боренсон не отвечал, пока она не ударила его по щеке.

— Спасибо.

Король Криометис улыбнулся и уже собирался уйти, когда Боренсон услышал шарканье подошв по полу комнаты. Криометис повернулся, чтобы увидеть причину шума. Из темноты появилась какая-то тень. Послышался свист лезвия, рассекающего воздух, а затем звон металла, рассекающего кость.

Кровь залила лицо Боренсона, когда Король Криометис начал падать: превосходный инкарранский меч рассек ему шею и грудную клетку.

Способствующий отшатнулся, а женщина с бамбуковой палкой произительно закричала и тоже попыталась отскочить назад, но тень резко развернулась, выдергивая лезвие меча из мертвого тела Криометиса. Сияющее лезвие одним ударом снесло голову женщины и вошло в горло способствующего, перерезав гортань. Он рухнул на пол у стены, кровь била из раны фонтаном.

Висзапно, воля вернулась к Боренсону. Он резко поднялся и сел на кровати.

Перед ним стояла Миррима, закутанная в плащ; капюшон был брошен на голову, и потому она словно сливалась с темнотой.

— Вставай, — сказала она, — мы должны выбраться отсюда.

Минуту назад Боренсон чувствовал себя пустым, почти всем довольным. Сейчас, похоже, какое-то чувство наполнило эту пустоту — это было чувство ярости.

Криометис лежал на полу и старался подняться, цепляясь рукой за стул. Боренсон знал, что этот человек мертв, что его

тело дрыгается, подчиняясь странному импульсу. Но он с трудом сопротивлялся желанию утолить свою ярость. Он смотрел на умирающего короля, словно сквозь красный туман.

Он схватил Криометиса за волосы и резко вздернул его, поднял сжатый кулак и хотел ударить короля между глаз с такой силой, что проломил бы череп.

Но Миррима коснулась одним пальцем поднятой руки Боренсона и прошептала:

— Да будет с тобой мир.

Это было не просто пожелание, это было могущественное заклинание. Мир омыл его, как могучий поток, и ярость утихла.

Что-то подобное он уже однажды чувствовал — в пруду к югу от Баннисфера, когда его поцеловала ундина и освободила его измученный мозг от чувства вины.

Он отпустил старого короля, слегка смущенный собственной яростью и неспособностью контролировать себя.

Миллион вопросов сразу встал перед ним. Где мои сапоги? Где мой боевой молот? Как ты сумела освободиться?

Но он на время отложил поиск ответов и просто смотрел вниз, на свои ноги. Кожа горела там, где была нанесена татуировка. Старый способствующий начал от ступней и двигался вверх, создавая образ древесных корней. Казалось, на Боренсоне надеты пурпурные носки, один из которых покрывал всю ступню до лодыжки. Но на икре была руна, какой он прежде не видел, — символ воли. Для Боренсона она выглядела похожей на голову быка, вписанную в круг. Над ней были волнистые линии, вызвавшие в памяти то ли слово, то ли мысль. Руны часто так действуют на сознание.

Боренсон тревожно огляделся, беспокоясь, что инкарранские воины могут в любой момент ворваться в комнату. Миррима быстро пересекла комнату и взгляделась в темный коридор.

— Где Принц Веразет? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал Боренсон. — Я уже давно его не видел.

Она сердито хмыкнула и вернулась к Боренсону.

— Мы должны отсюда выбираться, — сказала она. — Если инкарранцы обнаружат, что мы узнали очертания Руны Воли, нас убьют.

— А ты знаешь, как нам выбраться? — спросил Боренсон. — Это ведь лабиринт.

Миррима застыла. У нее не было идей, как покинуть пределы города, и еще меньше — как уйти из страны.

В темноте Боренсон услышал странный звук, словно кто-то прочищал горло. Затем голос с мягким инкарранским акцентом произнес:

— Может быть, я могу помочь.

Боренсон резко повернулся, готовый драться. В темноте у стены сидел человек в темной одежде. Он был так неподвижен, что до сих пор его никто не замечал. Он откинул большой капюшон, и открылась кожа, бледная, как молоко, и глаза, отливавшие в темноте красным — от недостатка пигмента.

Боренсон уже почти бросился на этого человека, но вдруг понял, что это Хроно.

Нет, не просто Хроно, но Хроно Короля Криометиса.

— С чего бы тебе помогать нам? — спросил Боренсон, ведь Хроно с незапамятных времен сохраняли политический нейтралитет. В любом споре они не принимали ничьей стороны.

— Потому что судьба мира висит на волоске, — ответил Хроно. — Уже два дня среди моего народа идет спор о том, стоит ли нам вмешаться. Я принял свое решение, а Совет — свое. Они не будут вмешиваться.

Словно для того чтоб объявить свое решение, он встал и отбросил темную мантию ученого. Это был высокий человек с широкими, крепкими плечами. Под мантией на нем была широкая белая рубашка и инкарранские латы. В ножнах на бедре висел длинный инкарранский кинжал.

— Для каждого, кто называет себя человеком, настало время идти сражаться в Каррис.

— Каррис? — переспросила Миррима.

— Король Земли позвал каждого, кто может носить оружие, прибыть в Каррис и схватиться с опустошителями, — сказал Хроно. — Если мы собираемся сделать это, нам надо успеть до заката солнца. Я могу помочь вам выбраться из Инкарры, но моему народу запрещено появляться в Мистаррии. С того момента как мы пересечем границу, моя жизнь будет в ваших руках.

— Схватка с опустошителями? — снова переспросила Миррима. — Когда я видела его в последний раз, Габорн обратил орду опустошителей в бегство.

— Нет, — сказал инкарранец. — Не та орда — новая. Опустошители движутся к Каррису черным приливом, и на этот раз их гораздо больше.

Боренсон содрогнулся.

— А сам Габорн примет участие в сражении? — спросил он, потому что хотел сообщить Габорну о том, что узнал в Инкарре.

— В последний раз его видели два дня назад входящим в Подземный Мир, где он собирается сразиться с легендой — ужасным магом, управляющим опустошителями, с Великой Истинной Хозяйкой, — сказал инкарранец.

Он подошел ближе к очагу и вытащил какие-то сумки, которые были спрятаны там. Он вынул из них королевский шлем, взял из-за очага длинный инкарранский меч и прикрепил его на перевязь.

Пристегнув ножны, он посмотрел в глаза Боренсону:

— Я должен предупредить вас, что у тех, кто будет сражаться в Каррисе, мало шансов. У вас несметная туча врагов, и не все из них опустошители.

— Кто?

— Радж Ахтен стал пламяцлетом, и прямо сейчас он придумывает, как ему уничтожить Мистаррию. Когда он придумает, его способствующие переправят ему дары так быстро, как только смогут. Они подкупили уличных малышей и преступников. Но Радж Ахтен не единственный враг. Дочь Лоуикера перекрыла дороги на севере от Карриса, не пропуская никакой помощи с этой стороны. Кроме того, из Кроутена скачет Король Андерс, заявивший, что Земля призвала его стать ее новым королем, теперь когда Габори потерял способность предупреждать своих Избранных об опасности.

Боренсон насмешливо фыркнул, но инкарранец сказал:

— Не смейся. Он много лет изучал колдовские искусства, и многое из сказанного им уже подтвердилось. Но Король Андерс — воплощенное предательство. Он направил чумных крыс погубить Хередон, а ни один Король Земли не решится на такое чудовищное преступление. Габори удалось отчасти разрушить его замысел, но у Андерса есть и другие в запасе.

— Расскажи какие, — попросил Боренсон.

Инкарранец начал рассказывать:

— По его призыву лорды-воители Интернука напали на Морское Подворье. Ольмарг самолично возглавлял атаку, подняв, как знамя, державу Интернука. На заре три тысячи серых баркасов вошли в город. И несмотря на то что Канцлер Вестхавен капитулировал, Ольмарг вспорол ему живот. Затем варвары из Интернука подожгли хижины у доков, и все утро напролет насиловали и грабили. Ольмарг захватил трон Мистаррии и до сих пор занят грабежом сокровищницы, выгребая оттуда золото и печати силы. Герцогиня Галент час назад пала перед ним на колени, умоляя остановить его людей, которые убили ее мужа и обесчестили дочерей у нее на глазах. В ответ Ольмарг швырнул ее на пол и изнасиловал, а потом перерезал ей горло. Вот какие люди служат Королю Андерсу.

К этому моменту инкарранец снял с тела мертвого короля кошелек, полный монет, набрал в мешок рисовых булочек и фруктов из корзинки, стоявшей у очага. С вешалки на стене он снял инкарранский дневной плащ — черный, с большим капюшоном, защищающим глаза от дневного света, — и накинул его на плечи.

Новости потрясли Боренсона. Всю свою жизнь он служил отцу Габорна, правителю Мистаррии. В самых страшных снах ему не снилось, что его народ может погибнуть.

Инкарранец с минуту разглядывал Боренсона.

— Сейчас я отведу вас к стражникам. Ведите себя так, словно ничего не случилось. Они вернут вам ваше оружие. Ваших лошадей должны были отвести в королевские конюшни. Если их там нет, возьмем любых других.

— А что насчет Принца Веразета? — спросила Миррима. — Где он?

— Он пьет вино из жимолости и играет в кости с друзьями, — ответил инкарранец. — В любом случае, в эти комнаты он не вернется, пока не наступит ночь.

Инкарранец повернулся к двери.

— Последний вопрос, — обратился к нему Боренсон. — Имя у тебя есть?

Инкарранец взглянул назад, лицо его под капюшоном казалось белой маской. Света от огня было достаточно, чтобы его глаза блеснули красным.

— Сарка. Сарка Каул.

Глава 25

САМАЯ ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ

Поскольку дары невозможно получить, если они отдаются не добровольно, это должно означать, что именно чувство -- в гораздо большей степени, чем мастерство способствующего, — создаст ту прочную связь, которая соединяет Посвященного с его лордом.

К злему лорду Посвященного привязывает страх, но такая связь слаба, потому что Посвященный скорее выберет смерть, чем служение тому, кого он презирает. Жадность создаст более сильные узы, потому что те, кто продают свои свойства за золото, обычно очень хотят жить. Но нет сомнения, что сильнейшая связь — та, которая создана любовью, ибо те, кто действительно любят своего лорда, не меняют своего решения, почувствовав укус печати силы.

Из «Искусства правильного подбора», написанного Анса Пером и Диланом Фендермере, Мастерами Способствующими

Когда Чимойз очнулась от своих снов о крысах, солнечный свет потоком лился в открытую дверь винного погреба.

Ее была лихорадка, она никак не могла остановить дрожь. Тетя Констанция помогла ей подняться на ноги, и кто-то из горожан — перед глазами у нее все плыло, и она не могла разглядеть, кто именно, — отвел ее к дому.

Земля вокруг винокурни вся выгорела. Обручи от сгоревших бочек валялись повсюду. Грушевые деревья превратились в дымящиеся колья. Пламя выжгло все поля к западу.

Прямо у дверей ожидала повозка, и Чимойз увидела, что в ней лежат три человека, и их лица прикрыты одеялами.

— Кто умер? — с горечью спросила Чимойз; ведь она так старалась спасти каждого. Насколько она знала, умереть должен был только ее дорогой дядя Ибер. — Кто в повозке?

— Со всеми все в порядке, — сказала тетя Констанция, в голосе которой слышалась горе. — Все чувствуют себя хорошо.

Она пошла к дому, увлекая за собой Чимойз, а та была слишком слаба, чтобы спорить. В свое время она узнает, кто умер. Потом Констанция почувствовала удивление: главный дом уцелел. Но почти сразу она поняла: ветер отнес огонь к западу от винокурни, в ближние поля, где пламя все еще продолжало бушевать. Только это и спасло поместье и город.

Войдя в дом, Констанция промыла раны Чимойз холодной водой и положила на них припарки. Все утро Чимойз пролежала в лихорадке. Несколько раз она просыпалась от стука в дверь, а вслед за ним слышала женские голоса.

— Мальчишка Фанчеров все-таки умер, — говорила какая-то горожанка. — Мы уж все испробовали, но он был слишком искусан.

— Значит, уже девять, — сказала Констанция, и голос ее прозвучал глухо.

— Могло быть и хуже, — вступил в разговор еще один голос. — Если бы не король, мы все были бы мертвы.

Чимойз лежала, гадая, кому еще суждено умереть.

Вдруг она поняла, что думает: пусть это будет не Дирборн Хаукс. Только не он.

Она знала, что это неправильно; она чувствовала себя виноватой уже за то, что просто подумала об этом, потому что желать, чтобы он выжил, значило желать смерти кому-то другому.

Но после битвы она обрабатывала его раны — их было двадцать четыре — и теперь не могла забыть, как он застенчиво улыбнулся ей и как в ответ неровно забилося ее сердце.

— Ужасно, это ужасно, — говорила какая-то старая женщина. — У меня сердце разрывается, когда я о них думаю. Благодарение Силам, что Король Земли успел вовремя предупредить нас. Я только одного хочу — отблагодарить его.

— Мы его не скоро увидим, — сказала тетя Констанция. — Ибер вчера сказал мне, что надвигаются страшные события. Там, в Мистаррии, нынче ночью будет большой бой с опустошителями. Там тысячи опустошителей. Всех, кто может сражаться, позвали в Каррис. А те, кто не может, отдают дары Королю Земли.

— Дары? — переспросила старая женщина. — Где?

— В Замке Сильварреста. Люди стекаются туда отовсюду. Неделию назад король принимал дары в замке Гроверман, а теперь способствующие собирают Посвященных в Замке Сильварреста, чтобы передавать дары через векторов.

— В самом деле? — снова заговорила старуха. — Неужели дела так плохи?

Тетя Констанция немного помолчала, и Чимойз показалось, что она слышит, как та качает головой.

— Я слышала, как Ибер шептался с кем-то. Он говорил, чтобы держали оружие наготове. Король Земли сказал, если мы не победим в Каррисе...

Чимойз с трудом сползла с кровати и какое-то время стояла, приходя в себя. До Замка Сильварреста не так уж далеко, меньше тридцати миль. У дяди Ибера не было лошадей, отмеченных рунами силы, но у него была лодка, а река Уай бежала через леса прямо к замку. Она знала, что раньше Ибер обычно отправлял свои бочки с вином вниз по реке, значит, там достаточно глубоко, чтобы лодка могла пройти.

«Если повезет, я доберусь туда за несколько часов», — сказала она себе.

Она накинула дорожный плащ и тихонько выскользнула через окно. Она уже прокралась за домом и пересекала грязную тропинку, когда дверь отворилась. В дверях стояли тетя Констанция и ее старый друг Нэн Филдс.

— Я не знала, что ты уже встала, — окликнула ее Констанция. — Куда ты собралась?

Чимойз обернулась и взглянула ей прямо в глаза:

— В Замок Сильварреста, передать дар.

Констанция тут же захромала к ней через улицу, припадая на укушенную крысой ногу. Лицо ее было суровым.

— Ты не можешь этого сделать. Ты и так слишком слаба. Подумай о ребенке!

Чимойз остановилась, разрываемая противоречивыми чувствами. Йом всегда была ее лучшим другом, и Чимойз очень хотела помочь ей хоть чем-то.

— Есть такие дары, которые я могу отдать без вреда для ребенка, — возразила она.

Должно быть, Дирборн Хаукс услышал, как они разговаривают. Наверное, он весь день искал случая увидеть Чимойз. Он вышел из сарая, нахмутив брови.

— Дирборн, останови ее! — умоляюще сказала Констанция.

Молодой Хаукс посмотрел на Констанцию, потом на Чимойз — и задумчиво кивнул.

— В это время года воды в реке немного, — сказал он наконец. — Тебе понадобится помощь, если ты хочешь успеть до наступления ночи.

И с этими словами он повел ее к лодке.

Глава 26

НЕБО ЗА ПЕЛЕНОЙ ДЫМА

Есть много воинов, искушенных в искусстве ведения войны; но только глупцы не хотят учиться высокому искусству отступления.

Из «Высокого искусства отступления», написанного Колином Бриантом, смотрителем в Оружейном Зале

Боренсон и Миррима покинули Изельферион с инкарранским Хроно Саркой Каулом в качестве проводника. В дверях стража отдала им оружие, а потом Сарка отвел их в подземную конюшню, где Боренсон нашел своих лошадей. В столице сейчас находилось много инкарранских лордов, и Сарка без труда подыскал хорошую лошадь и для себя.

И так эти трое выехали на утренний свет из Изельфериона, а город мирно спал, и никто из инкарранцев не ведал, что на ноге Боренсона сумрачно мерцает Руна Воли. Боренсон знал, что путешествие недолго будет таким легким.

Он понимал, как только инкарранцы поймут, что произошло, они немедленно снарядят легион бледных воинов в погоню. И они убьют не только его, но всякого, с кем он разговаривал.

Но пока они ехали за Саркой по пустынным дорогам, никакой погони за ними не было. Вокруг лежали пустые поля, засеянные и прополотые, и странной казалась их пустота; не было видно ни обрабатывающих поля крестьян, ни домов, ни амбаров. Единственным признаком того, что эти края все же обитаемы, были сверкающие на утреннем солнце стелы, которыми был отмечен каждый город.

Боренсон и надеяться не смел на такой прекрасный исход. Сарка Каул вел их заброшенными дорогами, пока они не добрались до тенистого леса, под пологом которого порхали крылатые ящерицы, охотясь на комаров и мошек.

Только однажды их попытались остановить. Когда они приблизились к подножию гор Алькайр, темная фигура помчалась в их сторону. По стуку подков было ясно, что это лошадь, отмеченная рунами силы, с большим количеством даров; Боренсон, оглянувшись, заметил мелькнувшего среди деревьев всадника.

— Я его подстрелю, — жестко сказала Миррима, когда они подъехали к большому лугу. Все утро она держала свой лук наготове и теперь остановила коня, спешила и шлепнула коня по крупу. Тот помчался следом за Саркой и Сэром Боренсоном по лугу, покрытому такими нежными белыми цветами, что в свете солнца они сверкали, как льдинки.

Сарка Каул, скакавший первым, был уже у растущих на краю луга деревьев, когда их преследователь выехал из леса на другом краю поляны. Инкарранский принц старался держаться в тени, его кроваво-красная одежда развевалась за ним, словно крылья. Его конь был черным как ночь. Он успел сделать всего несколько шагов, как вдруг Миррима вышла из-под кривой сикоморы и послала в него стрелу.

Всадник вскрикнул и, пригнувшись, вонзил шпоры в бока коня. Боренсон отчетливо видел белые гусиные перья стрелы, вонзившейся в спину всадника.

Черный конь споткнулся и завертелся на месте. Всадник сыпал проклятиями, одновременно стараясь заставить коня скакать прочь и самому не выпасть из седла.

Боренсон подъехал к раненому всаднику. По длинным серебряным косам он опознал в нем Принца Веразета. Он почти лежал в седле, вцепившись в шею коня, а между ребрами у него торчала стрела. Миррима попала ему почти прямо в сердце. Его лошадь плясала на месте, испуганная запахом крови.

Сарка Каул двинулся вслед за Боренсоном.

— Кур ас! Кур ас! Помогите! — бормотал принц.

— С удовольствием, — сказал Сарка Каул, посылая коня вперед.

Он схватил принца за волосы и вонзил меч ему в спину. Потом он одним плавным движением сбросил тело на землю и подхватил поводья коня.

В этот момент появилась Миррима, бегущая к ним через луг.

— Он мертв? — спросила она, хотя все и так было ясно. Она стояла над ним — с луком в руках, со стрелой наготове.

— Он мертв, — ответил Сарка Каул.

— Но... Ты же знал его ребенком, видел, как он рос... — недоуменно сказала она.

— Да. И много раз я хотел положить конец его ничтожной жизни, — прошептал инкарранец. — Вот, возьмите его лошадь. Она может пригодиться. У нее много даров зрения, чтобы на ней можно было ехать в темноте.

— И это все? — спросил Боренсон. — Они послали за нами в погоню только одного человека?

Сарка Каул хмыкнул:

— Похоже, что так. Политика Инкарры очень запутанная. Король Криометис уже давно состоит в секретном союзе с врагами Короля Штормового Предела, так что Веразет вряд ли осмелился бы раскрыть тайны своего отца. Их

преступление против вас должны были держать в тайне от короля. Даже своим друзьям Веразет не мог рассказать о случившемся, ведь тогда он выглядел бы дураком, над которым взяли верх живущие при дневном свете — люди, которых принято считать низшей расой. У него и в самом деле был только один выход. Он должен был сам поймать вас. Только в этом случае у него был шанс отомстить за свою семью и сохранить честь. И потому он отправился в погоню тайно, днем, что было весьма глупо, и унес свою тайну в могилу.

Мирриму, казалось, не убедили его слова:

— Так или иначе, давайте убираться отсюда.

Она оттащила тело принца с дороги и спрятала его под деревьями, в двух сотнях ярдов в глубине леса. Затем она вскочила на черного жеребца, с минуту успокаивала заплывавшего под ней коня и двинулась вперед.

Путешествие через горы Алькайр оказалось недолгим. Белоснежные склоны сверкали на солнце, воздух был прохладным, и лошади бежали быстро.

Они скакали вверх среди острых пиков, по дорогам, которыми почти никогда не пользовались люди, пока наконец, не приблизились к инкарранским укреплениям. Ледяной ветер нес с гор снежную пыль, и теперь они ехали, словно в густом тумане.

Дорога зигзагами спускалась к подножью. Чтобы миновать крепость, Сарка Каул направил коня вверх по склону и ехал до тех пор, пока не выбрался на верхнюю дорогу. Даже для отмеченных рунами силы лошадей это была нелегкая работа.

У самой вершины горы, у страшной скальной стены, Сарка Каул и Миррима крепко зажмурились, а Боренсон повел лошадей. Дрожь охватила его, когда они проезжали в тени ворот, но вскоре все трое уже мчались при свете дня вниз по заснеженным склонам.

При таком ярком свете Сарка почти ослеп. Боренсон внимательно следил, не появятся ли инкарранцы. Сарка опасался,

что Штормовой Король Зандарос и его люди могут стоять лагерем на дороге, прячась в болотистых низинах. Но нетронутый снег свидетельствовал о том, что минувшей ночью здесь никто не проезжал, и Сарка наконец решил, что армия Зандароса находится где-то на дорогах Инкарры, далеко к западу, и оттуда начнет двигаться на север. Таким образом, Штормовой Король избежит людных больших дорог в Мистаррии, проделав большую часть пути по необитаемым краям.

— Судьба Рофехавана его мало беспокоит, — поделился он своими мыслями с Боренсоном, — но он знает, если опустошителям удастся победить вашу страну, его собственному народу придется сражаться.

Солнце казалось огромным драгоценным камнем, плывущим в каком-то далеком море, и Боренсону никогда не доводилось видеть его таким огромным. На севере низкие облака, как плащ, окутывали зеленые поля Мистаррии.

Так они ехали, подгоняя лошадей, вниз через Батенн и снова вверх по дорогам через топи Фенравена. Конь Веразета был стремителен и неутомим и вез Мирриму, не выказывая неудовольствия. Боевой конь Боренсона и белая кобыла Мирримы уставали быстрее; но Боренсон не давал им выдохнуться, меняя коня, как только чувствовал, что тот начинает покрываться пеной. У Сарки Каула был королевский конь с шерстью необычно яркого красного цвета.

— На юге Инкарры их называют кровавыми конями, — рассказал Сарка, — и они очень ценятся за способность видеть в темноте.

Его конь шел последним, явно не очень довольный тем, что приходится ехать при дневном свете. Проезжая мимо городов и селений, Сарка Каул низко опускал голову, глубокий капюшон скрывал его лицо, а пара черных перчаток — руки, но даже если бы кто-то из жителей Мистаррии заметил, что он похож на инкарранца, никто не пустился бы в погоню.

Ранним вечером они проехали Фенравенские топи и повернули на запад, и теперь путь их пролегал вдоль дороги опустошителей.

Весь горизонт был охвачен пожарами, и в мутном воздухе дым казался необычно черным. Он поднимался к небу огромными столбами, которые были видны за много миль. Боренсону эти столбы казались похожими на виноградные лозы, растущие шпалерами на крутом каменном склоне. Наверху легкий ветер разгонял их и нес на восток легкую дымку, и это было похоже на усики виноградной лозы, цепляющиеся за садовую ограду.

На дороге начали появляться беженцы, спасающиеся от надвигающейся войны. Боренсон обратил внимание на молодую женщину, правящую повозкой, запряженной волами. На куче сена за ее спиной спали четверо ребятшек. Еда и одежда были увязаны в большие узлы.

Вскоре беженцы стали встречаться чаще: старуха на костылях, молодая женщина с младенцем на руках. Но совсем не было мужчин — ни стариков, ни молодых; никого старше одиннадцати или двенадцати лет. Даже хромые и калеки не бежали из Карриса.

Дыма было очень много. На двадцать миль вокруг он висел над головой, как свод, а Боренсон, Миррима и Сарка подъезжали все ближе и ближе к столбам дыма. С неба начал сыпаться мелкий пепел.

Боренсон остановился у ручья недалеко от брошенной фермы, чтобы напоить лошадей, и увидел толпу женщин, которые выглядели слишком изможденными, чтобы двигаться дальше.

— Когда начались пожары? — спросила Миррима, кивнув в сторону клубящихся на западе облаков.

— Рыцари Справедливости запалили их вчера перед рассветом, — ответила старая женщина. — Они едут прямо перед опустошителями и поджигают все, надеясь замедлить движение орды.

Насколько Боренсон знал Рыцарей Справедливости, они наверняка делают что-то большее, чем просто поджигают. Опустошителей проще истребить в открытом поле, чем из-за крепостных стен. Главный Маршал Чондлер должен был организовать вылазки против опустошителей.

— Вы видели саму орду? — спросил Боренсон. — Можно ли оценить, насколько она велика?

Последний раз, когда орда выступала против Карриса, она насчитывала больше семидесяти тысяч опустошителей. Сарка говорил, что сейчас может быть больше миллиона, но в это трудно было поверить.

Старуха снова заговорила:

— Их не пересчитать. Линии опустошителей тянутся на сотни миль, как черная река, и орда так велика, что другого края ее не видно.

— Клянусь Силами! — выругался Боренсон. — С таким врагом мы не сможем сражаться. Во всей Мистаррин не найдется столько людей и копий!

Но Сарка Каул пристально посмотрел на север и на запад и прошептал:

— Быть может, и найдется столько людей, если только у них хватит воли сделать это.

Они поехали дальше, все глубже въезжая в дымную тень. Еще несколько лиг они встречали на дороге бегущих от войны женщин и детей, а потом их поток поредел.

Облака дыма становились все гуще, и вскоре стало казаться, что над головами спустилась ночь. Они проехали через опустевшую деревню, в которой, словно приветствуя рас свет, кричали петухи.

Они уже долго ехали в дыму, когда им встретилась крестьянская девочка, с трудом тащившая за собой двух уставших маленьких сестер; они едва волочили ноги, словно не умели ходить, и плакали от усталости. Боренсон спросил:

— Где ваши отец и мать?

— Они отправились сражаться в Каррис,— ответила девочка.

— У вас есть какая-нибудь еда? — спросила Миррима.

— Вчера немного было, но я не могла тащить и детей, и еду. Так что мы ее оставили. Вдоль дороги есть фермы. Я надеялась пайти там что-нибудь поесть.

Пока Боренсон пытался решить, чем можно помочь девочке, все молчали. Это была каменистая земля, и вряд ли можно было встретить какую-нибудь деревню ближе, чем в сорока милях. Вдоль дороги было разбросано около полудюжины ферм, но другие беженцы по пути собрали даже последние яблоки с деревьев. Этим детям ничего не осталось.

В своем детстве Боренсон никогда не оказывался в таком одиноком и беспомощном положении.

— Отдай им запасную лошадь,— предложила Миррима.

Боренсон не знал, какое решение принять. Он посмотрел на запад. Уже можно было различить пламя — свирепую красную кайму вдоль горизонта. Если эти дети скоро не найдут убежища, огонь догонит их быстрее, чем опустошители.

— Нет,— решил он,— лошадь может понадобиться нам в битве. Лучше дадим им еды.

— Нам *может* понадобиться лошадь,— сказала Миррима,— а им она необходима уже сейчас.

Боренсон опустил голову. Он понял, какую боль должен был чувствовать Габори. Отдав лошадь этим детям, он, возможно, спасет их жизнь. Но лошадь нужна ему в битве — битве, которая спасет больше, чем пять детских жизней.

Он оглянулся на Сарку Каула, ожидая совета, но ишкар-рапец только пожал плечами.

Это был болезненный выбор. Он дал девочке немного слив и краюху свежего хлеба, купленного в Батенне, и посоветовал

им двигаться на восток, к реке Доннестгри, а затем поехал дальше.

Странная мысль вдруг пришла ему в голову, пока они ехали: это та самая дорога, по которой его отец ехал навстречу собственной смерти.

Прошла всего неделя с тех пор, как его отец отправился в Каррис. Должно быть, небо тогда было голубым и чистым, и конечно, его отец не знал, что его ожидает, — но это была та же самая дорога, те же домики и деревья, тот же унылый пруд вдали, в котором отражалось небо.

Тень продолжала расти, темнота сгущалась. Воздух был неподвижен. Казалось, даже в аду не осталось больше дыма. Боренсону представлялось, будто невидимые руки проникли глубоко в землю и вытягивают ее внутренности, как охотник внутренности оленя.

Наконец, за очередным поворотом, он увидел красную полосу под дымом и различил языки пламени. Дорога вела сквозь огонь.

Они пришпорили лошадей, стараясь быстрее проскочить между стенами огня по обеим сторонам дороги, — и оказались прямо под тенью. Пепел и дым так густо висели в воздухе, что всем пришлось обмотать лица шарфами.

Небо над головами было черным, как в сумерках, и земля под копытами лошадей тоже была черной, обуглившейся. Свет шел только от сполохов огня, которые, словно ярые огненные змеи, разбегались вдоль всего горизонта.

Теперь уже было слышно, как грохочут шаги опустошителей, заглушая шипение и свист огня. Слышались трубные, мрачные крики ревунов. Боренсон, Миррима и Сарка Каул приближались к орде. Вскоре над их головами закружились гри, вскрикивая, как в агонии.

Там, в темноте, опустошители шли в атаку. Они шагали по обугленным дорогам, выстроившись рядами, и рядом этим

не было видно конца. Огонь бросал зловещие красные отблески на их спешные щитки. Земля дрожала под их ногами, а шипящий звук дыхания казался проклятием.

Основную часть армии составляли меченосцы, а также огромное количество бесцветных, похожих на пауков ревунов, жуткие крики которых словно рождались самой тенью. Среди массы черных тел Боренсон разглядел несколько алых колдуний.

— Что это? — Миррима пришлось кричать, чтобы спутники услышали ее. Она указала на троих необычных опустошителей примерно в четверти мили от них. На взгляд Боренсона, они ничем не отличались от прочих, за исключением того, что на их спинах были дюжины странных больших наростов.

Миррима направила лошадь ближе к чудовищам, Боренсон следовал за ней с некоторой осторожностью. Сарка Каул, напротив, отъехал назад, испугавшись, потому что он был всего лишь Хроно, обычный человек без избытка даров.

Когда Боренсон подъехал ближе, загадка разрешилась: огромные опустошители были чем-то вроде нянек, они шли на войну, не прерывая выращивание потомства. Няньки были огромные, около сорока футов в длину, а наросты на их спинах оказались молодыми опустошителями, каждый не более пяти-шести футов в высоту и восьми в длину. За спину каждой няньки цеплялось по десять—пятнадцать малышей.

— Почему они тащат с собой молодых? — прокричала Миррима, накладывая стрелу на тетиву лука.

Боренсон догадывался зачем. Он представил, как молодые опустошители пролезают в комнаты убежищ, вламываются в погреба, охотясь на женщин и детей. Он словно воочию видел, как они карабкаются по ступеням лестниц, пробираясь во все места, куда могли спрятаться люди. Насколько

жестокими могут оказаться эти юные создания, он и представить не мог.

И тут громадный меченосец, должно быть, почувствовал их запах. Он на огромной скорости выбежал из колонны, щупальца вокруг его головы яростно зашевелились. Боренсон сразу понял, что лошадям от него не убежать.

Он никогда не видел, чтобы опустошитель двигался так быстро.

— Стреляй! — крикнул Боренсон, одновременно вытаскивая свой боевой молот.

Монстр напал на Мирриму. Он был около двадцати футов в высоту, а пасть у него была такой огромной, что он мог проглотить лошадь. На его боевых конечностях мерцали руны, такие же бледно голубые, как цветы в болотах Фсправена. Опустошитель зашипел.

Миррима отпустила поводья своего вороного жеребца и натянула тетиву, когда опустошитель приблизился. Но ее конь прижал уши, его глаза расширились. Он затанцевал под ней и попытался броситься назад.

Боренсон прищипорил своего коня и с боевым кличем кинулся в атаку на чудовище.

Он был уже почти рядом, когда над его головой свистнуло черное древко и исчезло в мягком треугольнике опустошителя. Правые ноги чудовища подогнулись и какое-то время скребли пепел, затем задержались, словно пытаясь найти опору. Стрела поразила мозг, но не убила монстра сразу.

— Беги! — закричал Боренсон, разворачиваясь, чтобы увидеть, где же Миррима. Она уже подхватила поводья и гнала коня прочь от линий опустошителей.

Раненый опустошитель безуспешно пытался встать на ноги, а двое его соплеменников выбежали из рядов орды.

Боренсон прищипорил коня и погнал его по черному, сгоревшему полю. Впереди него скакала Миррима. Перед ними

боевой конь Сарки Каула мчался, как ветер. Боренсон оглянулся. Раненый опустошитель кружился вокруг собственной оси, а его сотоварищи мчались за беглецами.

Преследователи выигрывали расстояние.

Боренсон вел в поводу свою маленькую белую кобылу и старался заставить ее бежать быстрее. Но она не могла мчаться так быстро, как его старый боевой конь. И он решил перерезать повод. Если ничто другое не поможет, то она хоть отвлечет и задержит опустошителей.

Он бросил взгляд вперед, на Мирриму. Она вытягивала из колчана следующую стрелу, стараясь прицелиться на скаку.

Опустошители настигали. Он слышал их свистящее дыхание совсем близко; земля дрожала под их ногами. В Каррисе Боренсон получил только один дар метаболизма. За последние дни его способствующий переправил ему еще несколько. Но все равно он двигался медленнее, чем опустошители. А встретиться с ними, имея лишь боевой молот, он не рисковал.

Он снова посмотрел вперед.

Миррима удалялась от него. Сарка Каул все еще возглавлял скачку. Огромное облако дыма отбрасывало широкую тень, так что казалось, будто они скачут сквозь шторм. Комья земли летели из-под копыт ее коня; потом они простучали по сучьям улавшего сгоревшего дуба. Даже убегая, Миррима, зажав поводья в зубах, накладывала еще одну стрелу на тетиву.

Боренсон снова пришпорил коня, стараясь заставить его скакать быстрее. Он вцепился в свой боевой молот. С таким малым количеством даров он вряд ли мог победить, но другого выхода не было.

Он слышал, что опустошители настигают его, слышал, как они рвутся вперед, слышал каждый их шаг, который был тяжелее, чем у слона. Их шипение становилось громче.

Однажды в юности Боренсон побывал на верфях северного побережья Твинна, где Король Орден строил свои боевые суда. Там создавали огромный боевой таран для носовой части корабля. Он был длиннее грот-мачты. Корабельные плотники сказали, что большая часть тарана будет скрыта в корпусе маленького быстрого суденышка, построенного специально для того, чтобы с помощью этого тарана выводить из строя большие, тяжелые «плавающие крепости» Тума. Боренсон видел, как только что отлитый таран с помощью рычага подняли из формы и перенесли в ров, наполненный водой с маслом. Едва он коснулся жидкости, раздалось такое шипение, будто раздражили тысячи змей, и столбы серого пара поднялись в воздух.

По мере приближения опустошителей, их шипение все больше становилось похоже на этот звук.

Чего бы я не отдал за хорошее копье! думал он.

Вдруг он услышал крик Мирримы и посмотрел вперед. Она развернула коня и скакала к нему.

— Поберегись! — кричала она.

Боренсон выпустил повод белой кобылы, и она бросилась влево. Чтобы не столкнуться с Мирримой, он повернул своего жеребца вправо.

Миррима промчалась между ними и атаковала опустошителей, ошеломленных ее внезапным нападением.

Первый заскользил, попытавшись остановиться, его щупальца тревожно заколыхались. Из-под его ног поднялись облака пыли, и он поднял рыцарскую острогу, собираясь проткнуть ее лошадь. В длинном черном пруду отражались красные сполохи далекого пожара. Второй опустошитель не сумел вовремя остановиться и толкнул первого, подбив его задние ноги; первый споткнулся.

Миррима была уже рядом — и она выпустила стрелу. Стрела полетела к первому опустошителю и со звуком *чвяк* вонзилась в его мягкий треугольник.

Монстр оттолкнулся задними ногами и подпрыгнул, почти взлетев в воздух, все четыре его задних ноги задержались, будто он собирался бежать. Затем он рухнул вперед и со страшным грохотом ударился о землю головой.

Упавший опустошитель не вставал. Он лежал, уткнувшись мордой в черный пепел, а его задние ноги били по воздуху.

Теперь остался только один противник. Боренсон развернул коня, чтобы встретить его лицом к лицу.

Последний опустошитель был в нерешительности. Конь Мирримы плясал перед ним, и ему приходилось вертеться из стороны в сторону, чтобы она не оказалась у него за спиной. Но Боренсон напал на него сзади — и опустошитель повернул голову, стараясь оценить опасность. Сарка Каул справился со своим страхом и тоже пустил коня галопом к месту стычки.

Монстр присел на задние ноги и растопырил когти; казалось, он был напуган. Два его товарища были мертвы, и он не мог понять, от кого исходит большая опасность — от Мирримы, Боренсона или Сарки Каула.

— Две сотни ярдов! — крикнула Миррима.

Именно на это расстояние она собиралась отъехать от последнего опустошителя, и она развернула коня и потянула стрелу из колчана. Боренсон догадался, что она собирается делать.

Аверан говорила, что предел, на котором опустошители могут что-то видеть, — две сотни ярдов. Опустошитель, конечно, мог чують их на таком расстоянии, но не мог разглядеть. Боренсон тоже выехал за пределы видимости опустошителя, в то время как Сарка Каул подъехал ближе, отвлекая тварь.

Миррима взяла свой большой стальной лук. Надежда, что на таком расстоянии она сможет попасть в мягкий треуголь-

ник опустошителя, была невелика. Боренсон не был уверен, что ее стрела сможет хотя бы проткнуть шкуру монстра, как бы остра она ни была.

Она пустила стрелу. Стрела описала дугу и вонзилась прямо в бедро твари, ее наконечник целиком вошел в зад опустошителя.

Опустошитель подпрыгнул высоко в воздух, а потом zakружился и изогнулся, пытаясь выкусить стрелу. Но это было бесполезно. Он не мог вытащить застрявший наконечник, не причинив себе еще большего вреда.

Теперь он беспомощно шипел и кружился вокруг собственной оси, пытаясь обнаружить своих врагов. Больше всего он напоминал Боренсону раненого медведя, огрызающегося на окруживших его гончих. Опустошитель выглядел таким же беспомощным и растерянным.

Почему бы и нет? спросил себя Боренсон. *Во всех наших битвах опустошители сталкивались с мужчинами, вооруженными копьями, или боевыми молотами, или дротиками. Они никогда не сталкивались с людьми, вооруженными первоклассными стальными луками Сильварреста. Они никогда не сталкивались с людьми, которые могут атаковать их со спины своих лошадей, находясь за пределами их видимости.*

Теперь опустошитель вертелся, рычал, бил когтями по воздуху; щупальца его беспорядочно шевелились, пытаясь уловить образ или запах врага.

— Поезжайте! — крикнула Миррима. — Я посду по кругу и встречу вас.

Она вовсе не рассчитывала убить последнего опустошителя, она лишь хотела замедлить его движение настолько, чтобы они сумели спастись. Сарка Каул развернул коня и поехал обратно к большой дороге. Боренсон поехал севернее, чтобы перехватить свою белую кобылу, а Миррима в это время кружила с наветренной стороны от опустошителя, стараясь

двигаться так, чтобы тело мертвого монстра все время находилось между ней и ее врагом.

У нее уже была наготове еще одна стрела.

Боренсон подъехал к своей кобыле, шепча что-то успокаивающе, и взял ее за повод. Маленькая кобыла смотрела на него огромными испуганными глазами, прижав уши, и отскакивала каждый раз, когда он подъезжал к ней близко.

— Все хорошо, — говорил он, — я больше не оставлю тебя опустошителям.

Он поймал ее и тут услышал дикий рев опустошителя. Он оглянулся.

Миррима атаковала раненую тварь. Между ней и опустошителем лежал труп его товарища, Миррима держалась на ветру. Сейчас она была меньше чем в ста ярдах от своего противника.

Она переместилась к северу, объехав мертвого опустошителя, и его живой товарищ внезапно встревожился. Монстр прыгнул вперед, подняв в воздух свой гигантский меч. Он поднялся на задние ноги и широко раскрыл пасть, демонстрируя ярость.

Миррима пустила стрелу прямо в его распахнутый рот, целя в мягкое верхнее небо. Затем она сжала бока коня и помчалась прочь, в сторону Боренсона.

Гигантский меченосец злобно зашипел и бросился в погоню. На бегу он яростно рычал, и по его активности Боренсон понял, что Мирриме не удалось в него попасть.

Она уже готовилась выпустить новую стрелу, не умеряя бег коня.

Гигантский монстр настигал ее, словно не замечая своей раны. Он рвался вперед, ярость придавала ему сил, он стремился разорвать Мирриму на куски.

— Хooo! — закричал Боренсон.

Он пришпорил своего коня и поскакал навстречу Мирриме. До нее оставалось двести ярдов, потом сто. Он уже ви-

дел ее глаза, расширенные от ужаса. Ее черные волосы летели за ней по ветру.

Потом она промчалась мимо него, и Боренсон оказался лицом к лицу с чудовищем. Опустошитель затормозил, ноги его проехали по земле; он наклонил голову, чтобы защитить ее: он ожидал удара копьем. Но у Боренсона не было такого действенного оружия. Он просто направил свою лошадь влево и помчался прочь.

Несколько секунд опустошитель стоял не двигаясь, пытаясь решить, стоит ли продолжать погоню. И тут со стороны Мирримы прилетела еще одна стрела и воцелилась в мягкий треугольник монстра, поразив его мозг. Монстр напрягся, словно собираясь прыгнуть. Затем он шагнул вперед и мягко опустился на траву, словно заснул.

Больше он не двигался.

Миррима развернула коня и медленно поехала навстречу Боренсону.

Она выглядела встревоженной.

— Три стрелы, — сказала она. — Я истратила три стрелы на одного опустошителя.

Боренсон знал, что она имеет в виду. В ее колчане было очень мало стрел, а совсем рядом по степи грохотала армия из сотен тысяч опустошителей.

— Я бы сказал, что это хорошо — потратить три стрелы и убить опустошителя. Более того, ты убила трех опустошителей пятью стрелами, а не одного тремя.

Миррима закусил губу. Он ясно видел, что она винит себя за плохую стрельбу, вместо того чтобы радоваться, что осталась в живых. Многим ли удавалось убить опустошителя из лука? Он знал очень немногих. А она только что уничтожила троих!

Сарка Каул подъехал к ним.

— Как ты думаешь, сколько в Хередоне таких стальных луков? — спросил он.

Миррима покачала головой:

— Немного. Я полагаю, около трех сотен по всей стране.

— Хотелось бы, чтобы их были тысячи, и еще — чтобы кто-нибудь догадался доставить их все в Каррис,— сказал Сарка Каул,— и все баллисты в придачу.

Но Боренсон видел, в его словах мало надежды; он знал, Каррис не может похвастаться таким вооружением.

Сарка Каул развернул коня, и они поскакали дальше, а с неба, затянутого дымной пеленой, лился на них мутный свет.

Глава 27

ВЕТРЕНАЯ ЛЕСТНИЦА

Ты не будешь по-настоящему свободен, пока не забудешь, что смертен.

Омар Оуэт, Эмир Туулистана

Иом убедила Габорна двигаться вперед, к Логову Костей, но и сама не собиралась отставать от него. Потому она бежала изо всех сил, стараясь держаться за ним.

Как он и обещал, Габорн оставлял для нее метки на пути через тоннели и пещеры, вниз, через каньоны и водные потоки, в странных местах, которые, как подозревала Иом, не видел ни один человек. В какой-то момент она двигалась по туннелю, высеченному в сплошной толще хрусталия, стены его были прозрачными, как лед. Она миновала леса каменных деревьев, искривленных, невероятных в своей странной красоте, цепляющихся за изгибы и выступы стен. Она мчалась сквозь толпы путешествующих крабов-слепцов и спускалась в бездонные трещины. Она проходила под водонадами, и рев потоков Подземного Мира оглушал ее.

И всю дорогу одна мысль снова и снова кружилась в ее голове. Это был тот вопрос, который она задала Габорну: «Пока ты спасаешь мир, кто будет спасать тебя?»

Это был не просто вопрос. Это было обещание, и она надеялась исполнить его. Она хотела быть с ним рядом, — но у нее не было оружия. И она никак не могла догнать его.

Надежда приобрести оружие появилась, когда она добралась до еще одного старого инкарранского поста.

Дыра в полу туннеля была входом в святилище.

Иом проскользнула внутрь в надежде найти что-нибудь полезное. Все стены были изрыты норами и ходами маленьких крабов. Эти бесцветные создания были очень похожи на миниатюрных опустошителей; у них были тяжелые клешни и толстые панцири. Миллионы их сновали по полу туннеля, но, почувствовав постороннее движение, они мгновенно исчезали в своих норах. Некоторые из них были мельче плотвы, но другие превосходили размерами крысу.

Когда Иом протиснулась через узкий вход, крабы зарылись в стены, и сторожевой пост выглядел таким заброшенным, что девушка подумала, что он давно необитаем. Но в каменном кувшине она обнаружила запас орехов и муки, сушеных дынь, яблок и вишен. Иом зачерпнула пригоршню сухофруктов; на вкус они были солоноваты, но съедобны. По их вкусу она предположила, что эти запасы хранятся здесь больше года. В другом глиняном кувшине было немного вина из зимней дыни.

В дальнем углу комнаты стояли прислоненные к стене четыре инкарранских копья опустошителей. Одно было кривым, другое таким старым, что совсем прогнило, у остальных отсутствовали алмазные наконечники. Ни одно не было в порядке. Но это было все же лучше, чем ничего.

Разглядывая копья и пытаясь понять, не сможет ли она починить их, она случайно бросила взгляд на стену, на еле заметный рисунок, сделанный углем. Там были какие-то кривые линии, помеченные инкарранскими символами. Это было похоже на карту.

Если это и в самом деле карта, она не думала, что сможет воспользоваться ею. Маленькие крабы прорыли в стенах так много дыр, что проследить направление линий было почти невозможно, да и краска почти полностью выцвела и осыпалась. Этой карте были сотни — если не тысячи — лет.

— Я, должно быть, нахожусь здесь,— сказала Иом, увидев рисунок, выглядевший как щит с инкарранскими цифрами.— А вот это — тропа, ведущая дальше вперед.

Она провела пальцем вдоль наклонной линии, которая уходила вдаль, затем описывала круг, затем прерывалась и сливалась со спиральной линией, уходившей вниз. Тропа ведет к «мягкому брюху», решила Иом. Но ей показалось, что на карте обозначен более короткий путь — еле заметный след, отмеченный пунктиром.

Короткий путь? Сердце ее забилося сильнее. Габорн, с его бесчисленными дарами метаболизма, конечно, ушел далеко вперед. С ее нынешней скоростью она ни за что не сможет догнать его, чтобы оказаться рядом, когда понадобится помощь. Но если она и в самом деле нашла короткий путь...

Над коротким путем был рисунок, похожий на голову ледниковой гусеницы.

И вдруг она поняла: это старая нора ледниковой гусеницы! Это сократит мой путь на сотню, может, на две сотни миль. Таки будет, если Габорн будет продолжать двигаться по главному туннелю.

Не может быть, чтобы мне так повезло, думала Иом. Даже если когда-то здесь был короткий путь, велика ли вероятность, что он сохранился? Из-за всех этих маленьких крабов стены этого хода должны быть как минимум изрыты, все в дырах и трещинах, а могли и вовсе обвалиться.

Иом изучала рисунок. Рискнуть что ли, думала она.

Она схватила свое чудесным образом обретенное оружие и бросилась вниз по туннелю и вскоре наткнулась на стену, в

которой виднелись отверстия, прорытые гигантской ледниковой гусеницей. Каждая нора была трех или четырех футов в диаметре. Над входом в одну из нор был нарисован инкаранский знак. Иом всматривалась в дыру, а свет ее онала плясал по бледным камням.

Проход поворачивал то в одну, то в другую сторону, словно его проконал сумасшедший. Как она и предполагала, стены были изрыты маленькими крабами, но туннель казался проходимым. Темные растения на ощупь казались резиновыми, и дюжины мансовых червей — зеленых, похожих на слизняков тварей, которые растекались слизью при малейшем прикосновении, — кормились этими листьями. Иом протиснулась в проход, сжимая коньки. Всего в ста ярдах от входа туннель падал вниз почти отвесно, как и было нарисовано на карте.

Сердце Иом отчаянно забилося. Чтобы продвигаться вперед, надо было просто упасть — и надеяться, что там, внизу, поверхность, на которую она приземлится, будет достаточно мягкой.

Но она представила себе, что может быть там, внизу, обвал, перегородивший проход обломками скал так, что, упав на них, она переломает себе все кости; или прорытая водой расщелина, в которую она будет падать и падать без конца.

Иом перевернулась, чтобы начать двигаться ногами вперед. Она колебалась, боясь, что это падение убьет ее.

И наконец, она заставила себя перевалиться через край.

Тени плясали по стенам отвесного туннеля. Она скользила по мансовым червям, раздавленные тела которых образовали нечто вроде масляной пленки, смягчавшей поверхность. Несколько крабов-слепцов вцепились в стены; она сшибла их, и теперь они летели вниз вместе с ней.

Ход шел отвесно вниз, ему не было конца; но пока она не получила никаких серьезных повреждений. Вдруг туннель

вильнул вправо, потом влево и снова вправо, и Иом закрутило и перевернуло головой вперед, а скольжение все продолжалось.

Вокруг нее и впереди за клубилась тьма, словно провозглашавшая эту территорию своей.

Глава 28

СВЕТ НЕБЕС

Союзы подобны цветам в пустыне:
быстро расцветают и быстро вянут.

*Фейкаильд Кализар,
Советник Раджа Ахтена*

В горах в двенадцати милях к западу от Карриса перед рассветом собралась армия Раджа Ахтена, ставшая сильнее на сотню тысяч воинов. Его пламяплеты пустили облако маслянистого дыма, которое стелилось по земле, как утренний туман, скрывая войска от чужого взгляда, а утреннее солнце было таким мутным, что казалось кроваво-красным драгоценным камнем, висящим в воздухе.

Воины рубили деревья, чтобы строить лестницы, точили оружие, проверяли готовность катапульт; шли приготовления к войне. Большую часть утренних часов Радж Ахтен провел, выслушивая донесения разведчиков и дальновидцев, вернувшихся из ночной вылазки.

Новости беспокоили его. С юга маршировала орда опустошителей, и земля почернела от них; они шли к Каррису, а перед ними, словно возглавляя их армию, Рыцари Справедливости тщетно пытались замедлить их продвижение частыми атаками и огнем.

На востоке Дальновидцы сумели разглядеть только толпы оборванных женщин и детей, спасающихся в горах бегством от грядущей битвы или плывущих на лодках и самодельных плотах вниз по реке Доннестгри.

Но на севере его шпионы обнаружили нечто более интересное. Дочь Лоуикера, Риалла, Королева Белдинука, возглавляла могущественную армию, состоящую почти из ста восьмидесяти тысяч человек. Большинство из них были лучники, вооруженные длинными тисовыми луками, обычными для Белдинука. Они ехали на боевых колесницах, запряженных отмеченными рунами силы лошадьми, и таким образом быстро могли перемещаться по полю боя. В армии было также большое количество могучих Властителей Руи, всадников на тяжелых, закованных в броню лошадях, быстрых и мощных.

Но казалось, дочь Лоуикера колеблется и не знает, на что решиться. Разведчик сообщил:

— Минувшей ночью мы видели, как она с частью войска проходила среди обломков ворот Карриса. Затем она отошла на север, на двадцать миль, к тому месту, где проклятья опустошителей не выжгли траву. Она поставила лагерь прямо на дороге — там, где много корма для лошадей. И сейчас ее войска перекрывают дорогу, не пропуская никого, кто мог бы спешить на помощь Каррису.

— Идет ли помощь с севера? — спросил Радж Ахтен другую пару разведчиков, которые уходили дальше по равнине.

— Идет, о Свет Небес, — ответили шпионы. — Несколько тысяч лордов скачут из Орвина, а с ними воины Флидса и Хередона.

— А что Краутен? — спросил Радж Ахтен.

— Войск из Краутена мы не видели, — сказали шпионы.

Радж Ахтен улыбнулся. План Риаллы был ему понятен. Она двигалась на юг, чтобы взять Каррис в осаду, но выяснила, что к городу идут опустошители. И тогда она отошла к

северу — просто чтобы уйти с их дороги. Она хочет, чтобы они вместо нее сделали всю грязную работу.

У Карриса не осталось ни единого шанса. Радж Ахтен уже значительно обескровил Мистаррию, разрушив северные крепости и убив Посвященных в Синей Башне. Защитники города не имели достаточно даров, они были слишком слабы.

А как только падет Каррис, ничто больше не остановит дочь Лоуикера от захвата Мистаррии — только Радж Ахтен.

Однако ее армия беспокоила его. Ее лучники и тяжелая кавалерия легко могли разгромить его пехоту; хотя вполне вероятно, что его чародеи и Властители Рун сравнивают счет. Но если два великана растратят силы в борьбе друг с другом, кому достанется Мистаррия?

В мозгу Раджа Ахтена начал складываться новый план.

— Соберите тысячу лордов для почетной свиты, — сказал Радж Ахтен. — Я думаю нанести визит дочери Лоуикера.

Пока самые могущественные лорды и чародеи Раджа Ахтена собирались в путь, он сидел в своем шатре. Время от времени он чувствовал, как силы его растут — это способствующие в Дейаззе переправляли ему новые дары жизнестойкости.

Он никогда еще не чувствовал себя таким крепким, полным сил. Несмотря на то что он не двигался, его тело покрывал обильный пот. Казалось, его тело понимало, что пришла пора освободиться от всего лишнего, превращая его в нечто большее, чем просто человек.

Ему казалось, что жизненная энергия и мужская сила соединяются в нем в таком количестве, что могущество сочтется из всех пор.

Вот оно, сказал он сам себе. Вот то, чего я ждал. Я буду Суммой Всех Людей.

— Подайте умирающим от голода! — детский голосок разносился над рыночной площадью Гхуса, что в Дейаззе. — Подайте умирающим от голода!

Солнце уже поднималось над городом, как тлеющий уголь в песчаных холмах, но на улицах было еще темно.

Турауш Казиль, крупный мужчина, разжиревший за годы безделья, обошел прилавок, заваленный высокими глиняными горшками, чтобы посмотреть, кто это там кричит. Его тепь накрыла маленькую беспризорницу. Она была совсем дитя, не старше семи или восьми лет, с огромными миндалевидными глазами. Ее коричневая кожа была светлее, чем у народа Дейазза. Она крепко держала за руку мальчугана лет пяти.

— Пожалуйста,— сказала девочка, протягивая пустую корзинку,— мы хотим есть.

Турауш ласково улыбнулся:

— Я могу дать вам еды. Сколько ты хочешь? Полную корзину? Я могу ее наполнить.

Девочка широко раскрыла глаза.

— Чего бы ты хотела? Персики? Дынь? Рису? Утку? Лепешки из кунжута, политые медом? Если бы ты могла выбирать, то что выбрала бы?

— Лепешки из кунжута! — закричал мальчуган.

Девочка сжала его руку и толкнула его локтем, чтобы он замолчал, словно боясь, что он просит слишком много.

— Хоть что-нибудь,— умоляющим голосом сказала она,— что вы можете дать.

— Ах,— сказал Турауш,— вы настолько голодны?

— Мне нужно кормить еще двух сестер и старшего брата, он ранен,— сказала девочка.— Моего отца убили разбойники, а моя мать ушла к своей сестре, и с тех пор мы о ней ничего не слышали. Мы будем рады любой еде.

— А что если я предложу вам работу? — спросил Турауш.— Если я предложу кормить вас всех, чем пожелаете, всю вашу жизнь, а еще поселю вас в замечательном доме?

Девочка колебалась. Она, наверное, слышала о том, что на свете есть плохие люди. Она изучающее посмотрела на

него, но, в конце концов, положила руку на свой пустой живот, словно пытаясь так утишить боль.

— Какой дом?

— Самый лучший в Гхусе,— сказал Турауш, махнув рукой в сторону Убежища Посвященных.— Хорошая еда, столько, сколько сможете съесть, каждый день, всю жизнь.

Турауш был одним из самых убедительных способствующих Раджа Ахтена. У него было пять даров обаяния, и его теплый взгляд мог соблазнить любую девушку. Три дара голоса позволяли ему завораживать простодушных собеседников. А сейчас он обратил всю свою волю на этих детей.

— Подумай об этом,— сказал он.— Свежие фрукты— апельсины, дыни, финики на завтрак. Нежные ягнячьи ребрышки, запеченные с медом и тмином на яблоневого угля; свежий морской окунь; павлины с рисом и грибами.

— Можно мне немножко,— сказал мальчуган, и слезы выступили у него на глазах. Девочка сжала его руку, чтобы он замолчал.

— А если это сделаю только я,— спросила девочка,— вы будете кормить моих братьев и сестер?

Она была только ребенком, но, видимо, знала, что, согласно обычаю, если мужчина или женщина отдают дары, об их детях будут хорошо заботиться всю их жизнь. Турауш печально покачал головой:

— Если бы ты была взрослой женщиной, можно было бы это устроить. Но ты только ребенок, так что твои дары не так уж велики. У такой маленькой девочки не так много жизнестойкости, как у взрослых,— солгал он. В конце концов, надо же было набрать установленное количество даров.— Так что если твой маленький брат хочет есть, ему тоже придется отдать дар.

Он ласково улыбнулся мальчику. Турауш не часто репался забирать дары у столь маленьких детей. Но эти двое выглядели достаточно крепкими и здоровыми.

— Я слышала, что это больно,— сказала девочка.

— Только чуть-чуть, и очень недолго,— сказал Турауш.

В его голосе звучало обещание долгой прекрасной жизни после передачи даров; хотя не было никакого сомнения, что долгой эта жизнь не будет. Раджу Ахтену нужна жизнестойкость, а такие измученные голодом существа вряд ли переживут зимнюю чуму.

— Но что будет с моими сестрами? — спросила девочка. — Кто позаботится о них?

— Сколько им лет?

— Одной три, а другой только-только исполнился год.

Турауш нахмурился. Слишком малы, чтобы согласиться на передачу даров. Посвященный должен всей душой желать передать дар, а маленькие дети, не понимающие последствий своего решения, вряд ли поведут себя правильно.

Ну что ж, подумал Турауш, пару лет мы можем позаботиться о них, пока они не станут достаточно взрослыми.

— Давай договоримся. Если ты и твой брат отдадите дары, я, наверное, смогу устроить так, чтобы твоих сестер тоже кормили. На самом деле, я знаю одну хорошую женщину, которая давно мечтает о дочери. Она будет совершенно счастлива, если вдруг судьба благословит ее сразу двумя.

— А мой старший брат?

— Расскажи мне о нем.

— Его зовут Балимар. Он уже достаточно большой, чтобы работать. Но прошлым летом его сильно помял бык, и он только сейчас начал ходить.

— Так твой Балимар поправляется?

— Да,— ответила девочка. — Он очень сильный.

Турауш принял решение. Может быть, Балимар еще не может отдать жизнестойкость прямо сейчас, но он может отдать мускульную силу. Он, конечно, должен чувствовать себя ответственным за детей, и если они вдруг уйдут в Башню

Посвященных во дворце, его будет нетрудно убедить последовать за ними.

— Я уверен, что это можно устроить. Сейчас мы пойдем, чтобы забрать ваши дары и накормить вас, а потом я потолкую с Балимаром.

Турауш взял крошечную руку девочки в свою. Издалека рассветный ветер доносил визгливый голос способствующего, убеждающего кого-то отдать жизнестойкость, затем слышался полный боли вой того, кто отдал свойство. Для Турауша, ведущего детей к дворцу, этот звук был слаще воркования горлиц.

Глава 29

ИЗЛУЧИНА РЕКИ

Нет ничего более благородного, чем посвятить свою жизнь тому, кто тебя не любит. Нет ничего более отвратительного, чем чувствовать, что должен принять этот дар.

Король Джесс Ларен Сильварреста

Уже перевалило далеко за полдень, а Дирборн продолжал грести, и глаза его помутнели от усталости. Струйки пота проложили дорожки на его шее и носу, и рукава рабочей рубахи насквозь пропотели.

— Мы уж почти на месте,— сказал он.— За той излучиной мы увидим замок.

Он греб несколько часов и казалось, не чувствовал усталости, не останавливался, чтобы отдохнуть. Он следил за течением, удерживая лодку на середине реки на каждом повороте, чтобы максимально использовать скорость воды.

Чимойз дрожала, ее бил озноб. Она старалась не думать об этом, смотрела на спокойную зеленую воду и наслаждалась солнечным теплом, согревавшим ее кожу. Ей казалось, что тепло солнечных лучей прогоняет болезнь.

— Ты уже решила, что ты отдашь? — спросил Дирборн.

— Метаболизм,— ответила она, немного помолчав.

Передача этого дара была самой безопасной. Это не повредит ребенку и не доставит слишком много неудобств ей самой. Она легко может его отдать. Если Габори победит и уничтожит опустошителей, тогда, через много дней, когда война окончится, она проснется, а все, что происходит сейчас, потеряет значение и исчезнет, как дурной сон.

— Хм-м,— пробормотал Дирборн. Ясно было, что он недоволен. Отдав метаболизм, Чимойз будет для него потеряна. Она будет спать, пока он будет стареть. Но не похоже, чтобы такая малость могла удержать ее от принятого решения.

Для нее путешествие вниз по реке напоминало приятную прогулку. Берега реки Уай заросли рогозом, и можно было видеть, как форель выпрыгивает из воды и хватает мошек. У самого берега плавали дикие утки, все время оборачиваясь в тревоге, плывут ли за ними их утята. А один раз Чимойз видела, как большой олень вскочил со своей лежки под яблоней.

Совершенно неожиданно для Чимойз, когда они прошли очередную излучину, впереди возник замок Сильварреста — окруженный стенами город на продолговатом холме; высокие сторожевые башни казались серыми стрелами, нацеленными в небо. Отсюда было почти незаметно, как сильно разрушил город Темный Победитель. Гнездо Граака скрывало большую часть повреждений Королевской Башни и Убежища Посвященных, а сожженные главные ворота не были видны за крепостными стенами. И только обгоревшая трава на ближних холмах напоминала, что здесь произошла страшная битва.

Чимойз с удивлением увидела, что замок окружен толной. На холмах тут и там были раскинуты десятки тысяч ярких

шатров и павильонов. Дым от очагов, на которых готовили пищу, серой паутиной висел над окрестными полями. Впереди, вдоль берега реки, были привязаны лошади.

До прихода Темного Победителя Чимойз жила в городе. Тогда четыреста тысяч — или даже больше — человек встали лагерем в полях вокруг, готовясь встретить Короля Земли. Габорн предупредил их, и они бежали и спрятались в лесах. Казалось, что теперь почти все они вернулись.

— Посмотри,— сказала изумленная Чимойз,— это похоже на Хостепфест.

Дирборн, не переставая грести, повернул голову, посмотрел через плечо и удивленно фыркнул. Немного погодя они проплыли мимо берега, на котором сотни женщин и детей стирали белье или набирали воду в большие ведра.

Чимойз окликнула одну из женщин:

— Почему все собрались к замку Сильварреста?

— Королю Земли нужны дары,— ответила женщина.

— Не может быть,— прошептала Чимойз Дирборну,— чтобы так много людей собиралось отдать дары. Должна быть другая причина. Наверное, они пришли, спасаясь от крыс.

— А крысы приходили прошлой ночью? — спросил Дирборн другую женщину.

— Приходили,— ответила она.— Потонули, когда попытались переплыть ров. С теми, что добрались до стен, расправились феррины.

Она, казалось, была мало озабочена этим происшествием, и Чимойз позавидовала. В Эйблтоне пришлось выдерживать настоящий бой с крысами.

И вот наконец Дирборн причалил, и Чимойз начала карабкаться на крутой берег реки Уай, по скошенным овсяным полям, пытаясь заметить следы битвы. Город выглядел мирным.

— Крысы не убили ваших лошадей? — спросила Чимойз у встречной старухи. — Они не уничтожили ваши шатры?

— Мы все были в замке, — ответила та. — Прятались. Мы забились во все подвалы и погреба.

— И каждому хватило места? — спросила Чимойз, не в силах поверить в это.

— О нет, — ответила старуха. — Некоторые ушли в старые шахты в Данивуд, и им было там так же удобно, как горопшникам в стручке. Крысы туда даже не подходили. Я думаю, с крысами расправились феррины.

Чимойз уставилась на нее с недоверием. Нигде не было следов битвы. Солнце золотило поля. Коттеджи вдоль реки выглядели нетронутыми. Фермерские угодья вдоль дороги были похожи на разноцветное лоскутное одеяло — белые стерни овса, зеленые заросли мяты, желтые — цветущей горчицы, золотые — озимой пшеницы.

Дирборн заметила какие-то следы крысиного нападения только тогда, когда они прошли с сотню ярдов по направлению к городским стенам. Он указал сапогом на мертвую крысу, серый комочек под кустом травы у дороги, в ее брюхе все еще торчало сломанное копье феррина.

Чимойз тряслась в лихорадочном ознобе; в глазах Дирборна она заметила печаль, а выражение лица у него было задумчивое.

— Что случилось? — спросила она.

— Мы счастливчики, — сказал он. — Мы сражались с маленькими крысами. Представь себе, если бы вокруг кишели твари вроде этой, но размером с дом. Вот с чем придется столкнуться нашим в Каррисе.

Чимойз знала, что на самом деле все обстоит еще хуже. Крысиные укусы — это не раны, нанесенные оружием. У крыс нет магов, творящих гибельные заклинания. Крысы не так коварны, как люди.

Она с удивлением посмотрела в лицо Дирборну. «Наши» — так он назвал жителей Карриса. Но ведь они были иноземцами, живущими за сотни миль от границ этого города.

Это война, поняла она. Общая беда сделала нас всех братьями.

Она ускорила шаги, торопясь к городским воротам. У крепостного рва мальчишки граблями вылавливали из воды мертвых крыс и сбрасывали отвратительные трупы в плетеные корзинки. Один мальчик залез в воду по грудь и пытался копьём вытащить крыс, застрявших в зарослях кувшинок в тени крепостной стены.

Чимойз представила, как эти хищные твари перебирались через ров по спинам мертвых соплеменников.

Она оглянулась. Тени стали длиннее. Солнце мерцало над горизонтом среди пышных золотистых облаков. Скоро наступит ночь. Чимойз надеялась, что она успела вовремя. Она быстро шла вверх по Купеческой улице, где разносчики торговали разной едой, наполняя вечерний воздух запахом свежего хлеба и мяса, и ее рот наполнился слюной.

Только когда она прошла мимо Королевских ворот и вышла из купеческого квартала, она заметила, каким странным стал мир вокруг.

Издалека до нее доносились голоса способствующих, похожие на пение птиц; а прямо у Королевских Ворот собралась большая толпа.

Тысячи людей ожидали своей очереди передать дары; они расталкивали друг друга, стараясь пробраться в первые ряды. Какая-то женщина кричала:

— Скажите способствующим, пусть поторопятся! У нас совсем не осталось времени!

После бывшей всего неделю назад битвы с Темным Победителем от Королевской Башни и Убежища Посвященных остались только развалины, и почти ничего не было сделано,

чтобы разгрести груды расколотых камней. Но старые сараи и Большой Зал служителей уцелели. Из них и сделали импровизированную Башню Посвященных.

Яркие разноцветные павильоны совсем скрыли зелень травы; повсюду в их тени лежали обессиленные люди.

Она смутно сознавала, что сараи переполнены, и шатры переполнены тоже, и больше некуда было положить Посвященных, кроме как на траву, до тех пор, пока не будет организовано какое-нибудь другое место. Те, кто отдал мускульную силу, лежали расслабленные, как новорожденные, пока слуги суетились вокруг них. Дюжины слепых мужчин и женщин сидели у очага, играя на лютнях и распевая старинные баллады, в которых слышался зов из далеких веков:

Подари себя, отдай свой дар,
Покуда не вышел срок.
Час, когда тьма нанесет удар,
Час беды недалек.

Подарим себя, отдадим дары!
И пусть велика цена —
Будет наш лорд
Силен и тверд,
И прочь отступит война.

— Неужели все эти люди — Посвященные Короля Земли? — удивленно спросила Чимойз.

— Да! — выкрикнул какой-то юноша.

Чимойз не могла разглядеть его в толпе. Но за стоявшим рядом столом сидел помощник споспобствующего, с пером и чернильницей, и писал что-то в длинном свитке. Это был молодой мужчина, не старше тридцати.

— Как много даров ему нужно? — спросила Чимойз.

— Мы используем для него все печати силы, какие у нас есть, и надеемся, что этого хватит, — ответил помощник. Если повезет, мы сделаем его Суммой Всех Людей.

Чимойз, потрясенная, озиралась вокруг. Уже отдавших дары были не сотни. Нет, тысячи людей лежали на зеленой траве. А посмотрев вниз, к подножию холма, она увидела повозки и лошадей, движущиеся издалека — с юга из Баннисфера, с востока из Хобтауна и из сотен деревень с запада. Люди ехали со всем, что у них было, в замок Сильварреста. Десятки тысяч хотели стать Посвященными. А те, кто не удостоится чести соприкоснуться с печатью силы, с радостью будут защищать стены от любого врага, который попробует взять замок, превратив себя в живой щит между врагами Короля Земли и источником его Силы.

Это было величественное и славное зрелище: так много людей собрались вместе, чтобы сотворить легенду — Сумму Всех Людей. На какой-то момент Чимойз оттолкнули в сторону. Молодой способствующий прочистил горло и спросил:

— Ты пришла сюда, чтобы отдать дар?

Желудок Чимойз сжался:

— Да.

— Что ты предлагаешь?

— Метаболизм, — сказала она. — Это не повредит моему еще не рожденному ребенку.

— У нас слишком много желающих отдать метаболизм, — сказал способствующий. — Он уже получил больше сотни. Что нам действительно нужно — так это жизнестойкость, грация и мускульная сила.

Он перечислил самые главные дары. Чимойз подумала: словно купец на рынке, который требует за свои товары больше, чем ты можешь заплатить. Передача любого из этих даров может убить отдающего. Чимойз и так уже чувствовала себя больной после крысиных укусов. Она не смела предложить

жизнестойкость, чтобы болезнь совсем не доконала ее. А у тех, кто отдавал мускульную силу, часто останавливалось сердце или дыхание — просто потому, что у легких и сердца не оставалось сил двигаться. Чимойз не думала, что у нее хватит сил пойти на такой ужас: лежать без сил, беспомощной, не иметь сил вздохнуть и знать, что ты уже умерла.

— Грацию,— сказала Чимойз, стараясь, чтобы в голосе ее звучало больше уверенности, чем она испытывала.

Может, если я отдам Габорну грацию, думала она, я исплчу грех своего отца.

Ее отец когда-то отдал грацию Раджу Ахтену, самому страшному врагу Габорна, который тоже хотел стать суммой всех людей.

Писец сделал какую-то пометку в своей книге, добавив к счету Габорна се дар грации. Она была всего лишь одной из тысячи. Он не спросил у Чимойз ее имя, не поблагодарил ее и не пообещал, как полагалось, ухода и компенсации на весь остаток ее жизни.

Ее дар был и в самом деле даром, подарком, и наградой было само право отдать его.

— А вы, сэр? — спросил писец, глядя мимо Чимойз на Дирборна.

— О,— поспешила объяснить Чимойз,— это мой друг, он только проводил меня...

Дирборн положил руку на ее плечо и мягко отодвинул ее в сторону.

— Мускульную силу,— сказал он с непоколебимой решимостью.— Я отдам ему мою силу. И да помогут ему Силы нанести удар...

Он сжал кулак и потряс им, будто хотел нанести этот удар собственной рукой.

Чимойз посмотрела в лицо Дирборна; она не могла представить себе, чтобы лицо мужчины могло выражать такую

несокрушимую твердость. Она считала его щенком, слабым и болезненным. Но теперь она вспомнила, как он весь день, без отдыха, греб в лодке. Что-то в нем переменялось.

Чимойз поняла: крысиная чума была послана, чтобы сломить Хередон, но мы вместо этого только укрепились в своей решимости.

Глава 30

ВСЕСЛАВНЫЙ

Всеславные разговаривают не так, как люди; только в сердце того, кто жаждет услышать, отзовется их шепот.

Эрден Геборен

Габорн мчался вниз по кажущейся бесконечной винтовой лестнице; обычный человек потратил бы много дней на то, чтобы преодолеть ее. Из Подземного Мира поднимались потоки горячего воздуха, обжигая ему лицо. Воды здесь не было, освежиться было нечем.

Битва в Хередоне закончилась, и те, кому суждено было умереть, умерли.

Теперь должна была начаться бойня в Каррисе.

Габорн чувствовал Аверан — она была далеко внизу, все еще живая.

За последние несколько дней — насколько Габорн мог чувствовать время — Посланник Тьмы провел его через двери, которых ни один обычный человек не смог бы открыть; ему приходилось пролезать вниз по трубам и вверх по лестницам в таких местах, куда люди не посмели бы пойти.

Подземный Мир был прорыт и населен не только опустошителями, и Посланник Тьмы выбирал свой путь то по ходам гигантского червя, то по туннелям опустошителей. Габорн мчался мимо огромных водопадов и через затопленные пещеры. Дважды он терял путь и с трудом находил его снова.

Казалось, проходили дни, а он все бежал — и обдумывал, что он будет делать, когда встретится с Великой Истинной Хозяйкой.

Она должна быть готова к встрече. Она сильна в искусстве колдовства, сильна настолько, чтобы осмелиться бросить вызов самим Силам. Более того, она стала прибежищем локуса, существовавшего от начала дней.

Собирался ли Эрден Геборен сражаться с ней своим копьем? Габорн взвесил на руке древний дротик опустошителей, изучил его алмазный наконечник. На нем были начертаны руны — руны Усиления Земли, чтобы укрепить древно и не дать ему сломаться. Кроме этого, ничего особого в этом оружии не было. Это было просто копье, вырезанное из кости.

Нет, не копьем, подумал он. Локус вроде этого убить невозможно. Это — зло, самая сущность зла.

Желудок Габорна сжимался от голода, но он жаждал ответа на свой вопрос больше, чем пищи.

Глубокая трещина в несколько сотен футов шириной пересекла его путь. Он разбежался и прыгнул без особого усилия, но, приземлившись на противоположной стороне, сломал лодыжку. Некоторое время ему пришлось посидеть, дожидаясь, пока его дары жизнестойкости сработают. Вскоре кость срослась — и он снова был в пути.

Он старался извлечь со дна памяти все, что когда-нибудь слышал о Всеславных и Светлейших, об Эрдене Геборене, о великом враге — о том, кого называли Вороном. Вдруг он вспомнил то, что читала Иом. Эрден Геборен описал, како-

мн он увидел Светлейших при первой встрече с ними, и он сказал о них так: «Их броня — добродетель, их меч — правда».

Тогда он подумал, что Эрден Геборен старался как-то передать то воплощенное добро, которое увидел в этих людях — истинных людях из другого мира.

Теперь же Габорна словно озарило: эти слова были написаны не сразу после первой встречи со Светлейшими, а десятилетия спустя. Что, если, думал Габорн, слова Эрдена Геборена надо понимать буквально?

Что, если... Человек, как сосуд, думал Габорн. Наверно, этот сосуд наполнен светом? И он может быть наполнен тьмой... Если я полон света, то как тьма сможет найти во мне место для себя? В таком случае тьма что-то должна удалить из меня.

Он помнил книгу, которую Эмир Туулистана прислал Королю Сильварреста, книгу с рисунками. На рисунках была изображена Собственность человека, вещи, которые ему принадлежат. Среди них было видимое имущество — та собственность, которую можно увидеть глазами: его дом, его тело и его добро. Общественная Собственность включала все отношения с обществом: его семья, его город, его страна и его доброе имя. Невидимая Собственность включала все невидимые вещи: его время, его свободу действовать, пространство внутри его тела.

Согласно книге эмира, когда кто-то вторгается в любую из этих собственности, мы называем его злом. Хочет ли он запятнать нашу репутацию, или забрать наше золото, или ограничить нашу свободу — в любом случае мы впадаем в ярость.

Но если человек увеличивает нашу собственность, если он отказывается от своего богатства ради нас или восхваляет нас, мы называем его добром.

По этому определению Великая Истинная Хозяйка была чистым злом. Она разрушала мир Габорна, лишала его и его народ всего, включая жизнь.

Но как сражаться с ней? Как уничтожить ее?

Габорн так глубоко ушел в свои мысли, что бежал почти ничего не замечая. Он завернул за угол и услышал стон. Казалось, какой-то человек мучается от сильной боли.

Габорн замер в ребристом туннеле, затаив дыхание. Он старался не производить ни звука, умеряя даже биение собственного сердца.

— Помогите! — голос доносился откуда-то сверху. Это был человек, он страдал от боли, голос его звучал сдавленно. Он всхлипывал, и звук этот отражался от стен туннеля, и Габорн даже испугался, что прошел мимо него в темноте.

— Эй! — окликнул Габорн.

Он осторожно двинулся вперед. Бледно-зеленый свет его опала был слишком слаб, чтобы проникнуть далеко в темноту. Рыдание стихло.

Габорн приблизился к углу, увидел что-то на земле — это была человеческая нога, обескровленная, белая как снег. Пальцы на ней почернели, а все мускулы были болезненно скручены.

Рыдания возобновились. Сразу за углом, за поворотом туннеля.

Нервы Габорна напряглись. Чувство Земли предупредило, что впереди опасность.

Это ловушка, понял он. Опустошители оставили здесь кого-то в качестве приманки. А как только я заверну за угол, они набросятся на меня.

Сердце забилося сильнее, лоб покрылся холодным потом. Габорн крепче схватил копьё опустошителя и медленно, дюйм за дюймом, двинулся вперед, прижимаясь спиной к стене.

В нескольких футах впереди лежали две руки, почерневшие пальцы на них были скрючены, как когти.

Клянусь Силами, подумал Габорн, *что они сделали?*

Он представил себе человека, одинокого, беспомощного, с отсеченными руками и ногами, лежащего в луже крови. При таких обстоятельствах только очень могущественный Властитель Руи с дюжиной даров жизнестойкости мог так долго цепляться за жизнь.

— Помогите! — крик послышался снова, ближе, но слабее.

Габорн внезапно почувствовал, что страшно устал. Он бежал несколько дней, почти в беспамятстве, и, несмотря на все дары, теперь утомление брало свое. Стены пещеры, казалось, стали туманными, расплывчатыми; он сам словно отделился от своего тела.

— Эй! — крикнул Габорн. — Есть там рядом с вами опустошители? Это ловушка?

Он услышал сдавленный звук, будто страдалец не мог поверить, что слышит приветливый человеческий голос.

— Нет, никаких опустошителей, — ответил он слабым голосом. — Это не опустошители сделали такое со мной.

Голос показался смутно знакомым, и Габорн завернул за угол, с удивлением увидев тень на земле так близко.

Он всмотрелся. Крабы-слепцы прорыли свои норы в стенах туннеля, и прямо под ними лежал человеческий обрубок — без рук, без ног. Серые, как перец, волосы и борода. Его лицо было повернуто в темноту. Прямо на нем сидели крабы и поедали его. Но он все еще цеплялся за жизнь, его грудь поднималась и опускалась.

— Не опустошители сделали это со мной, — прошептал человек чуть громче. — Если только ты сам не опустошитель.

Он повернул голову к Габорну и уставился на него пустыми кровавыми глазницами. Крабы выгрызли его глаза. Это

был Король Лоуикер, которого Габорн оставил умирать в Белдинуке неделю назад.

— Нет! — закричал Габорн, испугавшись, что перед ним дух Лоуикера.

Лоуикер засмеялся, несмотря на боль.

— Габорн, — сказал он, и это имя эхом отразилось от стен туннеля.

Габорн отчетливо слышал, как шепот раздался в его левом ухе и почти сразу снова послышался откуда-то спереди.

Я сплю, сказал себе Габорн. Никаким образом бесчестный Король Лоуикер не может быть жив и находиться здесь. Властителям Рун с большим количеством даров жизнестойкости тоже нужно спать, но когда они засыпают, им часто снятся вот такие кошмары.

Лоуикер смеялся, словно его позабавило замешательство Габорна.

— Итак, — сказал он, — ты пришел, чтобы встретиться со мной. Или ты надеешься уничтожить мою госпожу?

Габорн не ответил; мысли его разбегались. Сон, думал он, или послание?

— Ты не можешь убить ее, — сказал Лоуикер, — не убив самого себя. Потому что она живет в тебе самом. Ты — ее святилище, почва для ее потомства.

— Нет, — сказал Габорн. — Мне от нее ничего не надо. Я ненавижу ее.

— Так же, как меня? — спросил Лоуикер.

— Ты был убийцей. Ты убил собственную жену и убил бы меня. Ты получил то, что заслужил.

Лоуикер смотрел на Габорна пустыми глазницами, словно обвиняя. Кровь запеклась на обрубках его рук и ног, и теперь крабы с удовольствием вгрызались в него.

— Ты тоже получишь то, что заслужил, — сказал Лоуикер.

И в этот момент Габорн почувствовал, будто его окатило волной холода и тьма сгустилась вокруг. Казалось, мир бешено завертелся.

Ему казалось, что он очутился в центре водоворота. Невидимые ветры вихрями закружились вокруг, ветры тьмы, и он хотел закричать и позвать на помощь, но язык во рту стал словно деревянный, и даже если бы он сумел издать звук, то его услышали бы только крабы-слепцы.

Он упал на землю, зная, что в пещере он не один. Какая-то невидимая сила окутывала его, стараясь уничтожить.

Сердце отчаянно билось в груди. Он почти не мог дышать. Ворон кружил над ним. Он чувствовал Великую Истинную Хозяйку, ее древнюю злую волю. В ушах звучал ее шепот: «Как ты можешь сражаться с врагом, у которого нет формы; с врагом, который проникает даже в твои мысли и подчиняет их себе?».

Габорн свернулся в клубок. Он хотел бежать, но бежать было некуда, и он не мог отличить реальность от иллюзии.

Словно в видении, он заметил маленького мальчика, лет четырех-пяти. Небо было чистым и синим, а день — теплым и ясным. Но откуда-то доносились раскаты грома, и ребенок бежал от своего дома с совершенно определенными намерениями; в руке у него была палка.

Мальчик думал: в курятник залезла лиса.

Но едва он повернул за дом, как вдруг понял, что это был за гром. Гигантская орда опустошителей шла в атаку. Их черные шеренги с грохотом двигались по ближайшему холму. Мальчик увидел их; колени у него подогнулись, рот открылся. Он поднял свою жалкую маленькую палку, словно надеясь отогнать их, но орда двигалась вперед столь же стремительно и неотвратно.

Первый же опустошитель, подошедший к дому, проглотил ребенка целиком, и видение растаяло.

Хозяйка продолжала шептать прямо в ухо Габорну: «Ты — дитя, а мы — орда. Тебе не победить нас».

Габорн чувствовал, это видение не было вымыслом. Госпожа показала ему то, что действительно случилось на пути орды к Каррису.

Тьма сгущалась. Долгое время Габорну казалось, что его душу исторгнут из тела и сделают из нее игрушку для Ворона.

Но постепенно он начал понимать. У нее не было такой власти. Если бы была, она бы стерла все человечество с лица земли много веков назад.

Едва он понял это, клубящаяся тьма начала таять — и через некоторое время исчезла.

И Лоуикер, и его отсеченные конечности исчезли тоже, словно кто-то хотел уничтожить все улики. Перед ним был чистый пол, отполированный ногами многих тысяч опустошителей.

Сердце Габорна продолжало бешено колотиться о ребра.

Хозяйка атаковала его. Почему?

Габорн мог придумать только два объяснения. Первое — она мучила его для собственного удовольствия. Но могло быть и так: она сделала это потому, что испугалась.

Почему она может бояться меня, думал Габорн. Какую опасность я представляю для нее?

Он вернулся назад, к тому моменту, когда видение началось. Габорн размышлял о том, как ему победить существо, состоящее из чистого зла — зла, живущего не в теле, но в душе.

Он с трудом встал на колени, начиная понимать, что произошло. Она старалась сбить его с мысли, помешать ему думать об этом. Габорн знал, если он продолжит размышления, то подвергнется новой атаке.

Ну что ж, пускай, сказал себе Габорн. *Я хочу покончить с ней. Я ненавижу ее.* Он поднялся на ноги.

Тогда она повернет эту ненависть против тебя самого, зашептал голос в глубине его сознания. Она предложит тебе ненавидеть тех, кто ей служит, и, в конце концов, одолеет тебя. Зло стонет и плачет лишь тогда, когда ты становишься добрее.

Темные смерчи исчезли, и мир наступил в сердце Габорна, несмотря на то что словно из дальней дали до него доносились степенания локуса.

«Учись любить всех людей равно, — писал Эрден Геборен, и эти слова теперь звенели в его голове, словно Эрден Геборен стоял прямо перед ним. — Жестоких так же, как добрых».

«Жестоких так же, как добрых», — повторил Габорн. Сомнения мучили его. Он подумал о короле Лоуикере, убийце собственной жены.

Что я должен был сделать с ним?

Он вспомнил сотни жестоких людей, которых отказался избрать. Он вспомнил, как он ненавидел Раджа Ахтена.

«Учись любить всех людей равно. Жестоких так же, как добрых».

Избирая тех, кто останется жить, и тех, кто умрет, Габорн старался соблюдать какое-то правило. Он отказывался избирать сильных, которые позволяли умирать слабым. Он отказывался избирать мудрых, позволявших умирать глупым. Он избирал старых и молодых, мужчин и женщин, жителей Рофехавана и Индопала.

Он установил только одно правило. Он отвергал злых и бессовестных. Он чувствовал, что это справедливо. Ибо человек может родиться глупым, или слабым, или уродливым и удача может отвернуться от самых предусмотрительных, но за свой характер человек должен нести ответственность. Иначе мы придем к анархии.

Тогда пусть они несут ответственность и за свою слабость, шептал тот же голос. Но наказывай их за их собственные прегрешения по той мерке, какую они заслужили, не позволяй твоему гневу становиться судьей.

Габорн остановился на этой мысли.

Он чувствовал себя дураком. Он причинил боль и горе Духу Земли и утратил способность предупреждать своих Избранных об опасности. Из-за его, Габорна, слабости сегодняшней ночью в Каррисе будут погибать женщины и дети.

Кто накажет меня за мою глупость, думал Габорн.

Он знал ответ. Люди умрут, а он останется жить, это и будет его наказанием.

А вдруг он может сделать что-то еще?

Эрден Геборен сказал, мол, он должен любить жестоких и коварных, стараться помочь им даже тогда, когда они ослеплены похотью и жадностью и не понимают сами, чего хотят.

Что-то тут было не так. Габорн всегда поражался тому, как Иом умела переводить. Когда Эрден Геборен писал свою книгу, он часто с трудом подбирал слова, перечеркивал одно, вставлял другое — только для того, чтобы и его тоже зачеркнуть. Казалось, его язык был бессилён подобрать точные слова, чтобы описать его впечатления от Светлейших.

Что он подразумевал под словами «любить жестоких»? Как можно любить жестокого человека, не полюбив при этом саму жестокость? Разве что «любить» было не чувством, но определением. Быть может, любить другого означало стараться расширить его горизонт, помочь ему стать лучше, даже если сам он этого не хочет.

Габорн бежал вниз по туннелю ничего не видя, руководствуясь только инстинктом. Казалось, крабы-слепцы и другие хищники застыли от страха. В полу зияли большие дыры — здесь кривели, крошечные насекомые, съели камень. С потолка свешивались каменные деревья с нелепо перекрученными ветвями.

Краем глаза он заметил светлое пятно около свода туннеля.

Он взглянул наверх, и сияние исчезло. Это иллюзия, подумал Габорн, отблеск моего опала.

Он вспомнил, что ему однажды сказал его дед. «Доброта — она как камень, брошенный в тихий пруд. От нее будто расходятся во все стороны круги, она захватывает все вокруг себя, и со временем она возвращается к своему источнику. Ты здоровася с человеком, хвалишь его работу — и его день становится светлее. Он, в свою очередь, дарит свет тем, кто его окружает, и вскоре весь город улыбается, и кажется, будто незнакомые тебе люди рады тебя видеть. Вот так работает доброта. И зло так же».

Эрден Геборен назвал локус тенью, тьмой, которая, как туман, распространяется все дальше, стараясь коснуться всех вокруг.

А может ли локус быть хорошим? Есть ли в мире существа, сотканные из света, которые действуют так же?

И вдруг, словно удар, его поразило новое знание. Оно пришло так внезапно, словно кто-то прокричал слово или вспомнилось что-то, известное ему, но давно забытое. Теперь же оно вернулось, словно кто-то рядом с ним произнес эти слова.

— Да, есть, и это Всеславные, — повторил голос.

Он снова увидел странное пятно света, мерцающее наверху. Оно имело форму огромной птицы, вроде чайки с распростертыми крыльями, в полной тишине описывающей круги над его головой.

— Я не один, — прошептал Габорн в своем сердце. — Правда?

— Правда, — ответил голос. — Я рядом с тобой.

Габорна охватило счастливое чувство уверенности. Теперь он знал, почему Хозяйка атаковала его. Она тоже почувствовала присутствие Всеславных.

— Можешь ли ты помочь мне? — спросил Габорн. Он не знал, почему он спросил. Он почувствовал, что зря это сделал. Он обещал своему народу защиту, и его собственная слабость привела к тому, что его обещание оказалось ложью. Он

принял помощь Посвященных — лишь для того, чтобы увидеть, как они погибают. По его вине больше людей погибло, чем спаслось.

— Возможно, если ты достаточно сильно жаждешь этого,— прошептал голос.

— Достаточно сильно,— ответил Габорн.

Внезапно сияние над ним вспыхнуло, раскалилось добела. Свет слепил его, и Габорн закрыл глаза руками, но все же чувствовал жар. Теперь он ничего не видел, но чувствовал мудрость и силу; до этого момента он не мог себе представить, что их может быть так много.

Свет ослепил его. Все кости в его теле содрогались, словно подчиняясь какому-то неведомому ритму. А свет становился все яростнее.

Тени сбежали из туннеля, и Габорн отнял руки от лица, надеясь хоть мимолетно увидеть Всеславного. Но даже если это создание обладало телом, Габорн его не увидел. Это было только неопишемое сияние, ослепительнее полуденного солнца, и Габорн почувствовал, что в любой момент он может растаять или взорваться.

А затем свет пронзил его насквозь.

Это было так, будто огненное копьё вонзилось ему в сердце, копьё, которое выжгло все бывшее в нем зло. Теперь каждый волосок на его коже был полон энергии, а каждая пора источала свет.

Вещи, которых он раньше никогда не мог понять, теперь стали совершенно ясны и понятны — отношения между добром и злом; между людьми, локи и Всеславными.

Пылающий в нем свет был невыносим.

— Я умираю! — воскликнул Габорн в страхе.

Свет начал таять так же безмолвно, как до этого наполнил помещение. Тени начали расти и удлиняться. В туннеле стало темно, словно крылатая птица света отступила перед тенью.

Габорн остался один. Он сидел на полу, тяжело дыша.

Наконец, он успокоился и взглянул на свои руки. Он чувствовал в них невероятную силу, и ему казалось, что сияние по-прежнему освещает его мозг, но никаких физических перемен в себе он не заметил.

Нсужели я и в самом деле видел Всеславного? Или это был сон наяву? Если бы здесь были другие люди, они увидели бы то же, что и я?

Но он знал. Он не мог не верить своим чувствам. Это не было сном.

И тогда он встал и снова помчался — все вниз и вниз, в глубины Подземного Мира, неся сияние в своем сердце.

Глава 31

САМОЦВЕТЫ ПУСТЫНИ

В жадности нет ничего плохого. Это свойство, которое позволило твоим предкам накопить состояние, которым мы владеем сегодня. Если ты хочешь почтить их, наслаждайся жадностью — и сделай себя достаточно сильной, чтобы получить все, чего желаешь.

*Советник Лоуикер своей дочери
Риалле, в год четвертый*

Сверкающие, как самоцветы на фоне черного пепла, Радж Ахтен и его свита лордов из Индопала ехали к лагерю Риаллы Лоуикер.

Его лорды были разодеты в блестящие доспехи, сияющие в солнечном свете такой яркой белизной, что резали глаза, и блестящие золотом, словно только что отчеканенная монета, украшенные рубинами, которые были гораздо краснее крови. Сбруя лошадей и верблюдов была украшена так же ярко, как сами лорды.

Они спускались с холмов, проезжая сквозь земли, которые опустошители разрушили своими заклятиями неделю

назад. Мертвые сосны вдоль дороги издавали запах преждевременного гниения, хотя серые иглы все еще держались на черных ветвях. Трава превратилась в жухлую солому и теперь лежала, иссушенная, на земле. Все лозы и кустарники высохли.

Здесь уже неделю не выпадало дождя, и все мертвые травы и папоротники и сосновые леса были теперь сухими, как трут. Искра, высеченная ударом конского копыта о камень, вспыхивала маленьким пожаром вдоль дороги. Один из капитанов предупредил людей, чтобы они остерегались этой опасности.

Радж Ахтен только улыбался. Оставалось всего шестьдесят миль до лагеря Королевы Лоуикер, и на стремительных лошадях, отмеченных рунами силы, на это требовалось не больше часа по утренней прохладе.

Поскольку его глашатаи объявили, что он прибыл для переговоров, Радж Ахтен прямо и гордо восседал на своем сером имперском боевом скакуне, ослепительный в белом шелке.

Он медленно ехал в лагерь. Он не доверял этим северянам, ибо в прошлом люди Лоуикера часто пытались убить его, но он не позволял себе проявить настороженность. Он прибыл под зеленым флагом перемирия и позволял своему обаянию воздействовать на солдат. И хотя он никого не просил о преданности, не раз сильный, отважный воин, лишь взглянув на него, опускался на одно колено, склонив голову.

Риалла сама вышла из своего большого синего шатра и посмотрела на него. Она была широкой в кости и невзрачной, но в ней чувствовалась мужская твердость, что всегда привлекало его в женщинах. Он сразу же понял, какого сорта женщиной она была: зная, что она никогда не сможет состязаться в красоте с утонченными придворными дамами, она вместо этого заняла подходящее место среди лордов и воинов.

Однако когда она взглянула на Раджа Ахтена, ее рот приоткрылся от благоговейного ужаса, она задрожала и нырнула обратно в свой шатер.

Минуту спустя ее управляющий вышел из шатра и объявил:

— Ее Королевское Величество Риалла Вэл Лоуикер будет вести переговоры с вами в своем шатре.

Радж Ахтен спрыгнул с коня и уверенным шагом вошел в шатер, как только управляющий откинул полог.

Риалла Лоуикер стояла в одиночестве в центре шатра. На полу была расстелена огромная карта Мистаррии, нарисованная на четырех бычьих шкурах, сшитых в одно полотнище. Она стояла прямо над Каррисом. Карта показывала Озеро Доннестри на востоке, горы на юге и орды опустошителей, движущихся к ним, что было обозначено маленькой черной деревянной резной фигуркой опустошителя. На западе был Алькаир, где войска Раджа Ахтена были обозначены другой деревянной резной фигуркой воина в белом тюрбане. На севере ее карта показывала Короля Андерса, едущего через Бельдинук, в то время как молодой Король Орвин стремился к югу через Флидс. Но на востоке было нечто, вызывающее удивление.

На Морском Подворье Король Мистаррии был повержен, а на его месте стоял варвар в сером, с державой Интернука на круглом щите.

— Вы осведомлены лучше меня,— сказал Радж Ахтен, глядя на карту.— Кто этот полководец в Морском Подворье?

— Ольмарг,— ответила Риалла. Она тяжело дышала. Радж Ахтен бросил на нее быстрый взгляд. Когда она в первый момент вышла наружу, ее платье с длинными рукавами было наглухо застегнуто выше ворота до самого подбородка. Сейчас она расстегнула верхние пять застёжек, давая шанс увидеть ложбинку между грудей.

Радж Ахтен улыбнулся. Он имел тысячи даров обаяния и голоса, и немногие женщины могли устоять перед ним. Более того, он был теперь пламяплетом. В сущности, мощь его господина была в нем. Уже само его присутствие в комнате воспламеняло определенные страсти в обычных людях — похоть, жадность, желание сражаться.

Раджу Ахтену хватило одного взгляда на молодую королеву, чтобы понять: она не может ему сопротивляться. Соединенный эффект его магических сил сокрушил ее.

Он забавлялся. Подступив ближе, он взял ее правую руку и с поклоном поцеловал ее. Сделав это, он не отрываясь смотрел ей в глаза, за исключением того момента, когда он бросил быстрый взгляд на ложбинку между ее грудей.

Ее ответная реакция в высшей степени удовлетворила его. Риалла Лоуикер тяжело задышала, едва он прикоснулся к ней. Ее ноздри раздулись, а глаза закатились, когда он поцеловал ее руку. А когда он взглянул на ее грудь, все ее тело затрепетало в экстазе.

Он знал, что она его — по первому требованию.

— Как давно Ольмарг напал на Морское Подворье? — спросил он.

— Он должен был вступить в игру на рассвете, — ответила Риалла, — по приказу Короля Андерса Кроутенского.

— Но у Морского Подворья надежная оборона. Вы уверены, что Ольмарг сможет их взять?

Риалла дышала все тяжелее, по мере того как магия Раджа Ахтена оплетала ее.

— Он был должен... Мои разведчики донесли, что Габорн Вал Орден исчез в Подземном Мире, чтобы сразиться там с опустошителями, и приказал всем своим воинам прийти сюда. Берега остались беззащитными.

— И каковы ваши планы? — спросил Радж Ахтен. — Ваша карта показывает, что лорды с севера едут на помощь Каррису. Будете вы сражаться с ними?

Он держал ее за руку, и Риалла Лоункер сжала его руку в ответ, не желая отпустить ее.

— Пока я не узнаю, каковы намерения ваши и Андерса, я не могу принять решение.

— Король Андерс? — спросил Радж Ахтен.

— Он скользкий — интриги, интриги, интриги.

— И... он вам не нравится? — спросил Радж Ахтен.

— Я боялась противостоять Габорну после того, что он сделал с моим отцом. Я написала королю Андерсу, дескать, все сделки, заключенные моим отцом, умерли вместе с ним. В ответ он послал глашатаев на юг, провозглашая себя новым Королем Земли. Он говорит, будто Габорн утратил свои силы и Земля призывает его вместо Габорна.

Радж Ахтен громко рассмеялся.

— Сперва Андерс заявил, якобы Габорн не является Королем Земли, а сейчас он утверждает, что Габорн был Королем Земли, но Андерс по-прежнему лучше?

— По-моему, — сказала Риалла, — когда человек не может выбрать, какая ложь ему больше нравится, значит, правды в нем нет вообще. Запомните мои слова, нет более опасного человека во всем Рофехаване, чем Король Андерс.

— Я нахожусь в Рофехаване, — сказал Радж Ахтен, по-прежнему держа ее за руку.

— И вы заявляете, будто более опасны, чем он? — поддразнила она.

Ее глаза сейчас были полны страсти, и смеха, и вождления. Радж Ахтен решил, что эта женщина ему нравится. Ее дерзость была смягчена осторожностью, и он чувствовал в ней тень коварства и жестокости.

Радж Ахтен поднял правую руку и отвел назад ее тусклые коричневые волосы. Риалла закрыла глаза и, схватив его руку, прижала ее к своей щеке.

В ней не было ничего привлекательного, но в этот момент Радж Ахтен почувствовал полное единение с ней. Так много

даров жизнестойкости было отдано ему, что ему казалось, словно свет и жизнь сочились из каждой его поры. Если он сейчас же не волеет свое семя в женщину, желание сделать это превратится в пытку.

— Пусть лорды севера едут в Каррис,— предложил Радж Ахтен.— Город беззащитен, и они погибнут вместе, оставив весь север и запад Рофехавана уязвимым для нападения. Орвин, Флидс и даже Южный Краутен смогут быть нашими вместе с Мистаррией и Хередоном. Я предлагаю Вам пока держать свою армию здесь, а я спрячу свою в горах на западе до тех пор, пока опустошители не покончат с Каррисом. Таким образом, мы запрем их у озера. Только тогда мы соберем наши армии и отправим опустошителей обратно в Подземный Мир.

Радж Ахтен удерживал ее взгляд, и Риалла придвинулась ближе.

— Вы думаете, мы сможем сделать это,— спросила она,— всего с тремя сотнями тысяч людей?

— Опустошители,— сказал Радж Ахтен,— легко пугаются, когда лишаются предводителей. Это сбивает их с толку. А я привез с собой из Майгассы несколько сюрпризов, которых даже опустошители раньше не видели. После того как я уничтожил их ужасных магов, наши люди повергнут их в ужас.

— Чего вы хотите от этой сделки?— спросила она.

— Заклятия опустошителей сожгли землю во всех южных королевствах Индопала. Моему народу нужна еда, чтобы пережить зиму.

— Запасов Карриса будет недостаточно,— возразила Риалла.

— Этого будет достаточно, чтобы обеспечить выживание сильных и коварных,— сказал Радж Ахтен.— Остальные могут умирать от голода. Более того,— продолжил он,— мне нужно, чтобы Посвященные отдали мне дары. Все лорды,

захваченные мной в Рофехаване, станут моими, моей военной добычей.

— А что вы предложите взамен, если я приму ваше предложение? — спросила Риалла.

— Через год я стану королем Рофехавана, а вы моей королевой, и мы будем править вместе.

Риалла тяжело дышала. Теперь она шагнула назад, и хотя вожделение полностью охватило ее, на ее лице появилось расчетливое выражение. Конечно, Радж Ахтен понимал, что она играла с ним точно так же, как он играл с нею. Он только что открыл ей свое сердце. Теперь она открыла свое сердце ему:

— У вас много жен в гареме. Если я буду на вашей стороне, я должна остаться единственной женой.

Раджу Ахтену понравилась ее решительность.

— Они не жены, просто безделушки, игрушки. У меня была только одна жена, но Габорн отнял ее у меня — так же, как отнял у вас вашего отца.

— Если ваши жены для вас ничего не значат, — сказала Риалла, — убейте их ради меня.

Пламя внутри него зашептало: «Да, отдай их ей. Так я сделаю ее своею».

— Я сделаю лучше, — сказал Радж Ахтен, — я дам вам нож — и вы убьете их сами.

Он ожидал, что она содрогнется или отшатнется от такого предложения. Но вместо этого Риалла Лоуикер, будущая Королева Рофехавана, схватила его и швырнула на пол, яростно срывая с него одежду.

Вскоре после рассвета кровавое солнце поднялось над Дейаззем. Петухи громко кричали на улицах Гхузы, словно они впервые видели солнце. Способствующий Раджа Ахтена, Турауш Казиль, устало тащился по улицам города, пока

не обнаружил старую ветхую хижину позади гончарной мастерской. Хижина представляла собой пристройку с односкатной крышей или навес, сделанный из жердей, приставленных под углом к древней каменной стене. Шкуры поверх жердей служили крышей, предохраняющей от дождя и полуденного солнца.

Тлеющий пепел костра все еще дымился перед хижинной. Повсюду чувствовался запах человеческих отходов. Турауш поморщился от отвращения и дважды хлопнул в ладоши.

— Балимар! — окликнул он. — Балимар Махаддим!

Молодой человек быстро высунул голову из-за кожаной занавески, закрывающей вход. Его глаза были красными, словно он плакал или всю ночь мучился бессонницей. Конечно, он искал своих младших сестру и брата, побирušек с рынка. Теперь, измученный недостатком сна, его ум должен был притупиться. По крайней мере, Турауш надеялся, что это так.

— Да? — спросил юноша, — Вы звали? — Он бросил взгляд на прекрасные одежды Турауша, и глаза его почтительно расширились: — О Великий!

— Я звал, — сказал Турауш. — Твои младшие сестра и брат спрашивали еду на рынках вчера вечером.

— Вы знаете, где они сейчас? — спросил Балимар с надеждой в голосе.

— Я знаю, — ответил Турауш. — Хочешь ли ты увидеть их?

Юноша Балимар выскочил из-под шкур своей пристройки и вцепился в стену, чтобы не упасть. Турауш мог видеть белый рубец шрама на его бедре, и нога юноши все еще была перевязана, но он выглядел почти здоровым. Он был мускулист, с толстой шеей и сильными бицепсами, но в глазах не было видно ума. Он был мечтой способствующего — мускулы, выносливость, быть может, даже грация. Такой молодой человек имел огромный запас возможностей.

— Где они? — с подозрением спросил юноша.

— Они продали себя за еду, — сказал Турауш.

— В рабство? — недоверчиво спросил юноша.

— В Посвященные, — сказал Турауш. — Теперь они служат нашему Лорду Раджу Ахтену.

Турауш вложил всю силу своего голоса в эти последние слова, подчеркивая тоном, что детям досталась благороднейшая служба, нечто, чего следует желать.

— Я... — голос юноши дрогнул. Он не мог найти слов. — Я никогда не встречал этого человека.

— Он великий лорд, — сказал Турауш, — величайший из живших когда-либо. Говорят, не более двух дней назад он лишил жизни в Картише великого опустошителя, Лорда Подземного Мира. А сейчас он движется сюда, чтобы защитить нашу страну от злобных королей Рофехавана. Ты должен гордиться своим братом и сестрой. Они исполняют великую службу для нашего лорда.

Балимар смущенно оглянулся. Он был немного темнее кожей, чем его брат и сестра, почти как если бы он был бастардом, рожденным от прохожего странника. Глаза его были темнее миндаля. Волосы его были коротко обрезаны, как у парня, который любит участвовать в кулачных боях на улице в праздничные дни в надежде, что его мастерство поможет ему вступить в армию Раджи.

— Моя мать огорчится, услышав это, когда вернется.

— Где твоя мать? — спросил Турауш.

— Она отправилась повидать сестру, которая живет в Джезерееле. Она надеялась, что муж ее сестры возьмет всех нас к себе. Но это было прошлой весной, и она все еще не вернулась.

— До деревни Джезереель меньше недели ходу отсюда, — сказал Турауш после минутного раздумья. Он был вдохновенным лжецом, и часто изумлял сам себя тем, как умудрялся

исказать правду. — Но тропа через горы кишит разбойниками и ворами. Я подозреваю, что твоя мать не вернется. Боюсь, она попалась к ним.

Турауш позволил ноте фальшивого огорчения прозвучать в голосе, словно для того чтобы подтвердить смерть женщины, а не только увеличить вероятность этого.

— Как же ты будешь заботиться о своих братьях и сестрах? Балимар безнадежно взглянул вниз.

— Моя нога заживает хорошо. Через месяц или два я снова смогу работать.

— Без хорошей еды, — негромко сказал Турауш, — ты будешь только чахнуть. А когда ты умрешь, малыши, конечно, последуют за тобой.

Балимар безнадежно оглянулся, его глаза увлажнились от горя при этой мысли.

— Что я могу сделать?

За его спиной появилась пара маленьких детей. Два крошечных ребенка с огромными глазами, пристально и печально смотревшими на Турауша. Голод ясно читался на их лицах.

— Следуй за мной, — сказал Турауш. — Отдай себя нашему лорду, и мы будем хорошо кормить тебя — тебя и малышей. Ты можешь оставить их под присмотром во дворце. Они не будут терпеть лишений.

Балимар выглядел беспомощно.

— Что я могу дать, чем заплатить за заботу о детях? Мой слух?

— Ты не будешь слышать плач малышей по ночам, — мягко возразил Турауш. — Отдашь жизнестойкость, я думаю. И ты сможешь заботиться о них.

— А что моя нога? — спросил Балимар. — Она никогда не выздоровеет.

Турауш слегка улыбнулся, полагаясь на силу своего обаяния. Глупо, говорила его улыбка, так беспокоиться. Через минуту он добавил:

— Лучшие лекари Индопала украшают собой Дворец Гхузы. В течение тысяч лет лорды этой земли приходили прогуляться в его высоких башнях, искупаться в целебных источниках у его подножия. Мы отыщем травы и бальзамы для твоей раны. Через неделю или две мышцы заживут, а боль уйдет.

Нижняя губа Балимара дрожала. Он стоял, готовый к сопротивлению, как бык останавливается у прилавка мясника, почуяв кровь себе подобных.

Да он не так глуп, как кажется, подумал Турауш. Нога никогда не выздоровеет, стоит ему отдать свою жизнестойкость, и парень знает об этом.

Он протянул руку и крепко схватил Балимара за кисть.

— Пойдем, — убеждал Турауш. — Время дорого. Твои брат и сестра зовут тебя, и завтрак ждет.

Глава 32

ДАРЕНИЕ

Каждый из величайших даров — мускульной силы, ума, жизнестойкости и грации — может быть перемещен только при большом риске для дарующего. Часто смерть наступает мгновенно. Например, если человек отдает слишком много мускульной силы, его сердце может остановиться из-за отсутствия мощности, или человек, отдающий ум, может просто забыть, как дышать. Но при дарении и жизнестойкости, и грации смерть чаще наступает медленно...

Отрывок из письма, посланного Раджу Ахтену его главным способствующим Бери Шаном

Чинмойз делала все от нее зависящее, чтобы спокойно дожидаться своей очереди передать свой дар. Она заметила, что все способствующие Хередона вместе со всеми своими учениками собрались в замке. Шестнадцать из них работали рядом с вершиной холма. Они подрывались уже почти два

дня в попытке завершить свою великую работу, не тратя времени ни на еду, ни на отдых.

Их голоса были усталыми и хриплыми.

— Ты уверена, что осмелишься на это? — спросил Дирборн шепотом за ее спиной. — Не подвергнет ли дарение грации риску твоего ребенка?

— Риск невелик, — сказала Чимойз. — А разве мы уверены, что нас не истребят, если мы откажемся противостоять нашим врагам?

— Пусть кто-нибудь другой встанет на твое место, — сказал Дирборн.

— Я не могу, — прошептала Чимойз. — Иом была моим лучшим другом при дворе, и за то короткое время, что я знаю Габорна, я стала восхищаться им больше, чем кем-либо, кого знала. Способствующим нужна наша любовь и страстное желание передать дар. Много ли здесь есть других, действительно знающих Короля Земли?

— Я никогда не встречался с ним, — согласился Дирборн, — но я знаю, чему он противостоит, и я жажду отдать все, что могу.

— Значит, ты предлагаешь дар из любви к идее, в то время как я предлагаю свой из любви к человеку. Ты думаешь, эти чувства одинаково сильны?

— Возможно, — сказал Дирборн, — если любишь идею достаточно сильно.

С вершины холма донесся крик слуги. Чимойз взглянула наверх, зная заранее, что увидит. Один из тех, кто отдавал мускульную силу, лежал на лужайке, и несколько целителей быстро укрыли черным полотном его тело и затем оттащили прочь, чтобы смерть одного из Посвященных не отравила решимость остальных, пришедших передать дары.

Чимойз воспользовалась этим моментом, чтобы протолкнуться впереди других, предлагавших себя в Посвященные.

Тьма стучалась, и вскоре придет ночь. Габори предупредил, что атака начнется на закате.

Она надеялась только на то, что успеет передать свой дар вовремя.

— Пропустите,— сказала она, протискиваясь мимо толстого мужчины в передние ряды.

Почти в тот же миг способствующий с отупевшим лицом спустился вниз с холма:

— Следующий!

Чимойз не знала его. Если бы это был старший главный способствующий короля Сильварреста или один из его учеников, она осталась бы стоять в толпе, ибо способствующий мог знать о ее беременности и отказался бы взять ее дар.

— Я,— отозвалась Чимойз.

Она вырвалась из толпы, как только способствующий подошел.

— Жаждущая! — прохрипел он. — Каково твоё желание?

— Грация,— сказала Чимойз. — Я предлагаю грацию.

Он взял ее за локоть.

— Спасибо,— сказал он. — Немногие предлагают грацию. Я бы последовал твоему примеру, если бы мог.

— У тебя есть твоя работа,— сказала Чимойз,— а у меня своя.

Он провел ее наверх к палатке, мимо Посвященных, которые в огромном количестве лежали вокруг входа, как раненные на жутком поле боя. Стоны людей были похожи на стоны ветра в скалах, а рядом сверчки начинали свои ночные песнопения. Запах тушеного мяса доносился с полей.

— Скажи,— спросил способствующий,— ты случайно не знакома с Королем Земли?

Он отбросил входную завесу красного павильона.

— Я знаю его и люблю,— сказала Чимойз. Она знала, что он хотел услышать.

— Хорошо,— прохрипел способствующий.— Хорошо. Думай о своей любви к нему во время передачи дара. Думай только об этом. Ты сможешь?

Она вошла в павильон. Только одна свеча горела в центре маленького помещения, сияя, как звезда. На матрце, скорчившись в позе зародыша, лежала молодая женщина. Каждый мускул ее тела был напряжен и застыл в неподвижности. Пальцы были сжаты в кулаки, и лицо искажено гримасой боли. Даже ее веки были плотно сжаты и не могли расслабиться. Она дышала с присвистом, неглубоко, не имея возможности вдохнуть больше воздуха.

Способствующий остановился, дав Чимойз возможность разглядеть женщину.

— Это Бриэль. Она была танцовщицей на постоялом дворе замка Гроверман, прежде чем подарила свою грацию нашему королю. Она послужит вектором. Отдавая грацию ей, ты передашь ее своему королю.

— Я поняла,— сказала Чимойз.

— Ты знаешь, как будешь выглядеть через несколько минут, если не откажешься,— сказал он извиняющимся тоном.— Ты решаешься?

Чимойз знала, что скрученные в узел мышцы — это не самое худшее. Передача дара грации затрагивала внутренности. Первые несколько недель будут очень тяжелыми. С этого момента она сможет есть только бульон и жидкий суп.

— Я перенесу это с радостью,— сказала Чимойз.

— Хорошо,— сказал способствующий.— Хорошая девочка.

Он подошел к небольшой кучке печатей силы и вытащил одну, поднес ненадолго к свече, изучая руну на ее верхнем конце. Она выглядела как крошечное, выжженное железом клеймо. Он, видимо, нашел какую-то неточность, потому что вытащил маленький тупой инструмент и начал давить на один край руны.

— Прости, что приходится ждать,— извинился он.— Кровяной металл легко гнется и часто повреждается во время перевозки.

— Я понимаю,— сказала Чимойз.

Чимойз смотрела на Бриэль. Если не считать свистящего дыхания, Бриэль почти не подавала признаков жизни. Чимойз заметила слезу, вытекшую из одного глаза. Это больно — быть так сжатой, поняла она. Отдавать дар грации — это пытка.

Когда способствующий закончил свое дело, он бросил взгляд на Чимойз.

— Теперь,— сказал он,— я хочу, чтобы ты смотрела на свечу.

Чимойз взглянула на свечу, затем ее внимание снова вернулось к Бриэль. Прежде, каждый раз, когда она видела церемонию дарения, потенциальный Посвященный пристально смотрел на лорда, который получит дар.

— Нет, не смотри на нее,— предупредил способствующий.— Сосредоточь взгляд на свече. Смотри на свет.

Конечно, Чимойз понимала. Мы смотрим на наших лордов, потому что они красивы с их дарами обаяния и это облегчает нам отдачу себя. Но пристально глядеть на жалкий вектор — это только выбьет из колеи потенциального Посвященного.

Чимойз смотрела на свечу, в то время как способствующий начал петь глубоким голосом. Она не могла разобрать слова. Насколько она знала, это были просто звуки. Но это были звуки, которые подбадривали ее и заставляли ее желать отдать себя. Она могла чувствовать, как острое желание нарастает, словно могучее пламя.

Пламя свечи мерцало и рвалось, когда способствующий несколько раз обошел комнату по кругу, а затем наложил печать силы на руку Чимойз.

Это прикосновение потрясло все ее существо. Она часто слышала о «поцелуе печати силы». Поэтому она представляла себе, что прикосновение металла сначала должно быть нежным и чувственным. Но это не был поцелуй. Вместо этого она почувствовала, словно печать силы — пиявка, которая впиалась своим круглым ртом в ее кожу и начала высасывать что-то жизненно важное из нее.

Как только печать силы прикоснулась к ней, Чимойз почувствовала жар в голове, а подвижность ее мышц исчезла. Правый бицепс свела такая сильная судорога, что у нее перехватило дыхание.

Она отдавала себя, заставляла себя думать о Габорне в час его нужды. Пламя свечи металось, как язык змеи, и она смотрела на него, стараясь не замечать навязчивый звук пения способствующего. Снаружи, в городе, она слышала крики петухов, поющих серенады закату.

Боль в руке распространилась вниз до локтя и вверх до подмышечной впадины. Капли пота скопились на бровях, и одна стекла по крылу носа. Печать силы, казалось, сама стала пламенем. Она жгла ее руку, и Чимойз чувствовала запах паленых волос и жареного мяса.

Она взглянула вниз на наконечник печати силы с удивлением. Она часами слушала о том, как люди отдают дары, и почти все из них в какой-то момент кричали от боли. Некоторые говорили, якобы боль от печати силы невыразима, непереносима, но по мере того как рука Чимойз горела, она чувствовала, что в силах переносить это.

Она закрыла глаза, сосредоточилась на своем короле и на людях, которых она любила. Бодь вспыхнула с такой силой, что вдруг ей показалось, будто вся ее рука объята пламенем. Она стиснула зубы.

Я могу это перенести, говорила она себе. *Я могу это перенести.*

Но внезапно боль расцвела сотнями огненных языков. Казалось, каждый мускул ее тела внезапно скрутила судорога, так что вся она скорчилась от боли, гораздо более острой, чем она когда-либо могла вообразить. И хотя она хотела громко застонать, только слабый звук сорвался с ее губ.

Мир Чимойз почернел.

Глава 33

ПО СТОПАМ ОТЦА

Обязанность каждого человека — строить свою жизнь так, чтобы для наследников было одновременно и честью, и вызовом пойти по стопам своего отца.

Сэр Блэйн Окворти, Советник короля Мистаррии

Боренсон, Миррима и Сарка Каул скакали прочь от линии опустошителей, оставляя милю за милей между собой и марширующей ордой, которая протянулась от горизонта до горизонта.

Сарка Каул уставился вперед, взгляд его был рассеянным.

— Есть хорошие новости и плохие. Радж Ахтен и Королева Лоуикер заключили союз. Они позволяют войскам войти в Каррис с севера в надежде, что все погибнут, оставив половину Рофехавана открытой для завоевания. Но даже они не догадываются, какую помощь может принести ночь.

— Ха! — Боренсон рассмеялся в полном восторге от того, что Дэйс — его советник. — Ответь-ка, друг, что скажет твой

Государственный совет, когда обнаружит, что ты продаешь их секреты?

— Для таких, как я, есть только одно наказание — смерть, — ответил Сарка Каул. — Сначала они подвергнут мучительной смерти мою сестру-близнеца. Это медленный и трудоемкий процесс. Когда сознания объединены, это больше, чем просто общая память. Я буду видеть то, что видит она, чувствовать то, что она чувствует, слышать то, что она слышит до самого последнего момента. Когда она умрет, вполне вероятно, я тоже умру вместе с ней, потому что нельзя рассчитывать остаться в живых после того, как будет разорвана связь столь тесная, как та, которая связывает нас.

Боренсон молчал, устыдившись своего смеха.

— Прости — сказал он наконец.

— Это не твоя проблема, — сказал Сарка Каул. — Я заключил эту сделку очень давно. Как раз сейчас моя сестра-близнец лжет Совету, говоря, якобы ты бросил меня в океан и я мотаюсь по волнам, уцепившись за кусок дерева. Моя единственная надежда, что я проживу, чтобы помочь руководить тобой до сумерек.

— А я надеюсь, — сказала Миррима, — что Совет никогда не узнает, что случилось, и что твоя сестра сможет сбежать.

Они отъехали недалеко, когда встретили одинокого всадника, мчащегося галопом на юг по равнине. Сразу было видно, что это Рыцарь Справедливости, одетый в старомодную помятую кирасу из северной Мистаррии, а также в черный рогатый шлем с кольчужным воротником, который струился как волосы по его спине, — стиль, встречающийся только среди воинов Кхдуна в Старом Индопале. Он был вооружен богато украшенным копьём из черной липы — поистине королевским оружием.

Он ехал на серой лошади, широко ухмыляясь. Боренсон узнал в нем Сэра Питтса, стража замка из Морского Подворья.

— Что ты собираешься сделать?— окликнул его Боренсон, кивая в сторону линии марширующих опустошителей.— Устрашить их своим нарядом?

— Сцепился с разъяренной чародейкой нынче утром,— сказал Питтс с такой же ухмылкой.— Она сорвала мою кольчугу и прогрызла мой шлем! К счастью, я выскользнул из доспехов, а то она и меня бы съела на завтрак.

Питтс поехал рядом. Очевидно, он взял это снаряжение у мертвого воина и был вынужден надеть то, что было. Через край его седла были переброшены полдюжины щупальцев, отрезанных от ротовых отверстий опустошителей. Они свешивались с седла, как мертвые угри, и пахли, как протухший чеснок.

Аверан сказала, что этот запах — смертный крик опустошителя. Боренсон мог видеть высохшую кровь, которая испачкала бровь человека. Она была темной и густой, и если Питтс сумеет выжить в грядущей битве, он несомненно будет носить почетные шрамы. В конце концов, много ли людей может похвастаться тем, что сбежали из пасти опустошителей?

Боренсон громко рассмеялся.

— Когда-нибудь ты расскажешь мне эту историю, а я поставлю пару пинт эля по такому случаю. Но сейчас скажи, как идет сражение?

Питтс кивнул на север.

— Король Земли предупредил нас, чтобы мы защищали Каррис, и это то, что мы будем делать. Но Главный Маршал Чондлер не ждет атаки опустошителей. Он отправляет копьеносцев против них, к голове их колонны. Там теперь кровавая битва.

— Как далеко впереди? — спросил Боренсон.

— Тридцать, может — сорок миль,— ответил Питтс.

Новости охладили Боренсона. Сорок миль до фронта? А их линия тянется к югу так далеко, сколько видит глаз.

— Как далеко до тыла их линий? — спросила Миррима.

— Трудно сказать, — ответил Питтс. — Одни считают — сто миль, другие — сто двадцать.

Боренсон пытался предположить, как велика может быть орда, но Питтс его опередил.

— Их может быть миллион, — сказал он мрачно. — У нас не хватит копий на всех них, даже на двадцатую часть. Король Земли использовал все копья на прошлой неделе. Так что мы сосредоточились на их предводителях. Их ужасный маг под хорошей защитой рядом с передовыми линиями. Это была кровавая схватка.

Его голос дрожал, когда он говорил это.

— Мы потеряли уже много людей. Сэр Лэнгли Орвинский пал.

— О, Силы! — чертыхнулся Боренсон.

— Как нам сражаться с ними, — спросила Миррима, — без копий?

— Мы будем биться с ними пешими, в воротах Карриса, — сказал Питтс. — Мы пустим в ход молоты и копья опустошителей, если придется — руками будем драться. Но мы будем сражаться.

Он был так же безрассуден, как и отважен.

— Чондлер знает больше трюков, чем цирковой медведь, — сказал Питтс. — Отправляйтесь в Каррис — и сами посмотрите!

— Нужно быть больше, чем просто цирковым медведем, чтобы отстоять Каррис, — сказал Сарка Каул.

Боренсон оглянулся. Сарка Каул выглядел зловеще на своей рыжей лошади, с лицом, закрытым черным капюшоном. Его голос казался живущим отдельно от тела.

— Но не падайте духом. Молодой король Орвин уже скачет к городским воротам с тремя тысячами воинов за спиной. Он наконец решился.

Питтс пристально взгляделся в фигуру, закутанную в черные одежды. Он спросил Боренсона:

— Кто этот твой друг?

— Сарка Каул, — сказал Боренсон, — познакомься с Сэром Питтсом.

— Инкарранец? — изумленно спросил Питтс, судорожно сжав копьё. — Что он здесь делает?

— Я еду сражаться в Каррисе, друг, — ответил Сарка Каул. Питтс разразился лающим смехом:

— Хорошо, я надеюсь встретиться с тобой там.

— Приходи, пока не упадет тьма, — сказал Сарка Каул.

Боренсон и Миррима пришпорили коней. Впереди над землей поднималась тьма. Столбы дыма вздымались вверх, создавая огромную завесу, от которой мерк весь свет на равнинах. Шаги марширующих опустошителей заставляли землю дрожать, будто земля раскалывалась под ними.

Боренсон, Миррима и Сарка Каул были почти у Скалы Манган, когда добрались до головы орды опустошителей. Здесь рыцари на усталых конях скакали поперек пути монстров, поджигая каждый пучок травы, каждую кустарниковую рощицу, каждое дерево.

Пламя с ревом взмывало к небесам, почерневшим от дыма. Свет становился все более тусклым, ибо солнце клонилось к закату, а густые леса Гор Хест были такими сырыми, что дым, который поднимался из этой топки, был черным, как чернила, и полон сажи.

Никаких признаков конницы не было по-прежнему. Группа всадников, едущих к горам за этой объятый пламенем долиной, гнала коней. Они ненадолго остановились на южном склоне, в прохладной тени рябин, и впервые за многие часы увидели слабый проблеск солнечного света. Даже здесь, за полосой дыма, солнце мерцало, как горячий уголь на выжженном небе. Там, в вышине, дым действовал как цветное стекло, окрашивающая мир в пепельный цвет.

Они спускались с гор вниз, проезжали через маленькие городки, направляясь в мертвые земли, иссушенные заклятиями опустошителей, и наконец на берегах озера Доннестгри они увидели Каррис.

В этих краях зеленые поля стали серыми неделю назад. Деревья и виноградные лозы лежали искореженными обломками. Вся трава высохла. Ничего живого не осталось. Даже вороны и стервятники исчезли. Только гниющие тела опустошителей — огромные, со ртами, застывшими в широкой усмешке, полными зубов, были немым свидетельством того, что произошло здесь.

На миг, когда Боренсон въехал на иссушенные земли, он испытал странное чувство. Ему почудилось, словно вместо того чтобы ехать из Фенравена в Каррис, он едет из прошлого в будущее. За ним лежали прекрасные зеленые поля мира, который он знал. Впереди были гниение и забвение.

Сарка Каул понюхал воздух. Боренсон мог почувствовать запах старых заклятий опустошителей на мертвой земле. «Ослепни». «Стань сухой как пыль». Казалось, сама земля шепчет заклятия. «Сгинь, дитя человеческого!».

— Те, кто видели бой, попытались описать его, — прошептал Сарка Каул, уставившись на мертвые поля, — но слова изменили им. Я не могу себе это представить. Я не могу вообразить, как далеко зашло разрушение, как тщательно оно было произведено.

Боренсон хлопнул рукой по траве, серой, как пепел.

— Здесь неделю не было дождя. Все это сделали чертовы воючки.

По мере того как троика приближалась к Каррису, солнце медленно опускалось за горизонт, скрытый за столбами вздымающегося дыма. Ветер стих, и жар, поднимающийся от почвы, разносил смрад от погубленных земель, и смрад висел в воздухе зловонным туманом. На западе у подножия гор все было серым от гнили, а к востоку лежало озеро Доннестгри,

плоское и тусклое. Ни одна волна не покрывала рябью его поверхность. Исчезли чайки, носившиеся над его берегами неделю назад.

Лежащий впереди Каррис был городом развалин. Штукатурка всюду осыпалась со стен замка, только несколько ярких полосок по-прежнему блестело на сером камне. Стены искривились и покрылись трещинами. Исчезли голуби и горлицы, кружившиеся раньше вокруг замка Карриса, словно конфетти.

Это был дивный, прекрасный вид, который радовал взгляд моего отца, думал Боренсон. Почему Каррис? Почему опустошители снова напали на него? Здесь нет ничего ценного, чтобы завоевывать, ничего ценного, чтобы защищать. А мы до сих пор продолжаем сражаться, как пара крабов, ссорящихся на голой скале. А может, здесь есть что-то ценное для опустошителей?

Но что это было, он не мог догадаться. Этот край был разоренной пустыней.

Армии все еще продолжали стягиваться. Миллион опустошителей маршировал с юга, в то время как мужчины и женщины расхаживали вдоль треснувших крепостных стен, а оружие тускло поблескивало, как спинки жуков в умирающем свете.

Боренсон почувствовал ядовитый запах и заметил, что справа от него находятся траншеи, усыпанные опустошителями, которые пытались провести воду из озера. Опустошители побросали в них какие-то огромные желтые камни.

Сначала никто не понимал, что они делают. И когда Аверан объяснила, что опустошители могут пить только воду, насыщенную серой, все поняли: монстры создавали себе питьевую воду.

Но сейчас траншеи были наполнены глыбами белого щелочного мыла, коричневыми человеческими экскрементами и маслянистой пеной. Люди Чондлера так основательно

загадили все, что даже от слабого запаха этой отвратительной смеси у Боренсона защипало глаза.

— Даже если опустошители захватят Каррис, — сказала Миррима, — я не думаю, что им понравится здесь.

Солнце скрылось за пиками гор, и внезапно черные равнины погрузились в почти полную тьму. Боренсон услышал крик, поднявшийся над городом, и оглянулся на юг.

Отсветы огня были видны на вершинах гор, в двадцати милях позади, и столбы дыма поднимались прямо вверх, как черные стволы огромных деревьев. Высоко в небе дым расплывался, будто шляпка гриба или крона дуба. Облака дыма уже смыкались арками над головами.

Но не надвигающаяся тьма вызвала крик тревоги. Там, за краем огня, опустошители маршировали строем и текли вниз со склонов гор, как черный поток. Отдаленное шипение их дыхания и дробный звук их шагов звучали так, словно прорвало плотину и деревья и камни бьются друг о друга в мощном потоке.

Город Каррис был расположен на острове озера Доннес-тгри. С севера на юг город тянулся больше чем на две мили и был чуть больше мили в ширину в самой широкой точке. Добраться в него можно было только на лодке или поднявшись по узкой дороге, проложенной по длинной дамбе.

Здесь, на дамбе, неделю назад башни и ворота защитили город. Но опустошители сокрушили башни и снесли городские ворота, а Маршал Чондлер, несмотря на все свое желание, не имел времени восстановить их.

Вместо этого в начало дамбы его люди приволокли всюду горючую рухлядь — солому с кровель домов, балки, столбы от изгородей, сломанные повозки и стулья, детские тряпичные куклы — и свалили весь хлам в кучи вдоль дороги. Все это должно было стать огненной стеной, которая за-

щитит город от продвижения опустошителей, но даже огненная стена не продержится дольше часа или двух.

Среди этих груд мусора лежали головы нескольких огромных опустошителей с широко раскрытыми ртами. Боренсон узнал чудовищного мага, который возглавлял первую атаку на город, рядом с головами его монстров. Их пасти были набиты щупальцами, срезанными с ротовых отверстий мертвых опустошителей, так что запах тухлого чеснока струился над полями.

Солома была разбросана на полях у дороги — убедительное доказательство, что люди Чондлера разложили там калтропы — губительные кусочки острого металла, скрепленные вместе, чтобы пробить копыта стремительно скачущих лошадей.

Но нанесут ли калтропы вред опустошителям? Боренсон не знал. Он пристально всматривался, пока не увидел соединенные куски металла, выступающие из соломы, с лезвиями по меньшей мере в пять раз большими, чем у обычных калтропов.

Где он сумел взять столько металла, спрашивал себя Боренсон, а затем вспомнил десятки тысяч рыцарских коний и лезвий, которые опустошители оставили здесь неделю назад.

Боренсон двинулся к городу. Несколько тусклых лучей умирающего солнца все еще умудрялись проникать сквозь дым. Вдоль всей городской стены люди пристально смотрели на вновь прибывших. Там были мужчины в блестящих шлемах; старухи с решительно сжатыми губами, с лицами, обрамленными седыми волосами; юноши, бледные от страха, — так много людей, похожих на редкие листья, разбросанные по черному полю.

Ворота замка были по-прежнему повалены вместе с некоторыми башнями, но камни были сдвинуты в баррикады, оцетинившиеся копытами опустошителей вдоль всей дамбы.

Такие баррикады предназначались не для того, чтобы остановить монстров, а всего лишь замедлить их движение, чтобы дать лучникам и артиллеристам время прицелиться.

Вдоль всех стен были размещены деревянные платформы, по озеру плавали плоты, на них и на башнях находилось такое огромное количество баллист и катапульт, какое, быть может, никогда не собиралось за всю историю Рофехавана. Под защитой каждого артиллерийского орудия притаилось по паре лучников из Хередона с луками из упругой стали. Дальше за ними стояли те, кто не имел стальных луков и был вооружен роговыми луками из Индопала. А лучники с большими луками разместились на стенах замка.

— Взгляни! — сказала Миррима. — Похоже, Чондлер собрал всю артиллерию из каждого замка на сотню миль вокруг.

— На две сотни, — сказал Сарка Каул, — но это ему мало поможет.

Сердце Боренсона было полно дурных предчувствий.

Почему Габорн приказал своим людям собраться здесь, недоумевал Боренсон. Город не слишком преуспел во время первой атаки. Только чудо спасло его. Лишь Король Земли, вызвав мирового червя на его защиту, сумел освободить город. Холм грязи вокруг норы червя до сих пор возвышался, как кратер, в нескольких сотнях ярдов к северу.

Быть может, думал Боренсон, Габорн надеется на еще одно чудо.

Он добрался до городских «ворот» — открытого пространства между двумя рядами каменных блоков, и увидел Маршала Чондлера на вершине одной из груд, пристально глядящего на юг. У его ног лежала гора зловонных щупальцев, и Боренсон мог видеть еще более отвратительные куски плоти, свисающие как роковые талисманы с крепостных стен.

— Приветствую вас, Сэр Боренсон, Леди Миррима и... ваш друг? — безрадостно сказал Чондлер. — Какие новости с юга?

Голос его был странно высоким, и двигался он быстро. *Похоже, подумал Боренсон, он получил несколько даров метаболизма и замедлить свою речь он может только ценой величайшей сосредоточенности.*

— Опустошители приближаются, — сказал Боренсон. — Но это вы и сами видите.

— А Короля Земли не видно? — голос Чондлера осип, словно он пытался скрыть страх.

— Ни его, — сказал Боренсон, — и никакой другой помощи.

— Ваши дары целы, — сказал Чондлер. Он со значением взглянул на Боренсона. — Вчера я велел вашему способствующему передать вам как можно больше, надеясь на ваше возвращение.

— Я получил их вовремя, — ответил Боренсон. — Вы имеете в виду, что мои Посвященные все еще здесь, в Каррисе?

Это известие расстроило его. Миллион опустошителей движется к городу, и его Посвященные будут беззащитны перед ними.

— Эх, — сказал Чондлер, — мы надеялись вывезти их отсюда, но мы отправили лодки вниз по течению, чтобы спасти больных, женщин и детей. Для Посвященных не осталось места. Защита Карриса — наш долг перед Властителем Рун, и если опустошители захватят наших Посвященных, то они сделают это лишь перешагнув через наши мертвые тела.

— Вы же знаете, это место — смертельная западня, — сказал Боренсон.

Чондлер возразил:

— Назовите лучший замок для обороны во всей Мистаррии.

Боренсон не смог.

— Есть ли у вас копья? Возможно, нам придется предпринять последнюю атаку в открытом поле.

— Хотел бы я, чтобы они у нас были. Но у нас копья закончились. Мы полагаемся теперь на стрелы, боевые молоты и любое другое оружие, какое есть у нас в руках.

— Я встретил Сэра Питтса, скачущего на юг,— сказал Боренсон.— Он уверен, что вы знаете больше трюков, чем цирковой медведь. Надеюсь, у вас есть что-то большее против такой беды, чем огненная стена и баллисты.

— У нас десять тысяч арбалетных стрел для баллист, не считая ядер для катапульт,— сказал Чондлер.— Мы можем расстрелять опустошителей под прикрытием огненной стены. Если это не получится, мы положимся на наших лучников. Они будут обстреливать опустошителей с замковых стен, в то время как наши люди вступят с ними в бой в воротах. У нас три миллиона стрел и пять сотен добрых лучников, всегда попадающих в цель.

— Трех миллионов стрел может оказаться недостаточно,— сказал Боренсон.— Луки из рога могут проткнуть шкуру опустошителей, но я никогда не слышал, чтобы это можно было сделать из большого лука.

— Так или иначе, мы попытаемся,— сказал Чондлер.— Я приказал людям не стрелять, пока враг не подойдет на десять ярдов.

Боренсон прикусил губу, сомневаясь, что это поможет.

— У меня здесь способствующие работают день и ночь,— сказал Чондлер.— Они перековали все печати силы, которые мы можем использовать. Я получил три дюжины людей для работы борцами-победителями, каждый с двадцатью дарами метаболизма. Работая вместе, они будут в состоянии удерживать ворота долгое время. Но при таких обстоятельствах нам по-прежнему нужны другие борцы. Как насчет этого? — с кривой усмешкой спросил Чондлер.— Хотите умереть молодым?

Боренсон искоса взглянул на Мирриму. Если бы кто-нибудь задал ему такой вопрос неделю назад, он бы не колебался. Но теперь он жил не только для себя. Принять такие дары означало, что, даже если он выживет в битве, он никогда не будет настоящим мужем Миррима. Он умрет в полном одиночестве, отделенный от всего человечества.

Казалось, Миррима читает его мысли. Она оглянулась на приближающуюся орду, льющуюся потоком с гор. Тьма сгустилась, и Боренсон мог видеть только линию бушующего там огня. Но вдруг пламя охватило целую сосну, загоревшуюся, как огромный факел, и в его свете он увидел ужасных врагов, от тусклых спин которых отражался красный свет пламени. При такой скорости, с которой они бегут, они будут здесь в течение часа.

— Понадобится больше чем несколько борцов-победителей, чтобы спасти тебя, — сказал Сарка Каул наконец-то громко и отчетливо.

— Мы надеемся на подкрепление, сэр, — сказал Чондлер. — Дочь Лоуикера на юге предводительствует хорошей армией, и по последним сведениям, она меньше чем в дюжине миль отсюда.

— А у Раджа Ахтена есть армия, спрятанная в горах на востоке, — сказал Сарка Каул. — Но ни один из них не желает тебе добра. Они приходят, как вороны, надеясь поживиться останками, когда ты падешь. Они ввяжутся в драку только после твоей смерти.

— Как ты узнал об этом? — спросил Чондлер с тревогой.

Сарка Каул отбросил назад черный капюшон, открывая кожу блее кости.

— Потому что я воспользовался их советами, — сказал он. — Подари мне твои двадцать даров метаболизма, чтобы я мог сражаться, и я думаю, я смогу показать тебе, как выиграть эту битву.

Чондлер с подозрением уставился на инкарранца, взглянул в сторону Боренсона. Боренсон кивнул ему.

— Хорошо,— сказал Чондлер.— Мы можем воспользоваться помощью человека, который знает, как сражаться в темноте.

Когда Боренсон, Миррима и Сарка Каул въехали в Каррис, двигаясь вдоль дамбы, вечернее солнце опустилось за горизонт и погрузило город в чернейшую ночь.

Глава 34

МОСТ ВО ВРЕМЕНИ

Знамена и чудеса сопутствуют
тем, кто угоден Силам.

Из Детской Книги Чародеев

В это утро Эрин Коннал ехала на юг по грязным полям Белдинука, направляясь на войну в свите Короля Андерса. На стремительных лошадях, отмеченных рунами Силы, за ним следовало около шести тысяч рыцарей.

Их черные копыта реяли в воздухе, так что они напоминали ошестинившийся сумеречный лес. Земля грохотала от ударов копыт. Лошади фыркали и ржали, а рыцари громкими голосами пели воинственную песню.

Странная буря прошла, и рассветное утро было светлым и ясным. Эрин чувствовала себя обманутой погодой. Буря терзала ее вчера весь день, и хотя ясная погода была хороша для верховой езды, она все же была недостаточно хороша. Грязь с утра была такая, словно дождь все еще шел, так что проку от солнца было немного. Она предпочла бы бурю. В Каррисе засели опустошители, десятки тысяч опустошителей, а они

боятся молний, ибо те ослепляли монстров, как если бы они смотрели на раскаленное добела солнце.

Но рассветное небо над Белдинуком было чистым.

Войска Андерса ехали на юг по Равнине Луны, где древние высекли гигантский валун из базальта в форме луны и водрузили его на вершину вулканического конуса. Еще можно было разглядеть горы и кратеры, выполненные по образцу лунных, но очертания их уже давно стерлись. Вся равнина вокруг была почти совсем плоской и невыразительной и поросла редкой травой. В отдаленные времена на нее обрушился дождь вулканического гравия, убив всю растительность. Повсюду в долине, на сотни миль вокруг, полусасыпанные гравием, лежали огромные странные камни, высеченные в форме звезд с исходящими от них лучами. Древние тропы вели от одной звезды к другой, образуя небесную карту.

— Но куда указывает путь эта карта? — спросил один всадник из рыцарского кортежа.

— К Первой Звезде и дальше — в Другой Мир, — сказал ему Андерс с усмешкой. — Древние страстно желали вернуться туда после смерти, и потому они практиковались, прокладывая тропы среди звезд, чтобы запомнить путь.

Помедлив немного, Эрин вернулась на свое место позади рыцарского кортежа.

Ореховая Женщина придержала коня, чтобы ехать рядом. Она была невысокой и коренастой и была одета в темные лохмотья. Спящая белка свернулась на ладони ее левой руки, и она нежно поглаживала ее.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Эрин.

— Я думала о тебе, — сказала Ореховая Женщина. — Я думала о тебе и Короле Андерсе. Ты не скрываешь своего недоверия к нему.

Эрин не стала отрицать.

— Но я много думала. Ты знаешь, белки могут всегда отличить плохой желудь от хорошего, по запаху. Ты знаешь об этом?

Эрин отрицательно покачала головой.

— Они могут,— сказала Ореховая Женщина, ее глаза сияли.— Они могут унюхать червя, и они могут унюхать гниль. Они разгрызают только хорошие орехи.

— Какое отношение это имеет к королю Андерсу?

— Неужели ты не понимаешь? — спросила Ореховая Женщина.— Белки знали бы, если бы он был гнилой внутри. Но ты видишь, как они любят его, правда? Они прыгают к нему на седло; они забираются к нему в карман. Они не стали бы вести себя так с плохим человеком.

Эрин посмотрела вперед. Белка сидела на плече Андерса даже сейчас.

Эрин внимательно вгляделась в глаза Ореховой Женщины. Они были полны обожания короля. Но Эрин увидела и еще кое-что. Взгляд женщины не фокусировался ни на чем. Казалось, она смотрит куда-то сквозь Эрин, на что-то видимое ей одной.

— Да,— сказала Эрин,— я понимаю тебя.

Ореховая Женщина улыбнулась:

— Хорошо! Хорошо! Большинство людей не понимают. Большинство никогда не сможет понять.

Эрин заставила себя улыбнуться. Целинор подозревал, что ее отец сумасшедший; а король Андерс обвинял Эрин в том, что она сама безумна. Но в этот момент Эрин чувствовала уверенность только в одном: Ореховая Женщина была безумнее их всех.

По мере того как медленно тянулся день, они продвинулись далеко на юг Великого Разлома — сквозь истерзанные земли в прекрасные поля Белдинука, где трава была высокой и зеленой даже осенью. Повсюду виднелись замки и городки,

уютно устроившиеся среди долин и невысоких холмов. Белдинук был вторым по величине королевством Рофехавана с населением около двенадцати миллионов душ.

Проезжая через эти края, Эрин сжала поводья своего коня. Все же она была из всадников Флидса, а люди Белдинука были их древними врагами. Каждый раз, когда они проезжали мимо замка, она ждала, что из ворот вылетит кавалерийский отряд и начнется сражение.

Но король Андерс ехал без преград. И в самом деле, его ждали, и несколько раз за это утро герцоги и бароны выезжали из ворот своих замков, но только для того, чтобы влиться в ряды его войска.

Зов Габорна о помощи достиг каждого королевства и был услышан даже здесь, в Белдинуке, и каждый лорд, присоединяясь к войскам Андерса, смеялся и рявкал что-нибудь вроде: «Ну, Ваше Величество, как вы думаете? Мы едем спасать Каррис или любоваться тем, как опустошители пожирают наших врагов?»

И каждый раз, когда задавался этот вопрос, Король Андерс хмурил брови и спокойным тоном отца, говорящего с неразумным ребенком, спрашивал:

— Как вы можете даже подумывать о том, чтобы смеяться над чужой бедой? Мы едем спасать Каррис и, делая это, спасаем самих себя.

Часто после этого он поднимал левую руку и включал лорда в число Избранных, и вновь и вновь Эрин силилась понять: в самом ли деле Андерс — Король Земли, или это локус Темного Повелителя влияет на него?

Путешествие через центр Мистаррии шло медленнее, чем хотелось бы Эрин. Города и селения были разбросаны тут и там по плодородным берегам реки Роуэн. Таких плодородных угодий Эрин никогда не видела прежде, и дороги были забиты людьми. Зима приближалась, и крестьяне гнали ста-

да свиней, крупного рогатого скота и овец в город на убой. В самом деле, в этой части страны праздновали Слатерфест в пятнадцатый день месяца Листьев, всего через десять дней. А на празднике народ будет прославлять забой и поглощать в огромных количествах сосиски и ветчину, ребрышки ягнят и сладкое мясо вместе с репой и корнем лакрицы, поджаренными в масле до хрустящей корочки, и пироги, и пудинги, и кексы, запивая все темным Белдинукским пивом, таким ядреным, что и через неделю после выпивки им пахнет пот твоих подмышек.

Все утро Эрин ехала рядом с королем Андерсом и его сыном. Андерс говорил мало. Его мысли были поглощены лежащей впереди дорогой, и часто он начинал тревожно хмурить брови и бормотать:

— Мы должны торопиться.

Целинор старался подбодрить его, и часто он запевал песню, словно старался поднять дух войска.

Когда они достигли реки Лангорн с ее широкими берегами, дорога впереди свернула не в нужном им направлении. Ехать по дороге означало бы потерять часы, и некоторые из людей Короля Андерса начали ворчать, что быстрее было бы перебраться с лошадьми вплавь. Но сделать так, означало заставить рыцарей бросить собственное и конское вооружение.

Король Андерс прекратил споры, воскликнув:

— С нами Силы Земли!

Он поднял свой меч, словно это был жезл, и указал им на небеса. Он возвысил голос и начал говорить нараспев, но поднялся сильный ветер, закружил войска, завизжал пронзительно, как умирающий орел, завертелся воронкой. Какие бы слова король Андерс ни произнес, они были унесены ветром. Затем он указал своим мечом на близлежащий холмик, и ветер ударил в него и превратил его в пыль. Грязь

и камни взлетели на сотни футов в воздух, подняв султан грязи в небо. Казалось, огромная рука схватила гору и принялась растягивать ее, сдвигая с места. Из земли начали бить молнии и раскололи небо, и поля гремели под ударами ветра. Лошади в панике храпели и шарахались в стороны, и одну долгую минуту Эрин была занята только тем, что боролась с собственным конем, стараясь не дать ему умчаться прочь.

Потом грязь и камни дождем посыпались вниз, в реку Лангорн, создавая широкую дорогу.

— Теперь поспешим в Каррис! — закричал король Андерс. — Не время медлить!

Он пришпорил коня и поскакал через реку. Его армия последовала за ним. Земляная дамба — ненадежная вещь, и пока конь Эрин скакал по ней, его копыта то и дело погружались в жидкую глину и гравий. Почва поднималась над уровнем воды всего на несколько футов. Долго дамба не могла выдержать. Вода упала и текла медленно и слабо. Но скоро вода начнет снова прибывать. Когда давление усилится, река смоем дамбу и унесет ее вниз по течению. Но войска Короля Андерса успели перейти реку посуху, и его люди разразились дикими криками:

— Да здравствует Король Земли! Да здравствует Андерс!

Остаток дня Эрин ехала как во сне. Было ли это от пережитого потрясения тем, что она видела, или от недостатка сна, она не знала.

Когда войско сделало короткий привал для еды, Целинор подъехал к ней.

— Что ты думаешь теперь? — спросил он, глядя на нее остекленевшими глазами фанатика. — Что ты теперь думаешь о моем отце?

— Я не сомневаюсь, что он несет в себе какую-то великую Силу, — согласилась она. — Но каков источник этой

Силы? В самом ли деле Земля дала ему свой дар — или он получил его откуда-то из другого места?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Целинор. — Уж конечно, он получил его от Земли.

— Я не видела, чтобы Земля двигалась так быстро, как ветер, — сказала ему Эрин.

— Ты никогда не поверишь, — возразил Целинор. — Не правда ли? И неважно, что ты видела собственными глазами, что ты слышала собственными ушами — ты никогда не поверишь.

Он говорил, как маленький мальчик, уверенный в том, что его отец — величайший в мире, когда этому мальчику приходится иметь дело со скептиком.

— Я верю, что ты любишь его, — сказала Эрин.

Он ушел разозленным.

В пути Эрин пыталась заснуть, надеясь, что во сне опять поговорит с совой. Но дорога была скользкой и ненадежной, и она не могла отвлечься. Как ветер и молнии, сон покинул ее, не оправдав ее надежд.

И очень скоро она осознала себя находящейся на юге Белдинука, едущей в Мистаррию. По мере того как темнота сгущалась, они проезжали через холмы и луга, а звезды над головой ярко сияли. Цикады трещали в невысокой траве среди дубов, и повсюду звучали мирные песни сверчков.

Дорога казалась нереальной. Эрин чувствовала себя так, словно она возвращалась домой с охотничьей вылазки, а не ехала встретиться лицом к лицу с концом мира.

Только пустые коттеджи и деревни вдоль большой дороги говорили, что что-то здесь неладно.

Когда подъехали к дороге, ведущей в Твинхэвен, она начала размышлять о том, продолжают ли языки зеленого пламени лизать землю и если она въедет в них, то окажется ли в Другом Мире. Она взглянула на Целинора и увидела: ее муж смотрит на нее так, словно боится, что она бросится в пламя.

Она продолжала ехать по дороге. Вскоре уже можно было разглядеть отдаленные огни в горах за Каррисом. Высокие столбы освещенного огнем дыма с ревом поднимались в небо. Когда войска Короля Андерса вошли в погубленные земли, запах гнили вытеснил аромат летних полей.

Разведчики съездили вперед и вернулись со словами:

— Опустошители уже заполонили поля на западе от Карриса, а Королева Белдинука Лоуикер остановила свои войска в трех милях от их линий, сразу за стеной Баррена.

Король Андерс велел затрубить в трубы, его люди ожились. Весь день они везли свои копья устремленными в небо, создавая черный лес из их отполированных древков. Теперь же Целинор запел боевую песню, и копьеносцы выстроились в линии, по трое вдоль дороги. Они взяли копья наперевес. Они были готовы к схватке.

Очень скоро шум опустошителей, мчащихся через поля, достиг ушей Эрин сквозь глухой стук лошадиных копыт и звон кольчуг. Их шипение было похоже на отдаленный прибой, и земля дрожала под их ногами.

Эрин поднялась на холм и на юге увидела Каррис — десять тысяч факелов, мерцающих над серыми стенами замка. Факелы отражались в спокойных водах озера Доннестгри, и дым льнул к воде легким туманом.

Перед Замком Каррис земля почернела от волнующегося, ревающего моря опустошителей.

Глава 35

УБЕЖИЩЕ ПОСВЯЩЕННЫХ

Тот, кто поддерживает моих врагов, — мой враг.

Радж Ахтен, перед убийством Посвященных Раджа Бахреба, Лорда Старого Индопала

Габорн мчался все вниз и вниз сквозь ребристые тоннели Подземного Мира, похожие на скелет бесконечного червя, удивляясь странному видению: яркий свет сиял впереди, там, где никакого света не могло быть.

Он мог подумать, что это Всеславный заполнил светом туннель перед ним, но он не ощущал всепобеждающей мощи, которая раньше волной текла через него.

Вместо этого, завернув за угол, он увидел только спину Иом, а сам мчался все быстрее, углубляясь в Подземный Мир. Иом двигалась медленно — по сравнению с ним, имевшим так много даров.

Он чуть не споткнулся от удивления.

Он подбежал к ней, заглянул в лицо и увидел, что оно искажено страхом.

— Как ты смогла попасть сюда так быстро? — спросил он медленно, чтоб она могла понять его.

— Я нашла короткий путь, — ответила Иом.

— Следуй за мной, — сказал Габорн.

Его жена посмотрела ему в глаза и, должно быть, увидела в них боль.

— Время пришло, не так ли? Битва в Каррисе началась?

Ее речь звучала медленно, каждый слог был растянут, звук был низким — из-за разницы между ними, вызванной многочисленными дарами метаболизма, полученными Габорном.

Габорн кивнул. Отпущенные ему три дня почти закончились. В Каррисе уже должна была начаться битва, да такая, каких не видывали с тех пор, как Эрден Геборн возглавил девять королей в сражении против орд опустошителей в Визенгауэре.

Габорн чувствовал за собой свою армию Избранных воннов на дюжины и дюжины миль, и это вызвало его удивление. Его Чувство Земли позволяло ему с точностью определять их местоположение. Пересекая пещеры, он проскакал верхом около двухсот миль на юг, а оттуда пещеры прорезали землю на юг и запад, в сторону Индопала. Но сейчас тропа описала петлю обратно на север и восток, и теперь он снова был прямо под Каррисом.

Он подозревал, что это жизненно важно. Опустошители старались охранять землю под собой — или, быть может, под Великими Печатями, которые они создали. Но почему?

Он мог только догадываться.

— Следуй за мной, — сказал он медленно.

— Куда? — спросила Иом.

И в сердце своем он задал себе вопрос, что он должен делать. Он пришел уничтожить Великую Истинную Хозяйку, но его Чувство Земли предостерегало его от этого. Он не мог одержать победу над чудовищем — пока. Даже сейчас, хотя

он чувствовал себя так, словно излучал силу из всех пор, он не был ей равным противником. Да и Земля не позволит ему ослабить Великие Печати и разрушить их. Земля разрешала выполнить только одну задачу.

— Мы должны найти Аверан! Следуй за мной так быстро, как только сможешь.

На лице Иом медленно отражалось понимание сказанного.

Она кивнула.

Габори бросился вперед.

Три дня прошло, думал он, но даже с его дарами метаболизма он чувствовал себя так, словно тридцать дней бежал сквозь эту нескончаемую ночь.

Смерть должна была вот-вот пролиться дождем на его народ. Он представил себе, как опустошители разрушают стены замка, разбрасывая чудовищные заклинания.

Он мчался сквозь туннели, меняя направление. Он был почти на самом дне. Земля стала горячее, как камни труб в очаге, а бесконечные странствия опустошителей отполировали пол, словно могильную плиту. В этих туннелях практически ничего не росло, только немного червь-травы по стенам. Несколько слепых крабов сновали по полу. Он был уже в необитаемых местах.

Через каждый десяток шагов он проносился мимо каких-то боковых туннелей и пещер. Он встретил нескольких безоружных опустошителей-рабочих. Он задержался ровно на столько, сколько потребовалось, чтоб рассеять их точно через их стимулирующие треугольники, и поспешил дальше, оставив след смерти за спиной. Они даже не успели заметить его присутствие, так быстро он зарубил их.

Он подошел к туннелю, идя по следу Аверан. Он чувствовал, она где-то рядом. Мили, полмили, четверть мили, и он был у ее дверей.

Похожее на пещеру помещение перешло в коридор, с каждой стороны которого были вырыты комнатки для стражи. Когда Габорн приблизился, два огромных опустошителя выпрыгнули из них и приготовились к схватке.

Первый поднял меч над головой и зашипел в страхе. Габорн ощутил поток слов, заполнивших воздух, — возможно, криков удивления или предостережения. Опустошитель откинул голову назад и широко распахнул пасть, оскалив зубы, острые, как кинжал.

Габорн прыгнул прямо в пасть чудовища, приземлился на его темный язык и вонзил копьё через мягкий участок верхнего неба твари прямо в ее мозг. Оружие ударилось о верхушку черепа чудовища.

Габорн повернул копьё, разрушая мозг опустошителя.

Пурпурная кровь и куски серого мозга хлынули сквозь рану.

Габорн выпрыгнул изо рта монстра, едва тот рухнул на землю. Вторым стражем оказалась женщина-опустошительница. Она поднялась во весь свой огромный рост, встав на задние ноги. Это была магиня, вооруженная кристаллическим железом. Запах слов со свистом вырвался из нее, когда она попыталась бросить заклинание. Габорн предпочел не подвергаться его воздействию.

Он нырнул между ее передними ногами и вонзил копьё ей в грудь сквозь жесткий щиток в тот орган, который рыцари Рофехавана называли почкой. Пахучие слова опустошительницы превратились в чесночную вонь предсмертного крика.

Габорн бросился в пещеру.

Аверан стояла там, освещенная опалом, который сиял в ее кольце, и испуганно смотрела на него. Вокруг нее толпились измученные голодом полуобнаженные люди. Зловоние их тюрьмы ошеломяло — отвратительный запах немых

тел, мочи, экскрементов и гниющих остатков рыбы и непогребенных тел.

— Аверан,— закричал Габорн. Прежде чем она успела отреагировать на его присутствие, он бросил ей ее жезл из черного ядовитого дерева, который нес в свободной руке.

Благодаря имевшимся у нее десяти дарам метаболизма, Аверан поняла, что надо делать, прежде чем остальные сообщат, кто ворвался в их тюрьму. Она поймала жезл, двигаясь с плавной медлительностью.

Габорн закричал:

— Битва в Каррисе вот-вот начнется! Но я еще не готов встретиться с Великой Истинной Хозяйкой! Как я могу одержать победу над ней?

Казалось, Аверан прыгнула так медленно, словно поплыла по воздуху, чтоб схватить жезл, одновременно пристально глядя на Габорна. Ее голос звучал неестественно глубоко и томительно тягуче, когда она спросила:

— Что?

Габорн сделал усилие, чтоб говорить медленнее, приспособить свой голос к ее возможностям, и повторял свой вопрос.

Беспокойство появилось на лице Аверан. Она перепрыгнула через толпу распластавшихся по земле пленников, пробежала два шага и остановилась.

— Подожди! — крикнула она. Аверан с силой стащила с пальца кольцо, а затем повернулась и бросила его пленникам. Она не могла оставить их без света.

Пока она занималась этим, двое Избранных Габорна умерли на стенах Карриса — гордый рыцарь и юная девушка. С их смертью он почувствовал, словно дыра образовалась в его сердце, как если б он был плодородной почвой, а его Избранные — нежными растениями, грубо вырванными с корнем. Это причинило ему бесконечную боль.

Аверан бросилась к Габорну, промчалась мимо него:

— Сюда!

Она бежала изо всех сил, напрягая каждый мускул. Зеленый свет опала Габорна упал на ее спину и отбросил ее танцующую тень на пол туннеля.

Габорн следовал за ней, испытывая отчаяние от того, что она, казалось, двигается так медленно, даже с десятью дарами метаболизма.

Он шел легким шагом рядом с ней. Сто даров? Габорн недоумевал. Наверное, способствующие дали мне больше. Это убьет меня, понял он.

Он шел по пятам за Аверан. Она мчалась так быстро, как могла, каждое ее движение было плавным и полным грации. Слезы струились из ее глаз, слезы отчаяния, подумал Габорн, от желания и невозможности двигаться быстрее.

Теперь он шел впереди, убивая каждого встречного опустошителя, пытающегося преградить им путь.

И вдруг совсем рядом он почувствовал опасность.

— Там! — крикнула Аверан. — Вверх по коридору еще три прохода. Убежище Посвященных.

Конечно! Габорн понял. Аверан предупреждала, что Великая Истинная Хозяйка экспериментировала с передачей даров, хотя он не мог представить себе, как много она в этом преуспела. Вот почему он не мог надеяться противостоять ей лицом к лицу.

Габорн оставил Аверан позади и бегом завернул за угол.

«Прыгай!» — предупредило его Чувство Земли, и он взлетел на пятнадцать футов в воздух.

Прямо перед ним, на входе в Убежище Посвященных, стоял опустошитель, огромный черный меченосец. Его меч со свистом проносился между его ногами, а затем с пением рассекал воздух за его спиной.

Чудовище не раскрыло рта. Вместо этого оно отпрыгнуло назад со скоростью, почти равной скорости Габорна.

Щупальца на его голове и вдоль его челюстей поднялись и извивались, как змеи, когда все его чувства пришли в состояние боевой готовности.

Габорн знал, это не обычный опустошитель. Тусклые синие руны мерцали между передними лапами твари.

Когда Габорн достиг верхней точки своего прыжка, он, целясь в мягкий участок треугольника стимуляции монстра, бросил копье с такой силой, что почувствовал, как у него вывихнулся плечевой сустав.

Копье попало точно в цель, оно вонзилось в плоть монстра, проткнув его мозг, и замерло, дрожа, как стрела в дереве.

Но огромный меченосец все еще был жив. Его меч с пением закружился в воздухе еще до того, как Габорн достиг земли.

Габорн извернулся, словно кошка, когда лезвие меча свистнуло и ударило его в грудь, разорвав кольца его кольчуги. От удара он отлетел в сторону.

Он стремглав метнулся прочь, когда другой удар рассек землю у его ног. Он отшатнулся, когда опустошитель бросился в атаку.

У него не было оружия, ему нечем было сражаться. Его копье застряло в мозгу монстра.

Из туннеля появилась бегущая Аверан, и опустошитель повернул свою массивную голову, чтоб взглянуть на нее, причем все его щупальца подрагивали.

В этот самый миг Габорн нанес удар. Он прыгнул в воздух на двенадцать футов и схватил свое копье. Он не стал его вытаскивать, а, наоборот, яростно рванул в верхней точке своего прыжка, затем резко толкнул его вниз с невероятной силой, разрезая мозг монстра.

Монстр задрожал и рухнул на колени. Впереди, в проходе, еще два стража преградили путь Габорну, но ни один из них не двигался так быстро, как тот, которого Габорн только

что победил. Он убил их и бросился в Убежище Посвященных.

Ни в одном из своих снов, ни в одном из ночных кошмаров Габорн никогда не представлял себе такого места. Льющийся из его опала зеленый свет не мог пронзить мрак. Тени разбежались вокруг, когда он вошел в просторное помещение, но потолок был таким высоким, что даже со всеми его дарами зрения Габорн не мог видеть свод наверху, только плавно изгибающиеся скрепы и опоры, сделанные словно из клея. Это не было похоже на балки, которые люди используют для укрепления потолка в Большом Зале. Скорее, они выглядели как паутина, пляшущая вдоль стропил, закрывающая, скрепляющая трещины. Даже сказочный Песенный Дом Сандомира не смог бы соперничать со сложностью и величием этого мастерского творения. Опоры, посеревшие от времени, поднимались вверх, как кружево, по всему потолку. Габорн подумал, что пауки могут сплести такую паутину, только если у них не осталось ничего, кроме надежды и мечты. Узор был столь же чуждым, сколь прекрасным.

А под этим великолепным шедевром Посвященные опустошители кружились бесконечным зловонным стадом.

Их запах потряс Габорна не меньше, чем их вид. Облако чуждых ароматов сразило его — запахов экскрементов опустошителей и гниющей падали, перекрываемых запахом даров опустошителей, хрупким, как лед, и влажным, как плесень.

Здесь были сотни Посвященных, сбитых в шарообразную массу. В зале было темно от них, но тусклый свет огненных рун горел среди них, так что мерцающий туман сиял повсюду.

Огромная паукообразная тварь размером со слона лежала на спине примерно в двухстах ярдах в стороне, скрестив лапы в воздухе. Опустошители вцепились в тварь передними лапами и зубами, разрывая на части ее тело.

В стороне бежал зловонный поток, распространяя запах сероводорода. Некоторые из опустошителей стояли на коленях на мелководье, погружая головы в воду, а затем вытягивая шеи, как птицы, когда пьют. Над их головами раскинулись два массивных каменных дерева, похожие на гигантские безлиственные дубы, их ветви были искривлены, будто в невыразимой муке.

И повсюду в воздухе кружились стаи гри, скрипя крыльями, как встревоженные летучие мыши.

Габорн не мог видеть дальние части Убежища. Также он не знал, сколько сотен Посвященных находится в нем.

Заметив Габорна, многие Посвященные поднялись и начали, пошатываясь, отходить, шипя и распространяя в воздухе запах беспокойства.

Габорн бросился вперед, подпрыгнул и вонзил копье в стимулирующий треугольник ближайшего Посвященного. Тварь зашипела и испустила отвратительный чесночный запах, затем начала слабо бить по копыю, пока наконец ее лапы не расползлись. Опустошители медленно, неуверенно попытались напасть на Габорна, создавая устрашающую стену из тел, сверкающих зубов и когтей. По мере того как Габорн двигался внутрь помещения, они карабкались друг другу на спины в попытке дотянуться до него.

Габорн, высоко подпрыгнув, атаковал ближайшего опустошителя. Он вонзил свое оружие в стимулирующий треугольник, увернулся от удара и рванулся к следующему монстру. Через несколько мгновений его оружие стало скользким от пурпурной крови и серых мозгов. Запекшаяся кровь покрыла его руки до локтей, залила лицо. Он вытер ее рукавом и двинулся дальше.

На голове каждого Посвященного была руна, светящаяся мягким серебряным светом. Габорн думал, что руна отмечает отданный дар, но почему-то руны имели не такие очертания,

как у людей. Поскольку опустошители использовали язык запахов, это означало, что начертанные на них руны должны быть подтверждены их мускусной вонью.

Прямо за стеной опустошителей Габорн ощутил специфическое зловоние, напоминающее запах гнилого кабачка.

Едва он почувствовал этот запах, как услышал внезапное предупреждение Земли: «Бей!»

Он прыгнул на опустошителя, пробежал по его голове и всмотрелся вдаль. Примерно в шестидесяти футах через толпу пробивался, отступая, опустошитель. На его лбу мерцала только одна серебряная руна, но дюжины синих огненных рун бежали по всей длине его ног. Это вектор, понял Габорн.

«Бей!» — снова приказала Земля.

Габорн подпрыгнул на двадцать футов, перекувырнулся в воздухе, миновав троих опустошителей, и приземлился, вонзив копьё в стимулирующий треугольник монстра.

Сразу же все опустошители вокруг него зашипели, и запах тревоги наполнил пещеру.

— Габорн! — послышался полный отчаяния крик Аверан.

Он оглянулся на нее. Она стояла у самого входа в зал, держа в руках черный жезл из ядовитого дерева.

— Я не могу помочь тебе! Я не могу убивать беспомощных Посвященных! Что мне делать?

Сердцем Габорн почувствовал, что девушка в опасности.

— Знаешь ли ты, где находятся Великие Печати?

Аверан кивнула.

— Иди и уничтожь их, — сказал Габорн.

И в самом деле, Земля сейчас предупреждала его, что девушка должна уйти. Приближалась опасность, и если Аверан останется, она умрет.

Габорн снял свою брошку с зеленым опалом и переброшил ей. Теперь ему придется сражаться только при свете мерцающих на Посвященных опустошителях рун.

Не говоря ни слова, Аверан развернулась и бросилась прочь со всех ног.

Габори удвоил темп, прорываясь сквозь опустошитель. Моистры разъяренно шипели на него, царапаясь и скрежеща зубами.

Габори стремительно атаковал их, уворачивался от ударов, резко бил копьем, припихиваясь к воздуху в поисках запаха векторов.

Миг — и снова его оружие наносит удар.

Теперь он понимал план Земли. Опасность всюду вокруг него нарастала. Великая Истинная Хозяйка почувствовала его присутствие и придет за ним, как сделал бы любой Властитель Рун, стремящийся защитить своих драгоценных Посвященных.

Он был рад, что отдал свой источник света, теперь ему даже лучше были видны светящиеся руны опустошителей.

Он чувствовал растущую волну опасности.

Она приближалась. Габори швырял копьё в опустошителей, проскакивал между ногами одного, вспрыгивал на спину другого и поражал вектора.

Она стояла в дверях.

Он убил уже, быть может, пятьдесят Посвященных, в том числе трех векторов. Он резко развернулся ко входу в зал.

Тьма клубилась в дверях — тень, которая затемняла саму ночь. Это не было просто воображением Габорна. Темные испарения втекали в помещение, как туман. Что бы ни приближалось, оно было не простым опустошителем.

И внезапно Габори увидел это.

Чудовище появилось среди теней. Это был опустошитель более крупный и раздувшийся, чем любой из ужасных магов, с которыми когда-либо сталкивался Габори. Его лапы щелкали по полу, а раздувшийся живот издавал скрипящие звуки, когда он скользил по полу. Громкое шипение сопутствовало

ему, когда он продвигался вперед, воздух с силой струился из его огромного зада.

Вонь была чудовищной. Габорн ощущал пахнущие плесенью дары как прогорклый жир, или гнилой кабачок, или истлевшие волосы; воздух был так густо заполнен ими, что он задыхался.

Тьма распространялась от монстра, и по мере того как он приближался, тени сгущались у ног Габорна.

Внезапно он изумился. Очертания твари исказились, и он не мог сфокусировать зрение на ней. Его внутреннему взору казалось, что опустошитель вдруг увеличился в объеме, стал выше и маячил над ним, словно заполнил весь зал, всю вселенную.

Глава 36

ПАДЕНИЕ ТЬМЫ

Пусть запомнят не то, как я жил, но то, как я умер.

*Последние слова Сэра Мартена Брай-
дена, героически погибшего в Битве Каба-
нов*

Ночь стремительно опустилась на Каррис. Солнце село за горами, последний свет скрылся за пеленой дыма. В двадцати милях к северу опустошители лавиной хлынули с горных склонов, и глухой шум их шагов заставлял людей содрогаться. Боренсон не мог хорошо разглядеть их, потому что тучи гри затмили небо над головой. Слышались странные, похожие на голоса каких-то неземных труб, крики ревунов и шипение опустошителей. Но был и еще один звук, пробудивший тревогу в Боренсоне,— тупое угрожающее *бум, бум, бум*, движущееся впереди опустошителей, как отдаленный гром.

Орда была менее чем в часе пути. На стене замка люди запели боевую песню, чтобы воодушевить свои сердца.

В умирающем свете Чондлер провел Боренсона на его пост, пока горожане вытаскивали доски из старого подъемного моста и сталкивали их в озеро.

— Приближается всадник! — раздался крик с крыши.

Боренсон обернулся и увидел, что в сумерках с юга действительно скачет всадник, копыта его быстрого серого имперского боевого коня грохотали по дороге. Всадник прыгнул в седле, ветер яростно трепал его одежду.

Он мчался по дороге и уже огибал поворот. Мост был разрушен более чем наполовину, но мощный скакун перепрыгнул провал и резко остановился не больше чем в дюжине ярдов от Боренсона.

— Приветствую, Сэр?.. — сказал Маршал Чондлер.

Всадник, казалось, был в нерешительности и сидел на лошади, рассматривая оборонительные сооружения с критическим выражением лица. Это был старик в серых одеждах, с седыми волосами и румяными щеками. Его глаза светились странным светом, и Боренсон, сам не зная почему, почувствовал, что откуда-то знает этого человека.

Пока он старался вспомнить, откуда мог знать прибывшего, ему вдруг вспомнилось детство. Рядом с их домом был персиковый сад, куда он любил ходить. Он провел много часов под кривым старым персиковым деревом, ветви которого так сгибались под тяжестью плодов, что касались земли, и мальчик воображал, что находится в глухом лесу, полном волков и львов. Там он всегда чувствовал удивительное умиротворение и сейчас испытал это чувство снова.

— Бизнесман! — воскликнула Миррима. — Что ты здесь делаешь?

Старик взглянул на Мирриму, и Боренсон наконец узнал старого чародея. За последние два дня он постарел на сорок лет.

— Я пришел защищать свою наству, — сказал он. — И быть может, в последний раз.

Больше он ничего не сказал, просто разглядывал защитные сооружения, отыскивая в каменных конструкциях признаки слабости, которые мог заметить только чародей. Пря-

мо перед ними, перекрывая ведущую по дамбе дорогу в том месте, где была навесная башня, оцетинились заостренными лезвиями опустошителей груды камней, создавая еще один маленький барьер. Боренсон видел такие на рисунках в книге. Они назывались ежами. Их расположили в шахматном порядке, чтобы замедлить любую атаку опустошителей настолько, чтобы лучники и артиллеристы на башнях смогли превратить дамбу в поле смерти.

Кроме того, с юга и с севера над городскими воротами возвышались две новые сторожевые башни.

— Известковый раствор в этих башнях еще не высох, — пробормотал Биннесман себе под нос. — Опустошители смогут обрушить их силой мысли.

Он тревожно нахмурился и начал бормотать заклинание, не уделяя внимания ни Боренсону, ни Маршалу Чондлеру, ни кому бы то ни было другому.

Чондлер спросил чародея:

— Как вы сюда попали? Почему вы покинули отряд Короля Земли?

Биннесман перевел взгляд на Главного Маршала.

— Глупость. Я попал сюда по собственной глупости, — наконец ответил чародей. — Я был ранен в Подземном Мире, и Габорн оставил меня моему собственному попечению. Долго я лежал под землей, выздоравливая и размышляя. Пока я этим занимался, орда опустошителей прогремела над моей головой. К тому моменту как я очнулся, Габорн ушел далеко, дальше, чем могла дотянуться моя сила. Тогда я заподозрил, что Земля позволила ранить меня с какой-то специальной целью. Я повел Габорна в Подземный Мир, потому что чувствовал, что нужен ему. Но все вы находитесь под моей защитой, и я знал, что здесь я тоже нужен. Так что, когда я достаточно оправился, я разобрался с некоторыми неотложными делами на востоке и примчался сюда так быстро, как только мог.

— Я благодарю вас, — сказал Маршал Чондлер. — Присутствие чародея вашего уровня действительно всегда желанно.

Бизнесман зорко осмотрел стены замка. На его лице отразилось беспокойство, и он покачал головой:

— Боюсь, я мало что смогу сделать. Но я постараюсь.

Он спешил; было похоже, что он собирается войти в замок. Но он остановился и пристально взгляделся в Мирриму, а затем положил руку на ее плечо.

— Твой час близок, женщина. Враги Земли собираются, и, возможно, только ты сможешь противостоять им. Помогите нам.

Он сжал ее плечо, словно для того, чтобы ободрить, и зашагал прочь.

Миррима постояла мгновение, а затем подошла ко рву. Она спустилась вниз, погрузила стрелу в воду — и долго оставалась там, чертя руны по поверхности воды, окуная по очереди каждую стрелу из своего колчана.

Боренсон долго наблюдал за ней. Он не понимал значения рун, которые она чертила, но не осмеливался беспокоить чародейку за ее работой.

Он направился к замку вслед за Маршалом Чондлером, Саркой Каулом и Чародеем Бизнесманом. Когда Боренсон проходил мимо дамбы, в нос ему ударил запах чеснока — такой сильный, что слезы выступили на глазах.

— Что это? — спросил Бизнесман, уставившись вниз.

— Лук и чеснок, сваренные со щупальцами опустошителей, — сказал Главный Маршал Чондлер. — Я надеюсь, их эта вонь обеспокоит больше, чем нас.

Опасная улыбка появилась на лице чародея:

— Да, может быть, от этого будет больше пользы, чем от всех ваших стен и всех ваших стрел.

Прямо перед куртиной замка находилась одна последняя низкая стена — бастион внушительных размеров. Здесь снова собственное оружие опустошителей должно было рабо-

тать против них. Стена оцетинилась изогнутыми лезвиями опустошителей, так что они выглядели как короша из страшных колючек, лежащая поверх камня. Наваленные вперемешку бревна и промасленное тряпье довершали картину.

Под бастионом находились три потерны — проходы для неожиданных вылазок, достаточно широкие для того, чтобы сквозь них могла пройти лошадь.

Чондлер провел своих спутников на городскую площадь, окруженную кольцом таких же бастионов. Улицы уходили под бастионами на запад, север и юг. Потерны позволяли людям пройти под бастионами. Биннесман исследовал сооружения критическим взглядом, словно то, что он видел, внушало ему беспокойство. Внезапно он поднял свой жезл и начал рисовать руны силы прямо на стене.

Люди на стенах были воодушевлены тем, что маг такого ранга, как Биннесман, благословляет их укрепления.

Маршал Чондлер остановился. Биннесман повернулся и начал произносить заклинание над засыпанной чесноком дамбой. Пока он занимался этим, Маршал Чондлер нагнулся в седле и сказал:

— Это будет ваша позиция, Сэр Боренсон. — Он кивнул в сторону прохода под левым бастионом. — Вы будете сражаться в команде. В последней битве опустошители взяли стены за считанные минуты. Единственное, что замедлило их продвижение, были люди с отважным сердцем, собранные вместе. Сталкиваясь с такой силой, опустошители приходят в замешательство. Они не понимают, кто из противников нанесет следующий удар или кто может представлять наибольшую опасность. Когда опустошители бросятся в атаку, вы подожжете этот бастион. Это даст вам достаточно света, чтобы видеть, что происходит, и послужит дополнительной защитой от опустошителей.

— Тут быстро скопится много мертвых опустошителей, — сказал Боренсон, — и у нас не останется пространства для боя.

— Я подумал об этом,— согласился Чондлер.— Думаю, что вам придется отступить — хотя бы для того, чтобы иметь пространство для боя. Когда вы отойдете назад, вы будете защищать улицу. Там есть еще три таких же бастiona над проходом. На крышах и в окнах каждого торгового ряда мы поставили лучников. Вы должны будете сдерживать опустошителей, пока жители отходят назад.

Улица шла через весь остров и была длиной около двух миль. Первые полмили по сторонам улицы находились обветшалые купеческие лавки в три или четыре этажа. Дома стояли так тесно, что островерхие крыши их почти смыкались. Приходящие в унадок товарные склады и маленькие амбары жались к земле по обеим сторонам улицы.

-- Наше последнее средство спасения,— сказал Чондлер,— это лодки на пристани. Их там достаточно, чтобы вывезти несколько сотен человек. Вы будете сдерживать опустошителей там, если сумеете.

— Звучит достаточно привлекательно,— сказал Боренсон.

Он никогда не бывал на старой подземной пристани и даже не знал дороги туда, но это его не беспокоило. Он мог просто следовать за отступающими войнами. Кроме того, он сомневался, что проживет достаточно долго, чтобы добраться до лодок.

— Удачи,— сказал Чондлер. Он пристально разглядывал южную башню, прямо за головой Боренсона, не далее чем в дюжине ярдов. В этот момент вернулась Миррима, заканчивавшая колдовать над своими стрелами.

— Леди Миррима,— продолжил Чондлер,— поднимитесь с вашим стальным луком на третий ярус и смените находящегося там лучника. Я думаю, вы захотите прикрывать спину вашего мужа.

— Благодарю вас,— сказала Миррима.

Бизнесмен закончил свое заклинание, а Сарка Каул усталился на чародея и Чондлера.

— Теперь,— сказал Хроно,— давайте проведем совет все вместе и посмотрим, не можем ли мы что-нибудь придумать, чтобы спасти этот город.

Пока Чондлер, Сарка Каул и Бизнесман спешили к старому герцогскому убежищу на холме, Боренсон наблюдал за чародеем.

Несмотря на то что бесчисленные орды опустошителей маршировали к городу, в сердце Боренсона теплилась надежда.

Миррима долго стояла рядом с ним, охватив рукой свой лук. Она первно кусала нижнюю губу и постукивала ногой, но не говорила ни слова. Боренсон понимал, что она смущается публичным проявлением чувств и компенсирует это, оставаясь с ним наедине. На стенах жители запели боевую песню

После битвы дождемся и лучших дней —
Так не бойся со славою кровь пролить.
Наливай полней,
Зансвай дружней —
Лучше стигнуть в бою, чем в изоре жить.

Миррима наклонилась вперед, охватила его плечи рукой и долго стояла так, обнимая. Она ничего не говорила, и в конце концов Боренсон прошептал:

— Я люблю тебя. Я думаю, это было мне предназначено судьбой.

— Вот что я тебе скажу,— сказала Миррима.— После этой битвы ты сможешь показать мне, как сильно ты меня любишь, вместо того чтобы трепаться об этом.

Боренсон ничего не ответил. Он стоял в замке, в котором умер его отец, а землю сотрясала поступь приближающихся опустошителей.

— Это хорошее место для битвы,— сказала Миррима.— Вокруг нас повсюду вода. Ты почувствуешь ее силу?

— Нет,— ответил Боренсон.— Я слышу, как маленькие волны плещутся в скалах, и чувствую запах озера. Но ничего другого я не чувствую.

— Озеро шепчет мне слова поддержки, — сказала Мирри-ма. — Не сопротивляйся опустошителям с тишком долго. Не стой против них, как стена. Если ты это сделаешь, они тебя сломают. Ты должен быть упругим, как волны. Бросайся вперед, чтобы встретить их ярость, и поднимайся, когда нужно. Откатывайся назад, когда это необходимо. Учись искусству отступать, как окунь перед щукой, и затем снова бросаться в бой.

Ее глаза горели странным светом.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Боренсон, слегка смущенный ее советом.

Затем он поцеловал ее долгим поцелуем. Дальновидец на стене закричал:

— Опустошители готовятся к нападению! Их сотни!

— Пойдем, — сказал Боренсон, — посмотрим.

Он быстро нырнул в потерну, ведущую на улицу, и взобрался по деревянной приставной лестнице на крепостную стену. Примерно через каждые три фута на стене стояли лучники и замковые слуги, охраняющие боевой ход. Но здесь, вопреки ожиданиям Боренсона, не было горожан, не было зевак, которые могли бы путаться под ногами у сражающихся. Чондлер мудро поступил, запретив им находиться здесь.

Воздух наверху пах свежим ржаным хлебом и жареным мясом. Стражи на стене наскоро перекусывали напоследок. Им надо было подкрепиться перед битвой.

Боренсон бросил беглый взгляд на юг, но мало что смог увидеть в угасающем свете. Опустошители текли вниз по склонам гор черным потоком, их главные силы скрывались среди гор. Не больше он смог увидеть и там, где двигались передовые разведчики, — только смутные очертания нескольких опустошителей в полях; черные, казавшиеся монолитными фигуры мчались среди тел погибших воинов.

— Не видно ли армии Лоуикер? — спросил Боренсон дородного воина.

— На севере все еще никого нет, — сказал тот, нервно вцепившись в свой босвой тонор.

Как раз в этот момент залп огненных стрел поднялся по дуге с крепостной стены и обрушился в груды сухого напоротника, собранные вдоль дороги в конце дамбы. Огонь мгновенно охватил просмоленную рухлядь.

При этом свете Боренсон смог немного лучше видеть происходящее. Опустошители действительно приближались, мчась по полям как обезумевшие. Они двигались зигзагами, сворачивая то туда, то сюда, как муравьи или пчелы, старающиеся уловить запах.

Некоторые из них взобрались на край огромной впадины в том месте, где мировой червь выскочил из земли, и настороженно ползали по нему.

Боренсон догадался, что они стараются хоть что-то узнать о предыдущей битве. Они выпнюхивали слова, написанные на земле.

Пара опустошителей быстро двинулась по направлению к замку, к краю полуострова. Один из них наступил на калтрон, спрятанный под соломой. Он зашипел от боли и высоко подняв хвост, распыляя предупреждающий запах и одновременно вытаскивая калтрон из ноги. Его спутник внезапно метнулся в сторону, на покрытое соломой поле, и начал выхватывать спрятанные калтропы и с силой швырять их в озеро.

— Они сообразительнее, чем мы рассчитывали, — проворчал кто-то за спиной Боренсона.

Ни один из разведчиков не осмелился ступить на дамбу. Вместо этого они приблизились к голове гигантского мага, чей рот был набит пахнущими чесноком щупальцами. Они крутились около нее, дрожа от страха, вызываемого запахом, а затем оба разведчика стремглав бросились на юг, к своим передовым линиям.

Боренсон сомневался, что им придется бежать далеко. Замок под его погами дрожал, и земля издавала громкий рокот,

похожий на приближающийся гром. К своему удивлению, он сумел различить какое-то скопление, еще большую темноту, расплывшуюся неясным пятном по земле не далее чем в десяти милях к югу. Опустошители были ближе, чем он думал.

— Теперь уже скоро, — сказала Миррима.

Несколько дюжин опустошителей собрались всего в каких-нибудь сотнях ярдов к югу от замка, прямо на побережье. Во время прошлой битвы опустошители начали было строить там нечто вроде странных башен с синими шпилями из слизи, закрученными, как бивни нарвала. Все это сооружение обвалилось, когда мировой червь выбрался на поверхность.

Теперь опустошители начали поднимать шпили, устанавливая их остриями вверх, так что они оказались на высоте сотен футов.

В один миг они сумели как-то укрепить основания этих башен и вот уже начали взбираться на них.

Дальновидец где-то поблизости закричал:

— Здесь что-то новое, на этих башнях; таких опустошителей мы еще не видели.

Боренсон взглянул в ту сторону, но едва мог что-то различить среди темных очертаний. Только три башни были восстановлены, и каждая из них опасно кренилась, как сломанный бивень нарвала. Полдюжины опустошителей крепко уцепились за вершины этих башен. Боренсону эти опустошители показались какими-то бесформенными.

— Опиши их, — крикнул он дальновидцу.

— Они похожи на меченосцев, — ответил тот, — но тела у них тоньше и длиннее. А их пелерины по меньшей мере в два раза длиннее, чем у обычных опустошителей, и у них гораздо больше щупальцев.

Словом «пелерина» называли костяные пластины на головах опустошителей, расположенные от стимулирующего треугольника до самой макушки.

— Они смотрят на нас, — воскликнул дальновидец, — изучают наши укрепления.

— Это невозможно, — пробормотал Боренсон. Опустошители находились в шести или семи сотнях ярдов, а ведь Авелла сказала, что они могут видеть не больше чем на две сотни. Однако когда он взглянул на юг, то смог ясно увидеть, что эти новые разведчики забралась на самый верх своих башен и висели там, как богомолы, уцепившиеся за ветки. Более того, казалось, что они уставились на замок, истинно шевеля всеми своими щупальцами.

Он заметил движение неподалеку, может быть в пяти милях, и понял, что огромный отряд опустошителей приближается к ним под покровом тьмы.

Он сообразил, что главная армия орды находится от них в часе пути. Но разведчики вырвались далеко вперед из общих рядов. У него не было этого часа. У него не было даже пятнадцати минут.

— Тебе лучше пойти на свой пост, — сказал он Миррима, в то время как дюжина могучих Властителей Рун устремилась к воротам замка, занимая свои места перед крепостным валом.

Боренсон сжал руку Мирримы, а она достала из кармана своей блузы красный шелковый шарф. Он был в точности такой же, как тот, что Боренсон повязал на свое конье, когда сражался с Главным Маршалом Скалбэйрном на турнире в замке Сильварреста неделю назад.

— Вот, — сказала она, повязав шарф ему на шею, — сохрани его для меня.

Затем она повернулась и быстро вошла в башню, исчезнув в темноте под аркой.

Боренсон соскользнул по лестнице и отправился на свой пост. Он не сводил глаз с башни замка до тех пор, пока не увидел движение в окне третьего яруса. Миррима высунула руку в окно и помахала ему, но он не мог видеть ее лица.

Боренсон был так занят разглядыванием разведчиков-опустошителей, что не заметил, как несколько человек заняли свои посты под бастионом на улице. Пара факелов была воткнута в грязь у потерны, и при их свете он заметил знакомое лицо — Капитана Темпеста из Лонгмота. Как и Боренсон, он был крепким воином, но не имел избытка даров. Третьим был Рыцарь Справедливости, Сэр Гринсвар из Тума, у которого даров метаболизма было достаточно, чтобы обеспечить ему раннюю смерть. Еще два борца-победителя рядом с ним были одеты в золотые плащи Индопала. Их выдавал сильный акцент. Один был смуглый мужчина по имени Хамил Оватт, девятый сын Эмира Туулистана. Вторым был высокий чернокожий человек из Дейазза, воин из свирепого племени Тинту по имени Нгуйа Киисага.

Нгуйа внимательно посмотрел на Боренсона и прикрыл глаза в знак уважения, но вышел вперед маленького отряда.

— Я сражался с опустошителями в этих воротах неделю назад, — сказал Нгуйа. — Они не боятся человека, который бежит от них или стоит на месте. Но когда ты идешь на них, их сердца останавливаются.

Он изучил каждого из присутствующих, словно внимательный взгляд мог дать ему знание об их сущности, а затем мощным движением поднял свое копьё и потряс им.

— Не изнурайте себя, — предложил Боренсон обладателям многих даров. — Нас здесь пятеро. Если кто-то начнет уставать, пусть отступит и позволит другому наносить смертоносные удары.

Нгуйа понимающе кивнул, и люди заняли свои места.

С бастиона Боренсон ничего не мог видеть. Земля загудела, предупреждая о приближении орды опустошителей. Гул равномерно нарастал, и вскоре гри начали со свистом носиться над внутренним двором замка — знак, что опустошители уже здесь.

Боренсон почувствовал, как заколотилось сердце, и начал считать секунды между ударами. Ему хотелось бы вернуться на стену и посмотреть, что происходит.

До него донеслись восторженные крики дальновидцев, и он прислушался к их донесениям:

— Они уже почти достигли ворот, но пятаются в нерешительности!

«Твонк, твонк, твонк» пушечных выстрелов донеслось с плотов на озере — это меткие стрелки палили по опустошителям на берегу.

— Милорд,— закричал через несколько минут один из дальновидцев,— я вижу войска Лоуикер, пересекающие гребень гор за Стеной Баррена!

И секундой позже:

— Милорд, воздушный шар-шпион движется на восток!

Боренсон знал, что только пламяплеты Раджа Ахтена использовали воздушные шары-шпионы. Здесь, на городской площади, ветра не чувствовалось. Со всех сторон возвышались стены замка. Он взглянул вверх и увидел мерцающие в небе звезды, но дым с юга покрывал их словно дымкой, и свет почти не достигал улиц внизу. Но снаружи легкий ветер дул на восток. Воздушный шар будет медленно плыть над городом, над схваткой, и из него пламяплетам Раджа Ахтена будет хорошо видно все происходящее внизу. А через час, наверное, воздушный шар приземлится на востоке, среди своих войск.

Боренсон бросил взгляд на юг — и ему показалось, что там, на крепостной стене, под темной аркой башни, он заметил человека.

У человека были рыжие волосы и знакомая осанка, и сердце Боренсона прыгнуло в груди: ему показалось, что это его отец.

Но когда он снова взглянул в ту сторону, там никого не было.

Боренсон судорожно вздохнул. Он был уверен, что это дух его отца. Он улыбался, как будто приветствуя.

Не значит ли это, что я должен умереть здесь? думал Боренсон.

Он оглянулся и почувствовал, что впервые в жизни впадает в панику. Прежде он всегда встречал бой с непреклонной решимостью, смеясь в лицо смерти.

Сейчас он думал о том, где лежит его отец. Неделю назад он нашел тело мужчины на лужайке у дворца Герцога Паллана. Каррис был построен на невысоких холмах, поднимающихся от берега озера. На востоке холмы были сплошь изрыты древними пещерами и туннелями — какие-то из них использовали как гробницы для захоронения мертвецов, другие — как амбары для хранения запасов пищи и размещения войск в случае осады. Скорее всего, отец Боренсона был сейчас внизу, в гробнице.

— Опустошители скапливаются, — закричал дальновидец. — Я вижу их ужасного мага! Клянусь Семью Камнями, она огромна! Готовьтесь!

Но еще несколько долгих минут среди опустошителей не было никакого движения. С улицы кто-то кричал:

— Что там? Что там происходит?

— Они подошли к самой дамбе, но приняв хавшись, отступили. Сейчас они около холма червя, — прокричал дальновидец. — Там целая куча чародеек. Похоже, они хотят восстановить ту руну, которая у них там была, Печать Опустошения.

Боренсон огляделся. Повсюду вдоль замковой стены вспыхивали огни. Юноши с факелами быстро перемещались по боевому ходу, разнося факелы всем, кто в них нуждался. Он слышал, что по всему Каррису люди кричат друг другу, сообщая новости, но шипение опустошителей и глухой звук их шагов заглушали крики. Там, где он стоял, все замерло в ожидании битвы, но весь город он чувствовал как улей, ог-

ромный улсй, полный мужчин и женщин, которые суетились, готовясь к войне.

Чародсей Биннесман вышел во внутренний двор и заспешил к пристани.

Минутой позже на городскую площадь выбежал Маршал Чондлер, держа в одной руке факел, а в другой — копье опустошителя.

— Все Властители Руи,— закричал он,— займите ваши места. Все лорды на востоке и юге от меня по моей команде начнут организованное отступление к гробницам. Все жители, немедленно отправляйтесь к пристаням.

— Что? — закричал в ответ один из лордов со стены.— Вы хотите, чтобы мы отступили до начала битвы?

Чондлер ответил приказным тоном:

— Каждый человек, который хочет выжить, будет делать то, что я сказал,— немедленно!

Сотни горожан, лучников и целителей начали бегом спускаться из башен и поспешили по улице вслед за Биннесманом.

Боренсон сразу же понял замысел Чондлера. Сарка Каул предупреждал, что Риалла Лоуикер и Радж Ахтен не пошлют свои войска в битву до тех пор, пока Каррис не падет. И теперь Чондлер надеется симитировать поражение, чтобы обманом заставить их прийти на помощь. Отправив лордов охранять гробницы, а горожан в потайные залы, ведущие к пристаням, Чондлер скроет большую часть своих людей под землей.

Гри свистели крыльями над головами, вскрикивая, словно от боли, и опустошители шипели, как море.

Чондлер взобрался на стену и несколько долгих минут смотрел вниз.

И в этот момент Боренсон снова увидел воздушный шар-шпион, висящий в воздухе, как гигантский граак. Ветер нес его прямо к городу. Он словно заглядывал за стены замка.

Пламяплеты светились внутри гондолы, словно пламя готово было вырваться из них в любой момент.

Чондлер закричал своим людям:

— Не дайте опустошителям восстановить эту руину! Пускайте катапульти!

Стрелок закричал в ответ:

— Сэр, на таком расстоянии мы можем использовать только грейп-шоты, ничего больше!

— Тогда берите грейп-шоты! — настойчиво требовал Чондлер.

Минутой позже стрелки на вершине башни привели в действие катапульти, и град железных шаров полетел со стен.

Опустошители гневно зашипели.

Дальновидцы закричали:

— Они идут!

«Твоик» баллист и «тваи» тысяч луков заполнили воздух, когда снаряды и стрелы хлынули вниз, стуча по дамбе.

— Клянусь Силами, они приближаются слишком быстро! — воскликнул кто-то.

Долго это не протянется, подумал Боренсон, в то время как над стенами пронеслись крики, полные ужаса. Он схватил факел и зашвырнул его на бастион. Факел упал среди острых обломков и промасленного тряпья. Бастион вспыхнул, наполнив светом внутренний двор. Внезапно на площади, злобно ворча, появился опустошитель — гигантский маг с кристаллическим жезлом. Из бока твари торчали две арбалетные стрелы.

Боренсон застыл в изумлении.

Тварь закружилась и бросила заклинание, в то время как стрелы дождем сыпались на нее. Красное облако за клубилось вокруг ее жезла, и ядовитые испарения заполнили двор, когда стрелы вонзились в ее мягкий треугольник и она в судорогах упала на землю.

Откуда она появилась? недоумевал Боренсон и вдруг понял, что она спрыгнула сверху. Он взглянул наверх и уви-

дел, что еще три опустошителя мчатся стремглав по крепостной стене и камни разлетаются в стороны, когда они врезаются в зубцы.

Один из опустошителей наверху склонился вперед и взмахнул своим длинным лезвием, поразив сразу троих человек. Удар был такой силы, что волна пахучего воздуха донеслась до Боренсона. Куча внутренностей медленно опустилась на землю у его ног, а с неба хлынул кровавый душ.

— Они уже на стенах! — слышался чей-то крик. Вдруг еще один опустошитель прыгнул с крепостной стены на купеческую лавку на другой стороне улицы. Шестнадцатитонная туша монстра приземлилась на крышу, которая рухнула под его тяжестью. Балки разлетелись в щепы, из стен во все стороны полетели осколки камней. Этажи рушились один за другим, а женщины и мужчины внутри дома кричали от боли и ужаса.

Лучники отступали с крепостных стен, осылая монстров стрелами.

Заклинание мага ударило облаком, и в ушах у Боренсона зазвонили слова: «Трепещи, ты, сын человека». И в тот же миг волна смятения прокатилась по всему его телу, а ноги так ослабели, что он едва мог стоять. Он почувствовал, что все внутри у него словно опустилось, а сердце билось так, как будто вот-вот взорвется.

Люди на стенах были охвачены паникой. Луки выпадали из рук стрелков. Стойкие воины были сломлены страхом.

Огромный меченосец спрыгнул со стены на улицу прямо перед Боренсоном, приземлившись с треском, когда его массивное тело тяжело ударилось о булыжник мостовой, разбивая его вдребезги.

Боренсон прокричал боевой клич и бросился в атаку.

Глава 37

ЛОГОВО КОСТЕЙ

Эрден Геборен провел семь лет в поисках легендарного трона Подземного Мира. То, что он так и не нашел его, позволяет предположить, что трон этот не существует.

Цитата из «Сравнения сообщений об опустошителях», Магистр Домашнего Очага из Дунгил

Аверан пристально всматривалась в глубину туннеля, ведущего к Логову Костей. Огромный меченосец мчался в ее сторону, все щупальца у него на голове колыхались в тревоге, вызванной запахом крови. Он резко остановился, узлив ее.

Аверан изгнала из своего сознания все мысли, кроме одной, которую она послала монстру: *Я не настоящая. Это червивое мечтательство.*

Опустошитель на мгновение застыл в нерешительности, сжимая в лапе огромный меч. Аверан воспользовалась этим мгновением и нанесла удар. Она прыгнула, плавно поднимая жезл, повторяя движение, творящее руну, которую при ней так часто использовала вильде Бизнесмана.

Ее жезл со звоном врезался в голову чудовища, пробивая костяные пластины над его мордой. Череп монстра лопнул, и осколки костей вошлись в его мозг. Тварь рухнула на землю.

Аверан с трудом протиснулась мимо мертвого опустошителя и продолжила путь к Логову Костей. Мчась по ребристым туннелям, она думала, что никто никогда не чувствовал себя таким одиноким, как она сейчас. Аверан направлялась в самое сердце «бескостной части» и находилась на такой глубине, где не бывал ни один человек.

Пот лился по ее лицу, тишина казалась тяжелой, как свинец. Единственными звуками были эхо ее собственных шагов и ее тяжелое дыхание.

Если меня ранят или я умру здесь, думала Аверан, меня никогда не найдут.

Туннель, прорезающий этот участок, часто пересекался с другими туннелями, превращающими его в запутанный лабиринт. Узкие лазы вели во всех направлениях — один, слева от нее, убежал на дюжину миль к подземным озерам, в которых опустошители разводили гигантских слепых рыб. Другой, тоже слева, круто уходил вниз к старой тренировочной площадке, где молодые чародейки учились создавать огненные руны. Еще один туннель, почти отвесный, вел в литейные мастерские опустошителей, где зверовидные рабочие ковали стальные орудия.

Еще один, справа, так же круто обрывался в другой туннель со стенами из чистого кровавого металла — такая богатая жила, какую даже Радж Ахтен в самых грандиозных своих мечтах не мог себе представить.

Двигаясь вперед, Аверан все время прижималась, чтобы быть уверенной, что воспоминания не обманывают ее. Она провела много часов, общаясь с Прологателем Путей, погружаясь в глубины его памяти. Он хорошо знал этот путь, и теперь Аверан с легкостью преодолевала запутанные участки.

Но ей нужно было пройти еще немало миль.

На пути ей попалась пара ревунов, огромных желтых тварей, похожих на пауков, которые волокли каменные бадьи с рудой вниз в шахты. Монстры бросили свою ношу и издали жуткий предупреждающий трубный звук, когда Аверан промчалась мимо.

Даже огромные ревуны испытывали перед Аверан больший страх, чем она перед ними.

Дюжину миль она пробежала, не встречая опустошителей. В памяти Прологателя Путей эти туннели всегда были полны суеты. Впервые Аверан начала понимать, как много опустошителей должна была послать против Карриса Великая Истинная Хозяйка.

Подземный Мир опустел.

Аверан изнывала от жажды, когда достигла бокового туннеля, спускавшегося на сотню ярдов вниз и затем снова выравнивавшегося в момент впадения в Логово Костей.

Здесь земля была почти раскаленной. Даже с даром жизнестойкости человек не смог бы здесь выжить.

Аверан ворвалась в помещение. Логово Костей было огромным, это была часть пещеры, существовавшей здесь тысячи лет. Каменные карнизы свисали со свода, покрытого пушистой травой и корнями, которые медленно покачивались в воздухе. Кости опустошителей устилали пол — древние черепа с широко раскрытыми кристаллическими челюстями, зазубренными зубами длиной с руку Аверан, огромные кости ног — толстые, как бревна. Высохшие когти судорожно сжимали воздух, и повсюду лежали груды роговых щитков, таких страшных на вид, что людям и другим земным тварям просто не с чем было бы их сравнить. Кости были прозрачными, как хрусталь. Некоторые были настолько стары, что стали тускло-красными, как янтарь, другие имели лимонный оттенок, это были кости недавно умерших.

Местами горы костей достигали четырех дюжин ярдов в высоту, образуя небольшие холмы, между ними опустошители расчистили тропу. Аверан двинулась вперед через долину костей.

Здесь лежали останки поверженных врагов Великой Истинной Хозяйки, лежали как трофеи, как напоминание о победах, так что другие опустошители, удостоившись аудиенции, должны были быть совершенно подавлены.

Пока Аверан не видела этих древних скелетов, она не могла представить себе, насколько на самом деле стара Великая Истинная Хозяйка, сколько веков насчитывает ее злоба.

Она знала, что это чудовище поработило все другие племена опустошителей. Но она и представить себе не могла, как много королев было уничтожено в процессе порабощения.

Мертвецы исчислялись тысячами.

Аверан шла все медленнее.

Здесь должны быть еще опустошители, думала она, хотя бы кто-то из королевской Темной Стражи.

Но в огромном зале царила тишина.

Это значит, что им пришлось выйти на поверхность, подумала Аверан. *Они должны возглавлять войска.*

Однако внутреннее чувство подсказывало Аверан, что она не сможет войти в Зал Печатей, не столкнувшись хоть с какой-то охраной.

Она не сможет почуять их. Опустошители умеют прятать свой запах, заставляя себя пахнуть как скалы или растения. И увидеть их она не сможет, если они решат спрятаться.

Она очистила свое сознание, обратилась за помощью ко всем своим чувствам — и почувствовала его, Посланника Тьмы.

Он был в конце тропы и спокойно ждал. Он подозревал, что кто-нибудь может попытаться пройти сюда.

— Это я, — шепнула Аверан сознанию твари. Она осторожно, легким шагом двинулась вперед. — Я должна пройти. Я должна разрушить Печати.

Очень слабо, почти против его воли, она услышала ответ Посланника Тьмы:

— Я чую тебя. Я знал, что ты приближаешься.

— Пропусти меня, — сказала Аверан.

Вспреди лежала большая гора костей, высотой в семьдесят футов, так что они почти царапали потолок. На самой вершине покоились черепа гигантских опустошителей, ногами наружу, как лепестки маргаритки, их раскрытые рты смотрели во все стороны.

Они образовывали гнездо. Жезлы могущественных чародеек были воткнуты между черепами, образуя нечто вроде короны. Это был огромный трон Великой Истинной Хозяйки, престол силы, откуда она пристально следила за своими слугами. Огромные сталактиты висели над гнездом, как зубы.

— На мне запах приказа, — ответил Посланник Тьмы. — Я должен охранять это место.

Несколько костей под тропом внезапно сдвинулись, и Посланник Тьмы выкарабкался наружу, смутной тенью нависая над Аверан. В одной когтистой лапе он держал огромный меч — такого оружия Аверан никогда раньше не видела. Металл был холодным и черным, а лезвие волнистым. Она чужая руны, написанные запахами могущественными магами опустошителей по всей длине меча. В другой лапе он держал черную сеть, сплетенную из кожи опустошителей.

Он был огромен, и теперь Аверан распознала запах сотен рун, начертанных на нем, и могла различить их бледный голубой свет, мерцающий, как невысокое пламя, по всей длине его лан и на костяном гребне его гигантской головы.

Он двигался с невероятной скоростью и грацией, и Аверан не решалась вступить с ним в схватку.

— Твой предок пожрал мозг Охранителя Земли, — напонила ему Аверан. — Ты знаешь то, что знал он. Я пришла не погубить твой народ, но спасти его.

Монстр сделал выпад.

Аверан подняла свой жезл и содрала руну на потолке над ними, руну крушения камней. В тот же миг камень начал пузыриться и очертания руны проявились.

Своды зала начали рушиться. Массивные сталактиты обломились под собственной тяжестью.

Посланник Тьмы метнулся в сторону, чтобы избежать начавшегося камнепада. Аверан ринулась назад, она бежала изо всех сил.

Сталактиты копиями падали вниз, каменные плиты откалывались от свода. Прямо над ней рушилось Логово Костей.

Аверан бежала, спасая собственную жизнь, бежала через долину костей. Она едва увернулась от огромного валуна, рухнувшего и расколовшегося прямо на ее пути.

Каменный дождь молотил по грудам древних костей. Он гремел, как гром, и пол сотрясался под ней.

Аверан стремительно мчалась к дверям зала, боясь, что Посланник Тьмы в любой момент может прыгнуть на нее. Каменные глыбы тяжело ударялись об пол. Облако удушливой пыли, черной как ночь, поднялось и заполнило пещеру, так что свет ее опала стал почти бесполезным. Аверан больше ничего не видела.

Она бросилась под череп опустошителя. Камни грохотали вокруг нее, и осколки отскакивали от тропы и били ее по лодыжкам. Слепящая пыль поднялась вокруг, и Аверан быстро прикрыла глаза руками, чтобы защитить их. Пыль забралась ей в уши, оседала в горле, забила нос. С этим ничего нельзя было поделать. Ей пришлось долго ждать, пока пыль осядет.

Она освободила свои чувства, связанные с сознанием, и попыталась обнаружить Посланника Тьмы.

Огромный лорд опустошителей испытывал боль. Обломки скал в тонну весом падали на его спину, медленно выталкивая из него воздух. Его правая лапа была придавлена, а левой он пытался прокопать себе путь наружу. Но не было

похоже, чтобы даже его невероятная сила давала ему шанс освободиться. Он был не более чем в сотне ярдов впереди нее.

Аверан мысленно заговорила с ним: «Прости. Я не хотела причинить тебе боль. Я никому не хочу причинять боль».

Шум падающих камней слабел. Еще несколько камней рухнули с потолка и с громким стуком упали среди обломков.

Аверан выкарабкалась из-под нависающего над ней черепа и попыталась оглядеться. Пыль была такой густой, что ослепляла, и она еще будет висеть в воздухе много часов — часов, которых не было в запасе у Аверан.

Она вскочила и начала пробираться по тропе среди обломков, спеша в Зал Печатей. Тонны камней и булыжников покрывали весь пол в Логове Костей. Большие камни качались, когда она наступала на них, ей приходилось выбирать путь среди огромных валунов. Аверан взглянула в сторону большого трона, но черепа опустошителей были расколоты обрушившейся на них тяжестью. Аверан болезненно сощурилась, пряча глаза от пыли.

Она взобралась на груды камней, которой был придавлен Посланник Тьмы, волнуясь, что в любой момент его тяжелая лапа может освободиться и уничтожить ее.

Аверан всмотрелась в его сознание, почувствовала ярость и разочарование. Он изо всех сил боролся, стараясь освободиться, не подозревая, что она находится так близко. Она осторожно взобралась на большой камень, боясь, что монстр может почувствовать ее по увеличившемуся весу.

И вдруг камень под ней сдвинулся, а вслед за ним дюжина других камней, лежавших рядом и служивших ему опорой, и все они посыпались, словно в воронку.

Он выбирается! поняла Аверан.

Она подпрыгнула на тридцать футов, приземлилась на большой камень и снова прыгнула. Прыгая, как лягушка, она удалялась от своего погребенного под обломками врага.

Она добралась до дальней стены Логова Костей. Перед ней распахнулся вход в туннель, булыжники внезапно кончились.

Зал Печатей был прямо в конце коридора, всего лишь в трех милях. Аверан могла пробежать их за несколько минут.

Она бросилась в туннель, минуя боковые ходы, ведущие в личные покои Великой Истинной Хозяйки, где хранились ее яйца. Аверан вытерла глаза, борясь со слезами.

Лицо Габорна вспыхнуло в ее памяти, на миг она с тревогой подумала о том, как обстоят дела у него. Она была так взволнована, что не сразу ощутила толчки.

Начиналось землетрясение. Похожие на ребра опоры стен закачались, и пол под ее ногами начал подниматься и опускаться, как волны. Каменные осколки и пыль посыпались с потолка.

Земля страдает от боли, подумала Аверан. Она чувствовала это: тупую, тянущуюся боль, которая пронизывала самые кости мира, усиливая ее собственные страдания.

Она завершила за угол, и на ее пути встал опустошитель — большая неуклюжая самка. Она была встревожена безудержным наступлением Аверан и поспешила в комнаты яиц. Аверан чужа ее полный боли зов.

В кармане своей чародейской мантии она хранила веточку петрушки, которую Бизнесман дал ей много дней назад. Он сказал, что ее надо завязать семью узелками и бросить на свой след, если кто-нибудь пустится в погоню. Узелки она завязала, но до сих пор это средство ей не требовалось. И вдруг она вспомнила об этой веточке.

Она растерла высохшие листочки между пальцами, бросила их на пол и произнесла небольшое заклинание:

По следам за мной иди,
Круг за кругом проходи,
За угол, за поворот —
Так кружись за годом год.

Аверан помчалась дальше по туннелю. Пол отчаянно сотрясся от все новых толчков, и вдруг он вздыбился прямо перед ней. Скальные плиты встали торчком. Аверан перескочила через них, мчась, как заяц.

Теперь было уже недалеко — вверх по туннелю, за поворот, через мост, где из специальных горшков брызги горячего белого ила летят на стены, за угол.

И вот Аверан здесь — в зале куда меньшем, чем Башня Посвященных. Всего пара сотен ярдов от одного конца до другого. Как и в Башне, здесь вода медленно текла через небольшое озеро, с бульканьем вытекая из горячего источника. Несколько каменных деревьев росло из потолка.

Все помещение было озарено жутким, неестественным светом.

На полу была вычерчена огромная руна, почти в сотню ярдов в поперечнике: Руна Опустошения. Это было зримое воплощение зла, и оно казалось еще более извращенным, будучи высеченным в камне. Это были не просто линии. Для глаз Аверан это выглядело почти как две змеи, пожирающие друг друга в широком кругу. Но остальные выступы придавали всей сцене чудовищный эффект. Ядовитый туман плавал между ними, не позволяя как следует разглядеть зловещий символ.

Сама руна была сделана из земли. Узлы и гребни, вырезанные в камне, поднимались из земли на разную высоту, создавая барельеф.

Руна испускала узкие, похожие на щупальца, лучи красного и голубого света, они и создавали зловещее освещение зала, словно огонь самой земли просвечивал сквозь стены. Аверан не могла обнаружить источник огня. Казалось, земля пылает, и даже можно было разглядеть красные угли, но это была только иллюзия.

Аверан огляделась, разыскивая то, ради чего она пришла сюда. Габорн велел ей сломать Печати. Но она видела перед собой только одну печать, Печать Опустошения.

Где же остальные?

Она постаралась сообразить, в каких ближних комнатах они могут быть спрятаны. Но память Прологателя Путей продолжала подтверждать, что руны прямо перед ней.

И вдруг у нее перехватило дыхание: там, среди мерцающих огней, она различила очертания. Если сильно прищурить глаза, то можно увидеть ее — руну, не вырезанную в земле, но созданную из этого странного огня. Печать Преисподней.

Там, над землей и огнем, плавал ядовитый серый туман, свиваясь в завораживающие круги. Никакой ветер не заставил бы дым так свиваться. Третья руна тоже была здесь — Печать Небес, начертанная потоками воздуха.

Печати были расположены одна над другой.

Ее первым побуждением было уничтожить Печать Оупу-стошения.

Я могу обрушить на нее свод, подумала Аверан.

Она вытянула свой жезл и приготовила заклинание, ослабляющее камни.

Глава 38

ПОД ТЕНЬЮ ТЬМЫ

Если хочешь посвятить свою жизнь служению высоким целям, надо сперва избавиться от всех своих слабостей.

Чародей Бизнесман

Габори отступал перед Великой Истинной Хозяйкой. При каждом шаге назад Земля предупреждала его: «Беги!», а затем снова: «Бей!».

Поэтому он знал, что сразиться с чудовищем — все еще не его задача. Она была сильнее. Он убегал от нее, продолжая убивать ее Посвященных.

В Каррисе битва была в разгаре. Дюжнны его Избранных были оторваны от него, и Габори кричал от боли.

Темные завитки тумана окутывали его ноги, и казалось, сердце его леденело. Голос Великой Истинной Хозяйки звучал в его мозгу: «Ты проиграл. Твои Избранные умрут, потому что ты слаб».

Габори видел, как будто наблюдал за происходящим с холмов на западе от Карриса, как опустошители черным ревущим потоком катятся по дамбе, как они запрыгивают на

крепостные стены. Казалось, весь город охвачен пламенем, и это был единственный свет в почерневшем мире. Снаружи замка ужасный маг и ее чародейки старались создать новую Печать Опустошения. Узкие лучи голубого света били из земли в том месте, где возникала руна.

Над замком воздушный шар, похожий на граака, плыл сквозь дым.

Армия Габорна погибала. Люди выбегали из ворот, мчались в ужасе на крепостные стены. С такого расстояния Габорн видел опустошителя, который вытаскивал юного мальчика из окна башни. Габорн знал, что именно так и происходит в действительности, потому что юноша был одним из его Избранных, и Габорн чувствовал, как и эта жизнь отрывается от него.

Затем картина изменилась, и Габорн увидел, словно сверху, Раджа Ахтена высоко в горах на западе от Карриса, а перед ним его войска. Его лицо было похоже на страшную маску, с этим сгоревшим ухом, высохшей и потрескавшейся кожей вокруг рта и прячущимися в морщинах белыми, слепыми глазами.

Он наслаждался бойней на расстоянии, наблюдая, как опустошители проламывают стены, чтобы добраться до людей, спрятавшихся в домах и погребях.

«Это сделал ты, — шептала Великая Истинная Хозяйка. — Ты сделал его своим врагом и хотел убить его».

Хозяйка хотела раздавить Габорна чувством вины, как тяжелым камнем, но он не чувствовал себя виновным.

— Ложь! — воскликнул он. — Он сам себя сделал моим врагом — по твоему приказанию.

Он понимал, что Великая Истинная Хозяйка пытается отвлечь его, тянет время. Габорн бросился к следующему Посвященному и вонзил копьё опустошителя в его почку.

«Пригнись», — шепнула Земля, и Габорн бросился ничком на пол, проскользнув под коленями опустошителя.

Едва он успел это сделать, как Великая Истинная Хозяйка щелкнула своим ужасным бичом, разрезав воздух над его головой.

«Увернись», — приказала Земля, и Габорн отпрыгнул в сторону в тот самый миг, когда чудовище прошипело проклятие.

«Гэшт» — так это звучало, и черный смерч вырвался из ее жезла, промчавшись над тем самым местом, где только что стоял Габорн. Земля вскипала там, где смерч касался ее, и осколки камней разлетались в разные стороны. Трое Посвященных опустошителей, казалось, застыли на какое-то время и рухнули под ударом. Их кровь и кости разлетелись по всему залу.

Земля вздыбилась под ногами Габорна, когда сильный подземный толчок сотряс помещение. Камни и пыль посыпались с потолка.

«Бей!» — приказала Земля, и Габорн перепрыгнул через ближнего опустошителя и вонзил копьё в еще одного вектора. Он вытянул шею и испытал чувство удовлетворения, увидев, как одна из призрачных голубых рун монстра выцветает и становится серой.

Завитки тьмы закружились вокруг него, и Габорн почувствовал желание упасть на пол и умереть. Чудовище одерживало верх, сумев подчинить себе его конечности.

Он закричал, как будто произнося проклятие:

— Да помогут мне Всеславные!

В этот миг Габорн хотел только одного — самому стать чистым светом, чтобы сражаться с губительным злом, с которым он столкнулся.

Чудовище захрипело, словно его ударили, и тьма отступила.

То, что одно лишь его страстное желание причинило, казалось, сильную боль этой твари, воодушевило Габорна.

Я могу сделать это, подумал он. Я могу воззвать к Всеславным, и она знает об этом.

«Нет,— слышался шепот чудовища.— Ты недостойн». Перед его глазами вспыхнули картины: два опустошителя разрывают человека пополам, пожирая его; женщина старается убежать от опустошителя, а его лезвие со свистом опускается и рассекает ее надвое. «Это сделано тобой»,— шептала тварь.

Но Габорн не верил этому. Заставляя его видеть разрушение мира, тварь надеялась сломить его волю.

— Я достоин,— сказал Габорн.— Всеславные сделали меня таким.

Великая Истинная Хозяйка захрипела и сделала выпад.

Габорн почувствовал, что в своем отступлении подошел вплотную к искривленному каменному дереву, ствол которого больно ударил его по ребрам.

Чудовище рванулось вперед невероятным прыжком.

«Прыгай»,— предупредила Земля. Габорн взлетел в воздух на тридцать футов, проскользнув между двумя ветвями дерева. «Уворачивайся». Он почувствовал предупреждение и извернулся в прыжке. «Уворачивайся»,— снова предупредила Земля, и он снова извернулся, уже приземляясь.

Великая Истинная Хозяйка словно прочесывала воздух своим кристаллическим жезлом, нанося удары с невероятной скоростью. Один, два, три раза она попыталась достать Габорна, когда он падал, и каждый раз он лишь чудом уворачивался от удара.

Летя вниз, Габорн увидел во входном проеме зала свет и танцующие огромные тени. Йом пришла на помощь.

Габорн приземлился на твердую скалу. Землетрясение словно поднимало землю дыбом, и камни дождем сыпались с потолка.

Йом бежала много миль, следуя за Габорном, пока наконец за очередным поворотом не увидела впереди свет. Она различила очертания человеческих фигур, дюжины фигур,

и крик замер у нее в горле, потому что она вообразила, что Габорн ввязался в сражение с инкарранцами.

Но приблизившись, она увидела лишь толпу оборванных, истощенных созданий, тени людей, одетые в лохмотья, и она вспомнила рассказ Аверан о пленниках в темных закоулках мира.

Она бросилась к ним.

— Где Габорн? — спросила она умоляющим голосом.

Сначала никто не ответил, потому что у нее было много даров и она говорила слишком быстро, но наконец кто-то показал в глубину туннеля:

— Туда! Торопись!

Йом бросилась по следу, по полу, отполированному, как могильная плита, миллионами опустошителей, которые бродили по нему многие века. Ее сердце билось, как молот, в такт каждому шагу. Она знала, что Габорн шел прямо вперед, потому что он не оставлял знаков в боковых туннелях.

Она бросала быстрый взгляд в каждый боковой ход, пересекавший ее путь, боясь, что может сбиться с дороги. Она видела большие комнаты, высеченные в скале, и ей очень хотелось исследовать их, чтобы узнать как можно больше о тайных путях опустошителей.

За долгие, утомительные дни пути она утратила свою способность следить за временем. Казалось, эта гопка бесконечна и измеряется только чувством крайней необходимости, которое вело ее.

За следующим поворотом она увидела трех мертвых опустошителей и конец туннеля. словно из страшной дали, до нее донесся крик Габорна:

— Йом, остановись!

Земля вздыбилась и заходила ходуном под ее ногами. Йом бросилась к стене, ища опоры, и осторожно огляделась, опасаясь, не рухнет ли свод, но стены и свод были укреплены клейкой слизью.

Она вбежала в проем, ведущий в огромный зал. Камни сыпались с потолка. Повсюду грудями лежали мертвые опустошители. Но в отдалении Йом увидела пробирающегося сквозь толпу соплеменников опустошителя, значительно превосходящего размерами все, что она могла себе представить. Брюхо твари так раздулось от яиц, что казалось, она сейчас лопнет. Несмотря на это, она легко двигалась по полю боя с такой скоростью и такой грацией, что у Йом перехватило дыхание.

Затем Йом разглядела Габорна — вторую тень, освещенную только отблесками рун, начертанных на огромных опустошителях. Он находился на свободном пространстве, создавшемся, когда опустошители бросились в стороны, спасаясь от него.

Габорн и его противник двигались, словно танцуя, казалось, они читают мысли друг друга. Габорн отпрыгнул назад почти на восемьдесят футов, изогнувшись в воздухе, чтобы избежать удара бичом.

Йом и представить себе не могла, чтобы человек мог двигаться с такой грацией и скоростью. Это было похоже на молнии, вспыхивающие в небесах. Ей казалось, что Габорн стал природной стихией, Суммой Всех Людей.

Но Великая Истинная Хозяйка напала на него с такой же скоростью, и если Габорн был Суммой Всех Людей, то она сейчас, с ее мощью и жадой уничтожения, казалась Суммой Всех Опустошителей.

Оба они, Габорн и его противник, стремительно двигались между двумя уродливыми каменными деревьями.

— Йом, — крикнул Габорн, — убивай векторов.

Вся пещера была полна бесчисленными опустошителями, каждый из которых был отмечен мягко светящейся руной. Йом начала понимать, что она должна делать. Она внимательно огляделась в поисках цели. Слева ее острый взгляд заметил яркое сияние. Полдюжины опустошителей сгруппировались вокруг него, словно стараясь спрятать от глаз врага.

Йом ринулась вниз с возвышения, прямо к этому свету. Несколько молодых стражей сделали выпад в ее сторону. Приблизившись, она прыгнула прямо к морде одного из них. Он отшатнулся, Йом, пригнувшись, проскочила между его лапами и распрямилась за его спиной.

Она увидела лежащего опустошителя, на плечах и голове его светились дюжины бледно-голубых рун. Она вонзила копьё в мягкий треугольник вектора. Кровь и мозг хлынули из раны.

В двухстах ярдах от нее Великая Истинная Хозяйка зашипела от злости.

Камень рухнул на пол неподалеку, раскололся и осыпал острыми осколками находившихся вокруг опустошителей. Некоторые из них зашипели от боли.

Йом снова огляделась в поисках следующей жертвы.

А в Каррисе Боренсон, с сердцем, колотящимся от страха, бросился навстречу опустошителю.

— За Хередон! — прокричал Капитан Темпест, тоже бросаясь вперед, на подмогу Боренсону. Опустошитель резко развернулся навстречу им, поднявшись на задние лапы в оборонительной позе. Его огромный меч описал круг над головой и обрушился смертельным ударом.

Боренсон откатился в сторону, в то время как Темпест нанес удар копьём опустошителя прямо в грудь твари. Опустошитель отпрянул, вырывая копьё из рук Темпеста, и закружился, судорожно махая лапами.

Еще один опустошитель прыгнул через стену замка и приземлился почти на самом ее верху. Это была одна из тех молодых особей, которых Габорн видел издали едущими на спине самки. Для опустошителя монстр был невелик, меньше слона, но, казалось, состоял из одних лап и двигался стремительнее взрослых. Тварь промчалась несколько шагов, схватила одного из убежавших воинов и разорвала на части.

Стрела из башни позади Боренсона просвистела в воздухе и вонзилась в мягкий треугольник монстра. Тот изогнулся, как оса, и тщетно старался вытащить стрелу.

Боковым зрением Боренсон заметил, что через стену замка прыгают огромные тени — другие молодые особи — рой стремительных тварей.

Ничто не свидетельствовало о том, что кто-то защищает ворота. Все находились во внутреннем дворе.

Пламя ревело с южной стороны от Боренсона. Масло и дерево на бастионе создали стену пламени в сорок футов высотой. Жар был таким сильным, что Боренсон не осмеливался даже попробовать пробежать через потерну. Он был отрезан от своих.

Боренсон бросил взгляд наверх, на крепостную стену. Звук артиллерийской стрельбы стих. Опустошители, как взрослые, так и молодые, уже захватили вершину северной башни, и дюжины монстров, как чешуя, покрывали стену. Несколько человек пытались противостоять им, но ясно было, что вскоре опустошители хлынут через стену.

«Гашт!» — послышалось заклинание. Боренсон инстинктивно попятился.

Он побежал зигзагами к северной башне, крича:

— Миррима, выходи!

По боевому ходу на стене мчался опустошитель, и, увидев, как стена рухнет только под его весом, он прыгнул на верхушку башни. Осколки камней хлынули вниз. Первые три яруса провалились.

Боренсон отскочил, чтобы не попасть под град камней. Один камень с треском раскололся у самых его ног, осколки разлетелись во все стороны, и он услышал, как закричал от боли Капитан Темнест.

Он оглянулся. Воин Хередона в ужасе смотрел вниз. Осколок камня, острый, как кинжал, застрял в его голени.

— Бсги к целителям! — закричал Боренсон, и как раз в этот момент опустошитель наверху проломился сквозь стену башни и прыгнул на улицу.

На севере, на дальнем конце острова, трубачи затрубили сигналы поражения и отступления, словно в надежде, что королева Лоуикер услышит их и пошлет свои войска в битву.

Боренсон атаковал опустошителя, гигантского мага. Он взлетел на дюжину футов в воздух и обрушил свой боевой молот вниз со всей силой, разбивая мягкий треугольник монстра.

Длинные шипы на бойке молота со звуком «чанк» пробили шкуру и вошли в плоть мага. Но чародейка была так велика, что молот не мог проникнуть глубоко в ее мозг.

Тварь замотала головой, и костяные пластины ударили Боренсона с такой силой, что он отлетел на тридцать футов и врезался в стену купеческой лавки. Кольчуга и подкольчужная рубаха смягчили столкновение со стеной, выстроенной из обмазанных глиной жердей, но все же удар был столь силен, что вышиб воздух из его легких.

Боренсон рухнул на землю и лежал, задыхаясь, около полминуты. Опустошитель-маг повернулся и уставился на него, развернув веером костяные пластины на голове и тревожно шевеля щупальцами.

Боренсон видел темную кровь, струящуюся по морде монстра. Он все же сумел нанести твари болезненную рану. Она, должно быть, решила, что он мертв, потому что развернулась и была готова помчаться вниз по улице, преследуя жителей и воинов, убегавших толпой.

Она уходит, подумал Боренсон. Я могу позволить ей уйти.

Но он не мог.

Он с трудом поднялся на ноги и пробежал вниз по улице сотню ярдов, преследуя раненого опустошителя. Тот как раз

сцапал одного из отступавших гвардейцев и остановился на миг, словно для того, чтобы убедиться, что это человек.

Боренсон ринулся на монстра и изо всех сил ударил его молотом сзади по бедру.

Опустошитель зашипел, поток вопи вырвался из его зада. Слишком поздно Боренсон понял, что это было заклинание.

«Стань сухим, как пыль, ты, порождение человека».

Тотчас же пот хлынул из всех пор Боренсона и потек по лицу. Его мочевого пузыря сжался, и теплая моча потекла по ногам.

Маг развернулся к нему лицом, слегка разжав челюсти.

— Будь ты проклят! — воскликнул Боренсон, прыгая в его пасть. Зазубренные зубы монстра оцарапали ему лоб, и он приземлился на твердый, как камень, язык.

Опустошитель захлопнул пасть, но слишком поздно. Боренсон был уже внутри. Он вскочил на ноги, развернул молот и нанес колющий удар рукоятью, стараясь проткнуть мягкий участок неба твари. Но в этот момент он потерял равновесие, и оружие ударило в кость.

Его начало швырять из стороны в сторону, потому что опустошитель затряс головой, стараясь избавиться от человека. Он ударился об острые зубы и ухватился за один из них.

Еще мгновение опустошитель тряс головой, затем остановился, чтобы почувствовать, есть ли еще какое-то движение во рту. И в этот миг Боренсон снова ударил молотом в мягкий участок неба. Горячая кровь омыла его благодатным потоком.

Опустошитель дернулся вперед и рухнул. Боренсон был сбит с ног и оцарапал лицо о шершавый язык монстра.

Некоторое время он лежал, страдая от боли, истекая кровью, сочащейся из дюжины маленьких ран, стараясь вздохнуть. Пот тек с него ручьем, язык распух от жажды.

Он пополз на коленях. Горячая кровь опустошителя толчками вырывалась из зияющей наверху дыры, низвергаясь почти кипящим душем.

Боренсон смеялся и полз вперед. Рот опустошителя был закрыт. Невозможно было даже увидеть что-либо сквозь сжатые губы. Огромные опустошители весили до двенадцати тонн, и большая часть этого веса приходилась на костяные пластины на голове. Даже Властитель Рун со всеми его дарами мускульной силы едва ли мог поднять больше чем несколько сотен фунтов.

Боренсон уперся ногами в десну опустошителя, а спиной — в верхнее небо. Он давил изо всех сил, но голова даже не пошевелинулась.

Он слышал, как снаружи пели боевые рога, зовя к отступлению от ворот. Народ кричал в ужасе. К этому времени дюжины опустошителей хлынули в проломленные стены.

Что же я должен сделать? спросил себя Боренсон.

Он перекатился на спину, попытавшись толкать небо ногами. Но и это было бесполезно.

Челюсти опустошителя оставались сомкнутыми.

Он обдумал затруднительное положение, в котором оказался.

После первой битвы в Каррисе он видел в полях мертвых опустошителей, их рты были широко раскрыты, мышцы сведены предсмертной судорогой. Еще до наступления трупного окоченения рот твари откроется сам — всего через несколько часов.

Самым безопасным было бы оставаться здесь до окончания битвы. Но он не мог просто сидеть и ждать, пока остальные сражаются и умирают. Кроме того, Миррима была в северной башне, где битва кипела жарче всего. Если она еще жива, опустошители скоро перекроют ей выход и запрут в убежище.

— Я должен выбраться наружу, — пробормотал Боренсон.

Ему оставалось только одно: прорубить себе путь наружу. Единственное место, где это можно сделать, было горло монстра, чуть пониже шеи. Он схватил боевой молот в пра-

вую руку, а кинжал в левую и бросился в глотку чудовища. Он протискивался вниз по горлу, когда мертвый опустошитель словно бы подавился. Его пасть распахнулась, а из желудка вверх хлынула желчь.

Поток желчи вынес Боренсона на улицу.

Он поднялся на колени и огляделся, чтобы убедиться, что находится в безопасности. Сделав это, он вложил кинжал в ножны, а затем стер желчь и кровь с рукоятки молота. Опустошители лавиной мчались со стен, не встречая препятствий. Северная башня была почти полностью разрушена. Только первый этаж, казалось, еще стоял, но в его темном дверном проеме не было никакого движения.

Казалось, Боренсон обезумел.

— Миррима! — закричал он; сердце готово было выскочить из груди.

Если Миррима все еще в башне, ее должно было раздавить обломками.

Редкие стрелы все еще взмывали в воздух с крыш торговых лавок и летели через улицу к крепостным стенам, и гвардейцы бежали толпой по улице в его сторону. Большие Боренсон не видел никого из людей, хотя по всему Каррису разносились их крики.

Опустошитель свалился со стены и сокрушил лавку, служившую площадкой для лучников. Боренсон повернулся и посмотрел вверх по улице, на север, надеясь увидеть спасающуюся бегством Мирриму.

Прямо на него мчались дюжины опустошителей, стремясь к пристаням, сметая все на своем пути.

Он был прямо перед боевыми линиями врага!

Рядом с собой он услышал шипение и резко развернулся. Опустошитель бросился на него.

Боренсон застыл неподвижно, делая вид, что не может двинуться с места от страха, до тех пор пока опустошитель не оказался прямо перед ним. Тогда он рванулся ввысь на

дюжину футов и ударил молотом, глубоко проникая в мозг монстра. Опустошитель рухнул прямо под ним, и Боренсон приземлился на его спину.

Ему было приказано охранять улицу, сдерживать опустошителей так долго, как только сможет, давая жителям возможность добраться до пристани.

Но он боялся, что Миррима все еще находится в северной башне, он представлял себе, как она лежит там, придавленная обломками, истекая кровью.

Он не мог покинуть ее.

Он бросился на юг, к башне. Опустошитель прыгнул с крепостной стены, стараясь раздавить его. Боренсон рывком ушел от атаки, затем подпрыгнул и убил опустошителя. Маг с крепостной стены бросил ужасное заклинание, и Боренсону пришлось с трудом прорываться сквозь красное облако, задерживая дыхание, в то время как его глаза жгло так сильно, что он боялся, как бы они не выскочили из орбит.

Еще два молодых опустошителя соскочили с крепостной стены, в то время как третий карабкался на бастион, не обращая внимания на пламя.

Боренсон знал, что есть смелость и глупость — и это разные вещи. Он был отрезан от Мирримы. Он нырнул в окно ближайшей лавки и побежал по задним комнатам, а опустошитель бросился следом. Монстр ударился прямо в стену лавки, и здание рухнуло в тот момент, когда Боренсон выскочил с задней стороны дома в узкую аллею, красиво называвшуюся Мерцающая.

Эта аллея была слишком узкой для взрослых опустошителей, но молодые особи бросились за ним.

Он добежал до ближайшей двери, но она оказалась заперта на засов. Он навалился плечом и вышиб дверь. Она разлетелась вдребезги, и Боренсон ввалился внутрь.

Он постоял мгновение, соображая, что делать дальше. Опустошители догонят его с минуты на минуту. Он побежал через комнату, ища заднюю дверь.

Вдруг он почувствовал режущую боль внутри, как будто что-то жизненно важное вырвали из него, и понял, что один из его Посвященных погиб.

Это могло значить только одно: опустошители начали охоту в верхней части города, там где его Посвященные прячутся в гробницах под Дворцом Палдана.

Глубоко в Подземном Мире Йом нанесла еще один колющий удар своим дротиком — и еще один опустошитель умер. Это была ее пятая жертва.

Через весь черный зал до нее донесся пронзительный крик Габорна.

Она взглянула туда.

«Гашт!» — заклинание вырвалось из жезла Великой Истинной Хозяйки. Габорн рванулся назад — тень во тьме, двигающаяся так быстро, что на миг показалось, что он исчез.

Теперь Великая Истинная Хозяйка вспомнила о Йом. Повелительница опустошителей оставила Габорна и поползла к Йом, чтобы остановить ее. Завитки тьмы, похожие на легкий туман, поднимались из-под ног чудовища, волнами устремляясь к Йом.

Габорн зарывал, как зверь, прыгая в атаку. Он бросился к Великой Истинной Хозяйке, двигаясь так быстро, что Йом не могла уследить за ним, пока он не ударил тварь в грудь.

Тварь развернулась к нему, с треском разворачивая свой бич. На мгновение ее очертания расплылись, а волны тумана застыли в воздухе.

Йом продолжала быстро двигаться к плотной группе опустошителей, откуда был виден сильный свет, перепрыгивая через живых и мертвых Посвященных.

«Гашт!» — заклятие с громом вырвалось из жезла чудовища, темное разрушающее облако.

— Прыгай! — крикнул Габорн.

Йом кувырком, как она это обычно делала, взлетела вверх на тридцать футов. Разрушительный, шипящий смерч

коснулся земли там, где она только что стояла, уничтожив нескольких опустошителей и ударив в пол с такой силой, что осколки камней и пыль взлетели в воздух.

Ветер неистовствовал, пока она падала.

Йом приземлилась в беспорядочную грудку обломков. Ее левая лодыжка резко подвернулась, и она закричала от боли. Она поползла на коленях, используя свое копье опустошителя как посох, пробираясь в самую гущу опустошителей. Один из них набросился на нее, и она едва увернулась от удара.

Их тела образовали почти сплошную стену. Они двигались так медленно, что казались чем-то единым. Йом вошла в их тень как в темную, заросшую лесом лощину. На миг она вспомнила прогалину между Семейю Стоящими Камнями Хередона, где Биннесман воскресил свою вильде.

Но среди этих «камней» не было огромного источника Силы Земли — не было ничего столь великого и славного.

Сэр Боренсон, сжимая в окровавленных руках боевой молот, стоял, тяжело дыша, в каком-то жалком купеческом амбаре. Снаружи опустошители яростно прорывались сквозь Каррис, обрушивая дома, пробивая себе дорогу среди обломков. Отовсюду слышались пронзительные крики гибнущих людей, непрекращающийся стон страха и боли стоял над всем островом.

Воздух был полон дыма, как будто все вокруг было охвачено огнем.

И он ничего не мог сделать, чтобы остановить это. За последние несколько минут все его Посвященные были уничтожены, оторваны от него.

Лишенный даров мускульной силы, он чувствовал неподъемный вес своей брони на плечах, а его молот с длинной рукояткой стал таким неповоротливым, что он едва мог стронуть его с места.

Без даров жизнестойкости он чувствовал себя ослабевшим, почти мертвым. Напряжение последних дней теперь собирало свою дагь — его скачка в Инкарру и обратно, пытки, которые он перенес в руках короля Криомета. Ноги почти подламывались под ним от усталости.

Он хотел добыть хоть немного сил, хотел пройти по улице и сразиться за Мирриму, и будь прокляты эти опустошители! Если она еще жива, быть может, он сумеет помочь ей. А если она погибла, то и у него нет причин пережить этот день.

Сила — это иллюзия, думал он, мучительно страдая от собственного бессилия.

Теперь уже второй раз в его жизни Посвященные были оторваны от него, дюжины прекрасных мужчин и женщин, убитых, чтобы ослабить его.

С боевым кличем он схватил оружие и вылетел в ночь.

Повсюду языки пламени лизали небо, и дым так отражал свет, что казалось, небеса сами охвачены огнем. Было светлее, чем на рассвете.

Почти прямо перед собой, на высоте в несколько сотен футов, Боренсон увидел большой воздушный шар, почти скрытый дымом, шар, очертаниями напоминавший граака в полете. Он плыл в воздухе в зловещем молчании.

На северном краю острова яростно трубили трубачи, вновь и вновь призывая народ Карриса к отступлению.

Внезапный грохот, как зарождающийся гром, потряс землю. Земля задрожала под его ногами. Дома закачались, словно какой-то великан начал трясти их фундаменты.

В конце улицы показался стремительно несущийся опустошитель — молодой меченосец с неестественно длинными ногами и маленькой головой.

Заметив Боренсона, он резко затормозил и развернулся, его щупальца извивались, как змеи. Он широко распахнул пасть и атаковал.

— Смерть! — проревел Боренсон, поднимая меч и бросаясь навстречу врагу.

Радж Ахтен смотрел на Каррис с вершины далекой горы.

В городе царил ад. Опустошители были повсюду, они, как тараны, с грохотом врезались в дома, разгребали обломки, чтобы вытащить каждого, кто смог уцелеть. На северном конце острова рога отчаянно трубили сигнал к отступлению, в то время как люди карабкались на стены замка и бросались в озеро Доннестри.

Но они не могли взобраться по лестницам и ступеням замка достаточно быстро, чтобы спастись, и потому они скапливались на стенах возбужденной толпой, толча друг друга, охваченные ужасом. Некоторые пытались пробиться назад, к наступающим опустошителям, стреляя из своих маленьких луков или поднимая другое оружие против врага, но опустошители легко преодолевали это сопротивление. С тем же успехом курицы могли пытаться сражаться с голодным волком, забравшимся в курятник.

Скорость, с которой опустошители захватывали Каррис, ошеломила его. Могущественные лорды защищали ворота, но молодые опустошители просто перепрыгивали через них или врезались в них, размалывая защитников в труху.

У людей не было достойных соперников таким монстрам.

Над городом в теплых потоках воздуха плыл воздушный шар-шпион Раджа Ахтена. Он, ликуя, слышал шелест мыслей своих пламяплетов. Сладко пахнущий дым наверху собирался в большие облака, соблазняя их вступить в битву. Их гондолы были нагружены секретным порошком, приготовленным из серы, поташа и трав, доставленным с юга Индопала специально для этой ночи. *Дай нам сигнал, пшентали* они мысленно, *и мы сбросим наш груз*.

Спокойствие, прошептал он в ответ. Шар плыл в сторону ужасного мага опустошителей, припавшего к земле в середине огромной руины — новой Печати Опустошения.

По мере того как ветер нес шар все ближе к печати, Радж Ахтен шептал, позволяя силе огня донести его слова до его пламяплетов: «Теперь пусть небеса вспыхнут огнем!»

Пламяплеты возликовали, крича языками пламени: «Да здравствует Скатайн, Лорд Пепла!»

В трех милях к северу от Карриса находилась Стена Баррена — высокий бастион, тянувшийся от озера Доннесттри на востоке до гор Алькайр в нескольких дюжинах миль к западу.

Войска короля Андерса прибыли сюда после трудной ночной скачки — только для того, чтобы встретить здесь армию королевы Лоуикер, в тысячу раз превосходящую их силами, стоящую под прикрытием Стены. Баллисты, числом более сотни, были расставлены рядами выше на горе, чтобы помочь отбросить любую атаку опустошителей, в то время как лучники и пехота размещались на самой стене. Намерения Лоуикер казались очевидными: она будет удерживать стену, если опустошители попытаются прорваться на север.

Впереди, перед стеной, пылал Каррис. Рога пели на стенах замка, словно народ Карриса взывал о помощи, но крики гибнущих людей заглушали звуки рогов.

Было видно, как сотни опустошителей мчатся на север по боевым ходам, разрывая на части любого, кто пытался оказать сопротивление.

У подножия городских стен земля почернела от огромной орды опустошителей. В центре орды трубили ревуны, и казалось, земля стонет под их ногами, а над всей этой толпой кружились тучи гри.

Около норы великого червя припал к земле ужасный маг, покрытый пылающими рунами. Тварь держала жезл, белый и сияющий, как молния. Под ней руна принимала причудливую форму — полный злой воли предмет, собирающий туманы и закручивающий их в вихри и смерчи.

— Клянусь Силами! — выругался король Андерс, увидев эту картину.

Казалось, что в Каррисе больше нечего спасать.

Даже если прямо сейчас мы бросимся в атаку, думала Эрин, опустошители истребят всех жителей, прежде чем мы туда доберемся.

Лошадь Эрин нервно переступала с ноги на ногу, и она наклонилась в седле. Не один храбрый рыцарь склонил копы, словно был готов в любой момент ринуться в битву.

Лорды в голове колонны пристально смотрели на Андерса, пытаясь понять, что он собирается делать. Он провозгласил себя Королем Земли. Призовет ли он мирового червя, как это сделал Габорн?

Эрин закричала:

— Ваше Величество, дайте сигнал к атаке!

Но Андерс поднял правую руку предупреждающим жестом и сказал бесстрастно:

— Я не могу. Земля предупреждает против этого. Там, в городе, Избранные Габорна, и они должны погибнуть, искупая его грехи.

— Что? — в ужасе крикнул Целинор.

Андерс печально покачал головой:

— Я должен стать новым Королем Земли. Он — старый. Но я не могу быть коронован, пока старый король не будет низвергнут.

Он вперил взор в ночь, словно мог видеть сквозь стены Карриса.

Что он за человек? спрашивала себя Эрин. *Габорн никогда не стал бы сидеть сложа руки, видя народ в опасности.*

Голова Эрин кружилась. Она оцепенела от усталости. Но больше, чем от усталости, она дрожала от потрясения.

Она чувствовала себя как во сне — или в полусне. Она хотела позвать сову из Другого Мира и попросить о помощи, коснуться ее сознания своим зовом.

Одна мысль терзала ее.

Сова говорила, что Асгарот может усилением воли читать чужие мысли. Сможет ли ее зов достичь Асгарота?

Несмотря на то что думать об этом было больно, Эрин молча прокричала имя: «Асгарот!»

Король Андерс сидел на лошади прямо перед Эрин, устало сгорбившись в седле, его длинные седые волосы волной падали из-под королевского боевого шлема.

В ответ на ее молчаливый призыв он резко повернулся, как если бы она хлопнула его по плечу. Его рот приоткрылся от удивления, и он уставился на нее злым взглядом.

Маска доброты слетела с его лица.

Великая Истинная Хозяйка бросилась к Йом.

— Не-е-ет! — закричал Габори, меняя направление, чтобы преградить ей путь.

Она стремительно двигалась вперед, держа оружие в лапе.

Одно мгновение Йом, заледеев от боли, видела их обоих. Габори прыгнул на тварь, наполовину освещенную, наполовину скрытую тенью. Очертания Великой Истинной Хозяйки расплылись, ее бич трещал, как пламя. Габори вскрикнул, оступился и согнулся под ударом бича.

Йом бросилась на Посвященного, огромного опустошителя, лежавшего и как будто спавшего. Она замахнулась, готовясь нанести удар со всей силой.

Железный дротик вырвался из ее руки, когда опустошитель ударил ее, промахнувшись всего на несколько дюймов.

Габори закричал:

— Йом, беги!

Комната задрожала. При новом толчке землетрясения земля выскользнула из-под ног Йом, со свода дождем хлынули камни.

«Гашт!» — заклинание с шипением вырвалось из ониксового жезла чудовища. Габори сделал два шага вперед и

взвился высоко в воздух, когда темное зеленое облако поплыло к нему. Он с силой швырнул свой дротик.

Чудовище резко повернулось к Йом. Дротик скользнул по ее черепу. Габорн летел к твари — и вот он ударился об нее с глухим стуком, а затем отлетел в сторону, как сломанная кукла.

— Нет! — закричала Йом.

Большая Истинная Хозяйка с минуту разглядывала Габорна, а затем, потеряв к нему интерес, снова повернулась к Йом.

В мозгу Йом последние слова Габорна прозвучали так отчетливо, как если бы он снова повторил их: «Йом, беги!»

Опустошители окружали Йом со всех сторон, черты их были искажены ненавистью и жестокостью. Она в отчаянии смотрела в дальний угол комнаты. Даже дюжина даров зрения не помогала ей увидеть путь к спасению.

Там, куда ушел Габорн, не было боли. Он ударился о костяные пластины на голове монстра. И все исчезло.

Он очнулся в месте, где было светло как днем. Повсюду вокруг него были поля, коричневые, только что вспаханные плугами фермеров, плодородные. Холмы поднимались мягкими волнами в отдалении, дубы росли на их склонах. Не было ни ветра, ни солнца, только свет, исходивший из ниоткуда, сиял наверху. Вороны с карканьем кружились над головой, их хриплые крики были полны злобы.

Нежные ростки проклевывались из земли вокруг него, словно земля не в силах была сдержать избыток жизни.

Вороны пикировали прямо на него, стараясь ударить, выхватывали семена из почвы, обрывая бледные корни.

В дюжине ярдов от него какое-то существо, очертаниями похожее на человека, сидело на большом камне спиной к Габорну. Оно было одето в бесформенное серое платье, и седые волосы рассыпались по его спине. Но там, где должна была быть кожа, Габорн видел только песок и щебень.

Сам Дух Земли сидел перед ним.

— Я всего лишь лакомство для воронов судьбы, — бормотал он. — Они реют на крыльях насмешки. Мои камни не могут убить их...

Габори подошел к существу и положил руку ему на плечо. Тот повернулся лицом.

Дух Земли имел лицо Раджа Ахтена, но на этом лице не было глаз, только пустые глазницы.

Земля посмотрела на Габора беспомощно, вскинула руки:

— Вороны. Вороны пожирают...

Габори видел страдания Земли.

— Почему ты все еще носишь лицо врага? — спросил Габори. — Мы должны быть друзьями.

На лице Земли отразилась боль:

— Ты отвернулся от меня.

— Нет, — сказал Габори, — лишь однажды, в минуту слабости. Но больше я никогда не отвернусь от тебя. Все, чем я являюсь и чем надеюсь стать, — все твое.

Каменное лицо Духа Земли начало изменяться. Оно приняло новые формы. На миг оно стало лицом отца Габора, потом помолодело. Габори подумал, что Земля может показывать ему его собственное лицо или лицо его отца, когда тот был ребенком, но затем понял, что это лицо его сына. Гравий и песчинки сдвинулись снова — и вот Йом улыбается ему.

Габори почувствовал внутри странную легкость и увидел, что ранен в грудь, но из раны льется не кровь, а свет. Он позволил ему литься. И повсюду вокруг него вороны закаркали и взлетели в воздух, небо словно взорвалось от хлопанья их крыльев.

Глава 39

ДЕРЕВО ПОД ТЕНЬЮ

Ни одно дерево или другое растение не может расти только при дневном свете. Получая лишь свет, семя не даст ростка, корни не удержатся в земле. Необходимо равновесие солнечного света и тени. Люди тоже пускают самые глубокие корни во тьме.

Эрден Геборен

Габорн очнулся и с трудом поднялся на ноги, его сердце стучало, как молот. Его ребра были словно сломанные ветки. Огромный опустошитель преследовал Иом, карабкаясь на мощных лапах прямо по клубку своих драгоценных Посвященных, давя и убивая их.

Под действием заклинаний плоть начинала разлагаться, а раны гнить. Уже дюжины опустошителей громко хрипели, пытаясь вздохнуть. Но из-за относительного замедления времени звук доходил до ушей Габорна как зловещее гудение.

Иом бежала от чудовища. Его призрачные руны по-прежнему светились, но тьма, казалось, растекается под его

ногами, делая все очертания смутными и неясными. Габорн стер слезы со своих воспаленных век.

Иом, надеясь спрятаться, нырнула в просвет между двумя опустошителями, которые, казалось, медленно переползали с места на место. Но Габорн знал, что надолго ей не скрыться. Королева опустошителей мчалась за Иом с ошеломляющей скоростью.

Габорн чувствовал, что смерть приближается к Иом.

Габорн опустил руку и поднял древнее копьё Эрлена Геборена, копьё опустошителя.

Великая Истинная Хозяйка переползала через собственных Посвященных, давя их своей тяжестью.

«Бей!» — приказала Земля.

Габорн издал боевой клич и ринулся вперед, преодолев двадцать ярдов за один шаг. Опустошители вокруг него казались черными монолитами, почти неподвижными. Он метнул копьё между ногами огромного Посвященного, и оно вошло в колено задней ноги Великой Истинной Хозяйки.

Раненая нога подломилась. Тварь резко развернулась к Габорну, и он отпрыгнул назад, высоко взлетев в воздух и перекувырнувшись, когда ее кнут щелкнул прямо перед ним.

Руны загорелись ярче на лице Великой Истинной Хозяйки. Три костяные пластины на ее голове были почти полностью покрыты призрачным голубым огнем. Несмотря на то что Габорн убил так много Посвященных, лишь несколько темных пятен появилось среди сияния рун.

Габорн приземлился на Посвященного, затем снова отпрыгнул назад, уводя Великую Истинную Хозяйку от Иом.

Чудовище приближалось, хрипло дыша. Завитки тьмы кружились около локтей Габорна. Его мысли начали путаться. Он боролся с собой, чтобы выстоять против нее.

«Убей дитя в чреве своей возлюбленной, — зашептал в его мозгу жестокий и злобный голос, — потому что оно заражено злом».

Перед глазами Габорна мелькнуло видение, в котором он вырезал дитя из чрева Иом — подлое, мерзкое чудовище. Он стиснул его костлявую шею, глядя на него и поражаясь, как можно быть столь отвратительным, а существо вертелось в его руках. Он видел теперь, что у него четыре ноги и две руки, что оно лишено глаз, а там, где должно было быть лицо, появились костяные пластины, а щупальца вокруг его пасти шевелились, как розовые черви.

Габорн с силой швырнул существо на землю.

Оно уставилось на него и издало мяукающий звук.

«Что-то злое растет в ней, — шептала Великая Истинная Хозяйка. — Уничтожь это. Спаси свой народ».

Габорн чувствовал чудовищное насилие над его волей. В сапоге у него был нож. Так просто — надо всего лишь наклониться, вынуть нож из ножен, выпустить кровь из чрева Иом.

«Ты можешь избавить мир от зла, — шептал голос. — Разве не этого ты хочешь?»

Нет, сказал он себе. Это ребенок, а не зло. Но воля более сильная, чем его собственная, казалось, схватила его, и он слышал голос, шептавший в его голове: «Да, Хозяйка, я исполню твой приказ».

Великая Истинная Хозяйка рванулась к нему, и Габорн упал на колени. Он ослеп, погрузился в водоворот тьмы, кружащейся вокруг него.

— Господа! — позвал он.

И тотчас же Великая Истинная Хозяйка и Земля ответили в один голос:

— Слушаю, мой слуга.

— Нет, — сказал Габорн Великой Истинной Хозяйке. — Я не твой слуга.

Страшный свет внезапно вспыхнул в его мозгу. Ужасное видение исчезло, и Габорн, потрясенный, обнаружил себя стоящим в Башне Посвященных опустошителей. В правой руке он сжимал покрытое запекшейся кровью копьё опустошителя.

В дальнем конце пещеры мерцал свет.

Страшный животный крик донесся из глубины туннеля, и Великая Истинная Хозяйка отвернулась от Габорна.

Вильде Бизнесмана стояла там.

«Теперь, — шепнула Земля, — зови к Всеславным».

Зеленая женщина подняла в воздух левую руку, быстро чертя руны. Она говорила, словно в трансе, в ее глазах не было и тени мысли или чувств:

— Пришло время, Старуха, расстаться с телом. Лорды другого мира требуют его себе.

Великая Истинная Хозяйка тревожно зашипела, отступая от Габорна. Ее тяжелая голова поворачивалась то влево, то вправо, пытаясь следить и за Габорном, и за вильде. Ее щупальца яростно извивались, словно она чуяла опасность.

Зеленая женщина завывала и прыгнула сразу на дюжину футов, ее лицо искажилось от ярости. Прямо над ней появились белые огни, сначала маленькие и тусклые, будто находящиеся в отдалении. Но их яркость и размеры быстро увеличились, когда они приблизились. И вдруг Всеславные появились здесь, дюжины белых призрачных силуэтов с крыльями из света.

Зеленая женщина подняла руку, и из нее вылетели шаровые молнии, разлетаясь в воздухе, как лепестки цветов, подхваченные ветром. Свет заструился в воздухе, треща и обжигая, и в комнате внезапно запахло озоном, словно в ней разразилась буря.

Посвященные опустошители зашипели в отчаянии и отшатнулись назад, ища убежища. Многие бросались на землю, закрыв головы лапами.

Габорн спокойно наблюдал.

Габорн понимал, что зеленая женщина пришла убить Великую Истинную Хозяйку, и он думал: «Я не отдам ей эту честь».

В этот момент королева опустошителей наклонила морду к нему, открыв для удара мягкий треугольник. У монстра таких размеров мягкий участок над мозгом достигал в поперечнике добрых восемнадцати дюймов. Она стояла меньше чем в сорока ярдах от него.

Габорн бросился между двумя опустошителями и изо всех сил метнул дротик. В плечо ударила резкая боль от растянувшегося сухожилия. Железное оружие превратилось в расплывшееся черное пятно. Со звуком «чвяк» оно вошло в плоть монстра — и Габорн застыл на мгновение, наслаждаясь триумфом.

Копье ударило в цель, а затем отлетело рикошетом от костяных пластин на голове монстра. Пурпурная кровь хлынула из поверхностной раны. Но голова Великой Истинной Хозяйки продолжала поворачиваться из стороны в сторону.

Чудовище подняло свой черный жезл и сделало выпад, будто пытаясь ударить Габорна, затем бросило взгляд назад, словно решив, что вильде представляет большую опасность.

Зеленая женщина при внезапной атаке монстра кинулась вперед. Долю мгновения Габорн сомневался, что зеленая женщина успеет нанести удар до того, как монстр сокрушит ее.

Но вильде подняла вверх обе руки, словно хотела обнять падающую тварь. Ее руки и пальцы удлинились, будто они были ветвями и лозами, становящимися мощнее с каждым годом.

Двое встретились, словно желая заключить друг друга в объятия, и вильде завывала в последний раз, и в этом вос слышались ликование и освобождение. В этот миг Габорн увидел

ее такой, какой она была у Семи Стоящих Камней, когда Бизнесман вызвал ее — груда сучьев, камней, корней, и пыли.

А затем она схватила Великую Истинную Хозяйку.

Послышался грохот и яростный треск, корни ударили в скалу, мощный древесный ствол появился и начал подниматься вверх спиралью. Великая Истинная Хозяйка упала сверху на вильде и испустила злобное шипение. Она сражалась яростно, как тарантул, попавший в когти скорпиона, ее мощные когти царапали и рвали все, что попадало под их удар.

Но теперь перед ней росло дерево, дерево со стволом толще, чем у дуба, и сучьями, которые пронзали ее и прорастали сквозь ее тело. Изгибающиеся ветви пробивали защитную броню твари, пуская усики и веточки в ее череп и плечи. В одно мгновение огромное дерево обрело форму, его зеленые ветви извивались, как живые змеи. Они одновременно хватали чудовище, и ломали, и пронзали его насквозь.

Великая Истинная Хозяйка широко разевала пасть и шипела. Она откинула голову назад, словно мучаясь в неописуемой агонии. Густая пурпурная кровь сочилась из ее ран.

Чудовище мотало головой, стараясь вырваться.

Но вильде держала ее, превращая в одно целое с Землей.

Через несколько секунд призрачные руны, кипящие по всему телу Великой Истинной Хозяйки, замигали, как свечи, задуваемые ветром.

Габорн, задыхаясь, упал на землю.

Он подозревал, что убить локус невозможно. Его зло просто персядет во что-нибудь другое.

«Помогите мне», — кричало его сердце, взывая к Всеславным.

Вокруг твари была тьма, тень, которая следовала за ней, когда та двигалась. Сейчас Габорн видел этот фантом. Он вздымался ввысь, как облако сажки или как крылатая тень. Он реял над мертвым опустошителем, над живым деревом.

И Всеславные пришли. Казалось, далские огни пробились сквозь скалы и, кружась, спускались из другого мира. Поначалу они были слабыми, будто находились за много миль отсюда. Но через несколько секунд засияли полным светом.

Они стремительно, как ласточки, неслись вниз на крыльях света, создания одновременно невыразимо прекрасные и невозможно жестокие. Они были значительно больше человека, и хотя у них были руки и ноги, Габорн подумал, что они совсем не похожи на людей. Их головы напоминали голодные морды шакалов, клыки у них были острые, а глаза огромные. Были они покрыты шерстью или перьями, Габорн не мог сказать, ибо глядеть на них значило призывать смерть.

Габорн закрыл лицо руками и посматривал украдкой.

Всеславные окружили туманный ступок тьмы, как скворцы, атакующие ворону, уводя его спиралью вверх.

Когда Габорн взгляделся вверх, ему показалось, что открылся проход между мирами, и несколько секунд он видел небеса Другого мира — звезды столь яростные, что сердце бешено забилося у него в груди, в небесах столь огромных, что они вызывали ужас.

Всеславные гнали свою добычу дальше, сквозь эти небеса; яркие, как звезды, огни преследовали странную, бесформенную тень, поднимаясь по спирали, словно захваченные циклоном.

А затем земля сомкнулась, и Всеславные, и локус исчезли, и Габорн стоял среди мертвых Посвященных опустошителей рядом с Иом.

Аверан стояла перед Великими Печатами, созданными Великой Истинной Хозяйкой, и всматривалась сквозь тени в своды пещеры. Она подняла свой жезл и вообразила руну разрушения камней, которая заставит потолок рухнуть.

Земля под ее ногами вставала дыбом и качалась. Гравий и сажа сыпались вниз.

И тут в ее ушах словно зазвучал голос Биннесмана:

— Земля охвачена болью. Излечи ее. Прекрати страдания Земли.

Образ пришел в ее сознание из ее снов. И появились руны — два огромных круга, которые надо было соединить с теми, которые лежали прямо перед ней.

Аверан внимательно посмотрела на три великие руны, образцами для которых послужили Печати Сотворения, управлявшие Великим Истинным Миром. В самих рунах не было зла. Они были инструментом. И Аверан знала, если она решится, то сможет использовать их для своих целей. Она может излечить Землю, переделать ее по образу Великого Истинного Мира, который был первым домом человечества.

Решусь ли я? думала она, дрожа.

Земля поднялась от нового толчка, и комната закачалась.

Аверан протянула вперед свой жезл и пристально посмотрела на каменный пол, стараясь вызвать из своих снов великую Руну Жизни.

Она начала придавать камню форму.

Там был хребет с острыми пиками, где парили орлы. Едва она представила его себе, хребет медленно поднялся из земли. Там было три холма, где бегали кролики, — и вот холмы проломились сквозь камни пола. Здесь была долина, где она видела слонов, поднимающих свои хоботы к небу, — и трещина возникла и начала расширяться.

Аверан поднимала и опускала каменную поверхность, используя всю свою магическую силу, чтобы подчинить камень своей воле.

Эрин Коннал сидела на своей лошади, оцепенев от изумления. Король Андерс злобно смотрел на нее. Но в тот же миг злобное выражение сменилось встревоженным.

— Нет! — воскликнул он, обернувшись и глядя на поле боя.

Бледное сияние разливалось над ним, словно луна неожиданно вышла из-за туч.

Сердце Эрин наполнилось необъяснимой надеждой.

Она не успела подумать о том, что вызвало такое смятение короля Андерса или откуда взялся этот странный свет. Она послала коня вперед, склонив копье, ибо уже была готова броситься в битву. Она выхватила из ножен свой небольшой меч и напала на Андерса прежде, чем он успел понять, что происходит.

Острие меча было направлено в его сторону и вонзилось прямо ему в грудь. Она смотрела на его исхудавшее лицо.

То, что она увидела в его глазах, ужаснуло ее: там не было ни смятения, ни страха — только коварство.

Король Андерс перехватил рукоять ее меча правой рукой, так что она не могла вонзить его глубже, а левой вцепился в ее плечо.

Он наклонился к ней, и несколько секунд его рот был у самого ее уха.

Она думала, что он хочет сказать что-то, прежде чем умереть, но вместо этого он только рассмеялся странным смехом.

Свидетели внезапной атаки Эрин в смятии кричали вокруг. Целинор воскликнул:

— Схватите ее! Держите ее!

Лорды окружили ее в тот же миг. Эрин прищипорила коня, стараясь вырваться из окружения, но тщетно.

Целинор спрыгнул с коня, крича:

— Отец! Отец!

А в это время ослабевший Андерс выскользнул из рук Эрин и упал на землю, продолжая сжимать застрявший в нем меч.

Грубые руки схватили Эрин, протащили ее по земле и швырнули рядом с Андерсом. Три сильных воина навалились на нее. Толстый человек с рыжей бородой закричал:

— Веревку! Веревку! Повесить суку!

Слабым движением Король Андерс поднял руку к лицу Целинора:

— Нет! — воскликнул он. — Спаси несчастную сумасшедшую. Она носит твое дитя — королеву, которая будет править миром. Посади ее в тюрьму. Обещай... держать ее в заключении, пока она не родит.

Андерс слегка повернул голову и, страдая от боли, пристально посмотрел на Эрин. Лекарь ворвался в толпу и оттолкнул Целинора, готовясь наложить повязку на рану.

С лицом, искаженным яростью, Целинор повернулся к Эрин:

— Связать ее!

Эрин чувствовала, как земля дрожит под ногами, словно вот-вот расколется.

Раздался крик дальновидца:

— Корабли! Корабли на озере! Военачальники Интернука поднимаются по реке на больших кораблях!

Люди, державшие Эрин, наконец закончили связывать ее руки за спиной. Они оставили ее и поднялись на холм, глядя вниз, на город. Один из них резко дернул веревку, заставляя Эрин подняться на ноги, а лекарь в это время накладывал исцеляющий бальзам на рану короля.

Эрин рванулась из своих пут, стараясь освободиться, но ее тюремщики связали ее так хитроумно и крепко, что чем больше она старалась вырваться, тем сильнее затягивались узлы и веревка глубже врезалась в ее запястья.

С востока, из пустынных мест, донеслись рокочущие звуки — военный клич великанов фрот. Это от их поступи дрожала земля.

— Там великаны, их тысячи! — послышался чей-то крик. — Они идут с гор!

Эрин взглянула в сторону источника звука, но какое-то время ничего не видела. Затем они ринулись через гребень горы, держа в руках тяжелые дубинки, а их мех отливал красным, словно отражал свет далекого пожара. Они рысью мчались к орде опустошителей, покрывая двадцать футов за один шаг.

Над Каррисом, как граак, парящий на неподвижных крыльях, плыл шар-шпион Раджа Ахтена. Внезапно прямо под шаром возникла вспышка света и послышался чудовищной силы взрыв. Огромное, похожее на гриб, облако огня и дыма расцвело над полем боя и осветило его.

Огненный шар возник прямо над Печатью Опустошения, где трудился ужасный маг опустошителей. Несколько монстров, казалось, были оглушены, но Эрин видела, что чудовищный маг, а с ним и дюжина других магов спокойно стояли среди языков пламени.

Дальновидцы опустошителей шипели и смотрели в небо, и Эрин видела, как новость распространялась по толпе. По мере того как опустошители один за другим осознавали, что угроза исходит сверху, они поднимали заднюю часть туловища и с шипением выпускали предупреждающие запахи.

Ужасный маг развернулся и нацелил свой жезл вверх, посылая черную губительную стрелу в небеса. Стрела прорвала ткань воздушного шара, и тот рухнул прямо на орду опустошителей. Монстры прыгнули, чтобы оградить чародеев.

В следующий миг пламяплеты погибли. Три огненные фигуры возникли в воздухе — элементарии раскаленной добела ярости, очертаниями напоминающие людей, каждый в шестьдесят футов высотой.

Они напали на опустошителей, касаясь их одного за другим, и те вспыхивали и взрывались в пламени.

Один из элементарей поднял руку. Мысленно он послал свою силу сквозь Каррис, как стрелу.

Внезапно вспыхнули факелы, усилив освещение. Пожары, уже охватившие купеческие лавки, разгорелись с новой силой. Пламя стремительно, как молнии, растекалось по балкам и столбам.

Весь город словно погрузился в пламя, и как только это случилось, крики десятков тысяч жителей города слились с рокотом преисподней.

Столбы дыма, как грибы, выросли над городом и горели, словно угли. Даже атакующие опустошители заколебались и начали пятиться от элементарей, которые уже начали рассеиваться в воздухе, теряя человеческую форму и становясь просто огненными тварями, полными злой воли.

Эрин застыла в изумлении, глядя на эту картину. Яростные элементарии рассекали орду, словно стаю псов. Пламя-плеты посылали струи огня в самую гущу опустошителей, на холмах воцарился сущий ад.

На юге и на западе внезапно запели боевые рога, звучные рога лордов Индопала.

Люди Раджа Ахтена вступали в бой.

Дочь Лоуикера прокричала приказ своим войскам, стоявшим ниже на склоне холма. Ее собственные серебряные боевые рога затрубили чистыми и звонкими голосами, словно отвечая на призыв Раджа Ахтена. Ее рыцари на мощных боевых конях перескочили через Стену Баррена и вихрем понеслись в атаку на опустошителей. Лучники и пехота с громким боевым кличем бросились следом.

— Труби атаку! — слабым голосом сказал Король Андерс сыну. Трубаچی поднесли к губам рога, и лорды Андерса вскочили на коней.

Многие готовы были немедленно ринуться в бой, страстно желая исполнить то, что могло оказаться предсмертной волей их короля. Но Целинор преклонил колени и приподнял отца, чтобы тот мог видеть происходящее, а двое лордов стояли рядом, охраняя их.

— Ну же, ступай,— слабым голосом сказал сыну Король Андерс.— Это наш день, это час твоего триумфа. Пусть сын Короля Земли добудет себе славу в бою.

Вся армия Целинора была уже на конях. Целинор склонился ближе, стиснув правую руку отца, чтобы ободрить его. Лекарь тоже наклонился и понюхал рану короля.

— Он выздоровеет,— сказал лекарь.— Я полагаю, меч повредил печень, но не задел сердце и легкие. С его дарами он будет здоров через неделю.

— Прекрасно,— сказал Целинор.

Он поднялся на ноги и взлетел на коня. Затем взглянул вниз, на стражей, державших Эрин, и предупредил:

— Убейте ее, если она попытается освободиться.

Глава 40

ВОСКРЕСЕНИЕ ЗЕМЛИ

История подтверждает, что раны пации не могут быть исцелены мечом. Мщение должно осуществиться в бою, справедливость должна восторжествовать, свобода должна быть обретена — но каждым ударом меча мы наносим самим себе новые кровоточащие раны.

И потому высшая слава должна принадлежать не тем, кто сражается, но тем, кто исцеляет.

Слова, приписываемые Дайлану Черному Молоту

Аверан в общих чертах закончила Руну Творения и начала чертить вторую руну, которую тоже видела в своих снах.

Вода в пруду, находящимся в дальнем углу зала, бурлила и кипела. Аверан подняла жезл, и очертания геометрических фигур появились прямо на поверхности пруда — круги, треугольники, и причудливые дуги; словно огромная рыба быстро двигалась прямо под поверхностью и ее спинные плавники рассекали воду.

Пот выступил на лбу Аверан, губы ее пересохли, но она не замечала этого. Она так погрузилась в акт творения, что все остальное не имело значения.

И вскоре Печать Глубин замерцала на поверхности пруда. Волны застыли, будто оцепенели на время или были высечены из льда.

Аверан изучающе посмотрела на плоды своих трудов. Вид этих рун наполнил ее сердце радостью. Она знала, что это великое деяние — замедленная магия, такую попробовал применить Биннесман, когда искал способ исцелить чуму в Каррисе. Ее труд будет приносить плоды еще много веков.

Уже сейчас она чувствовала в рунах скрытую мощь. Сила вернется к Земле — а с нею жизнь, и здоровье, и развитие. Трава будет расти такая зеленая и высокая, какой еще не видели люди. Дети, рожденные в эти новые дни, будут прекраснее и мудрее, чем люди старых времен. Краски радуги станут свежее, а в пустынях расцветут полевые цветы.

Картины прочно отпечатались в ее сознании. Все это еще было не совсем так, но она чувствовала, что все правильно — словно у нее были еще годы в запасе, чтобы все исправить и придать верную форму.

Только одно дело еще оставалось ей сделать здесь, в сердце Подземного Мира: начертить круг и заключить в него Печати Мастера, сделать их одним целым.

Аверан подняла жезл, глубоко чувствуя самое сердце Земли. Она видела внутренним зрением неправильные линии и трещины в камнях, шрамы и разрывы. Почти ничего не требовалось, чтобы вернуть правильную форму камням — лишь освободить энергию.

Она позволила энергии свободно течь.

Почва начала подниматься, трескаясь, как хлебная корка. Затем она стала осыпаться в стороны, а в центре появился отпечаток. Круг начал обретать форму.

Вдруг она ощутила чье-то присутствие в глубине туннеля, почувствовала запах предсмертного крика опустошителя — и обернулась.

Прямо к ней, широко шагая, шел Габорн, и свет его опала пламенел, как метеор. С его плеч, словно пара больших угрей, свешивались два щупальца опустошителя, срезанных у Великой Истинной Хозяйки.

Это ее пахнувший чесноком предсмертный крик слышала Аверан.

На лице Габорна появилось выражение благоговейного трепета, когда он посмотрел на печати и почувствовал их скрытую силу. Он заговорил медленно, чтобы она могла понять его:

— Что ты делаешь?

— Я укрепляю их, — сказала Аверан. — Я исцеляю Землю.

— Я чувствую грядущие перемены, — ответил Габорн. — Твой труд велик, и я боюсь помешать тебе. Но мне нужна твоя помощь. Битва в Каррнсе складывается неблагоприятно для нас, и только я могу изменить ее течение.

— Что мне нужно сделать? — спросила Аверан.

— Мы находимся почти прямо под городом. Ты должна открыть мне путь.

— Я не уверена, что смогу сделать это, — сказала Аверан.

— Ты сможешь, — убежденно ответил Габорн.

Аверан уже начала привыкать к тому, что у Габорна — необъяснимое, сверхъестественное чувство Земли. Она верила, если он говорит, что она может помочь ему, то так оно и есть.

Аверан бросила последний взгляд на печати. Она чувствовала себя истощенной, слишком усталой, чтобы сделать что-то еще. И хотя ее одежда промокла от пота, она сумела взять немного сил от земли, чтобы обезопасить зал от чужого вторжения. Своим жезлом она нарисовала руну на стене. Едва

она сделала это, камни медленно поползли друг к другу, как кипящая магма, пока отверстие не закрылось.

— Пусть печати будут скрыты здесь,— прошептала Аверан,— нетронутые и не поврежденные руками врага.

— Пойдем,— сказал Габорн.— Иом и пленники остались позади.

И он двинулся прочь от зала вдоль по туннелю. Она бежала за ним почти целую милю, стараясь не отстать. Когда они приблизились к Логову Костей, она услышала крики в боковом коридоре.

— Миледи, сюда! — кричал кто-то. — Я нашел их гнезда!

— Разбейте яйца,— скомандовал сержант Баррис.— Разбейте их все.

Сердце Аверан застучало, как молот. Иом и пленники нащли залы, в которых высились личинки. Кладки яиц были огромной ценностью.

Аверан следом за Габорном шагнула за поворот туннеля и увидела там сержанта Барриса, Иом и других мужчин и женщин из тюрьмы опустошителей, которые напряженно смотрели в комнату, где лежали яйца. Иом опиралась на копьё опустошителя как на посох, ее лодыжка была перевязана. Свою опаловую корону Иом держала высоко поднятой, чтобы лучше были видны кожистые серые яйца. Они лежали в гнездах из шелка, спряденного пещерными пауками, в каждом гнезде была кладка из двадцати или тридцати яиц.

— Остановитесь! — воскликнула Аверан.

Баррис повернулся первым. Его газа горели злобой.

— Почему?

Это последние яйца опустошителей. Великая Истинная Хозяйка годами вела войну с другими роями. Каждый раз, подчинив себе очередной рой, она уничтожала яйца своих врагов. Быть может, это последние в мире уцелевшие яйца опустошителей.

— И отлично, — сказал Баррис. — Значит, мы сможем под корень истребить этих проклятых монстров.

Пришел час, который случается в жизни каждого Охранителя Земли, — час, когда ему открывается цель его существования. Бизнесмен рассказывал Аверан, что когда он понял, что это именно его жребий — защищать человечество, это знание наполнило его такой чистотой и силой, от которых уже нельзя отречься.

Именно это испытала Аверан сейчас.

Для этой цели я была рождена, думала она, для этой цели моя госпожа дала мне силу. Именно для этого я училась общению с опустошителями и получила власть над глубинами мира.

— Я запрещаю! — закричала она. — Я служу Земле, и я исполню волю моей госпожи.

Аверан направила жезл на дверь, ведущую в комнату яши, и начертила на ней руны. У нее не было времени тянуть силу из Земли, и пришлось обратиться к собственным истощенным запасам.

Камень затрещал в тот же миг, и на его поверхности появился круг. Внутри этого круга наливалась силой руна. Стены зашевелились и сошлись плотно, закрыв вход.

Аверан чувствовала себя настолько выдохшейся после последнего колдовства, что почти лишилась сознания. Она оперлась на свой жезл, внимательно глядя на Барриса, Иом и Габорию и пытаясь понять, возненавидят ли ее теперь, или вступят с ней в бой.

Все эти люди испытывали чудовищные страдания в лапах опустошителей. Монстры огняли у них все — дома, здоровье, семьи. Если у кого и был повод ненавидеть опустошителей, то именно у них.

— Земля любит все живое одинаково, — пронептала Аверан. — Она любит змею не меньше, чем полевою мышь, орла не меньше, чем голубя, опустошителя не меньше, чем вас.

В горле Барриса что-то злобно заклокотало, словно он готов был взорваться. Но Габори схватил его за руку и оттащил назад.

Иом едва взглянула на Аверан, и ее губы удивленно приоткрылись.

— Ты выросла, малышка,— сказала она.— Ты действительно очень выросла.

Слезы заблестели в глазах Иом, как если бы она смотрела на того, кто отныне для нее мертв. Это больно ранило сердце Аверан.

— О Иом,— сказала Аверан негромко,— это всего лишь я. Я все та же.

Но Иом печально покачала головой:

— Нет, ты не та же. Ты теперь Охранитель Земли. Взгляни на свое платье.

Аверан посмотрела вниз и увидела разительные перемены. Ее мантия чародейки словно пустилось в рост. Это выглядело так, будто крошечные семена пустили ростки в ее старой одежде и молодые корешки протискивались между волокнами ткани. Но в последний момент они сменили цвет на ярко-зеленый.

Все ее старое платье было теперь скрыто под этими корешками, оплетено ими.

Я Охранитель Земли, подумала она, призванный служить опустошителям. И она поняла, почему Иом не сдержала слез.

Теперь это мой дом. Быть может, в далеком будущем я смогу выйти на поверхность земли и полюбоваться на поля, поросшие травой, или прогуляться под звездами — но не скоро. И не часто.

Аверан покачала головой.

— Пора идти,— сказала она Иом, Габорну и пленникам. По привычке она подумала о том, что нужно сделать, чтобы подготовиться к путешествию на грааке.— Унакуйте ваши вещи.

Баррис кивнул на своих оборванных спутников:

— Нам нечего паковать.

— Мы готовы, — сказал Габори.

Аверан подняла свой жезл, решая, что именно надо сделать. Ей принадлежали силы глубин Земли, и потому она отключила сознание и смогла почувствовать скалы и каменные глыбы повсюду вокруг.

Габори был прав. Она почувствовала ствол шахты над головой не далее чем в нескольких тысячах футов. Неделию назад мировой червь расчищал здесь свой путь, когда Габори призвал его в Каррис.

Аверан напрягла все свои чувства, услышала сотрясение в скалах вокруг, крошечные трещины и неправильные линии. Принимая в расчет огромный вес каменной толщи над ними, необходимо огромное количество энергии, чтобы открыть проход.

На это потребуется больше Силы Земли, чем Аверан могла надеяться получить. Даже подумать об этом было больно.

— Я не сумею, — печально сказала она.

— Возьми жезл, — сказал ей Габори.

Она слегка сжала жезл и почувствовала в нем Силу Земли. Но нет. Она слишком устала даже для одной попытки.

Габори внезапно оказался рядом и схватил черный жезл из ядовитого дерева.

От его прикосновения жезл, казалось, весь запылал. Сила Земли хлынула через него, теплая, как дыхание поворожденного, надежная, как камень.

Аверан взглянула в усталые глаза Габорна с благоговением. Ничто в нем не говорило о том, что он способен на такое.

— Благодарю, — вот и все, что она смогла сказать.

Она преклонила колени и произнесла заклинание, начертив руну земли, — и земля задрожала.

* * *

Сэр Боренсон вцепился в свой боевой молот и пригнулся, чтобы нырнуть в полуразрушенную винную лавку. Опустошители сломали только крышу, даже окно на фасаде уцелело. Каждая балка была охвачена пламенем. Он упал на пол сразу за порогом, упираясь руками и коленями, а опустошители, не встретив препятствий, помчались в город. Сотни монстров пробежали мимо его укрытия.

Его сердце отчаянно колотилось. Кровь опустошителей покрывала его руки и лицо. Лютый жар от огня пожаров охватывал его со всех сторон. Черный пепел и зола кружились вокруг, как снегопад. Боренсон увидел валяющуюся на полу уцелевшую бутылку вина, выбил пробку и утолил жажду.

Он слышал, как на полях к северу и к западу от Карриса рога Раджа Ахтена и Лоуикер трубят атаку. Дико кричали люди.

При этих звуках опустошители приготовились к кровавой драке. Но в самом Каррисе стало угрожающе тихо.

Как много людей погибло? гадал Боренсон.

Ему хотелось взглянуть на сражение. Ему нужно было только найти место повыше, чтобы можно было заглянуть через крепостные стены. Несколько ступеней внутри лавки вели к тому, что когда-то было комнатами второго этажа. Теперь же ступени вели прямо в небо, и лишь несколько языков пламени лизало их основание.

Боренсон пробрался среди обломков — камней, расщепленных досок, сломанных прутьев, — расчищая путь к ступеням. Он крепче ухватил боевой топор и выбрался наверх. Вдалеке он слышал «твонк», «твонк», «твонк» — звуки баллист.

У самых берегов озера Доннестгри лавировали баркасы — тысячи баркасов. Озера было почти не видно из-за леса мачт.

Лорды-воители Интерпука в рогатых шлемах осыпали градом арбалетных стрел опустошителей, копошащихся на берегу озера.

На севере рыцари Лоуикер врезались в ряды опустошителей, и лошади негромко ржали, когда всадники поражали копьями цель.

На северо-западе великаны фрот рассыпались среди опустошителей, их огромные, окованные железом дубины поднимались и с треском опускались. Монстрам не оставалось другого выбора, кроме как драться.

И они дрались. Толпа опустошителей катилась на север, к Стене Баррена, и такая же — на запад, к Раджу Ахтену, и даже их ужасный маг с товарищами поднимали свои жезлы и пускали ледяные стрелы в элементалей.

Боренсон понял, что опустошители попали в ловушку.

Он огляделся в поисках следов Мирримы. Прямо под ним опустошители беспрепятственно громыхали по дороге. Северная башня, в которой находилась Миррима, лежала в развалинах. Монстры карабкались через нее, ломали балки, опрокидывали бастионы. Башня, бывшая высотой в шестьдесят футов, уменьшилась до тридцати. Часть ее рухнула в озеро.

Он взглянул в тени у ее подножья, надеясь увидеть Мирриму, но не увидел ничего.

Если во время атаки опустошителей она находилась на третьем этаже, шансов на то, что она еще жива, почти нет.

— Миррима? — окликнул он с надеждой, но не получил ответа. Никакого движения не было заметно среди обломков у подножья разрушенной башни, только один молодой опустошитель, казалось, раскапывал что-то в земле, словно чудовищная гончая, выкапывающая крысу из норы.

— В атаку! — рев Раджа Ахтена перекрыл все звуки битвы. Его голос, усиленный тысячами даров, казалось, звучал

езде, и такая необоримая сила была в нем, что, вопреки здравому смыслу, Боренсон едва удержался от того, чтобы прыгнуть вниз на ближайшего опустошителя.

С бьющимся сердцем он пригнулся, отыскивая между собой и опустошителями камень побольше, чтобы спрятаться за него.

— Настало время сражения, — кричал Радж Ахтен. — И пусть ваша ярость озарит ваш путь. Научите их бояться нас еще тысячу лет.

Слова эти как заклинание воспламеняли ярость Боренсона. Нервный смех непроизвольно вырвался из его горла, рассудок с трудом смирал в нем непреодолимое желание броситься в битву.

Приказ Раджа Ахтена, казалось, подчинил всех людей в рядах его армии. На западе люди Раджа Ахтена кричали, как берсерки, и набрасывались на опустошителей. Армии слились в кипящую массу. Лошади ржали от боли и гибели. Людей заливали потоки крови, когда опустошители рассекали их лезвиями и крушили молотами. Когда монстры вставляли на дыбы, копья вонзались в их морды.

Опустошители и люди бросались в битву, гибли под ударами друг друга — и не было никаких признаков, что победа клонится на чью-то сторону.

На севере Риалла Лоуикер вела свою кавалерию в бой по склону холма — под небом более красным, чем небо рассвета. Свет от огня элементаров отражался в облаках дыма. Ее люди врезались в ряды опустошителей, и потери с обеих сторон были огромны.

На востоке лорды-воители Интернука трубили в рога и осыпали опустошителей стрелами с неистощимой яростью. Опустошители швыряли в них огромные валуны, и, к ужасу Боренсона, лорды-воители в ответ начинали править к берегу, словно собираясь перейти в рукопашный бой. Они тоже обезумели под действием голоса Раджа Ахтена.

На северо-западе великаны фрот вопили с неусмной яростью, словно воспламененные происходящим вокруг. Огненные элементали тоже впадали в бешенство, в то время как колдуньи опустошителей сражались беспощадно и мрачно.

Но орда монстров казалась бесконечной, и на место каждого убитого вставляли трое новых. Они текли с холмов потоком, конца которому не было видно и за сотню миль.

Боренсон взглянул на восток, вверх, в сторону Замка Каррис, и сердце его почти остановилось. Внизу опустошители мчались через мертвый город, заливая гирлянды улиц черным потоком. В дальнем конце улицы они раскатывали землю, стараясь достать людей, спрятавшихся в лабиринте туннелей.

Как они попали сюда так быстро в таком количестве? спрашивал себя Боренсон. Прошло не больше двадцати минут с того момента, когда первый перепрыгнул через крепостную стену!

Солдаты Риаллы вдруг закричали, и некоторые бросились бежать, а другие, наоборот, кинулись в атаку. Боренсон посмотрел на восток как раз в тот момент, когда ее знамя покачнулось. Тысячи рыцарей выстроились «рыцарским цирком» — большим кругом, оцетинившимся копьями, направленными наружу. Остальные бросились в эти круги и закружились внутри, зарубая насмерть каждого опустошителя, прорвавшегося в круг. Но Боренсон уже видел, чем все это кончится. Рыцари сами загнали себя в окружение. Каждый рыцарь мог использовать свое копьё, убив опустошителя или даже двух. Но рыцарям Риаллы теперь некуда было отступать. Вокруг возникла огромная стена из опустошителей, как стена каньона, и живые твари карабкались по телам мертвых, чтобы дотянуться до воинов.

Сама Риалла была мертва, а ее люди сами себя обрекли на поражение. Пехота и лучники, которые шли в атаку за спиной королевы, внезапно повернули назад и побежали.

Великаны фрот кричали от ужаса, а опустошители врезались в их ряды.

Люди Раджа Ахтена продолжали наступать, но их боевые кличи сменились стонами боли и отчаяния.

— Вперед! — кричал он, гоня их в битву, словно выючную скотину. Отсюда казалось, что каждый шаг вперед куплен ими ценой баррелей крови.

Метеор сверкнул наверху, вспыхнув так ярко, что свет пробился даже сквозь дым.

Боренсон склонил голову и прислонился к каменной стене лавки. В голове у него все смешалось. Он крепко сжимал боевой молот.

Это конец мира, подумал Боренсон.

Глава 41

ЖАР БИТВЫ

Научись любить всех людей — равно и жестоких, и добрых.

Эрден Геборен

Перед войсками Раджа Ахтена все было черно от опустошителей. В их лезвиях и жезлах отражался свет огненных элементаров, находившихся у них за спиной. Щупальца на их головах извивались, как кобры. Разноцветный дым их заклинаний плыл над полем боя, собираясь в ядовитые облака.

Их бесчисленные мертвецы лежали зловещими холмами. Много людей ему пришлось израсходовать на то, чтобы создать эти холмы — холмы, на которые его войска вряд ли могли взобраться. И потому они отступили назад, предоставив опустошителям самим двигаться в их сторону и карабкаться по телам собственных мертвецов, замедляя движение. Их лучники в это время стреляли из лучших роговых луков, и стрелы их вонзились в мягкие треугольники многих опустошителей. Тем же, кто уцелел у стены мертвых тел, предстояло столкнуться с могущественнейшими лордами Индопала.

Радж Ахтен просто сидел на коне и наблюдал. Горячая кровь бурлила в его венах, пробуждая в нем жажду битвы.

Его люди сражались хорошо, но он видел, что долго они не продержатся. Они погибали слишком быстро.

Только одно могло спасти их: сам Радж Ахтен.

Ему было необходимо, чтобы они знали об этом. Ему было необходимо, чтобы они осознали собственную слабость, чтобы рухнули их надежды на будущее, чтобы они чувствовали себя растерянными и униженными. Ему было необходимо их отчаяние.

Ибо только когда они утратят всякую надежду, они испытают благоговение перед тем ужасным светом, который наполнял его.

Его обычная пехота на левом фланге начала отступать, ослабленная заклинаниями и столкнувшаяся с особенно яростной контратакой дюжины магов опустошителей, которые ударили сжигающими заклинаниями из-за холма своих мертвецов.

— Вперед, вы, трусы, — закричал Радж Ахтен своим людям. Они резко дернулись, как марионетки, и подались вперед под действием силы его даров обаяния и голоса.

— Перелезьте через мертвецов, убейте этих магов!

Гри, словно летучие мыши, хлопая крыльями, кружили над их головами. Его солдаты затаили дыхание и рванулись навстречу собственной смерти.

Радж Ахтен обвел взглядом битву. Каррис был разрушен. Было видно, как опустошители носятся по его стенам. Обитатели города бросались в озеро в последней безнадежной попытке уцелеть.

Армия королевы Лоуикер на севере была почти разбита. Флаг короля Андерса реял в безопасности за Стеной Баррена, в то время как его люди сражались с опустошителями.

Даже великаны фрот рычали от боли и начали медленно отступать.

«Твонк», «твонк», «твонк» баллист со стороны озера начинало стихать, потому что лорды-воители Интернука ис-

тратили уже почти все свои стрелы — с весьма незначительным результатом.

Огромный лорд на передовых линиях вдруг отвернулся от битвы и вскричал:

— О Великий, спаси нас! Битва безнадежна!

— Сражайтесь! — гневно потребовал Радж Ахтен.

Но в следующие минуты один лорд, а за ним другой подхватили крик:

— Помогите нам, о Великий!

В их голосах он слышал растущую панику, слышал отчаяние.

И наконец, он понял, что пришел его час.

Впереди элементали его пламяплетов возвышались над опустошителями, как башни. Облака озаренного огнем дыма вздымались над ними. Они почти полностью потеряли материальные тела, став просто чудовищами, обезумевшими от боли, изможденными необходимостью тратить себя. Они вслепую сражались с опустошителями, бросая огненные ядры, хлеща языками пламени. Вскоре они полностью потеряют форму, а вместе с ней и цель существования.

Вождеделение — могучая сила, если управлять ею с должным мастерством. Но эти создания уже растратили свою силу.

Радж Ахтен вытянул руку, словно маня к себе элементарей. Этим жестом он потянул из них жар, и тот свился темно-красными кровавыми шнурами и завертелся вокруг него, как торнадо.

Так он вобрал их пламя в себя.

Для любого человека это было слишком много. В миг жар хлынул из каждой поры и окутал его словно сверкающим одеянием. Его броня расплавилась.

Мощный серый имперский конь под ним завизжал и издох. Он рухнул, и его кипящие внутренности вывалились на землю.

Радж Ахтен медленно ступил на землю. Он чувствовал себя невесомым. Теперь весь он был только сияние и пламя.

Широкими шагами он двинулся к рядам опустошителей, приведя в смятение собственных воинов. Он видел со всех сторон их черные лица, окаменевшие от изумления, они были как гравий на земле.

— Не бойтесь, — сказал он им, — ибо я сокрушу всех ваших врагов. Мой меч упадет на Землю, и почи больше не будет.

Свет, исходящий от Раджа Ахтена, был более солнечного, и он шел вперед, и казалось, что все звезды в небе слились в одну и существо, сотворенное из звездного света, обрело черты.

Опустошитель прорвался через собственные ряды и сокрушал людей Раджа Ахтена. Радж Ахтен указал на него пальцем, посылая огненную стрелу. Она коснулась лба опустошителя и поразила его в мягкий треугольник.

Монстр свалился на землю, дымясь, как кратер вулкана, и в дыре черепа был виден его обугленный мозг. Радж Ахтен послал стрелу в другого монстра и в третьего...

Казалось, убить их всех для него будет детской забавой.

Но за одно биеение сердца все переменялось.

Мир вдруг содрогнулся, и лишь только Радж Ахтен осознал это, опустошители зашипели. Он никогда не слышал такого звука. Это был хрип миллионов опустошителей, и он напоминал тот звук, с которым раскаленный в кузнице меч касается воды.

Каждый опустошитель шипел, выпуская воздух из своего зада и наполняя мир единым страшным запахом, напоминавшим запах плесени.

Каждый опустошитель прекратил сражение и бросил оружие. Монстры брели прочь от своих противников, и каждый из них, казалось, готовился встретиться с чем-то в самом центре поля боя, как раз перед воротами Карриса.

Радж Ахтен не мог разглядеть, что там происходило. Но взглядевшись, он увидел, что перед воротами поднялся земляной холм. Серая земля и камни образовали этот холм. На самом верху холма припали к земле, как нежные побеги, несколько странных фигур.

На Йом была корона, которая мерцала, как лунный свет на воде, а застежка на плаще Габорна сияла, словно фонарь. Габорн стоял, ярко освещенный, и что-то было написано на его конье опустошителя — это были щупальца опустошителя, серые, вялые, покрытые слизью, как пустая кожа угрей.

Он поднял их выше, и вся масса опустошителей понятилась с шипением. Концы щупалец опустились, волочась по земле.

Только один опустошитель осмелился противостоять ему — огромный ужасный маг, возглавлявший орду. Тварь покинула то место, где она находилась, примерно в двух сотнях ярдов к западу, и с грохотом устремилась к Габорну.

Она высоко держала голову, щупальца яростно извивались поверх ее царского плаща, а в лапах она держала мертвенно-бледный кристаллический жезл. Она приближалась неуверенно, словно не знала, как вести бой.

Габорн же только поднял левую руку и указал на юг.

Опустошитель с минуту смотрел на него, подняв тяжелую голову, словно припихиваясь, как гончая, а затем перевел взгляд на юг. Казалось, он понял, что имел в виду Габорн: «Твоя госпожа умерла. Уходи домой. Возвращайся в Подземный Мир».

Тварь колебалась, размышляя, а затем повернула голову, оставила свой жезл на серой земле и опустила хвост так низко, как могла. Из ее зада с шипением вырвался пахучий воздух, и каждый стоявший за ней опустошитель уловил запах и, в свою очередь, разнес его дальше. Среди опустошителей поднялся глухой, полный волнения шум, похожий на

шум прибоя, катящийся как волна до тех пор, пока не был, многократно повторенный, услышан за десятки миль отсюда.

Опустошители развернулись, и земля задрожала, когда они бросились на юг.

За спиной Раджа Ахтена его войска вдруг начали восторженно кричать во всю силу своих легких. Радж Ахтен взглянул в их сторону, увидел слезы облегчения, текущие из глаз многих солдат. На северо-востоке великаны фрот вскинули свои дубины в воздух и закричали:

— Уа-хуу! Уа-хуу!

На востоке люди Белдинука подбрасывали шлемы в воздух и танцевали джигу.

— Да здравствует Король Земли! — кричали они. — Слава Королю Земли!

Лорды-воители Интернука на своих баркасах трубили победу.

Радж Ахтен был охвачен гневом.

По размерам щупальцев, которые нес Габорн, и по реакции опустошителей Радж Ахтен догадался, что совершил Габорн.

Он украл мою славу, подумал Радж Ахтен. Он убил лорда Подземного Мира и украл мой триумф.

Он был по-прежнему одет пламенем, и шедший от него свет сиял с убийственной силой.

Радж Ахтен двинулся через поле боя, прошел мимо исковерканных останков людей и опустошителей. Неделию назад опустошители выпустили на волю жуткие заклинания, сжегшие каждое дерево и каждую лозу, иссушившие каждый лист и каждую травинку. Все живое посерело, и Радж Ахтен шел теперь по земле, лишенной цвета, — по королевству ужаса.

Он был самым ярким огнем в темном мире. Скатайи, Лорд Пепла.

Когда он шел мимо мертвецов, то увидел мощного серого имперского коня — одного из тех, что он подарил Рналле

Лоуикер. Мертвая королева лежала, придавленная им, уставившись в небо пустыми глазами, как бы вопрошая небеса о чем-то. Радж Ахтен не сожалел о ней. Он едва удостоил ее взглядом.

Одетый в белос пламя, трептавшее на почном ветру, он шел к Королю Земли.

Опустошители уходили, грохоча по равнине. Земля дрожала и стонала под Габорном, словно жалуясь на тяжесть груза, который она была призвана нести.

Над его головой столкнулись два сверкающих метеора, и их красные хвосты смутно виднелись сквозь облака дыма и темные тучи гри, круживших над Каррисом.

Габори поднял еще выше копьё с наколотыми на него щупальцами Великой Истинной Хозяйки и почувствовал необъяснимую тоску.

Опустошители мчались огромной толпой по дамбе из Карриса, толкаясь и ворча друг на друга в своем стремлении убежать побыстрее. Казалось, через несколько минут промчатся последние из них. Ужасный маг и его прислужники были уже в нескольких милях отсюда.

Но Габори продолжал чувствовать опасность.

Тот, кто вызвал его тревогу, шел к нему размашистым шагом через опустевшее поле битвы, маяк в ночи, существо, одетое в пламя, сверкающее, как Весславный, Создание, раскаленное жарче, чем центр земли. Когда оно приблизилось, проходя среди навших опустошителей, Габори даже за соток ярдов начал чувствовать исходящий от него жар.

Габори поднял копьё и окликнул Раджа Ахтена:

— Ты подошел достаточно близко. Я Король Земли, и я дал клятву спасти семена человечества. Я сдержу свою клятву. Я спасу даже тебя, Радж Ахтен, если смогу, — хотя я боюсь, что мало человеческого осталось в тебе, пребывающем ныне среди пламени.

* * *

Эхо боевых рогов донеслось с озера, и люди на севере и западе ликовали. Что бы ни произошло, но Боренсон знал, что битва окончена.

Теперь он хотел только одного — найти Мирриму.

Еще не все опустошители покинули город, когда он помчался к развалинам северной башни.

Здесь чувствовалась основательная работа каменщиков: стены были достаточно толстыми, чтобы выдержать артиллерийский обстрел. Во время битвы опустошители кишели на верху башни и сломали мощные балки, поддерживавшие верхние этажи, но первый этаж был невредим. На полу лежал юноша с окровавленной головой. Он устался на Боренсона, оцепенев от страха, крепко охватив руками колени, скорчившись в позе зародыша.

— Миррима! — закричал Боренсон.

Он старался пробраться наверх, чтобы понять, можно ли попасть на второй этаж, надеясь добраться до того места, где последний раз видел глядящую в окно Мирриму, но сломанные балки и вывалившиеся из кладки камни преградили ему путь.

В дверном проеме за спиной Боренсон услышал знакомый голос. Внезапно появившийся Сарка Каул прошептал:

— Иди наверх!

Некоторое время Боренсон тщетно искал пути наверх, а затем бросился вниз по остаткам лестницы и выбежал из дверей. Всего в сотне футов дальше по улице была деревянная лестница, ведущая к боевому ходу на крепостной стене.

Он обежал стороной развалины купеческой лавки и бросился вверх по лестнице. Несколько оторванных ног лежало на ступенях. На самом верху лестницы стоял шлем — с человеческой головой внутри. Боевой ход был весь залит еще горячей кровью.

Здесь, наверху, была настоящая бойня. Всюду лежали тела мертвецов. Одни были просто растоптаны, другие расчленены пополам лезвиями опустошителей. Прямо перед Боренсоном оказалась нижняя часть туловища, все внутренности из которой разлетелись и прилипли к стене. Судя по всему, голова и остальная часть тела упали в воды озера.

Эта ужасная картина была ярко освещена. По всему городу бушевали пожары, и свет огня отражался в клубящемся дыме.

Боренсон с трудом заставил себя перевести взгляд на поле боя. Опустошители с гремящим топотом уходили на юг. Он бежал через это кровавое побоище, пока не добрался до того, что осталось от башни. Под тяжестью опустошителей крыша проломилась, а затем, когда совместный вес опустошителей и обломков крыши ударил по нижним плитам, они тоже рухнули. Часть стены упала на западную сторону, так что большая часть обломков соскользнула в озеро. Сломанные балки указывали место, где раньше находились опоры.

Боль пронзила Боренсона, когда он осматривал разрушенную башню. Он боялся, что если как следует поищет, то найдет Мирриму, раздавленную обломками.

Он внимательно посмотрел сквозь пролом на восток. Сверкающий пламялет торжественно шел через поле битвы. Боренсон застыл в изумлении. Кто-то внизу обращался к этому созданию, но, приняв слишком много даров, говорил так быстро, что Боренсон с трудом понимал его речь.

Боренсон разглядел говорившего — там внизу, на невысоком холме среди мертвых опустошителей. Это был Габори, и речь его была ускорена многими дарами метаболизма. Рядом с ним стояла небольшая кучка людей. Аверан, осторожно держащая жезл. Йом с копьем опустошителя наготове, выглядящая поистине царственно в короне из света. А за ними — толпа оборванных нищих.

Но вот Габорн намеренно замедлил свою речь и заговорил достаточно громко, так что его можно было слышать на крепостной стене, словно бы он обращался к стоявшему там Боренсону:

— Я спас бы даже тебя, Радж Ахтен, если бы смог...

Ноздри Боренсона раздулись от гнева, и он вперил взгляд в пламяплста. Радж Ахтен?!

Радж Ахтен остановился на мгновение. Яркие языки пламени развевались вокруг него, словно раздуваемые яростным ветром, и он сверкал все ярче. Боренсон услышал его смех — шипение среди огня.

— Ты спас бы меня? — сказал Радж Ахтен высоким и почти неузнаваемым от огромного количества полученных им даров голосом. — Я не тот, кто нуждается в спасении. Нет ничего твоего, что не сможет стать моим, в том числе и твоя жизнь. Я возьму ее, как я взял жизнь твоего отца, и твоей матери, и твоих сестер и братьев.

Габорн покачал головой, он казался опечаленным:

— Мало что найдется в этом мире, чего я не отдал бы тебе — но только не жизни других людей и не мою жизнь.

Боренсон услышал внизу шум и, взглянув на дамбу, увидел дюжины воинов, ринувшихся из рухнувших зданий, словно лесные твари, выползающие ночью с лесной опушки. Там были и Сарка Каул, и Капитан Темнест из Лонгмора.

Боренсон свистнул, чтобы привлечь их внимание, а затем заговорил с ними на языке жестов: «Снаружи замка находится Радж Ахтен».

— Если ты хочешь остаться в живых, — говорил Габорн Раджу Ахтену, — послушай меня. Я сделаю все, что могу, чтобы спасти тебя.

Пламяплст уставился на Габорна, который теперь бросил свое оружие и уселся на землю, скрестив ноги. Он опустил голову, словно погрузился в глубокое раздумье.

Боренсон смотрел через сломанные зубцы стены на разыгрывавшуюся прямо под ним драму. Мертвые опустошители лежали грудami перед городскими воротами, перегораживая проход. Тела были навалены друг на друга по два и по три, свидетельствуя, что лучники и борцы-победители заставили опустошителей заплатить немалую пошлину за проход по мосту.

Но все же пошлина не была достаточно велика.

Сарка Каул, Капитан Темпест и еще дюжина Властителей Рун уже перебирались через гору тел, спеша на помощь Габорну.

Боренсон бросился вниз с разрушенной башни прямо на спину мертвого опустошителя, постаравшись не заметить боль, пронзившую обе лодыжки при приземлении.

Он побежал, догоняя остальных. Они уже почти подошли вплотную к Габорну.

Боренсон закричал:

— Первый удар мой!

Вонны быстро развернулись полукругом и медленно двинулись к Раджу Ахтену. Мертвые опустошители устилали здесь, совсем рядом с дамбой, всю землю. Большинство было пронзено насквозь арбалетными стрелами.

Боренсон шел впереди, и сердце его бешено стучало.

Радж Ахтен, говорил он себе. *Это Радж Ахтен.*

Но внешность существа была обманчива. Это был не Радж Ахтен. Это было нечто более ужасное. Даже за сотню ярдов Боренсон чувствовал жар, исходящий от чудовища, — более сильный, чем жар кузнечного горна.

Боренсон бросился к мертвому опустошителю и спрятался в его прохладной тени, ища способ подобраться поближе к врагу. Его спутники поступили так же. В полном молчании вонны крались в тених, отбрасываемых мертвыми опустошителями, окружая Раджа Ахтена, как собаки окружают

медведя. Кто-то уже вложил стрелу в лук. Другие были вооружены длинными копьями или боевыми молотами. Боренсон заметил, что на воинах была броня разных народов — Мистаррия, Хередон, Орвин, Индопал.

И еще новые воины спешили через дамбу за спиной Габорна.

— Вперед, человечки, — крикнул Радж Ахтен. Он стоял в гуще мертвых опустошителей. — Первый, кто нападет, будет и первым, кто умрет.

Один из лучников выскочил из укрытия и прицелился в спину Раджа Ахтена.

— Радж Ахтен, берегись! — крикнул Габорн.

Лучник выронил стрелу.

Радж Ахтен резко повернулся и вытянул руку. Скрученные нити белого огня вырвались из нее, в полете принимая форму стрелы. И огонь понесся вперед.

На такой малой дистанции лучник не успевал спрятаться. Пламя охватило его. Его одежда и волосы вспыхнули белым огнем, а его плоть — маслянисто-зеленым. Он стоял, как живой факел, крича в агонии.

Боренсон слышал о существовании таких проклятий. Множество легенд рассказывало о заклинании сжигания плоти.

Боренсон уставился на Габорна, по-прежнему сидевшего на земле, скрестив ноги, в жалких двух сотнях ярдов от Раджа Ахтена.

— Я предупрежу тебя еще один, последний раз, — сказал Габорн пламяплету. — Обернись.

За спиной Раджа Ахтена из-за огромного опустошителя, чьи ноги торчали вверх, как сучья дерева, внезапно возник Сарка Каул. Хроно Илкарры, на лице которого отражался яростный свет, идущий от Раджа Ахтена, прыгнул на дюжину ярдов и панес колющий удар своим длинным ножом.

Но жар, исходяемый Раджем Ахтенем, был столь силен, что Сарка Каул стал его жертвой в дюжине футов от своей цели.

Он упал на одно колено, обессиленный жаром, и одежда на нем вспыхнула.

Боренсон отскочил в укрытие, за голову мертвого опустошителя, и сжал боевой топор, размышляя.

Я должен метнуть свое оружие, решил он. Но он потерял свои дары мускульной силы и знал, что теперь не сможет метнуть топор дальше чем на тридцать или сорок футов.

И вдруг, с лежавшего неподалеку мертвого опустошителя, донесся властный голос:

— Лорд Пепла,— заговорил нараспев чародей Биннесман,— остановись. Я предупреждаю тебя в последний раз.

Пылающее чудовище обернулось и уставилось на Охранителя Земли. Чародей стоял, держа в руках жезл, высоко поднятый жестом защиты. Ночной бриз развеивал его одежды.

Радж Ахтен захохотал:

— Ты не сможешь причинить мне вред этим старым куском дерева. Я не подвластен твоей силе!

— Это вполне возможно,— так же нараспев ответил Биннесман.— Но ты подвластен ее силе.

Биннесман вскинул руки, и внезапно взору Боренсона предстала Миррима, прятая под мантией чародея, с натянутым и готовым к выстрелу луком.

Сердце Боренсона бешено застучало от счастья видеть ее живой. Она была в крови и вся вымокла, словно только что вышла из озера, и Боренсон понял, что для того, чтобы спастись из-под обломков башни, ей пришлось прыгнуть в воду.

Она пустила стрелу.

Очертания стрелы, летевшей на страшной скорости, расплылись в воздухе.

Габорн закричал:

— Радж Ахтен, уворачивайся!

Радж Ахтен увидел летящую в него стрелу и услышал предупреждающий оклик Габорна одновременно. Он услышал, но не захотел подчиниться человеку.

У него не было времени на то, чтобы собрать свои силы и уничтожить стрелу. Вместо этого он постарался поймать ее прежде, чем она вопизится ему в глаз.

Он поймал древко — и лишь тогда понял свою ошибку.

Нсодолимая Сила ударила в него.

Он поймал стрелу — и почувствовал, что она словно раздробила все кости в его руке. Языки пламени, которые кружили вокруг и ласкали его, внезапно угасли, умерли. Весь жар в ту же секунду исчез из него, и Радж Ахтен остался стоять обнаженный, со шрамами тысяч рун, оплетающих его тело.

Как будто между ним и источником его Силы возникла непроницаемая стена. Только тогда он понял, что стрела и не должна была вопизиться в него. Куда более пагубными были руны, начертанные водой на ее древке.

— Нет! — заревел Радж Ахтен. Звук его голоса, усиленный тысячами даров, отразился эхом от невысоких холмов.

— Хватайте его, — закричала Миррима, — пока заклинание не перестало действовать!

И вдруг отовсюду из укрытий выскочили люди. Стрелы со свистом полетели в Раджа Ахтепа, а воины, вооруженные копьями и боевыми топорами, старались как можно быстрее добраться до него.

Я не жалкий трус, сказал сам себе Радж Ахтен, чтобы быть побежденным щенками вроде этих. Я все еще Властитель Рун!

Он отбил первые две стрелы, вырвал копье из рук первого атакующего человека и ударил того с такой силой, что разбил ему череп.

Круто развернувшись, он приготовился встретить врагов.

Во дворце в Гхузе, в Башне Посвященных, лежал Балимар. Потолок здесь был высокий, не менее двадцати футов, и такие же высокие мраморные арки вели к тому, что некогда

было открытым внутренним двором. Но Радж Ахтен обнес двор стеной из дешевых глиняных кирпичей, чтобы как можно больше Посвященных могло поместиться в Башне.

Сердце Балимара заколотилось, когда он потянулся к набедренной повязке и схватил рукоять длинного узкого кинжала, спрятанного там.

Легко было мошенничать, передавая дар. Как один из воинов ах'келлах, он взял и себе достаточно даров. Он видел, как Посвященные покрывались испариной, когда их плоти касались печати силы, как они шатались и кричали, когда дар был взят, как после этого глаза их закатывались и они падали на землю без чувств. Так что ему нетрудно было притворяться, что он отдает дары. Шрамы от печатей силы покрывали его, но сердце его отдавало Раджу Ахтену только ненависть.

Лицо его ничего не выражало, но внутренне он ухмылялся. Бесконечное стремление Раджа Ахтена получать дары погубит его. Его способствующие так усердно трудились, отбирая способности у местных крестьян, что им даже не приходило в голову спросить уличных мальчишек, которых Балимар подкупал, притворяясь их братом.

Он позволил способствующим притащить себя в святая святых Башни, к другим Посвященным. Здесь находились больные. Он слышал, как они кашляют, видел, как они хромают.

Способствующие швырнули Балимара на землю, как кучу тряпья, совсем рядом с дверью — просто потому, что Башня была переполнена.

Теперь снаружи рог протрубил три долгих сигнала — боевой призыв Вуказа Фахаракина. Это была ложная атака — Вуказ и тридцать его воинов подъедут к воротам, пустят стрелы в стражей и убьют столько, сколько смогут.

И в самом деле, пока Балимар лежал неподвижно, снаружи слышались крики умирающих и ржание лошадей.

Двое стражей, находившихся внутри Башни, бросились к дверям. Бегущий впереди кричал:

— Нас атакуют! Запри за мной ворота!

Он выбежал вон. Второй страж задержался на секунду, стигивая тяжелые железные створки ворот и опуская попереж железный засов.

Балимар бесшумно бросился ему в ноги. Благодаря тому что так много дней он притворялся, его дары метаболизма не были истрачены. И теперь он бросился к дверям так быстро, как мог.

Страж услышал движение, быстро установил засов и потянулся к боевому молоту, висевшему у него за спиной. Балимар толкнул его к воротам и нанес удар снизу вверх сквозь кольчугу, так что кинжал скользнул прямо в сердце. Он быстро выдернул кинжал и вопзил его снова — дважды, трижды, четырежды.

Стражник умер мгновенно, только слабый хриплый звук сорвался с его губ.

Балимар убедился, что дверь надежно заперта, а затем повернулся и устремил взгляд на Посвященных.

В молчании девять из них поднялись — все они были воины ах'келлах, каждый был вооружен кинжалом, чтобы пронзить сердце, или веревкой, чтобы сдавить горло врага. Они уже начали резню. Балимар выхватил боевой молот из рук мертвого стража в тот самый миг, как тот рухнул на землю, а затем бросился в гущу Посвященных.

Он промчался мимо женщин и детей, которых так много лежало на полу, повторяя слова Вуказа: первыми убивать векторов.

— Радж Ахтен! — Закричал Габори. — Беги!

И Боренсон не мог понять, что делает Габори.

Казалось, Радж Ахтен одерживает верх. Десятки людей бросались сражаться с ним, коля копьями, рубя топорами,

посылая стрелы. Среди бурлящей толпы жаждущих крови воинов Радж Ахтен, обнаженный, танцевал танец — танец, многим стоивший жизни.

Непобедимый подскочил к Раджу Ахтену со спины и нанес удар кинжалом-скорпионом. Отравленное лезвие по самую рукоять вошло в спину между лопаток.

Радж Ахтен встряхнулся — и кинжал отлетел далеко в сторону. Он развернулся и вонзил конец копья в глазницу противника. Его движения замедлились ненадолго — пока рана в спине не закрылась и не зажила с невероятной скоростью.

Он нанес удар копьем, как дубиной, и вырвал горло человека.

Он слишком быстр, подумал Боренсон. Он слишком силен.

Он не решался подойти ближе.

И вдруг ему показалось, что Радж Ахтен запнулся. Его танец начал замедляться. Глаза его еще были полны сияния, словно дюжины звезд отражались в них. Дым еще шел из его ноздрей. Но лицо его исказилось тревогой.

Боренсон видел это смятение на лицах других людей. Он сам испытывал это чувство. Посвященные Раджа Ахтена умирают! Он теряет метаболизм!

Воины, окружавшие Раджа Ахтена, бросились убивать его. Парень из Хередона пронзил копьем его колено. Другой взмахнул боевым молотом и острым шипом пробил затылок Раджа.

Боренсон кинулся вперед и тоже хотел атаковать, но в его мозгу зазвучал голос Габорна, крик Короля Земли, предупреждающий: «Назад!»

Он отшатнулся назад как раз в тот момент, когда Радж Ахтен бросил в него копье.

Теперь Боренсон двинулся вперед и метнул свой боевой молот, заботясь больше не о силе, но о точности броска. Топор ударил Раджа Ахтена в плечо и отсек ему правую руку.

Кровь хлынула из раны, и Рыцарь Справедливости понял замысел Боренсона. Он взмахнул огромной секирой и отсек левую руку Раджа Ахтена. Радж Ахтен рухнул, крича, и дюжины воинов бросились вперед, движимые страстным желанием пролить его кровь. Они окружили его и пронзили своими копьями, а Рыцарь Справедливости отсек Волчьему Лорду обе ноги.

Радж Ахтен завыл от ужаса, но сила его даров была так велика, что он никак не мог умереть.

— Остановитесь! — крикнула Миррима. — Не убивайте его.

Ее полный страха голос заставил людей застыть на месте.

— Он пламяплет, — пояснила Миррима. — Убьете его — и вы выпустите на свободу элементалю. Пусть его возьмет вода.

Седрик Темпест бросился вперед, крича:

— Это мне нравится. Пустим его поплавать! Я даже готов ссудить ему мою броню!

Он схватил Раджа Ахтена, от которого теперь оставался только безрукий и безногий торс. И хотя кровь хлестала из всех ран, Боренсон в смятении увидел, что Радж Ахтен начинает исцеляться. Раны так быстро затягивались, восстановление плоти было делом буквально нескольких минут — у нормального человека этот процесс занял бы месяцы. И в самом деле, обрубки вытягивались, отрацивая новые руки и ноги.

Но за такое исцеление было заплачено ужасной ценой. Тело Раджа Ахтена пожирало само себя, свои собственные мясо, кости и жир, чтобы питать новые члены. Он выглядел совершенно истощенным и ослабевшим.

С помощью еще двух человек Темпест поднял Раджа Ахтена. Сверху сыпалась зола, метеор пылал в небесах, а они тащили Раджа Ахтена через покрытое пеплом поле, сквозь запекающуюся кровь и грязь — туда, к разрушенному подъемному мосту. Гри по-прежнему скрипуче кричали в воздухе, и поступь опустошителей вдали доносилась глухим рокотом.

Глаза Раджа Ахтена были полны боли, и он смятенно бормотал:

— Мои Посвященные!

Затем его сознание, казалось, прояснилось, и он жалобно закричал своим врагам:

— Пощадите меня! Пощадите! Отпустите меня...

Но у него уже не осталось даров обаяния или голоса, чтобы поколебать своих врагов.

Боренсон шел за воинами, тащившими Раджа Ахтена; смех непроизвольно подкатывал к горлу, пока они карабкались через тела мертвых опустошителей к мосту. От пожаров на крепостной стене поднимался густой красный дым, создавая невероятные, нереальные картины.

Они подошли к воде, и Боренсон увидел, что там, в черной глубине, описывают круги гигантские тени. Поначалу он решил, что это лососи режут плавниками воду.

Но тени были слишком велики. По размерам они были ближе к осетрам и напоминали тех огромных рыб, которых он видел в крепостном рву в замке Сильварреста.

И вдруг он понял, что это водяные чародеи, и испытал благоговейный трепет. Дюжины существ плавали кругами, небольшие волны поднимались над их спинами и складывались в руны, постепенно покрывающие всю поверхность озера.

Уже на мосту воин с боевым топором заметил, что правая рука Раджа Ахтена отросла заново. Крошечный обрубок восстановился почти полностью. Они снова отсекали ее.

Капитан Темпест скинул с себя кольчугу и начал грубо натягивать ее на Раджа Ахтена.

— Ты хотел захватить Хередон, чтобы завладеть его сталью,— говорил Темпест.— Но боюсь, что это вся сталь, какой мы позволим тебе владеть.

Боренсон скинул и свою броню. И так вес Раджа Ахтена увеличился вдвое.

Сделав это, Темпест и его помощники схватили то, что оставалось от Раджа Ахтена, и швырнули в Озеро Доннестгри.

Он погрузился в темные волны, его шея страшно напряглась от попытки закричать. Когда он начал тонуть, водяные чародеси окружили его, словно в восхищении. Огромные рыбы толкали его своими носами, как игривые дельфины, подталкивали его к поверхности, дразня его надеждой на глоток воздуха.

Вода источала запах могущества, она была вездесуща, всесильна. Черные волны бились о крепостную стену с мягким плеском.

Боренсон стоял на дамбе, как изваяние, венчающее развалины, не в силах поверить, что Радж Ахтен умрет, не в силах осознать, что столь могущественное существо можно убить.

Над водой вспыхнул свет, словно взорвался огромный пламенный шар. Поверхность озера вскипела и начала испаряться. Вверх поднимались горячие струи воздуха, волны пара закачались над озером Доннестгри. В ярком свете Боренсон увидел чудовищного освобожденного элементаля. Огненная тварь обрела форму, ее руки нашаривали твердую поверхность, казалось, она увеличивалась.

Обрубок тела Раджа Ахтена, обожженный так страшно, что ребра проткнули плоть и торчали как сломанные цепки, отлетел в сторону и медленно тонул в волнах.

Огромные рыбы, стремительно проносящиеся под водой, полные восторга, вдруг стали видны совсем отчетливо. Нестерпимое сияние длилось всего одну секунду, а затем элементаль начал меркнуть и вода снова потемнела.

Но еще почти минуту вода продолжала кипеть и бурлить, но потом и она успокоилась и снова стала черной, и наступила тишина.

И только темные волны с плеском стучали в крепостную стену.

Боренсон оглянулся через плечо и увидел Габорна и Йом, стоящих бок о бок на трупах опустошителей и смотрящих вниз. На их лицах не было радости, не было торжества победителей. Габорн выглядел мрачным, осунувшимся, изможденным, а Йом, казалось, была потрясена и страдала при виде того, что они совершили.

Габорн понес большую утрату, вдруг понял Боренсон. Король Земли потерял одного из своих подопечных. И только теперь он заметил, как переменился Габорн.

Его кожа приобрела зеленоватый оттенок, как у юной Аверан или у чародея Биннесмана. Нет, понял Боренсон, более темный оттенок. Больше похожий на лицо зеленой женщины — или на восковые фигурки, которые делают на праздник Хостенфест.

Теперь Боренсон знал, почему Габорн старался спасти Раджа Ахтена. Его терпение и снисходительность были вознаграждены. Габорн наконец стал подлинным Королем Земли.

Глава 42

МИР НА ЗЕМЛЕ

Войну легко преодолеть. Последующий мир — редкая вещь, и дорогая.

Габори Вая Орден

Габори шагал по улицам Карриса и оглядывался кругом. Несколько ребят, заметивших его, уставились в изумлении, а затем благоговейно отступили назад. Кто-то пробормотал:

— У него листья на лице, дубовые листья — знак Короля Земли.

И те, кто смотрели на него, в почтении опустили на колени.

Габори и сам чувствовал изменения, которые произошли с ним. До этого вечера он только мельком оценил силы, которыми стал обладать как Король Земли. Теперь он их почувствовал. Он пускал свои корни в землю, направляя наверх побег. Он начинал видеть возможности, которых раньше даже не представлял.

В городе повсюду шипел огонь, а сам город был грудой камней. Обвалившиеся здания лежали огромными каменными кучами или стояли, наклонившись и оцетилившиеся тор-

чащими, как сломанные ребра, досками. Но Габорн чувствовал жизнь через почву, жизнь, похожую на нежные семена, ожидающиеся весны.

Он начертил на земле Руну Защиты от огня, и мгновенно пламя, горящее повсюду, начало уменьшаться и исчезать.

Он прошел по аллее, прислушиваясь к жизни, и нашел дверь. Йом, Боренсон и еще дюжина человек следовали за ним в молчаливом благоговении.

На земле в футах от двери острый глаз Габорна в звездном свете заметил руны — руны, защищающие того, на кого охотятся, от нежелательного внимания охотника, Руны Силы, чтобы запретить дверь.

Габорн знал, что таких дверей по всему Каррису были тысячи. За минувшие столетия люди Карриса прокопали много туннелей и залов — подвалы для хранения припасов, гробницы для богатых, туннели для связи тайных ходов под стенами замка.

— Мне кажется, ты проделал большую работу, — сказал Габорн чародею Биннесману.

Он послал мысленное сообщение своим Избранным, спрятавшимся под землей: «Выходите. Опасность миновала, опустошители истреблены».

Через несколько секунд кто-то распахнул дверь, и из дома выскочили два испуганных ополченца, мужчины с бледными лицами, которые судорожно сжимали свои копья, оглядываясь вокруг.

Затем начали выходить все остальные. Один за другим, простые жители Карриса выходили на свет — старая женщина здесь, еще пара там — до тех пор, пока, довольно быстро, они не пачали заполнять все улицы. Они с благоговейным трепетом смотрели вверх: там, наверху, дым начал рассеиваться и звезды падали потоком алмазов, вспышки серебряного и золотого света лились на землю с чистого ночного неба.

Скоро простой народ пригляделся к пустым полям перед Каррисом и закричал в ликовании. Толпа переполняла улицы, до тех пор пока не стало понятно, что хотя много людей погибло в битве за Каррис, не меньше половины все же уцелело. Боренсон устался на возникшую толпу, он открыл рот в изумлении и все повторял:

— Я боялся, они мертвы. Я думал, они все мертвы.

— Милорд,— Капитан Седрик Темпест окликнул Габорна,— лорды-воители Интернука хотят вступить в переговоры.

Габорн взобрался на ближайшую стену, откуда был виден южный плес озера Доннестгри. Там, как листья, дрейфовали баркасы, и на каждом борту несколько факелов освещали ночь. Они раскачивались на воде, как кадила. Йом стояла рядом с Габорном, смотря вниз, ее королевская корона ярко светилась тысячами драгоценных камней, в то время как зеленая брошь на капюшоне Габорна блестела, как будто бы звезда упала с небес ему на плечо.

У подножия стен замка плавала кругами огромная рыба.

Старый Ольмарг, лорд-воитель Интернука, подплыл ближе в своем баркасе, который искусно направляли вперед опытные гребцы. Он заметил впереди водяных чародеев и приказал гребцам остановиться. Он посмотрел вверх на Габорна и скосил свой единственный здоровый глаз, как бы оценивая его.

Габорн всматривался в корабли. Он все еще чувствовал исходящую оттуда опасность. Ольмарг был не уверен, продолжить атаку или отступить.

— Люди этого государства находятся под моей защитой,— предупредил его Габорн.— Пойдете против нас — и мы уничтожим вас.

Ольмарг зарычал и сказал угрожающе:

— Мы пришли и начали войну ради грабежа, а вы не дадите нам ничего? Мои люди пролили много крови здесь. Награда, кажется, должна быть в порядке вещей.

— Твое имя останется в песнях, как имя того, кто смело сражался, — сказал Габорн. — Твои правнуки будут петь о тебе хвалебные песни.

Ольмарг рассмеялся лающим смехом и уставился на юг. Стук лап опустошителей звучал, как рев далекого океана, и их спины были черными в звездном свете, когда они поднимались над холмами.

— Черт возьми, — сказал Ольмарг, — мы пришли и сражались ни за что, только за удовольствие воевать.

Он еще раз оценивающе посмотрел на Габорна и быстро решил, что тот, кто смог бросить вызов армии опустошителей, не испугается такого, как он. Он широко улыбнулся:

— И оно того стоило.

Ольмарг высоко поднял яркий шар, державу чистойшей белизны. Габорн мог видеть облака и свет, кружащийся, как если бы там разыгралась гроза, и почти сразу же поднялся ветерок, по счастью, пришедший с севера.

— Поднять паруса, — закричал Ольмарг. — Мы возвращаемся домой.

Габорн задумчиво кивнул. Ощущение опасности для Карриса ушло.

Когда лорды-воители Интернука уплыли, Аверан повернулась и увидела войска, отступающие на запад. Многочисленные войска Радж Ахтена скакали по холмам, боясь, что Габорн придет и накажет их в назидание другим. Войска Риналы Лоуикер поступили иначе, как и полагалось светским людям. Они собрались вместе и начали протяжно трубить в рога. Ее рыцари перенесли ее тело на похоронные носилки и с распущенными знаменами направились на север мерным, печальным маршем, как будто устраивая ей героические похороны.

Словно отзываясь эхом на звуки их рогов, великаны фрот взобрались на холмы на западе и выкрикивали «Уа-хуу! Уа-хуу!» снова и снова. Они громко стучали в полые

бревна, и их предводители подняли мертвого опустошителя высоко над головой, как будто предлагая его в дар Габорну, а затем опустили его на поле боя.

Только люди короля Андерса отказались собираться и спастись бегством в темноте. Мгновенно из его лагеря прибыл конный рыцарь. Он выглядел испуганным. Он прискакал к стенам замка и остановился у парапета, глядя наверх. Он окликнул Габорна:

— Ваше Величество, мой господин Андерс, король Южного Кроутена, шлет свои поздравления с выигранной битвой и желает Вам мира и долгих лет.

— Почему он не пришел и не произнес такие слова лично? — подозрительно поинтересовался Габорн.

— Боюсь, что лишний раз заставлять его двигаться было бы неразумно. Его врачи сказали мне, что он получил смертельное ранение и хочет только вернуться и умереть на родине. Боюсь, этого он не дождетсЯ. По-прежнему мы умоляем вас о снисхождении и просим, чтобы вы предоставили нам разрешение покинуть поле боя.

— А что с Целинором? — спросила Йом.

— Юноша пытается облегчить его страдания, — сказал посланец. — Он тоже просит позволения покинуть поле боя.

Габорн, полный предчувствий, вглядывался в поле битвы. Андерс заявлял о своих правах на престол Короля Земли, а сейчас он просит разрешения покинуть поле?

— Я найду, чтобы попрощаться с ним, — сказал Габорн.

С этими словами он двинулся через поле быстрее, чем посланец мог себе представить, мимо мертвых опустошителей, на холм к маленькой возвышенности, где испуганные воины Андерса едва успели заметить его приближение, прежде чем он оказался у палатки Андерса.

Эрин Коннал лежала спаружи со связанными руками и ногами. Внутри палатки Андерс лежал на кровати, рядом с ним находился Целинор. Рана Андерса не выглядела смер-

тельной. Габорн внимательно посмотрел на него, воспользовавшись Прозрением Земли, и увидел внутри него нечто, гораздо более устрашающее, чем любые опустошители. В нем была тень, густая и уродливая тьма.

Целинор и стража наконец отреагировали на присутствие Габорна. Они закричали и начали отступать.

Король Андерс приоткрыл глаза, посмотрел на Габорна и слабо улыбнулся:

— Убьешь меня?

— Зачем? — спросил Габорн. — Локус не может быть убит.

Целинор сделал шаг назад и вытянул меч, как будто для того, чтобы защитить своего отца. Габорн взглядом остановил его.

— Ты умен, Король Земли, — сказал Андерс.

Габорн взглянул на Целинора:

— Твой отец впустил в себя локус, и потому это больше не твой отец. Свяжи его и доставь в самую глубокую темницу в Равенскрофте. Потом можешь заботиться о нем, кормить его, но не причиняй вреда.

Целинор уставился на своего отца, страх был в каждой линии его лица.

В ответ на это король Андерс протестующее вскрикнул, его спина изогнулась дугой. Его глаза закатились, и когда он внезапно упал на землю, то больше не дышал. Габорн увидел только мелькнувшее пятно тьмы, когда локус улетел. Холодок пробежал по спине Габорна. Он бросился из палатки и увидел тень, исчезающую на севере.

— Что случилось? — кричал из палатки Целинор. Габорн посмотрел назад через откинутый полог. Воины мрачно оглядывались по сторонам.

— Локус испугался заключения, — уверенно сказал Габорн. — Так что он вырвал дух твоего отца из тела и улетел.

Габорн был уверен, что со временем локус еще даст о себе знать.

Целинор подошел к Эрин и, умоляя ее о прощении, освободил от веревок.

Домой, думала Аверан, когда Габорн помчался к палатке Андерса. Все собираются домой. Но куда идти мне?

Ее дома больше не было.

По ее внутренним часам, тридцать дней и ночей она провела в Подземном Мире, и за это время она привыкла к запаху сырой земли, подавляющей тишине Подземного Мира и вечному сумраку. Открытое небо над ней казалось странным и не внушающим доверия, со всеми его яркими звездами, падающими вниз с полуденных небес непрерывным потоком сквозь темноту, как яркие золотые и серебряные монеты.

К рассвету народ Карриса начал собирать мертвых в две огромные горы перед стенами замка. В зябкой серой дымке Аверан видела их, когда скакала на юг к Морскому Подворью; холмы, становясь меньше и меньше, постепенно исчезали вдали. Она представила, как они однажды, поросшие раскидистыми вязами, будут давать тень людям, которые заново будут строить здесь города. Кролики будут кормиться по склонам холмов, а лисы будут точить зубы под корнями гигантских лесов. Голуби будут вечерами петь на ветвях, в то время как молодые люди будут сидеть в тени холма и петь женщинам, которых они любят.

«Скоро,— шептала ей Земля.— Это скоро снова случится».

На дороге пленники, которых Аверан и Габорн освободили из Подземного Мира, двигались в сторону своих домов. Габорн снабдил каждого из них плащом, лошадей, едой и деньгами на дорогу, и многие гордые люди плакали от благодарности, когда он уехал.

Поездка к Морскому Подворью не была торопливой. Король Земли путешествовал днем и к ночи удалился достаточно далеко от лагеря. Благодаря большому количеству да-

ров он быстро путешествовал по холмам и через поля, лица дома мирных фермеров и дровосеков, избирая тех, которые ему нравились. Он предпочитал носить зеленую дорожную одежду и дубовый жезл. Едва он надел эту одежду, в ней появились маленькие корешки, и за два дня они так разрослись, что первоначального материала стало совсем не видно. Теперь Габорн носил одежду чародея, которая, казалось, делалась такой же коричневой, как и земля, при одном освещении или такой же зеленой, как сосновые иголки, при другом.

Через три дня они добрались до грандиозных башен Морского Подворья, где хрустальные мосты перекидывались через океан с острова на остров.

Лорды-воители Интернука уже уплыли к тому моменту, как они достигли города, но свидетельства вреда, нанесенного ими, были везде — горелые деревяшки по всему причалу, огромные поваленные стены.

И все же народ был рад видеть Короля Земли и охотно выходил на улицу. Все сигнальные колокола города радостно звонили, дети и матери плакали.

Габорн неспешно проскакал через город, так как желающие быть Избранными толпились вокруг него и он едва мог двигаться вперед. Так он сидел на лошади, высоко поднимал левую руку, всматриваясь в толпу, в гущу людей и выкрикивал:

— Я избираю вас. Я избираю вас всех для Земли.

Аверан удивилась, почему он волнуется. Он спас семена Земли, это его заслуга. Почему же тогда он продолжает избирать?

Об этом она спросила его одним вечером через неделю после того, как они добрались до города.

— Я Король Земли в мирное время, так же как и в военное,— сказал Габорн.— На самом деле сейчас моя сила послужит мне даже лучше.

И он продолжил избрание. В течение следующих недель лорды прибывали из дальних земель — из отдаленных областей Индопала, с северных островов и из каждой области Рофсхавана, склонив голову и предлагая дань за свои земли. Ук-ваз Фахаракин приехал из Индопала, чтобы сделать мирное предложение от имени всех королей пустыни, и привез с собой в качестве дани значительный запас кровавого металла.

Габорн щедро раздал кровавой металл, но только тем, кто принадлежал Братству Волка.

— Королю Земли не нужна постоянная армия, — объяснил он. — Сейчас наш главный враг — зло, которое скрывается среди нас, и Братству Волка, таким образом, поручается удалить это зло. Идите в холмы и найдите там разбойников и бандитов и уничтожьте их. Идите в чертоги ваших баронов и герцогов, найдите там зло и вырежьте их.

И хотя его приказ был известен всем, правда заключалась в том, что лишь немногие из злодеев на самом деле расплатились за причиненное зло. Братство обладало большим авторитетом, верша правосудие, и все, кто осмеливался сопротивляться, были уничтожены.

Только люди Инкарры не пришли, чтобы стать Избранными. Боренсон сказал Габорну, что короли Инкарры усаkali на борьбу с опустошителями, но ни одного свидетельства такой битвы не было видно, и дрались они и были убиты или открыли, что опустошители пришли из Уст Мира и решили отступить, никогда не выяснилось.

Аверан ждала в Морском Подворье, занимая комнату в замке, — комнату, достойную знатного лорда. Но хотя она была огромная, и ореховые панели на стенах были инкрустированы золотом, и в подушки ее огромной кровати ушло достаточно пуха, чтобы сделать койки всем фермерам в деревне, Аверан не чувствовала себя дома. Ночью она вдруг осознавала, что бродит из комнаты в комнату в поисках места, где бы лечь спать.

Была десятая ночь, сразу после заката, когда к замку пришел, прося о встрече с Габорном, старый звездочет с серебряной бородой.

К тому времени звезды перестали падать каждую ночь, тем не менее небо казалось наполненным светом, как будто бы наверху теперь светили новые звезды. Аверан провела старика к Габорну, который был наверху у себя в башне, глядя сверху на свое королевство, как пастух наблюдает за стадом.

— Ваше Величество, — сказал звездочет Дженнейс, когда увидел Габорна, — я благодарю вас от лица нашей гильдии.

— За что? — спросил Габорн.

— За то, что вернули землю обратно к ее нормальному курсу в небесах.

Габорн искоса посмотрел на Аверан.

— Я не имею к этому отношения, — сказал он. — Чародей более великий, чем я, сделал это.

При этих словах звездочет тоже удивленно посмотрел на Аверан и сказал:

— Значит, это вы — та, кого я должен поблагодарить. Однако все обстоит не совсем так, как было...

— В каком смысле? — спросила Аверан.

— Наш путь через небесный свод займет больше времени, чем это было раньше. Каждый год тянется дольше примерно на день, если наши вычисления верны. Вы не можете исправить то, что было повреждено?

— Все поврежденное уже исправлено, — сказала Аверан. — Новый путь будет лучше для нас, чем был бы старый.

— Но, — звездочет поглядел на нее раздраженно, — календари — их все придется менять!

— Так измените их, — сказал Габорн. — Добавьте день в календарь.

— Но как нам это назвать? — воскликнул звездочет.

— «День Габорна», — ответила Аверан. — В честь нашего короля.

— Нет,— сказал Габори.— Я не хочу, чтобы люди праздновали в честь меня. Назовите его «День Братства», чтобы люди могли праздновать свое родство друг с другом. Сделайте его днем празднеств и игр.

— Очень хорошо,— сказал звездочет, почти подметая пол своей бородой, пока кланялся и уходил.

Глава 43

ДОМ

Дом — там, где мы находим мир.

Пословица Рофехавана

Йом осталась на зиму в Морском Подворье, хотя ее муж скоро уехал. До нее доходили слухи о том, что он странствует далеко, перебираясь через горы Ашовен и холмы Тум, мчась через Орвин. Многие путешественники встречали его на дорогах — сгорбленного человека со множеством даров, спешащего к какой-то тайной цели. Говорят, во всех его путешествиях он избирал обычных людей, предпочитая одних, пренебрегая другими и казня тех, чьи сердца потемнели после совершения кровавых дел.

Итак, его любили и им восхищались почти все, а остальные боялись, и были слухи, что дурные люди собирались в лесах по всему королевству, чтобы пропизывающий взгляд Габорна не раскрыл их тайны.

На протяжении всей осени Йом слышала о стычках то там, то тут, где Братство Волка окружало злодеев и жестоко убивало их всех.

А что касается ее ребенка, беременность Йом еще не была заметна, когда она уходила в Подземный Мир, но ее дары метаболизма заставили ребенка быстро вырасти в утробе.

Была холодная зимняя ночь, не более чем через три недели после битвы при Каррисе, когда Йом родила Габорну первого сына. Она положила его в колыбельку и назвала Фаллион, в честь героя древности.

К ее удивлению, Габорн прибыл домой очень поздно той же ночью и поднялся к ней в мансарду, чтобы посмотреть на ребенка. Йом убедилась в том, что Габорн получил много даров и хоть двигался быстро, но и старел соответственно. Хотя его не было всего несколько недель, его тело испытало разрушительное действие лет.

Он поглядел в колыбельку и, казалось, засомневался перед тем, как сказать:

— Это старый дух, тот, кто рождался много раз. Он пришел не как все, с чистым разумом и без целей. Он пришел в поисках.

— И какова его цель? — спросила Йом.

Габорн тяжело посмотрел на ребенка и таинственно прошептал:

— Закончить то, что не могу я.

Йом почувствовала грусть Габорна, и сердце ее заболело. Она теряла его, теряла по его вине. Но она была единственной, кто выплатил долг, дав ему дары, которые он бы не взял сам. И хотя они сумели спасти мир, они заплатили дорогую цену. Он умрет от своих даров в течение года. Ее жизнь тоже будет короткой.

Йом послала в Хередон, чтобы узнать о ее дорогой подруге Чимойз, и выяснила, что та по собственной воле стала Посвященной Габорна. Опечаленная, Йом привезла ее на Морское Подворье, чтобы иметь возможность заботиться о ней до смерти Габорна.

Габори оставался около замка еще несколько дней, и Йом оправилась от родов и скоро почувствовала, что снова посетит ребенка.

Почти сразу же Габори опять отправился в путь, так как получил известие, что в Индопале собирается армия,— армия, которая намеревается бросить ему вызов. И так, ее муж исчез ночью, и снова Йом не слышала о нем практически ничего, кроме слухов.

Затем, в середине зимы, когда первый легкий снег выпал на зеленые поля Мистаррии, Йом получила известие от Габорна.

Он снился ей, и во сне Габори шел рядом с ней и рассказывал о своих заботах в последние несколько дней, об избрании бедных в Таифе, тех, кто наиболее пострадал от голода, который случился на юге. Во сне он говорил на языке, в котором не было слов, так что она просто чувствовала его мысли и его желания, и таким образом время, которое она проводила не с ним, казалось более полным, чем время, которое они проводили вместе.

Когда она проснулась, то поговорила со своими советниками и выяснила, что ее сны были верны, Габори был в Таифе. Там он использовал свои Силы не для того, чтобы предупреждать людей об опасности, но только для того, чтобы сообщить о тех, кто был в большой нужде. Таким образом, те, у кого было много еды, ощущали себя отозвавшимися на предостережение Короля Земли и часто давали кусок хлеба ребенку на дороге или старухе, прячущейся в своей лачуге.

Время от времени она и сама слышала голос Габорна, говоривший ей, какие средства послать на помощь разнообразным областям его государства.

И он не вернулся. Он пересбродился в южные области Индопала в середине зимы, и до Йом дошел слух, что, возможно, он ушел в Инкарру.

Она жаждала увидеть Габорна, за каждый день, проведенный вдаль от него, он становился старше на пятьдесят дней. Йом сама приняла много даров метаболизма и потому должна была сама нести свою ношу. Ее второй сын Джесс родился ровно на месяц позже первого. В своих колыбельках они выглядели почти как близнецы. И хотя дети едва ли выросли, Йом за лето прожила десятилетие, в то время как Габорн дожил больше чем до средних лет.

По мере того как приближалась весна, Миррима и Боренсон перенесли резиденцию в свое поместье в Дрюверри Марч. Большой дом не мог похвастаться ничем, кроме надежных стен, но Миррима он нравился именно таким. Боренсон повесил свой щит и доспехи на кристаллический зуб опустошителя, и там, она надеялась, оружие и останется.

Миррима пригласила Аверан пожить с ними, и заботилась о ней так, как заботилась бы о собственной дочери. Но Аверан тоже приняла несколько даров метаболизма, и за лето она расцвела в молодую женщину, какой Боренсон восхитился бы еще несколько лет назад. Девушка, казалось, не знала покоя и бродила вокруг дома как потерянная, и часто можно было видеть ее глядящей на запад с отстраненным видом. И когда Миррима видела ее такой, то спрашивала, о чем она думает, и Аверан отвечала:

— О доме.

А потом опускала глаза и уходила в смущении.

Для Мирримы было очевидно, что Аверан хотела бы быть где-то в другом месте.

К концу лета Боренсон пошел на работу наравне со своими работниками и изучил прекрасное искусство выращивания выющихся бобов, выпалывания сорняков и махания косой.

Миррима тем временем проводила большую часть дня у источника около дома. Он превращался в чистый водоем, глубокий и широкий, окруженный плакучими ивами. Под

конец их листья стали золотистыми и вечерами шумно дрожали на ветру. Миррима нравилось ходить туда и бросать лепестки роз в воду. Поздним летом она родила дочку, но несколько первых недель не давала ей имени.

Боренсон долго не имел известий о Габорне. Последнее, что он слышал, — что Король Земли был в Южном Кроутене. Ходили слухи, что старый король Андерс все-таки не умер после битвы при Каррисе, и его видели ночью под стенами замка в Равенскрофте. Однако другие слухи, что доходили до Боренсона, были преимущественно хорошими. Почти все люди мира стали Избранными, и среди них распространилось ощущение прочности и надежности мира, которое раньше было им неизвестно.

Часто Боренсону хотелось навестить старую соседку и помочь ей с хозяйством, и каждый раз, когда такое происходило, он знал, что, делая это, он спасает жизнь пожилой женщины. И тысячи раз, тысячи раз в день такие вещи повторялись по всему миру.

Боренсон начал понимать, что, хотя Габорн выиграл в Каррисе, как сам Эрден Геборен, однажды настанет день, когда о нем скажут: «Он был велик в деле войны, но еще более велик в деле мира».

Тем вечером Король Земли пришел к ним. Прошло чуть больше года после битвы при Каррисе, и благодаря многим дарам метаболизма Габорн постарел. Его волосы поседели, а морщины изрезали кожу. Темно-зеленые пятна крови земли на его лице выглядели как татуированные листья, а морщины на щеках стали как бы прожилками этих листьев.

Габорн приехал, остался на ночь и говорил с Боренсоном, Йом и Аверан о многих вещах — о страшных событиях на юге, о слухах о возрастающем сумасшествии Целинора и о том, как сбегала его жена. Они сидели в кухне в жестких креслах, пили горячий эль, такой пенящийся, что новый слой

пены вырастал практически мгновенно. Снаружи ветер становился холоднее и выл, как молодой волк.

— Дети, родившиеся в этом году, видят лучшее, чем когда-либо видели их отцы, — говорил Габори. — Они видят новые краски в радуге, в цветах. А в Инкарре начали появляться новые животные, а многие из тех, что мы считали хорошо известными, приобретают новые Силы. Во Флидсе этим летом трава выросла длинной и сочной и пахнет так сладко, что я завидовал лошадям, которые ели ее. Только что родившиеся жеребята с рождения скачут быстрее, чем их матери.

— У меня тоже есть пара историй, — сказал Боренсон. — Мой управляющий кричит, что видит сны, посылаемые ему из Подземного Мира. Он не очень много говорит о них, но я могу сказать, что они пугают его. Он проводит слишком много времени, натачивая меч.

— Нечего бояться, — сказала Аверан. — Мир меняется и будет продолжать меняться.

— И это все, что ты скажешь? — спросил Габори Аверан.

— Мир меняется, — повторила Аверан, — принимая одну из форм Единственного Истинного Мира. И здесь нечего бояться.

Так они, разговаривая, долго не ложились спать, и Боренсон наслаждался компанией своего давнего господина, пока поздней ночью они не услышали стук в дверь, и Боренсон, открыв дверь, увидел за ней чародея Бизнесмана.

Боренсон удивленно хмыкнул, посмотрел на старого седого мага, затем на Габорна и наконец спросил:

— Что происходит?

— Извини, я не сказал тебе, что мы пришли попрощаться, — сказал Габори. — С тобой и с Аверан. Мы четверо больше не встретимся. Я не переживу зиму, и, когда я уйду, я оставляю этот мир в твоих руках. И я должен попросить тебя об одолжении.

— О каком? — сказал Боренсон и увидел, что Аверан и Бизнесман склонились, сосредоточенно внимая словам Габорна.

— Защити моих жену и сына.

— От чего ее придется защищать? — спросил Боренсон. — Опустошители вернулись?

Но Габорн лишь пожал плечами:

— Мне ничего не известно, я просто чувствую.

— Не опустошители, — сказала Аверан. — Мне кажется, они больше никогда нас не побеспокоят.

— Есть вещи страшнее, чем опустошители, — сказал Габорн с дрожью в голосе. — Я проверил весь мир вдоль и поперек, но многое до сих пор остается скрытым от меня.

Тем утром на рассвете Аверан, Габорн и Бизнесман оседлали лошадей для последней поездки. Они сказали Мирриме, что вернутся через три дня и что они взяли отмеченных рунами силы лошадей, чтобы быстрее добраться до Морского Подворья.

Там Йом подарила Аверан подарок, сказав:

— Пусть это будет светом для тебя в темноте. Может быть, сейчас ты просто чародейка, но ты будешь искать удела Королевы Подземного Мира.

И Йом дала Аверан свою корону из сверкающих опалов.

Аверан спрятала ее в сумку, обняла Йом и попрощалась.

Следующей ночью они трое быстро скакали к Устам Мира. Аверан опустила голову, как только они миновали форт Хаберд, и не смотрела на разбросанные повсюду крупные камни, покрытые цветущими ночью люпинами.

Была чудесная, удивительно тихая ночь. Свет луны и звезд одел холмы в серебро. Аверан все это казалось чудом. Было начало месяца Листьев, и деревья только начали одеваться в свои осенние цвета. На севере расстилались холмы,

каждый следующий хребет начинался прямо над предыдущим, и так до самых светлых лугов Мистаррии, сверкающих в отдалении. Далеко на востоке, острые как клинки, сверкающими снежными вершинами возвышались горы Алькайр. Повсюду среди лугов пели сверчки; Аверан посмотрела на звезды, которые неявно вырисовывались высоко в небе. Ни одна из них не падала.

Аверан чувствовала себя, как если бы огромный камень свалился с ее души. Она сидела верхом на серой кобыле, сжимая свой черный жезл.

— Скажи всем людям, — сказала Аверан, — что опустошители их больше не побеспокоят. Хозяева Подземного Мира никогда больше не выступят против людей.

— Ты уверена, что хочешь вернуться? — спросил Боренсон. — В поместье всегда будет для тебя место, если ты захочешь.

Аверан помотала головой:

— Не беспокойся обо мне. Ты идешь к себе домой. А я — к себе. Там еще многое нужно сделать, я должна оставаться бдительной.

Боренсон кивнул, не в состоянии даже гадать, какую пошу придется нести ребенку. Опустошителям нужен был Охранитель Земли, чтобы защитить их. Даже он знал, что это значило. Предстояли темные времена.

— Но все же, — сказал Боренсон, — если когда-нибудь ты задохнешься по солнечному свету, или по хорошей постели, или просто о ком-нибудь, с кем можно поговорить...

— Я буду знать, где тебя искать, — закончила за него Аверан.

Аверан слезла с лошади и обняла Боренсона. Он крепко стиснул ее и хотел бы никогда не отпускать. Аверан по-прежнему чувствовала себя маленькой в его объятиях.

Аверан обняла его в последний раз, и Боренсон увидел слезы, блеснувшие в глазах молодой женщины.

По крайней мере, в ней сохранилась какая-то часть человека, подумал Боренсон, и он порадовался этому.

Аверан попрощалась с Габорном и Биннесманом, и об этом печальном прощании не стоит рассказывать. В Биннесмане она нашла отца, которого никогда не имела, и сейчас она снова его теряла.

Аверан на секунду замерла у входа в пещеру, просто вдыхая свежий воздух. Легкий восток неожиданно пробежал по деревьям и прошелестел по траве, и Аверан как будто восприняла это как сигнал к отправлению. Возложив старую корону Йом на голову, чтобы освещать путь, она повернулась и зашагала назад в Подземный Мир.

Глоссарий

Вайт: дух умершего человека или другого существа.

Вектор: тот, кто служит проводником для передачи даров лорду. Этот человек получает дары от других, а затем передает такие же своему лорду. Так, например, человек, отдающий своему лорду мускульную силу, может быть вызван для получения этого дара от других людей, и тогда лорд получает сразу большое количество даров. Таким образом, лорд, желающий огромной силы, может получить всего один дар мускульной силы от какого-то человека и спокойно отправляться на войну. Пока он туда едет, способствующие могут продолжать собирать дары, но теперь уже для Посвященных; и так лорд может одновременно получить сотни и даже тысячи даров.

Единственная трудность при использовании этого метода состоит в том, что если вектор будет убит, то лорд сразу потеряет все дары, переданные вектором. Поэтому уничтожение вектора значительно ослабляет лорда.

Великан фрот: один из нескольких видов великанов известного мира; фрот самые большие, высотой около семнадцати футов. Фрот покрыты длинной серебристой шерстью. Фрот всеядны, но предпочитают мясо. Несмотря на неспособность нормально общаться с людьми, фрот иногда позволяют нанять себя в качестве наемных рабочих.

Властитель Рун: любой мужчина или женщина, получивший участок земли для защиты и дары, позволяющие эту землю защищать.

Воин неудачной пропорции: воин, принявший дары, но не сбалансировавший их. Например, если воин принял несколько даров мускульной силы, но ни одного дара грации, его мускулы могут стать как бы связанными. Если он не получил дар метаболизма, он будет двигаться медленно — и вся сила мира не спасет его от более быстрого противника.

Волчий Лорд, или Лорд Волк: изначально Волчьим Лордом называли того, кто получал дары от собак, — практика, каким-то образом изменявшая природу лорда, в частности если он получал от собаки дар ума. Волчий Лорд становился более грубым, злым, ненасытным, чем обычный человек, — качества очень выгодные во время войны, но сомнительные в мирное время. Потому большинство Волчьих Лордов за всю историю человечества становились не благородными людьми, но бандитами и разбойниками с большой дороги.

Следует, однако, отметить, что, хотя эта практика не очень приветствовалась, многие лорды выдвинули серьезные аргументы в ее пользу и многие предпочитали тайно получать такие дары, как жизнестойкость, именно от собак, вместо того чтобы рисковать здоровьем и безопасностью людей.

В переносном значении Волчий Лорд — любой, кто принуждает других отдавать дары с помощью шантажа.

Всеславные: раса великодушных созданий из Другого Мира, которые иногда вступают в контакт с людьми, а иногда даже оказывают помощь в тяжелые времена. Те, кому довелось видеть Всеславных, описывают их как существ, сотканных из света, которые проникают прямо в мысли человека. Слова бессильны описать их.

Дар: передача свойства, обычно лорду его вассалом.

Дар остается в силе только до тех пор, пока оба партнера остаются в живых. Таким образом, если лорд умрет, свойство вернется назад к дарителю. Если умрет вассал, лорд потеряет это свойство. То есть сохранить вассала живым и здоровым в интересах лорда.

Дары могут быть переданы только между млекопитающими. То есть волшебник может принять дар у собаки и передать его другой собаке или человеку. Иногда так делают, чтобы усилить

лошадей или верблюдов на войне или чтобы передать необычные сильные дары, как например обоняние, от животного к человеку.

Свойства, которые могут быть переданы:

Зрение — способность видеть яснее и при меньшем количестве света.

Слух — способность слышать тихие и низкочастотные звуки.

Обоняние — способность замечать, различать запахи.

Мускульная сила — способность мускулов сильно сокращаться.

Грация — способность мускулов расслабляться.

Метаболизм — увеличение скорости, с которой происходят все процессы.

Ум — позволяет получателю сохранять воспоминания отдающего.

Жизнестойкость — улучшает способность получателя исцеляться.

Голос — увеличивает возможность контролировать тон, высоту и громкость чьей-либо речи. Потренировавшись, Властитель Рун сможет использовать дар Голоса, чтобы стать неодолимо убедительным.

Обаяние — изменяет лицо и тело обладателя так, что он или она становится красивее и привлекательнее. Также это отнимает чувство собственного достоинства у дарителя и передает его получателю.

Воля — передает получателю силу воли.

Даскины: раса маленьких существ, чем-то похожих на людей, которые давным-давно обитали в Подземном Мире. Они мастера совершенного искусства и волшебники. Опустошители убили последнего из них за несколько тысяч лет до Габорна Вал Ордена.

Другой Мир: иногда его называют Единственный Истинный Мир; Другой Мир — это другая планета, вероятнее всего находящаяся в другой реальности. Согласно легенде, Единственный Истинный Мир был первым домом человечества и соединен магическими рунами до тех пор, пока Ворон, существо из чистого зла и враг человечества, не сумел перехватить контроль над этими рунами. Руны, связывавшие вселенную воедино, были расколоты, и возникли тысячи и тысячи миров-теней. Мир Габорна — один из

таких новых миров, а другой мир — все, что осталось от Единственного Истинного Мира. Обычным людям туда не попасть, но могущественные маги могут иногда открывать двери в Другой Мир.

Индопал: группа племен, обитающих на западе от Рофехавана, в областях с пустынным, умеренным или тропическим климатом. Люди Индопала обычно имеют более темную кожу, хотя среди них хватает и людей со светлой кожей. Стоит отметить, что Индопал — самый густонаселенный район мира; здесь проживает больше половины человечества.

Инкарра: большое королевство к югу от Рофехавана, занимающее почти половину известного мира.

Инкарранцы: подвид человеческой расы, приспособленный к ночной жизни. Это бледные мужчины и женщины, обычно с очень белой кожей, волосами цвета серебра или киновари и серебристыми глазами. Хотя они не сильно отличаются от обычных людей, от брака человека и инкарранца рождается потомство вроде мулов, неспособное размножаться.

Искусство рун: собранные воедино знания о создании рун (магических символов). Следует отметить, что существует много типов рун, отличных от тех, что украшают наконечники печатей силы. Существуют руны защиты, руны, укрепляющие металл и камень, руны, наделяющие магическими свойствами инструменты. На самом деле, если верить магам, все руны есть не что иное, как части огромной руны-господина, которая когда-то связывала вселенную воедино.

Король Земли: король, который одарен величайшей из всех защитных сил, Силой Избрания, так что он может «спасти семя человечества», даже несмотря на самые страшные бедствия. С такой силой король может смотреть в сердца людей и избирать тех, кого он хочет спасти. Когда человек Избран, Король не только поймет, если он будет в опасности, но также будет способен послать предупреждение, которое внезапно появится в голове Избранного, помогая ему избежать опасности. В записанной истории было всего два Короля Земли — Габорн Вал Орден и Эрден Геборен, но легенды гласят, что давным-давно были и другие, чьи имена сейчас забыты.

Кровяной металл: очень редкий металл, используемый для производства печатей силы, магических железных печатей, которые необходимы для передачи свойств от одного человека к другому. Кровяной металл тускло-красного цвета, очень мягкий и плавится при низких температурах.

Локи, локус: раса существ, которые, кажется, являются чистым злом. Бессмертные и бесплотные, они часто подчиняют себе человека, как паразиты, поселяются в теле хозяина, чтобы распространять разрушение. Чародеи говорят, что они были созданы, когда Единственный Истинный Мир раскололся, и что «так же, как наш мир — это тень Единственного Истинного Мира, локи — не что иное, как тень нашего главного врага Воропа».

Лошадь, слон, собака, отмеченные рунами силы: животные, чаще используемые на войне, чьи природные силы были улучшены дарами.

Нелюди: раса страшных двуногих великанов, в древности пришедшая на черных кораблях из-за морей. С виду они напоминают шакалов.

Непобедимый: лучший воин из Индопала, получивший не меньше пятидесяти даров.

Опустошитель: тип подземного плотоядного животного; долгое время был врагом людей. Опустошители очень велики, часто вес их достигает десяти тонн, а в высоту они больше слона. Опустошители передвигаются на четырех ногах, но имеют еще пару длинных рук. Шкура у них такая толстая, что напоминает броню. У опустошителей нет глаз, вместо них они используют щупальца, похожие на угрей, — чувствительные органы на голове и вокруг челюстей, способные улавливать запахи и вибрацию. Кажется, что опустошители так же умны, как люди, и способны производить оружие и творить магические заклинания.

Охранитель Земли: чародей, которому поручено оберегать землю, обычно один какой-то вид растений или животных. Охранитель Земли одарен Землей защитными и целительными силами в обмен на его или ее услуги. Примечательно, что Охранитель Земли может быть и человеком, и животным.

Печать силы: сделана из кровавого металла; магически позволяет свойствам быть переданными от одного к другому. Печать силы маленькая, практически похожая на палочку, может иметь одну или несколько рун на кончике. Форма руны определяет, какое свойство печать может передавать. В процессе передачи свойства печать силы разрушается.

Пламяплет: волшебник, обладающий Силой Огня.

Подземный Мир: огромная область под землей, населенная странными животными и растениями; среди этих животных есть такие, как гигантские черви и опустошители. Пещеры, соединяющие Подземный Мир с поверхностью, встречаются редко, но те, кто решаются войти туда, обнаруживают мир, изрытый туннелями и колодцами, в которых обитают странные существа.

Посвященный: человек, который передает какое-либо свойство своему лорду. Посвященный, который передал мускульную силу, будет ослаблен. Тот, кто передаст ум, будет слабоумным. Тот, кто передал жизнестойкость, будет болезненным. Таким образом, Посвященные всегда неполноценны в какой-то области, но занимают почетное место в обществе. Обычно они защищены и окружены заботой своих лордов.

Радж Ахтен: один из наиболее могущественных Волчьих Лордов всех времен. Радж на языке Индопала означает Верховный Правитель; Ахтен — таифское имя, означающее Лорд Солнца. Радж Ахтен начал свою карьеру как алчный молодой принц, который никак не мог добиться признания у своего народа. Тайно грабя караваны, перевозившие печати силы из одной страны в другую, он также тайно скопил огромную силу и вскоре подчинил себе народ Картиша, почти удушив рынок кровавого металла. Нарастивая силы, он за каких-то семь лет оказался в состоянии сражаться с половиной мира. Со временем он стал пламяплетом огромной силы.

Рожденный чародеем: тот, кто родился с магическими способностями, от рождения наделен магической силой.

Рофехаван: группа королевств на северо-востоке, объединенных общим культурно-историческим наследием и языком.

Светлейшие: раса существ Другого Мира, они похожи на людей, но по всем параметрам лучше — разумнее, сильнее, умнее, быстрее. Те, кто видели Светлейших, описывают их как «совершенных» людей. Чародеи считают, что человечество восходит к ним.

Силы: четыре первых стихии, наделившие дарами человечество.

Земля — дарует преимущественно силы защиты и восстановления.

Огонь — дарует преимущественно силы разрушения и интуиции.

Вода — дарует силы исцеления и устойчивости.

Воздух — дарует силы хаоса, беспорядка.

Солдат, отмеченный рунами силы: воин, одаренный своим лордом правом получать дары.

Способствующий: маг, который специализируется на передаче свойств от одного человека к другому. И делает это, используя так называемые железные печати силы.

Сумма Всех Людей: в мифах Суммой Всех Людей был Дайлан Молот — лорд, который принял так много даров, что не мог умереть. По некоторым сведениям, Дайлан Молот жив и поныне.

Темный Победитель: существо из Другого Мира, Темный Победитель — это существо с огромными крыльями, внешне чем-то похожее на человека, с темными кожей и перьями. Темный Победитель уничтожает свет и, кажется, имеет власть над ветром.

Тот: раса существ из Подземного Мира, удивительно похожих на опустошителей. Тот были полностью истреблены легендарным королем Фаллионом, который пересек море на своих кораблях, чтобы охотиться на тот в их логове. Тот были меньше, чем опустошители, и их было легче убить. Но они тоже были могущественными магами, одомашнили и многому научили опустошителей, как человек обучает боевого пса.

Убежище Посвященных: особая крепость или часть крепости, где Властитель Рун содержит свое наиболее важное «имущество» — своих Посвященных.

Хроно: историк, который обычно следует за лордом или леди, стараясь вести летопись истории человечества. Каждый Хроно, следуя обычаю, отказывается от своего имени и зовется просто Хроно всю оставшуюся жизнь.

Считается, что все Хроно находятся на службе у Лордов Времени, расы существ, которых большинство людей считают мифическими. Хотя Хроно клянутся, что никогда не вмешиваются в дела человечества, их влияние велико, потому что каждый лорд знает, что до самой смерти Хроно будет записывать историю его поступков, и не захочет предстать в плохом свете. Более того, ходят слухи, что в прошлом несколько Хроно нарушили клятвы и передали своим лордам информацию о происходящем за границей.

Присоединяясь к сообществу, каждый Хроно передает дар ума другому, тот в свою очередь передает ему дар ума взамен. Таким образом, Хроно становятся близнецами, которые делят один разум. Для большинства людей такое соглашение привело бы к сумасшествию. Но Хроно так связаны со своим делом, что они выдерживают это испытание.

Один из «близнецов» Хроно проводит время, наблюдая за происходящим в мире, тогда как второй записывает то, что они видели.

С тех пор как все летописцы жили на одном острове, для Хроно возможно совместно отслеживать все происходящее в мире и делиться друг с другом информацией практически сразу же.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЕНЬ НИСХОЖДЕНИЯ

Месяц Листопада

День четвертый

<i>Пролог. БОИ НА УЛИЦАХ</i>	7
<i>Глава 1. ПАСТЬ МИРА</i>	17
<i>Глава 2. СВЕТ ВО ТЬМЕ</i>	50
<i>Глава 3. ОБРУЧЕННЫЙ С ЖЕНЩИНОЙ ВОДЫ</i>	65
<i>Глава 4. КРАБ-СЛЕПЕЦ</i>	80
<i>Глава 5. ТРЕПЕЩУЩИЙ МИР</i>	96
<i>Глава 6. ПРОВАЛ</i>	115
<i>Глава 7. УЗЫ, КОТОРЫЕ СВЯЗЫВАЮТ</i>	145
<i>Глава 8. ПУСТЫННЫЕ ВОЛКИ</i>	164
<i>Глава 9. ВРАТА БЕЗДНЫ</i>	183
<i>Глава 10. ПОСЛАННИК ТЕНЕЙ</i>	203
<i>Глава 11. ПОДАРОК ФЕЙКААЛЬДА</i>	211
<i>Глава 12. УБИЙСТВО ВОРОНОВ</i>	215

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТЬМА СГУЩАЕТСЯ

Месяц Листопада

День пятый

<i>Глава 13. ХОЗЯЙКА</i>	233
<i>Глава 14. ПРИНОСЯЩАЯ СВЕТ</i>	247
<i>Глава 15. РАЗНЫЕ ФОРМЫ ВОЙНЫ</i>	261
<i>Глава 16. ПРЕДАТЕЛЬСТВО</i>	282

<i>Глава 17. ЧЕЛОВЕК-СКЕЛЕТ</i>	290
<i>Глава 18. НЕОЖИДАННЫЙ ПРАЗДНИК</i>	293
<i>Глава 19. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ</i>	306
<i>Глава 20. ДАЛЕКИЙ ОГОНЬ</i>	314
<i>Глава 21. ВОРОТА ВОРОНА</i>	318
<i>Глава 22. ВЕТЕР С ВОСТОКА</i>	333
<i>Глава 23. МИР БЕЗ ГОРИЗОНТА</i>	354
<i>Глава 24. САРКА КАУЛ</i>	359
<i>Глава 25. САМАЯ ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ</i>	374
<i>Глава 26. НЕБО ЗА ПЕЛЕНОЙ ДЫМА</i>	379
<i>Глава 27. ВЕТРЕНАЯ ЛЕСТНИЦА</i>	397
<i>Глава 28. СВЕТ НЕБЕС</i>	402
<i>Глава 29. ИЗЛУЧИНА РЕКИ</i>	409
<i>Глава 30. ВСЕСЛАВНЫЙ</i>	418
<i>Глава 31. САМОЦВЕТЫ ПУСТЫНИ</i>	431
<i>Глава 32. ДАРЕНИЕ</i>	442
<i>Глава 33. ПО СТОПАМ ОТЦА</i>	449
<i>Глава 34. МОСТ ВО ВРЕМЕНИ</i>	463
<i>Глава 35. УБЕЖИЩЕ ПОСВЯЩЕННЫХ</i>	471
<i>Глава 36. ПАДЕНИЕ ТЬМЫ</i>	483
<i>Глава 37. ЛОГОВО КОСТЕЙ</i>	500
<i>Глава 38. ПОД ТЕНЬЮ ТЬМЫ</i>	510
<i>Глава 39. ДЕРЕВО ПОД ТЕНЬЮ</i>	532
<i>Глава 40. ВОСКРЕСЕНИЕ ЗЕМЛИ</i>	545
<i>Глава 41. ЖАР БИТВЫ</i>	557
<i>Глава 42. МИР НА ЗЕМЛЕ</i>	578
<i>Глава 43. ДОМ</i>	589
<i>Глоссарий</i>	598

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фарланд Дэвид
Логово костей
Фантастический роман

Выпускающий редактор Н. Краюшкина
Редактор О. Оболевич
Художественный редактор О. Адаскина
Технический редактор М. Белякова
Корректор Е. Шестакова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Мир меча и магии. Мир боли и героизма.

Мир, в котором надежда остается даже там, где ее уже не должно бы и быть.

Мир королевств, хрупких политических союзов и маленьких, но страшных войн. Мир, коим таинственные Властители Рун правят железной рукою — рукою власти. Мир, в котором возможно отобрать у любого его силу — и отдать ее другому. Здесь повелители обязуются не только править, но и служить. Здесь снова и снова разгорается битва с теми, кого зовут просто и страшно — НЕЛЮДИ...

...Нет и не будет мира меж Югом и Севером. Кто-то наконец должен одержать окончательную победу — либо признанный Верховным королем Севера могучий Габорн, поддерживаемый светлой магией супруги, прекрасной чародейки, — либо безжалостный пожиратель душ Радж Ахтен, призвавший на помощь Югу проклятых чернокнижников из подземных гнездовий...

Чтобы сразиться с новым врагом, король Габорн вынужден отправиться с отрядом храбрецов в самое сердце Зла — таинственное Логово костей...

Властители Рун
Братство Волка

Рожденная чародейкой
Логово костей

ДЭВИД
РАПЛАНД

ISBN 978-5-17-040266-3

9 785170 402663

Логово костей